

10.
30

801-15
195

МЕДИЦИНА И МЕДИКИ

У 395
301

р 1-73
1130

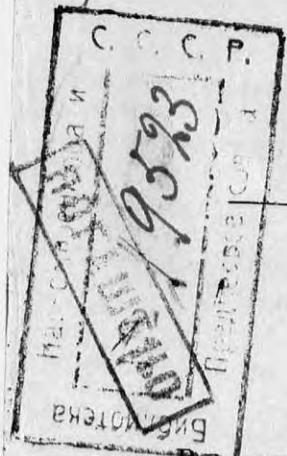
Э. ЛИТРЕ.

810.049.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. ИВРИКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I—VII
Бѣликія эпидеміи.	1
Заразительность лошадиного сапа	32
О ранахъ нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ	56
Святѣли чумы	67
Сократъ и Паскаль	80
Говорящіе столы. Стучащіе духи.	105
Гигіена	135
Наслѣдственность	180
Нервная система.	190
Анатомія.	203
Электричество въ примѣненіи къ физиологіи и терапіи	218
Жиль-Блазъ и архіепископъ гренадскій	231
Холера въ Парижѣ въ 1832 г.	245
О медицинскомъ ученіи, извѣстномъ подъ названіемъ ученія объ организаціяхъ	257
О токсикологіи въ исторіи. Смерть Александра	268
Была ли отравлена герцогиня орлеанская невѣстка Людовика XIV.	298
О политическомъ самоубійствѣ.	335
Цельсій	350
Маженди.	363

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

47315-46.

2007057687

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.

Слѣдуетъ читать.

Стран. 12 стр. 9 св. въ Примѣч.
 дыхательный
 13 стр. 15 сн. Вотъ въ чѣмъ
 33 стр. 7 сн. кровяныя
 72 стр. 5 сн. Овечья болѣзнь
 въ схибахъ

отран. 119 стр. 10 сн. чувствуютъ онѣ-
 мѣнне руки

134 стр. 5 сн. но ни что имъ
 149 стр. 6 сн. (intox cation)
 156 стр. 19 св. современи
 180 стр. 4 сн. одіока
 192 стр. 13 сн. оброзомъ
 195 стр. 3 сн. se j'en

дыхательные.
 Вотъ чѣмъ.
 кровяныя.
 Овечья болѣзнь
 (clavelée).
 чувствуютъ наступленіе те-
 таноса (тетаническое со-
 кращеніе мышцъ) родъ су-
 дорожнаго онѣмѣнія руки.
 но ничто.
 (intoxication).
 со времени.
 зодіака.
 образомъ.
 si j'en

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта, какъ и «Исторія французскаго языка» и «Этюды о варварахъ и среднихъ вѣкахъ», опять то же, что я называю полу-книгой, т.-е. сборникъ статей относящихся къ одному предмету. Предлагаемый читателю томъ посвященъ медицинѣ. Мое намѣреніе не заканчивать это короткое предисловіе, не указавъ вкратцѣ на тѣ общія идеи, которыя легли въ основаніе каждой изъ статей. Мое намѣреніе не ограничиваться и этимъ, и подъ вліяніемъ порыва овладѣвшаго мною, въ то время какъ я держу перо, и которому я отдаюсь, я начинаю книгу воспоминаніями,—старикъ, у котораго впереди не много часовъ, употребляетъ ихъ на то, чтобы бросить взглядъ на свое прошлое.

Я много писалъ о медицинѣ: статьи въ журналы, статьи въ словари, монографіи о холерѣ; я провелъ десять лѣтъ въ госпиталяхъ и какъ входящій, и какъ жилецъ ихъ, въ качествѣ прилежнаго ученика въ отдѣленіи г. Райэ и однако я не сдалъ ни одного экзамена, не имѣю ни одного медицинскаго титула, и я не врачъ.

Это можетъ показаться страннымъ, я сознаюсь, но это имѣеть свое объясненіе. Въ 1827 г. я имѣлъ необходимыя шестнадцать записей и готовился держать экзамень (нужно было имѣть это число записей, чтобы быть допущеннымъ въ экзаменамъ), когда мой отецъ умеръ. Эта смерть, говоря языкомъ латинскаго поэта —

Semper acerbum

Semper honoratum, sic dii voluistis, habebo

измѣнила совершенно мое положеніе и принудила меня заботиться не только о моемъ существованіи, но и о моей матери; послѣдняя забота, впрочемъ, была раздѣлена моимъ братомъ. Тогда я разсудилъ, что карьера медицины закрывалась передо мной, и я не рѣшился дѣлать въ настоящемъ затраты на то, чтобы устроиться какъ докторъ—устройство, которое въ Парижѣ стоитъ всегда дорого и всегда невѣрно. Было бы излишнимъ говорить читателю чѣмъ я сдѣлался; но упорство ума не допустило меня потерять плоды начатаго изученія и, зарабатывая свой хлѣбъ инымъ путемъ, я принялся посѣщать добровольнымъ ученикомъ клинику г. Райэ въ Шарите. Тамъ я сошелся съ нимъ. Эта клиника прекрасная школа; я воспользовался ею и такимъ образомъ, удаляясь отъ практики, я не переставалъ сближаться съ наукой.

Эта жизнь невѣрнаго заработка и прилежнаго изученія велась нѣсколько времени, когда г. Райэ, не знаю какимъ образомъ, узналъ о ней и предложилъ мнѣ въ долгъ значительную сумму денегъ, для того чтобы я могъ получить званіе врача. Искренно благодарный за это неожиданное предложеніе, я однако отказался отъ него. Черезъ нѣсколько времени книгопродавецъ Гашеть (мы были съ нимъ товарищами по коллегіи и друзьями) предложилъ мнѣ давать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ фондъ необходимый на устройство карьеры

врача. Я еще разъ отказался, изъ опасенія что не буду въ состояніи возратить данныя мнѣ въ долгъ суммы, хотя несомнѣнно ни г. Райэ, ни г. Гашеть не потребовали бы отъ меня ничего, если бы я не былъ въ состояніи уплатить.

Вотъ какимъ образомъ, прилежно изучая медицину, я не сдѣлался врачомъ. Годы проходили; я не переставалъ посѣщать лабораторію г. Райэ и слѣдить за работами его; я въ то же время началъ съ г. Гашеть значительное предпріятіе составленія и изданія словаря французскаго языка. Этотъ старый другъ не увидѣлъ конца его; я, быть можетъ, увижу его; быть можетъ... Кто же въ семьдесятъ одинъ годъ жизни можетъ льстить себя надеждой окончить что-либо?

Я упомянулъ о товарищяхъ по коллегіи; были тоже товарищи по госпиталю. Молодые люди, которые допускаются интернами, избранные экзаменами, вообще прилежно занимаются наукой и отличаются желаніемъ употребить съ пользою четыре года жизни, которые они должны тамъ провести. Они сходятся, изучаютъ вмѣстѣ, обсуждаютъ случаи болѣзней и методы, судятъ учителей и, такъ какъ медицина представляетъ такъ много случаевъ для философствованія, то философствуютъ. Тамъ я свелъ искреннюю дружбу съ тремя людьми; всѣ трое умерли, и я съ печальнымъ удовольствіемъ соединилъ ихъ теперь въ моихъ воспоминаніяхъ: Мишонъ, Наталисъ Бильо и Констанля изъ Баньера въ Бигорѣ. Первый способный писать, но еще болѣе желавшій дѣлать, считавшійся за свое искусство и знаніе однимъ изъ первыхъ хирурговъ въ Парижѣ и заслужившій общее уваженіе и привязанность своей честной преданностью обязанностямъ своей профессіи; второй извѣстный профессоръ, умъ оригинальный, стремившійся къ изысканіямъ по части анатоміи и патологіи, и полный утонченнаго очарованія для тѣхъ, кто близко зналъ его; третій, наконецъ, горячо

преданный общественному благу, постоянно заботившийся о томъ чтобы улучшить службу госпиталей, быть полезнымъ своему городу, своимъ согражданамъ и извѣстный своими работами о пеллагрѣ и своими еще неиспытанными предложениями мѣрь, чтобы искоренить ее. Наша дружба, родившаяся въ госпиталѣ и дежурной комнатѣ, выдержала всѣ испытанія, даже испытанія смерти и живетъ еще въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ — въ сердцѣ того, кто скоро въ свою очередь исчезнетъ.

Я очень мало практиковалъ въ медицинѣ; однако въ деревнѣ около двадцати лѣтъ я лечилъ моихъ сосѣдей крестьянъ. Зная достаточно дѣло и соблюдая осторожность, я былъ имъ, разумѣется, полезенъ; за эту полезность я получилъ лучшую изъ наградъ — благодарность ихъ, выказанную постояннымъ доброжелательствомъ и, когда нужно было, услугами. Тогда я тоже на свою долю испыталъ какъ много тревогъ приносить медицина, когда въ серьезномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, неувѣренность въ діагнозѣ, или въ выборѣ леченія и страхъ ошибки возбуждаютъ мучительныя сожалѣнія, которыя похожи на упреки совѣсти. Нѣтъ равенства между отвѣтственностью врача и его властью; одна велика, другая мала; и именно вслѣдствіе границъ сжимающихъ эту власть, вслѣдствіе того что такъ легко потерять и крошечную частицу ея, малѣйшая потерянная частица причиняетъ мучительную тревогу.

Есть другая сторона, вслѣдствіе которой практика медицины мучительна — это предвѣдѣніе. Оно страшно не для себя: я видѣлъ какъ многіе доктора чувствовали въ самихъ себѣ признаки неизлечимой болѣзни и, задолго еще до срока съ покорностью судьбѣ, произносили себѣ смертный приговоръ, который другіе узнали бы только въ послѣдней крайности; не за себя страшно это предвѣдѣніе, но за тѣхъ чья жизнь дорога, когда смертельная болѣзнь грозитъ жизни ихъ. Тогда предвѣдѣніе мука,

отъ которой избавленъ тотъ, кто можетъ долго сохранять надежду незнанія; но какъ долги недѣли, мѣсяцы, года тому, кто не можетъ утѣшить себя никакой иллюзіей. Не смотря на все и какъ дорого ни стоила мнѣ медицина, я не желалъ бы, чтобы ее недоставало для моего общаго образованія. И въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи она хорошая школа, суровая, трудная, но укрѣпляющая. Въ нравственномъ — я не буду говорить о томъ какъ она полезна, потому что полезенъ и трудъ крестьянина пахущаго землю, каменьщика обтесывающаго камни, кузнеца куящаго желѣзо и всѣхъ общественныхъ работниковъ; но я скажу что, ставя человѣка постояннымъ свидѣтелемъ страданій и смерти, она внушаетъ глубокое состраданіе къ положенію человѣчества. Въ умственномъ отношеніи полезно видѣть анатомическій театръ и больницу, и знать какими органическими путями зарождается болѣзнь въ живомъ тѣлѣ, какія разрушенія производитъ она въ немъ и какъ она ведетъ къ выздоровленію, или смерти.

Медицина, въ то время когда я началъ изученіе ея, вступила въ періодъ значительнаго усовершенствованія. До этого времени патологию разсматривали какъ явленіе, въ самомъ себѣ заключающее причину своего существованія, полагали что всякая болѣзнь, лихорадка, воспаленіе, ракъ, было нѣчто независимое отъ общихъ законовъ, управлявшееся собственными законами. Вслѣдствіе этого заключали «что не было никакой связи между патологическимъ состояніемъ и фізіологическимъ»; первое просто противуполагалось второму, и не было перехода отъ втораго къ первому. Этотъ взглядъ неизбѣжно долженъ былъ держаться до той поры, пока фізіологія не сдѣлалась позитивной наукой. Она сдѣлалась ею въ началѣ нынѣшняго столѣтія; и по истеченіи срока необходимаго на то, чтобы вліяніе великихъ методовъ стало ощутительно, она обновила всю доктрину медицины. Было дознано, что въ болѣзни не проявляется ни-

какой особенный и новый законъ, что патологія ни что иное какъ нарушенная фізіологія, и что переходять отъ одной къ другой, не выходя изъ одной и той же области явленій и дѣйствій. Ничто не могло болѣе этого существеннаго понятія способствовать утвержденію и прогрессу медицины.

Этотъ существенный взглядъ, и ясно высказанный подразумеваемый, преобладаетъ въ настоящемъ сочиненіи. Теперь благодаря скрытому вліянію системы философіи, введенной Огюстомъ Контюмъ, свѣтлые умы не удовлетворяются знаніемъ внутренняго содержанія извѣстной науки, они хотятъ знать какимъ образомъ она связывается съ наукой въ ея цѣломъ или общемъ смыслѣ. Дѣйствительно, одна позитивная философія, которую я упомянулъ, можетъ удовлетворить этому желанію. Теологическая философія не занимается подобными вопросами; она предоставляетъ методамъ человѣческаго знанія колебаться въ какое угодно направленіе, подъ единственнымъ условіемъ непремѣннаго и полнаго подчиненія вѣрѣ. Метафизическая философія, съ своей стороны, представила только чисто произвольныя и систематическія согласованія опредѣленій; въ ней связь всегда и исключительно субъективна, и этотъ субъективный характеръ лишаетъ ее способности найти общій методъ объективной науки. Не такъ позитивная философія; она именно въ выполненіи этой великой задачи и проявляетъ свою существенную функцію. Для нея наука вообще представляетъ длинное сцѣпленіе, въ которой каждая особенная наука занимаетъ свойственное ей по сущности ея и положительно опредѣленное мѣсто. Съ этой точки зрѣнія, сущность, родъ и опредѣленіе какой бы то ни было науки зависитъ отъ большей или меньшей степени присущей ей сложности. Самая простая наука есть математика, самая сложная—соціологія. Физиологія съ родственной ею медициной предшествуетъ соціологіи и слѣдуетъ за химіей. При одномъ этомъ опредѣленіи мѣста ея

въ іерархіи наукъ, изучающій ее видитъ, что ей необходимо, чтобы вполне сложиться, занять свѣдѣнія у низшихъ и менѣе сложныхъ наукъ, въ особенности у химіи и физики, и что она необходимое пособіе для образованія науки соціологіи. Этотъ непрерывающійся свѣтъ, освѣтившій методы и отдѣльныя науки, привелъ меня къ доктринамъ позитивной философіи и удержалъ меня въ числѣ послѣдователей ихъ.

ничто не может внести болѣе ужаса среди людей; ничто не может кинуть болѣе сильную тревогу въ сердце народовъ; ничто не может возбуждать въ невѣжественныхъ умахъ болѣе черныхъ подозрѣній. Въ такія эпохи чудится, что смертность будетъ безгранично быстра; что опустошеніе будетъ безконечно, и что пожаръ, разъ вспыхнувъ, прекратится только за недостаткомъ пищи. На дѣлѣ не бываетъ такъ; запасъ стрѣлъ невидимаго стрѣлка истощается; великія эпидеміи не переступаютъ никогда извѣстныхъ границы; сила ихъ не достигаетъ никогда той степени, которая угрожала бы человѣческому роду конечнымъ уничтоженіемъ. Я сказалъ никогда, я бы долженъ былъ прибавить: въ продолженіи пяти или шести тысячъ лѣтъ, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію нашу, или, если хотите, нѣсколько тысячъ вѣковъ, въ которыхъ жилъ доисторическій человѣкъ; кто же можетъ отвѣчать за то, что несетъ въ себѣ будущее. Породы животныхъ исчезли съ земнаго шара; открытія Кювье ископаемыхъ костей доказали это неопровержимо. Играла ли патологія какую нибудь роль при этихъ исчезновеніяхъ?

Эпидеміи возбуждаютъ тотъ же интересъ, какъ и великія событія. Медикъ изучаетъ признаки ихъ и отношенія къ другимъ болѣзнямъ и стремится въ то же время отыскать мѣсто, занимаемое ими въ послѣдовательной связи явленій, и связь которую человѣческое существованіе и планета, которая носитъ его, держится вмѣстѣ.

Въ разрядъ наиболѣе значительныхъ вліяній, которыя дѣйствовали на судьбы обществъ, слѣдуетъ помѣстить, какъ то ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, патологію, или, вѣрнѣе говоря, ту часть патологіи, которая объясняетъ великія и всеобщія эпидеміи. Что значать двадцать битвъ, что значать двадцать лѣтъ войны самой ожесточенной рядомъ съ опустошеніями нанесенными этими страшными бичами? Холера погубила въ продолженіи немногихъ годовъ столько же людей, сколько погубили ихъ всѣ войны революціи; считаютъ, что черная чума четырнадцатаго вѣка унесла въ одной Европѣ двадцать пять милліоновъ человѣкъ; болѣзнь, которая опустошила свѣтъ, въ царствованіе Юстиніана, была еще болѣе губительна. Сверхъ того никакая война не можетъ быть такъ универсальна, какъ эпидемія. Что можно сравнить, приводя

примѣръ хорошо знакомый всѣмъ намъ, съ холерой, которая, родясь въ Индіи, перешла на востокъ до Китая, перенеслась на западъ въ Европу и, пройдя почти по всѣмъ частямъ ея, дошла даже до Америки?

Первая великая эпидемія, о которой упоминаетъ исторія, эпидемія, извѣстная подъ именемъ аѳинской чумы, знаменитое описаніе которой далъ намъ Фукидидъ. Сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Атики и была причинена скученіемъ населенія, которое искало тамъ убѣжища отъ вторженія лакедемонянскихъ войскъ. Этотъ бичъ пришелъ съ востока. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Эѳіопіи, прошла Египетъ и Персію; письма Гиппократы, хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ объ опустошеніяхъ, которыя нанесла чума въ остальной Греціи, и историки замѣтили появленіе ея въ войскахъ, которыя въ то время были заняты осадой нѣкоторыхъ городовъ во Фракіи. Если невозможно прослѣдить ее въ Италіи или въ Галліи, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ пелопонезская война, на западѣ и всюду, за исключеніемъ Греціи не было писателей. Никто изъ жившихъ въ то время не сохранилъ воспоминанія о другой подобной смертности; не доставало врачей для ухода за больными, и къ тому же они первые подверглись заразѣ. Болѣзнь сначала появилась въ Пиреѣ, и жители утверждали, что пелопонезцы отравили всѣ водоемы; такъ и парижане въ 1832 г. увѣряли, что злодѣи отравляли мясо у мясниковъ и воду въ колодцахъ. Затѣмъ эпидемія охватила городъ съ удвоенной яростью.

Приступъ болѣзни былъ внезапенъ: сначала палящій жаръ охватывалъ голову, глаза краснѣли и воспалялись, языкъ и горло становились кровавыми; начиналось чиханье и охрипость. Вскорѣ болѣзнь переходила въ грудь и производила сильнѣйшій кашель; затѣмъ, когда она поражала желудокъ, она вызывала рвоту съ страшной болью, частую икоту и сильные спазмы; кожа не была ни особенно желта, ни особенно горяча на ощупь; она была слегка красна, синевата и покрыта маленькими пузырьчатыми прыщами и язвнами. Но внутренній жаръ былъ такъ силенъ, что больные не могли выносить никакой одежды; они хотѣли ходить нагими, и многіе изъ нихъ, мучимые неутолимой жаждой, бросались въ колодцы.

Смерть наступала на седьмой или девятый день; многие теряли ноги и руки от гангрены, другие—глаза; некоторые подвергались совершенному уничтоженію памяти и не узнавали ни себя, ни ближнихъ людей.

Разсматривая внимательно эту картину и въ частности и въ цѣломъ, невозможно отыскать въ этой болѣзни подобіе тѣхъ, которыя теперь удручаютъ человѣчество. Аѣинская чума принадлежитъ къ болѣзнямъ исчезнувшимъ для нашего времени.

Но эта страшная эпидемическая горячка появилась въ первый разъ не для того, чтобы исчезнуть навсегда; ее можно встрѣтить въ позднѣйшія вѣка, съ прежнимъ отличавшимъ ее характеромъ всеобщности и силы, которыя внесли ужасъ въ цѣлую Грецію. Правленіе Марка-Аврелія, между прочимъ, было отмѣчено возвратомъ этой губительной эпидеміи. На этотъ разъ историческія свидѣтельства указываютъ на развитіе ея почти во всѣхъ мѣстностяхъ Римской имперіи. Востокъ былъ мѣстомъ возникновенія ея. Она начала заражать римскую армію при осадѣ Селевкии; всюду, куда ни шли отряды Луція Вера, брата императора Марка Аврелія, она появлялась съ новой силой и, когда оба брата вошли триумфаторами въ Римъ, зараза начала свирѣпствовать съ такой силой, что пришлось отказаться отъ обычныхъ обрядовъ погребенія и отвозить тѣла возами на телѣгахъ въ могилу. Въ короткое время эпидемія дошла отъ береговъ Тибра до Альпъ и оттуда, перейдя черезъ горы, проникла въ Галлію и даже за Рейнъ. Здѣсь не мѣсто входить въ исключительно медицинское описаніе признаковъ, которыми отличалась аѣинская чума, повторявшаяся такъ часто въ послѣдующіе вѣка; я ограничусь замѣчаніемъ, что она принадлежала къ высыпнымъ лихорадкамъ, т. е. что она проявлялась, какъ оспа или корь, характеристической сыпью.

У древнихъ писателей находятъ описаніе особенной болѣзни, которую они обозначаютъ названіемъ *болѣзни сердца* (*morbus cardiacus*); ее звали тоже потницей, потому что она сопровождалась обильной испариной. Въ сочиненіяхъ Гиппократата не сохранилось никакихъ слѣдовъ упоминанія объ этой болѣзни. Память о ней сглаживается все болѣе и болѣе послѣ Гиппократата; эта болѣзнь должна была появиться при преемникахъ Александра и прекратиться около втораго вѣка христіанской эры.

Она начиналась ощущеніемъ холода и онѣмѣлости въ членахъ, а иногда и во всѣмъ тѣлѣ; пульсъ принималъ самый дурной характеръ, становился мелкимъ, слабымъ, неполнымъ, частымъ, позже неровнымъ и прерывистымъ и даже, по временамъ, совершенно прекращался; въ тоже время страдали всѣ чувства больныхъ; бессонница, которую нельзя было прекратить никакими средствами, томила ихъ, они отчаявались въ своемъ выздоровленіи; въ большинствѣ случаевъ, внезапно потъ выступалъ ручьями изъ всего тѣла и текъ по кровати, такъ что больные, казалось, должны были растопиться; дыханіе было коротко и стѣснено до обморока, и они каждую минуту опасались задохнуться; они метались изъ стороны въ сторону въ тревогѣ и очень слабымъ и дрожащимъ голосомъ произносили нѣсколько прерывистыхъ словъ. Больные постоянно чувствовали въ лѣвомъ боку и даже во всей груди нестерпимое стѣсненіе и въ припадкахъ, которые начинались или оканчивались обморокомъ, сердце сильно билось, лицо было покрыто смертной блѣдностью, глаза уходили глубоко въ свои впадины. Если исходъ болѣзни былъ смертеленъ, зрѣніе больныхъ все болѣе и болѣе слабѣло, руки и ноги принимали синеватые оттѣнки, сердце, не смотря на охлажденіе всего тѣла, продолжало сильно биться; большая часть больныхъ сохраняли сознаніе до послѣдней минуты, очень немногіе теряли его передъ смертью. Наконецъ руки холодѣли, ногти загибались, кожа морщилась, и больные испускали послѣднее дыханіе, не испытавъ ни малѣйшаго облегченія своимъ страданіямъ. Можно найти въ описаніи этой болѣзни много сходства съ извѣстной англійской потницей, которая преобладала въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ, и о которой я буду говорить далѣе.

Я не беру на себя представить полную картину преданій оставленныхъ намъ древними вѣками о многихъ другихъ болѣзняхъ, которыя въ то время имѣли совершенно другое развитіе нежели въ наше время; я хотѣлъ только взять два выдающіеся примѣра сильныхъ болѣзней, исчезнувшихъ въ наше время. Припоминая аѣинскую чуму и *morbus cardiacus*, я хотѣлъ доказать слѣдующую истину, что болѣзни измѣняются съ вѣками, что неизвѣстный законъ управляетъ преемственностью подобныхъ явленій въ жизни человѣчества, и что онѣ заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія врача, равно какъ философа и историка. Большая ошибка думать, что

исчезновеніе бича эпидеміи есть, если можно такъ выразиться, свободный даръ природы. Человѣческія расы, переживая извѣстный родъ болѣзни, не замедляютъ встрѣтить новую на своемъ пути.

Въ то время какъ эпидемія, которая свирѣпствовала въ древніе вѣка, по неизвѣстной причинѣ, покидала человѣчество, ее смѣнялъ новый бичъ—чума востока, та которая и теперь царитъ въ Египтѣ и которая отличается опухолью въ паху. Хотя по свидѣтельству древнихъ писателей, сохраненному Орибазомъ, чума существовала и въ древніе вѣка въ Египтѣ и Сиріи, однако ни историки, ни врачи того времени не упоминаютъ о великой эпидеміи чумы, и только въ правленіе Юстиніана болѣзнь эта приняла въ первый разъ характеръ эпидеміи. Ничто не могло быть ужаснѣе опустошеній, которыя она произвела тогда въ мірѣ.

Она пришла съ востока и распространилась на западъ съ невѣроятной быстротой; всюду она опустошила города и деревни, и нѣкоторые историки опредѣляли до ста милліоновъ число жертвъ, которыя она унесла. Эта болѣзнь имѣла тѣ-же признаки—чумные бубоны, какъ и тѣ, которые теперь можно наблюдать въ азіатской чумѣ; со времени Юстиніана чума не переставала появляться отъ времени до времени въ разныхъ странахъ. Въ извѣстную эпоху она была такимъ же обыкновеннымъ явленіемъ, какимъ она теперь въ Египтѣ. Парижъ и Лондонъ были такъ же часто опустошаемы ею, какъ теперь Константинополь или Каиръ; но уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ она перестала и показываться у насъ. Марсельская чума была послѣднимъ примѣромъ появленія чумы во Франціи. Москва и большая часть Россіи ужасно пострадали отъ чумы около середины прошедшаго вѣка, и еще теперь Австрія защищается отъ нея кроатскія деревни, пограничныя съ оттоманскою имперіей.

Историкъ Прокопъ даетъ намъ много свѣдѣній объ этой страшной эпидеміи. Я предпочитаю привести здѣсь нѣсколько менѣе извѣстныхъ подробностей о бѣдствіяхъ, которыя она нанесла Западу.

Съ 540 г. по р. Х. чума дошла до Парижа. Въ книгѣ чудесъ св. Іоанна можно прочесть слѣдующее: «Въ то время какъ чума опустошала населеніе нашего отечества, я почувствовалъ при отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, что и я заразился этой страшной бо-

лѣзнью. Всѣмъ извѣстно, я полагаю, какая страшная болѣзнь опустошала въ это время нашу родину».

Западные историки этого времени очень часто упоминаютъ объ этой эпидеміи. Марсель подвергся страшнымъ опустошеніямъ въ 588 г. Она была занесена кораблемъ приплывшимъ съ товарами съ береговъ Испаніи. Многие граждане сдѣлали нѣсколько покупокъ, одно семейство, состоявшее изъ восьми членовъ, погибло внезапно, Зараза сначала не распространилась въ остальной части города; прошелъ извѣстный срокъ времени, пока она не разлилась по всему городу, въ родѣ того какъ огонь извѣстное время скрытно пробирался внутри строенія, пока не вспыхнетъ пожаромъ; потомъ пожаръ, вдругъ вспыхнувъ съ страшной силой, охватилъ весь Марсель. Епископъ Феодоръ находился въ продолженіе всей эпидеміи въ оградѣ базилики св. Виктора, предаваясь ночнымъ бдѣніямъ и умолая небесное милосердіе. Чума прекратилась наконецъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ; народъ, вполне увѣренный въ безопасности, возвратился въ городъ; но онъ сдѣлался жертвой возврата болѣзни и множество народа, погибло. Съ этого времени чума нѣсколько разъ появлялась въ Миланѣ. Можно думать, что въ этомъ описаніи, сдѣланномъ Григоріемъ Турскимъ, мы читаемъ современный рассказъ о распространеніи эпидеміи чумы въ Александріи или Смирнѣ.

Около этого времени чума опустошила Римъ. Папа Пелагій былъ первой жертвой ея, и одинъ очевидецъ передалъ Григорію Турскому, что онъ видѣлъ какъ во время приема прошеній, въ продолженіи одного часа, восемьдесятъ человѣкъ упали и немедленно испустили дыханіе.

Въ Клермонтѣ въ 571 г. тотъ же авторъ видѣлъ въ одно воскресенье въ одной базиликѣ св. Петра триста труповъ людей, умершихъ отъ чумы. Въ паху и подъ мышками появлялась язва и больные умирали по прошествіи двухъ или трехъ дней.

Почти около этого времени, когда восточная чума появилась въ первый разъ въ Европѣ, развилась и другая болѣзнь не менѣе страшная, которая не прекращается и до сихъ поръ, хотя значительно ослабленная открытіями современной медицины,—я говорю объ оспѣ.

Упомянутая еще Маріемъ, епископомъ въ Аваншѣ, въ хроникѣ

570 г., она описана очень ясно Григоріемъ Турскимъ, подъ именемъ болѣзни дисентеричной (*morbis dysentericus*) или слабой чумы (*lues valetudinaria*). Въ слѣдующемъ описаніи, которое онъ намъ даетъ, книга IV 580 г., ни одинъ врачъ не можетъ не признать оспу: «Болѣзнь дисентеричная заразила почти цѣлую Галлію. Зараженные ею сначала чувствовали сильную лихорадку съ рвотой, сильную боль въ поясницѣ и тяжесть въ головѣ; затѣмъ появлялись гнойные прыщи. Банки приставленныя къ плечамъ или лядвеямъ вызывали значительное истеченіе матеріи и, вмѣстѣ съ развитіемъ сыпи и прыщей, спасли большую часть больныхъ; тоже травы, употреблявшіяся въ то время какъ противоядіе, употребленныя противъ оспы какъ питье, принесли значительную пользу. Эпидемія эта, начавшись въ августѣ мѣсяцѣ, губила всего болѣе дѣтей. Король Хильперикъ заразился ею; вскорѣ младшій изъ сыновей его, который былъ только что окрещенъ, заболѣлъ оспой, за нимъ старшій братъ его, котораго звали Хлодоберь, занемогъ въ свою очередь. Фредегонда была повержена въ глубокую печаль при видѣ больныхъ дѣтей и, приписывая опасность, въ которой они находились, притѣсненіямъ, вынесеннымъ народомъ во время ея правленія и мужа ея, бросила въ огонь росписи новыхъ налоговъ, которыми былъ отягощенъ народъ». Это однако не помѣшало дѣтямъ ея умереть одному вслѣдъ за другимъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что ошибочно приписывать появленіе оспы нашествію арабовъ на Западъ. Эта болѣзнь поселилась въ нашихъ странахъ около конца шестнадцатаго столѣтія христіанской эры; она почти одновременна съ эпидеміей восточной чумы.

Средніе вѣка, болѣе чѣмъ какая бы то ни было эпоха, были жертвой бѣдствій этого рода. Нѣкоторыя болѣзни, уже извѣстныя въ древности, достигли ужасающаго развитія. Такова зараза элефантіазиса, обыкновенно извѣстная подъ именемъ проказы, которая въ продолженіи многихъ вѣковъ доводила до отчаянія народы запада Европы. Не входя въ подробности всѣхъ тѣлесныхъ страданій нашихъ предковъ, я припомню читателю нѣкоторыя изъ нихъ.

Болѣзнь огня прежде другихъ выступаетъ передъ нами въ такомъ ужасающемъ характерѣ, который вполне согласуется съ мрачной и суровой эпохой, когда она свирѣпствовала. Самый древній документъ, упоминающій о ней, есть хроника Фродоарда за 945 г. Онъ

говорить: «Множество народа въ Парижѣ какъ и въ провинціи погубило отъ болѣзни, извѣстной подъ именемъ священнаго огня. Эта болѣзнь сжигая больныхъ мало по малу, наконецъ сжигала совершенно, и не было средствъ спасти ихъ. Чтобы избѣгнуть болѣзни или излечиться отъ нея, жители Парижа покидали городъ, чтобы дышать воздухомъ полей, жители деревень искали убѣжища въ Парижѣ. Въ то время Гюгъ Великій выказалъ все свое милосердіе, давая пищу несчастнымъ больнымъ, хотя иногда ихъ собиралось болѣе шести сотъ. Такъ какъ всѣ средства оказывались бесполезными, то прибѣгли къ св. Дѣвѣ въ церкви Нотръ-дамъ, служившей въ то время больницей».

Авторы эти не упоминаютъ ни о какомъ особенномъ обстоятельстве относительно пищи, воздуха, или воды. Извѣстно только, что болѣзнь эта появилась въ то время, когда Гюгъ графъ Парижскій велъ войну съ Людовикомъ Заморскимъ, и послѣ набѣговъ норманновъ, которые нѣсколько разъ грабили и разоряли округъ Парижа.

Въ ту же эпоху Фелибиенъ упоминаетъ о древней хартіи парижской церкви, которою постановляется въ память этого событія зажигать каждую ночь шесть лампадъ передъ алтаремъ Дѣвы.

Родульфусъ Глаберъ, въ своей «Книгѣ повѣствованій», II т. помѣстилъ главу подъ заглавіемъ «De incendiis et mortibus nobilium», въ которой онъ упоминаетъ что въ 993 свирѣпствовала «смертоносная болѣзнь среди людей» (*clades pessima*). «То былъ, говоритъ онъ, скрытый огонь, который, разъ онъ зажегъ какой-нибудь членъ, пожиралъ его, пока членъ не отдѣлялся отъ тѣла. Многіе больные испытали страшное дѣйствіе этого огня даже въ продолженіи одной ночи».

Самые сильные приступы этой эпидеміи были замѣчены во Франціи отъ конца одиннадцатаго вѣка, т.-е. съ 1090 г. до начала двѣнадцатаго вѣка. Извѣстно, что то было время самаго сильнаго разгару рвенія къ крестовымъ походамъ; крестоносцы покидали все, для того чтобы отличиться подвигами въ святой землѣ; въ то время непрерывныя феодальныя войны и набѣги герцоговъ Нормандіи дѣлали сѣверную и среднюю часть Франціи театромъ безконечныхъ бѣдствій всякаго рода, въ числѣ которыхъ упомянутая болѣзнь, быть можетъ, одно изъ наименьшихъ золъ. Франція замѣтнымъ об-

разомъ обезлюдѣла; поля, земледѣліе были покинуты. Почти вся Франція и, главнымъ образомъ, Дофине пострадали отъ болѣзни, о которой я говорю. Это заставило папу Урбана II основать духовный орденъ св. Антонія, съ цѣлью помощи зараженнымъ этой страшной болѣзнию, и избрать Вьенну въ Дофине главнымъ мѣстомъ управленія этого ордена. Основаніе ордена совершилось въ 1093. Двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ тѣло святаго Антонія было перенесено изъ Константинополя въ Дофине, Жосселиномъ, сеньоромъ де-ла-Мотъ-сень-Дидье.

Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ вѣрили, что больные, которыхъ приводили въ аббатство св. Антонія, гдѣ покоятся кости этого святаго, исцѣлялись въ продолженіи семи или девяти дней. Слухъ объ этомъ распространился въ Европѣ и привлекалъ въ Вьенну множество больныхъ, большая часть которыхъ оставили тамъ какой-либо членъ. Въ исторіи монашескихъ орденовъ можно найти свѣдѣнія о томъ, что въ 1702 г. еще можно было видѣть въ этомъ аббатствѣ высохшіе и почернѣвшіе члены, которые хранились тамъ со времени этой эпидеміи.

Авторъ «Жизни Гюга», епископа Линкольна, упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку на горѣ св. Антонія, въ Дофине, нѣсколько лицъ обоихъ половъ, молодыхъ и старыхъ, излеченныхъ отъ священнаго огня, и которые повидимому пользовались совершеннымъ здоровьемъ, хотя мясо ихъ было отчасти сожжено и часть костей истлѣла; что въ эту мѣстность стекалось со всѣхъ сторонъ множество больныхъ, которые всѣ излѣчивались въ продолженіи, семи дней, тѣ же, которые не излечивались въ этотъ срокъ умирали; что кожа, мясо и кости членовъ пораженныхъ этой болѣзнию никогда не восстанавливались, но что части тѣла, избѣжавшія пораженія оставались совершенно здоровыми и рубцы были такъ хорошо заживлены, что можно было видѣть людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, однихъ лишенныхъ передней части руки до локтя, другихъ всей руки до плеча; наконецъ—третьихъ лишенныхъ ноги по колѣно, или колѣна и лядвей до самаго паха, и эти люди наслаждались здоровьемъ и веселымъ расположеніемъ духа, какъ и тѣ, которые никогда не знали ни этой и никакой другой болѣзни.

Когда мы видимъ, какъ въ разныя времена появляются новыя болѣзни, то кажется, что человѣчество занятое движеніемъ и раз-

витіемъ своей жизни вызываетъ, само того не зная, враждебные и губительные агенты, которые несутъ смерть и скорбь. Народы, въ этой глухой и слѣпой заботѣ развитія подобны рудокопамъ, которые отыскивая жилу руды, разработать которую они обязаны, то расковыряютъ подземныя воды, которыя потопляютъ ихъ, то открываютъ исходъ зловреднымъ газамъ, которые удушаютъ или сжигаютъ ихъ, то бываютъ причиной обваловъ, которые погребаютъ ихъ подъ обломками камней.

Другая эпидемія, всеобщность и характеръ которой напоминаетъ ту, которая опустошила міръ въ правленіе Юстиніана, внесла ужасъ въ четырнадцатое столѣтіе и оставила долгій слѣдъ въ памяти людей. Эта эпидемія была настоящей чумой, въ медицинскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. болѣзнию имѣвшей отличительнымъ признакомъ гангренозную опухоль подъ мышками и въ паху. Ей дали въ то время названіе черной чумы, потому что она покрывала тѣло синими пятнами; въ Италіи названіе великой смертности (*mortalega grande*) за неслыханныя опустошенія, которыя она нанесла повсюду, гдѣ ни появлялась она. Императорскій историкъ Кантокузенъ, сынъ котораго Андроникъ погибъ отъ этой болѣзни, буквально описываетъ опухоли свойственныя этой эпидеміи; онъ отличаетъ небольшія, которыя показываются на рукахъ, лицѣ и другихъ частяхъ тѣла. У многихъ больныхъ на всемъ тѣлѣ появлялись черныя пятна, которыя оставались отдѣльными, или сливались вмѣстѣ. Не у всѣхъ больныхъ встрѣчались всѣ эти признаки вмѣстѣ; у нѣкоторыхъ довольно было одного признака, чтобы воспослѣдовала смерть; нѣкоторые же, страдавшіе всѣми признаками, выздоравливали, не смотря на то что не было ни малѣйшей надежды. Были частые случаи пораженія мозга, многіе больные впадали въ состояніе безчувственности или въ глубокой сонъ; они въ то же время лишались языка; другіе мучились бессонницей или сильнымъ страхомъ. Языкъ и горло чернѣли и казались окрашенными кровью; никакое питье не могло утолить жажду и страданія продолжались безъ малѣйшаго облегченія до смерти, которую многіе ускоряли отъ отчаянія. Зараза была такъ очевидна и сильна, что тѣ, которые ходили за больными родственниками или друзьями заболѣвали, и во многихъ домахъ столицы греческой имперіи вымерли всѣ жильцы до одного.

До сихъ поръ мы видимъ только признаки обыкновенной чумы;

но въ чумѣ четырнадцатаго вѣка появился особый симптомъ—гангренозное воспаленіе дыхательныхъ органовъ, больные чувствовали страшную боль въ груди, харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло заражающее зловоніе ¹⁾).

Хотя намъ и неизвѣстна причина, порождающая въ человѣческомъ организмѣ такія глубокія и многочисленныя разстройства, но мы

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этой статьи, я нашелъ въ манускриптахъ императорской бібліотеки неизданную поэму о черной чумѣ; поэма была напечатана въ Bibliothèque des Chartes 1-re série, T. 1. p. 201. Авторъ ея Симонъ Ковино былъ свидѣтелемъ того, что онъ описываетъ. Названіе *pestis inguinaria*, которое онъ даетъ этой эпидеміи, показываетъ что то была дѣйствительно чума бубоновъ, настоящая чума Востока. «Жгучая боль, говоритъ онъ, появляется то въ паху, то подъ мышками и распространяется въ предсердечной части тѣла. Смертоносная лихорадка охватываетъ всѣ органы жизни; сердце и легкія заражены ею; дыхательныя органы съ отвращеніемъ выдыхаютъ этотъ гной; силы быстро упадутъ и больной можетъ только очень немногіе дни сносить этотъ бичъ.» Всего страшнѣе то, что по свидѣтельству этого автора, чума отмѣчала свой слѣдъ на цѣломъ населеніи: «Лица блѣднѣли, лицо принимало темнокрасный цвѣтъ; едва ли можно было найти хоть одно живое существо, которое бы блѣдностью не отмѣтила своей печатью. Довольно взглянуть разъ на лица мужчинъ и женщинъ чтобы прочесть на нихъ зловѣщій приговоръ угрожающей имъ участи; эта страшная блѣдность предвѣщаетъ приближающуюся смерть и еще наканунѣ роковаго дня смерть, кажется, поселилась на этихъ лицахъ». Авторъ этого небольшого сочиненія, считалъ чуму въ высшей степени заразительной: «Было испытано, говоритъ онъ, что когда, чума заражаетъ какой-либо домъ, то изъ жильцовъ его едва ли одинъ уцѣлѣетъ. Заразительность такъ сильна, что одинъ больной заражаетъ всѣхъ. Тѣ, которые хотятъ подать больнымъ обычную помощь, обыкновенно дѣлаются жертвами заразы. Тоже бываетъ и съ священниками, святыми врачами душъ, которые бывали поражены чумой въ то время, когда они подавали больнымъ духовную помощь; часто отъ одного прикосновенія, или отъ одного дуновенія чумы, они погибали еще ранѣе больныхъ, утѣшать которыхъ они приходили. Одежда больныхъ считалась зараженной, а равно и вся домашняя утварь». Смертность поражала преимущественно бѣднѣйшія сословія: «Тотъ, говоритъ авторъ, кто ѣлъ мало питательную пищу, падалъ пораженный первымъ дуновеніемъ заразы; простонародье, толпа очень бѣдная, умирала смертью, которая была желанной гостью—для нея жить значило медленно умирать. Но жестокая Парка щадила принцевъ, рыцарей, судей: очень немногіе умирали изъ числа ихъ, потому что имъ удѣлена въ мірѣ пріятная жизнь. Симонъ де Ковино поднимаетъ высоко число смертности... Число похороненныхъ людей, говоритъ онъ, превышало число живущихъ; города обезлюдѣли; тысячи домовъ были заперты на ключъ, у тысячи другихъ открыты двери, въ нихъ не видно жильцовъ и они полны гнилости.»

видимъ что эти разстройства, такъ сказать, матеріальныя и физическія; это доказываетъ что одно тѣло поражено болѣзью. Но есть болѣзни менѣе грубыя, если я могу такъ выразиться, дѣйствіе которыхъ направляется на умъ и порождаетъ душевныя страданія самаго страннаго свойства. Средніе вѣка, въ особенности, отличаются многими страданіями этого рода; одни распространенныя раздражительностью, другія развитыя подъ влияніемъ идей, преобладавшихъ въ то время. Я беру у г. Геккера, у котораго я бралъ многія указанія и для прежнихъ страницъ, описаніе болѣзни, которую онъ зоветъ хореей или эпидемической пляской св. Витта и которая была охарактеризована непреодолимой потребностью дѣлать прыжки и беспорядочныя движенія.

Эти явленія заставляютъ насъ глубоко проникнуть взглядомъ въ нравственную область человѣческаго общества; они принадлежатъ исторіи и не повторятся никогда въ томъ видѣ, въ какомъ они происходили; но они указываютъ на уязвимую сторону человѣчества, на его склонность къ подражанію и, слѣдовательно, очень близко соприкасаются съ соціальной жизнью. Болѣзни этого рода распространяются съ быстротой мысли, онѣ занимаютъ среднее мѣсто между заразами, которыя отличаясь болѣе грубымъ происхожденіемъ разрушаютъ болѣе тѣло нежели душу, и страстями, которыя, колеблясь на границѣ болѣзни, всегда готовы переступить ее.

Вотъ въ чѣмъ была пляска св. Витта: толпы мужчинъ и женщинъ, соединенныя общимъ изступленіемъ, бѣгали по улицамъ и церквамъ гдѣ они дѣлали изъ себя самыя странныя зрѣлища. Они составляли круги, держась за руки; они, повидимому, были внѣ себя и плясали бѣшено, безъ стыда передъ всѣмъ народомъ, пока не падали отъ изнеможенія. Тогда они начинали жаловаться на сильный страхъ и не переставали стонать, пока имъ не перетягивали натуго животъ полотномъ; тогда они приходили въ себя и оставались спокойны до новаго припадка болѣзни. Это стягиваніе живота имѣло цѣлью отвратить вздутіе, которое обыкновенно слѣдовало за этими страшными конвульсіями; иногда таже цѣль достигалась ударами ногъ и кулаковъ въ животъ. Они не слышали и не видѣли ничего въ продолженіи этой конвульсивной пляски; однимъ чудились видѣнія дьяволовъ, другіе видѣли ангеловъ и эмпирей. Когда болѣзнь достигала полного развитія, припадокъ начинался конвульсіями

падучей болѣзни; больные съ пѣной у рта падали безъ чувствъ, потомъ вставали и начинали свою бѣшеную пляску. Красный цвѣтъ имѣлъ свойство раздражать больныхъ и усиливать припадки ихъ. Тоже дѣйствіе производили и звуки шумной музыки, которою сопровождали больныхъ во многихъ городахъ и которая, кажется, нѣсколько разъ вызывала появленіе болѣзни у многихъ зрителей. Чтобы сократить продолжительность припадковъ, употребляли одно средство, ставили передъ больными скамьи и стулья, что заставляло ихъ дѣлать такіе огромные прыжки, что они вскорѣ падали изнуренные усталостью.

Эта странная болѣзнь появилась въ первый разъ въ Германіи около 1374, когда послѣдніе приступы черной чумы едва прекратились. Не слѣдуетъ полагать что болѣзнь поражала только отдѣльныя личности; она поражала одинаковымъ изступленіемъ значительныя массы; образовались толпы изъ нѣсколькихъ сотенъ, иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ этихъ изступленныхъ, которые переходили изъ города въ городъ, давая повсюду зрѣлище своей неистовой пляски. Появленіе ихъ распространяло зло, которое передавалось отъ однихъ другимъ. Тарентизмъ, болѣзнь родственная съ эпидемической пляской св. Вита, господствовала въ Италіи въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и такъ же какъ и она исчезла, по крайней мѣрѣ, въ своей первобытной формѣ. Мѣстомъ рожденія ея была Апулія, и оттуда она распространилась почти на весь полуостровъ. Болѣзнь эту приписывали въ этой странѣ ужаленію паука, называемаго тарантуломъ; но ядовитое ужаленіе паука, равно и страхъ, который естественно овладѣвалъ ужаленнымъ, были только случайной причиной этой нервной болѣзни, которая появилась тоже въ Германіи, съ весьма сходными симптомами, и причина которой лежала глубоко въ положеніи народовъ.

Лица, которые были или считали себя ужаленными тарантулой, впадали въ глубокое уныніе и безчувственность; они не владѣли болѣе сознаниемъ; только флейта или гитара могла помочь имъ. Услыхавъ звуки, они пробуждались какъ бы по волшебству, глаза ихъ открывались и движенія ихъ, которыя медленно слѣдовали за музыкой, оживлялись постепенно и вскорѣ обращались въ неистовую пляску. Прекращеніе музыки имѣло неприятыя послѣдствія, больные снова впадали въ прежнюю безчувственность; необходимо было

продолжать музыку, пока они не изнемогали совершенно отъ усталости. Необыкновенное явленіе, сопровождавшее эту болѣзнь, была страсть къ морю; больные требовали чтобы ихъ несли къ берегу моря, или чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, окружали изображеніями воды, разительная противоположность съ другой нервной болѣзью— водобоязню.

Въ сочиненіяхъ многихъ греческихъ врачей и въ томъ числѣ у Марцелла де Сиды, который жилъ при Адрианѣ и Антонинѣ, находятъ описаніе странной нервной болѣзни. Вотъ картина ея, которую набросалъ Орибазъ, врачъ императора Юліана: «Пораженные этой болѣзью выходятъ изъ жилищъ своихъ въ часы ночи, подражаютъ движеніямъ волка и блуждаютъ до разсвѣта около могилъ. Этихъ больныхъ можно легко отличить; они блѣдны, глаза ихъ тусклы, сухи и глубоко впали, языкъ очень сухъ, во рту нѣтъ слюны; жажда пожираетъ ихъ; ноги ихъ, вслѣдствіе частыхъ паденій ночью, покрыты неизлечимыми язвами». Греческіе медики называли этихъ больныхъ ликантропами, а невѣжественная толпа въ нашихъ странахъ назвала ихъ волками-оборотнями. Эти больные дѣйствительно кипали въ средніе вѣка; несчастные, которыхъ, страшное извращеніе умственныхъ способностей заставляло бѣжать въ пустынные мѣста, блуждать по ночамъ, часто ходить на четверенькахъ и даже предаваться ужаснѣйшимъ позывамъ,—этихъ несчастныхъ, которыхъ не менѣе страшное суевѣріе отдавало на жертву дьяволу, было очень много въ извѣстныя эпохи. Бываютъ эпохи, когда извѣстные роды умственнаго помѣшательства появляются какъ реакція противъ господствующихъ идей и тѣмъ сильнѣе распространяются, чѣмъ болѣе они считаются обыкновенными. Люди, которые находились подъ неблагопріятными вліяніями и подъ вліяніемъ приближающагося умственнаго растройства и которые слышали, что вокругъ нихъ только и говорили что о превращеніяхъ человѣческихъ существъ въ дикихъ звѣрей, бывали внезапно поражаемы господствовавшей болѣзью и шли увеличивать толпу этихъ несчастныхъ сумасшедшихъ, которые считали себя дѣйствительно превращенными въ волковъ. Леже изъ Версаля, который недавно убѣжалъ въ лѣсъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ пустыннымъ и кончилъ тѣмъ что, зарѣзалъ дѣвочку и пожралъ часть ея,

былъ боленъ помѣшательствомъ подобнаго же рода и былъ бы въ прежніе вѣка сочтенъ за оборотня.

Въ эту же категорію запишутъ и колдуновъ, которые такъ занимали собой общество нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Большая часть изъ нихъ не были ни злодѣями находившимися въ сообщеніи съ дьяволомъ, какъ думали слѣпыя судьи осуждавшіе ихъ, ни обманщиками, которые хотѣли обманывать чернь, какъ то расположены думать въ наше время; то были сумасшедшіе изъ разряда тѣхъ, которыхъ называютъ на техническомъ языкѣ—подверженными галлюцинаціямъ. Они воображали, что видѣли дьявола, говорили съ нимъ, что были перенесены на шабашъ, плясали по вереску съ демонами и колдуньями. Они рассказывали обо всемъ этомъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ и искренностью, они утверждали что, закованные въ тяжелыя цѣпи и запертые въ тюрьмы, откуда перевозимо было выйти, они каждую ночь отправлялись на эти ночныя сходбища. Все это было, разумѣется, ложно, но они утверждали это и умирали утверждая. Они утверждали, потому что эти видѣнія имѣли для нихъ всю реальность, какую видѣнія имѣютъ для помѣшанныхъ. Колдовство было дѣйствительной и долгой галлюцинаціей, которая въ продолженіе многихъ вѣковъ мучила человечество, и можно сказать, что она была вдвойнѣ источникомъ бѣдствій; во-первыхъ, извращая умственные способности множества людей, во-вторыхъ, вызывая въ современномъ ей обществѣ самыя безчеловѣчныя преслѣдованія противъ несчастныхъ, которымъ нуженъ былъ медицинскій уходъ, и которыхъ повсюду предавали пыткамъ и кострамъ.

Нужно упомянуть еще объ одной странной болѣзни, которая овладѣла нѣкоторыми дѣтьми въ 1458 г. По характеру своему она болѣе принадлежитъ великой эпохѣ крестовыхъ походовъ, нежели послѣдней половинѣ пятнадцатаго вѣка. Въ этомъ году, во многихъ мѣстностяхъ Германіи, дѣти были охвачены такимъ страстнымъ стремленіемъ идти на богомолье и толпами на гору Сень-Мишель въ Нормандіи, что многіе изъ тѣхъ, кому запрещали отправиться въ это путешествіе, умирали отъ тоски и досады. Вслѣдствіе этого перестали останавливать этихъ дѣтей св. Михаила, какъ ихъ называли; имъ позволяли предаться непреодолимому стремленію, которое евлекло ихъ къ дальней скалѣ, и позаботились о томъ,

чтобы дать имъ средства для путешествія. Изъ Эльвагена, Швабишгадла и другихъ мѣстностей дѣти уходили сотнями. Въ Галлѣ имъ дали надзирателя и осла, чтобы нести больныхъ. Отрядъ дѣтей дошелъ до берега моря, гдѣ остановился дожидать время отлива, чтобы перейти по суку до желаннаго мѣста. Эти несчастные пилигримы не встрѣтили въ населеніи Франціи такое же дружеское гостепріимство, которое дало имъ возможность идти такъ далеко, и вынесли всевозможныя бѣдствія. Старая германская хроника, на своемъ безискусственномъ и наивномъ языкѣ, говоритъ. «Многія дѣти умерли съ голода, многія дѣти умерли съ холода; одни были схвачены во Франціи и проданы; ни одинъ изъ нихъ не вернулся».

Невозможно не признать въ этихъ нервныхъ болѣзняхъ вліянія преобладавшихъ идей той эпохи. Умы взросліе въ мистическихъ вѣрованіяхъ, окруженные видѣніями, чудесами, колдунами, были легко потрясены и малѣйшее обстоятельство вызывало болѣзненное растройство въ мозгу, наклонномъ къ сверхъ естественнымъ волненіямъ. Люди того времени, если судить о нихъ по дѣйствіямъ ихъ, начиная съ крестовыхъ походовъ и кончая хотъ бы этими пилигримствами дѣтей, предавались во всей простотѣ своихъ потребностей, познаній и средствъ всемъ своимъ стремленіямъ совершенно иначе нежели мы, и проявляли свои, дурно направленные цивилизаціей, силы образомъ совершенно различнымъ отъ нашего, что подобныя явленія кажутся странными въ нашъ вѣкъ. Конвульсіонеры прошедшаго вѣка были одержимы нервной болѣзью, которую невозможно оспаривать, и митинги на поляхъ (camp meetings) американцевъ, собранія, на которыхъ предаются разнымъ сумасбродствамъ извращеннаго религіознаго чувства, стоятъ на той узкой чертѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ сумасшествіемъ. Но идеи настоящаго вѣка такъ мало благопріятствуютъ развитію этихъ страданій, которыя теперь несравненно болѣе изолированные факты, нежели то было въ болѣе суевѣрные вѣки.

Необходимо сдѣлать важное различіе въ болѣзняхъ, которыя испытываютъ отъ времени до времени населеніе. Нужно отличать болѣзни, которыя можно вызвать искусственно, отъ тѣхъ, которыя поражаются исключительно силами природы и которыя никакая комбинація условій съ нашей стороны не можетъ породить. Такъ

напр. скорбутъ—болѣзнь, которую можно вызвать по произволу. Заприте многочисленный экипажъ въ грязное, сырое судно, гдѣ пренебрегаютъ всѣми условіями гигиены, дайте людямъ недостаточную и нездоровую пищу, отправьте это судно съ этимъ экипажемъ въ дальнюю экспедицію и скорбутъ не замедлитъ развиться. Въ прежнее время болѣзнь эта была бичемъ мореплавателей; не возможно было предпринять ни одного дальняго плаванія, ни собрать флота для далекой экспедиціи, безъ того чтобы эта страшная болѣзнь не появилась губить экипажъ. Въ наше время она появляется рѣже и только въ тѣхъ случаяхъ, когда неблагоприятныя обстоятельства заставили моряковъ вынести необыкновенныя лишения и страданія.

Про лагерный тифъ должно сказать тоже самое. Представьте себѣ больницу переполненную больными и ранеными, испорченный воздухъ тѣсныхъ палатъ, сырость проникающую всюду, недостатокъ бѣлья, грязь и нечистоты въ постеляхъ, на стѣнахъ и полахъ, упадокъ духа, страхъ, тоска осилившіе умы всѣхъ несчастныхъ запертыхъ въ подобномъ убѣжищѣ, и вы вскорѣ увидите развитіе самыхъ злокачественныхъ горячекъ. Если подобный порядокъ вещей существуетъ въ безчисленныхъ госпиталяхъ, которые принадлежатъ арміямъ такъ же многочисленнымъ какъ арміи Наполеона и коалиціи въ 1813 г., если арміи эти занимаютъ огромныя пространства и быстро передвигаются съ мѣста на мѣсто, тогда тифъ, развиваясь въ громадныхъ размѣрахъ, будетъ переходить изъ города въ городъ, какъ пламя пожара, и нанесетъ столько же опустошенія какъ и великія эпидеміи, появлявшіяся внезапно, и однако онъ будетъ всецѣло порожденъ условіями, соединеніе которыхъ можно вызвать по произволу.

Дѣло другое болѣзни, которыя порождаются исключительно и неизвѣстно какъ природою. Никакая произвольная комбинація условій не породитъ ихъ; что бы ни дѣлали невозможно вызвать, напр., оспу въ томъ или другомъ челоѣкѣ по произволу. Чума и холера порождаются условіями, которыя ни знаніе, ни искусство челоѣческое не могутъ приготовить. Тамъ все, по крайней мѣрѣ для настоящаго, неизвѣстно, таинственно; тамъ все порожденіе силъ, одни дѣйствія которыхъ отерываються намъ.

Здѣсь нужно замѣтить и другое: въ числѣ эпидемическихъ

болѣзней однѣ распространены въ цѣломъ свѣтѣ и вносятъ опустошеніе почти во всѣ части его, другія заключены въ границы большаго или меньшаго пространства. Происхожденіе послѣднихъ можетъ быть отыскано или въ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, въ сырости, болотахъ, скопленіи животныхъ или растительныхъ веществъ, находящихся въ разложеніи, или въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ образѣ жизни людей. Въ древности было въ употребленіи множество различныхъ яствъ, которыя неизвѣстны въ наше время; мы, въ свою очередь, употребляемъ различные роды пищи, которыхъ не знали наши предки. Не все равно употреблять хорошую или дурную пищу, хорошую или дурную одежду, жить въ чисто содержимыхъ городахъ, гдѣ очищаютъ воздухъ, или въ душныхъ; сырыхъ и грязныхъ улицахъ. И, такъ какъ все это измѣняется въ разныхъ странахъ, и даже въ той же самой странѣ и въ томъ же самомъ мѣстечкѣ въ разные вѣка, то не удивительно что происходятъ измѣненія въ здоровьѣ людей.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ подобныхъ мѣстныхъ болѣзней, происходящихъ отъ мѣстныхъ условій и не смотря на то остающихся часто неизвѣстными, есть болѣзнь ногъ и рукъ, которая господствовала въ Парижѣ въ 1828 г. и которая въ медицинѣ получила греческое названіе *acrodynie*. Странное зрѣлище представляла въ то время, стекавшаяся со всѣхъ сторонъ въ больницы, толпа больныхъ, страдавшихъ болѣе или менѣе сильною болью рукъ и въ особенности ногъ. Эти члены принимали красноватый оттѣнокъ; больные не могли владѣть ими, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть слѣдовала за этими страданіями. Въ нѣсколькихъ казармахъ, между прочимъ, было очень много больныхъ. Болѣзнь эта, неизвѣстная до этого времени и не походившая ни на одну изъ тѣхъ, которыя врачи видятъ ежедневно или авторы когда либо описывали, исчезла такъ же внезапно какъ и появилась, и съ тѣхъ поръ о ней не было и слуха. Одинъ медикъ, который занимался съ большимъ успѣхомъ кожными болѣзнями, г. Райе, съ большою смѣтливостью нашелъ въ ней сходство съ *пеллагрой*, другою странной болѣзнью, и которую я не могу пройти молчаніемъ.

Пеллагра болѣзнь свойственная сѣверной Италіи¹⁾. Она пора-

¹⁾ Послѣ появленія этой статьи открыли пеллагру на югозападѣ Франціи, въ Испаніи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ.

жаает исключительно деревенских жителей; начинаясь болѣзнью кожи она оканчивается поражениемъ важнѣйшихъ органовъ въ общности мозга, кишекъ и органовъ служащихъ пищеваренію; понятно, что дойдя до этой степени, она становится очень серьезной болѣзнью, и въ такомъ случаѣ, часто причиняетъ смерть. Эта болѣзнь не переходитъ изъ одной мѣстности въ другую и какъ кажется, происходитъ единственно отъ извѣстныхъ условій нездоровости воздуха, которая замѣчена въ горной Италіи ¹⁾.

Въ эпидемическихъ болѣзняхъ замѣчаются измѣненія, перерожденія, если можно такъ выразиться, скачки, которыя не поддаются никакому точному опредѣленію. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, послѣ того какъ онѣ очень долго сохраняли характеръ исключительно мѣстныхъ болѣзней, внезапно приобрѣтаютъ большую силу и неожиданно разливаются по сосѣднимъ странамъ. Англійская потница принадлежитъ къ числу этихъ эпидемій; прежде она ограничивалась исключительно Англійей; позже она перешла на материкъ; въ послѣднее появленіе свое она опустошила весь сѣверъ Европы. Эта болѣзнь до того удивительна, что заслуживаетъ подробное описаніе; я занимаю его у г. Геккера.

Англійская потница — болѣзнь необыкновенно острая, исходъ которой опредѣляется въ одни сутки. Она представляла въ своемъ быстромъ развитіи самыя различныя степени и виды. Наблюдатели замѣтили одинъ изъ видовъ ея, въ которомъ не было отличительнаго признака ея — пота, а жизнь, истощаясь подъ сильными приступами болѣзни, угасала въ нѣсколько часовъ.

Болѣзнь наступала внезапно и никакой признакъ не предвѣщала ее. У большей части больныхъ потница какъ и всѣ лихорадки начиналась легкимъ ознобомъ и дрожью, которые при неблагоприятномъ исходѣ, переходили въ судороги; у другихъ въ началѣ появлялся умѣренный, но постоянно усиливавшійся жаръ; онъ появлялся безъ малѣйшей видимой причины: часто посреди работы, часто утромъ при восходѣ солнца, даже ночью во время сна, такъ что больные просыпались всѣ въ поту.

¹⁾ Эта нездоровость воздуха ничто иное какъ зеленый ядовитый паразитъ маиса. Г. Балардини италіанскій врачъ открылъ причину пеллагры; доктора Консталла и Русель во Франціи сильно способствовали преобладанію во Франціи идей г. Балардини.

По мѣрѣ развитія болѣзни въ мозгу происходили опасныя явленія. Многіе больные впадали въ бредъ и бѣшенство и большая часть изъ нихъ умирали. Всѣ жаловались на глухую боль въ головѣ; въ непродолжительномъ времени наступалъ страшный сонъ, который чаще всего оканчивался смертью. Ужасный страхъ терзалъ больныхъ пока они сохраняли сознаніе. У многихъ лицо синѣло и вздувалось, или по крайней мѣрѣ губы и подглазицы синѣли. Дыханіе становилось затруднительно; сверхъ того сердце безпрестанно билось и трепетало; этотъ симптомъ сопровождался томительнымъ ощущениемъ внутренняго жара, который при неблагоприятномъ исходѣ переходилъ въ голову и вызывалъ смертельный бредъ.

Послѣ извѣстнаго времени, а у нѣкоторыхъ и съ самаго начала, на всемъ тѣлѣ выступалъ потъ и текъ въ изобиліи, принося съ собою спасеніе или смерть, смотря по тому было ли въ жизни довольно силъ, чтобы выдержать такіе страшные приступы болѣзни.

Англійская потница появлялась нѣсколько разъ и проходила по населенію какъ ураганъ. Она сдѣлала пять нашествій, отдѣленныхъ одно отъ другого довольно долями промежутками, измѣнявшимися сообразно съ пространствомъ опустошенныхъ ею странъ.

Потница когда она появилась въ первый разъ, была совершенно неизвѣстной болѣзнью для своихъ жертвъ. Сроку перваго ея появленія въ Англійи опредѣляютъ въ началѣ августа 1483 г. Въ томъ же мѣсяцѣ она начала свирѣствовать въ Оксфордѣ и такъ великъ былъ ужасъ распространенный ею въ этомъ университетѣ, что учителя и ученики разбѣжались и знаменитая школа въ продолженіи шести недѣль оставалась пустой. Въ сентябрѣ она перешла опустошать Лондонъ, который лишился большей части своихъ жителей; но это быстрая и страшная болѣзнь не продолжалась долго; она внезапно прекратилась въ первыхъ числахъ января 1486 г., строго заключившись на этотъ разъ въ границы Англійи.

Послѣ перваго появленія своего, потница, показалась еще четыре раза въ Англійи, шадя постоянно Шотландію и Ирландію, заразивъ во Франціи одинъ Кале, занятый тогда англичанами и всего разъ проникнувъ въ Германію и сѣверъ Европы. Съ тѣхъ поръ потница не появлялась болѣе въ Англійи и теперь неизвѣстна тамъ такъ же, какъ она была неизвѣстна до 1485 г. Читатель замѣтитъ что она имѣетъ большое сходство съ болѣзнью сердца

древняго міра, которая отличалась тоже обильнымъ истеченіемъ пота.

Въ обществѣ, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ цивилизаціи, происходятъ важныя измѣненія привычекъ, нравовъ, образа жизни, которыя должны неизбежно въ свою очередь повліять на общественную гигиену. Гиппократъ замѣчаетъ, что въ его время женщины не были подвержены подагрѣ, а Сенека, пораженный этимъ замѣчаніемъ, свидѣтельствуетъ о частыхъ случаяхъ этой болѣзни у женщинъ своего времени, приписывая эту разницу распушенности римскихъ нравовъ. Первые путешественники, которые посѣтили различные архипелаги Тихаго океана, утверждаютъ, что катарры были неизвѣстны этимъ народамъ до появленія европейцевъ. Платонъ говоритъ тоже самое о грекахъ жившихъ до Сенеки. Это любопытный но трудный для рѣшенія вопросъ, узнать, по мѣрѣ развитія и усовершенствованія цивилизаціи, размножаются ли и усложняются ли болѣзни. Нужно прослѣдить его съ многихъ сторонъ, прежде нежели дать на него прямой отвѣтъ.

Когда мы прежде всего бросимъ взглядъ на происхожденіе общества, то самыя древніе памятники покажутъ намъ уже основанныя общества, съ очень развитой цивилизаціей, въ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассиріи; изъ этихъ источниковъ вышли всѣ ручьи, которые то суживаясь, то расширяясь, слились въ наше время въ потокъ цивилизаціи несравненно болѣе значительный, нежели источники тѣхъ временъ, съ которыхъ для насъ начинается исторія. Невозможно возстановить исторію медицины этихъ древнихъ обществъ хотя довольно усовершенствованная культура дѣлала ихъ во многихъ отношеніяхъ очень схожими съ обществомъ нашего времени. Намъ приходится искать въ другомъ мѣстѣ матеріалъ для нашего сравненія.

Мы должны разсматривать бытъ древнихъ германцевъ, галловъ, скиоскихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Европѣ и Азіи, и въ наше время—дикихъ Америки, архипелаговъ Тихаго Океана и Австраліи. Эти народы были и теперь еще стоятъ ближе къ намъ, нежели къ тому что называется природнымъ состояніемъ человѣка, потому что природное состояніе человѣка есть жалкая и кочующая жизнь безъ ремеслъ, безъ искусствъ и безъ науки. Итакъ, чтобы въ немногихъ словахъ опредѣлить гигиеническое состояніе этихъ

народовъ въ сравненіи съ нами, нужно признать, оставя въ сторонѣ точное опредѣленіе числа больныхъ, которое невозможно, что они имѣютъ не только менѣе средствъ бороться противъ страданій, удручающихъ человѣческую родъ, но еще и менѣе силы сопротивленія въ самихъ себѣ, чтобы противустоять смертоноснымъ вліяніямъ, когда они имъ подвергаются.

Вся древность признала, что германцы и галлы, какъ они ни были пылки и стремительны при натискѣ, не могли выдерживать усталость, работу, жаръ, въ то время какъ римскій солдатъ въ значительной степени имѣлъ перевѣсъ своими физическими качествами надъ рослымъ и бѣлокуримъ воиномъ Галліи или Германіи. Въ наше время это же явленіе было подтверждено инымъ способомъ; мускульная сила цивилизованнаго человѣка, измѣренная динамометромъ, значительно превосходитъ силу дикихъ Америки. Вольней былъ пораженъ, увидѣвъ многихъ дикихъ Соединенныхъ Штатовъ, страдавшихъ ревматизмомъ, а Гиппократъ, который путешествовалъ даже въ Скиюи, дѣлаетъ то же замѣчаніе объ ордахъ, которыя въ его время жили верхомъ или въ телѣгахъ. Отецъ медицины на этомъ наблюденіи основалъ ученіе о вліяніи климата на природу человѣка, ученіе которое кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе восходятъ къ происхожденію народовъ. Вліяніе почвы и атмосферы чувствительнѣе и сильнѣе на племена плохо одѣтыя, не имѣющія постояннаго жилища, подверженныя постоянному дѣйствію воздуха, воды и земли, нежели на народы нашего времени, когда наука и индустрія дали человѣку такъ много средствъ защищать себя отъ дѣйствія стихій. Взгляды Гиппократа, на этотъ предметъ, несомнѣнно, обширны и глубоки, и Монтескье, принявшій и повторившій ихъ, долженъ бы былъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя ограниченія, которыя сдѣлались необходимы вслѣдствіе вѣковъ прогресса и усиленіе могущества человѣка.

Невозможно не признать, что измѣненія, которымъ подвергается жизнь человѣческая отъ всѣхъ тѣхъ условій, изъ которыхъ слагается цивилизація, имѣютъ свою долю въ порожденіи извѣстныхъ болѣзней и патологическихъ измѣненіяхъ человѣческаго организма, которыя приносятъ вѣка въ своемъ теченіи. Но полагаю, что невозможно приписать единственно этой причинѣ всѣ великія эпидеміи, на которыя указываетъ намъ исторія и слѣдуетъ искать другихъ

вліяючихъ причинъ, или признать, что многія епідеміи имѣють свое опредѣленное мѣсто происхожденія, гдѣ онѣ приобрѣтають гибельное свойство разливаться повсюду. Это заключеніе справедливо относительно чумы, холеры, желтой лихорадки. Такимъ образомъ приходится снова обратиться къ мѣстнымъ причинамъ, совершенно неизвѣстнымъ, которыя создаютъ зародышъ чумы, холеры, желтой лихорадки въ Египтѣ, Индіи, Америкѣ.

Вліяніе этихъ великихъ епідеміи на нравы очевидно; оно далеко неблагоприятно. Жизнь кажется тогда такъ невѣрной, что люди спѣшатъ насладиться часами, которые должны, быть можетъ, скоро прекратиться. Великія бѣдствія, вообще, вызываютъ преобладаніе эгоизма и чувства самосохраненія до той степени, которая изглаживаетъ всѣ другія чувства и превращаетъ человѣка въ хищнаго звѣря. Припомнимъ кораблекрушенія, голодъ, бѣдствія въ родѣ отступленія изъ Москвы; тогда одна мысль царитъ надъ всѣмъ — мысль о собственномъ спасеніи, и чтобы спасти себя совершаютъ самыя жестокія дѣла. Во время епідеміи преобладаетъ тотъ же инстинктъ, выказывается тотъ же эгоизмъ; съ одной стороны онъ ведетъ къ разрыву самыхъ дорогихъ привязанностей, съ другой къ торопливому наслажденію всѣми удовольствіями; пренебреженіе нашихъ обязанностей въ отношеніи другихъ и необузданное стремленіе къ наслажденію — вотъ характерическія черты эгоизма, во всѣ времена, но которыя становятся еще болѣе поразительны во время чумы. Это зрѣлище было дано Аѳинами міру за четыре вѣка до Р. X. Еще болѣе ужасающее зрѣлище было дано во время черной чумы четырнадцатаго вѣка; въ эту чуму, съ одной стороны, духъ покаянія овладѣлъ народомъ, съ другой самыя страшныя злодѣянія были совершены по нелѣпѣйшимъ подозрѣніямъ. Это странное смѣшеніе и чувство заслуживаетъ, чтобы о немъ разсказать читателю, и я займу въ книгѣ г. Геккера, о черной чумѣ главныя черты разсказа.

Несчастье суевѣрно. Воображеніе людей среднихъ вѣковъ было потрясено видомъ бѣдствій, которыя нанесла черная чума. Бичующіеся фанатики, которые появлялись уже въ продолженіи предшествовавшаго вѣка, снова появились сначала въ Венгріи, и вскорѣ потомъ въ цѣлой Германіи. Толпы ихъ, сначала очень немногочисленныя, выросли и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ по городамъ

и деревнямъ выступили многочисленныя процессіи людей, которые пѣли покаянныя гимны и стремились истязаніями плоти отвратить гнѣвъ Божій. Всюду ихъ встрѣчали съ восторгомъ, и часто этотъ порывъ внезапно похищаль у города большую часть жителей его, которые начинали странствованіе по богомольямъ съ сопровождавшими его жестокими самоистязаніями. Казалось, большая часть умовъ въ Европѣ была охвачена порывомъ покаянія и скорби; то былъ результатъ соединеннаго вліянія средневѣковыхъ идей и ужасовъ настоящаго

Но дѣйствіе чумы на умы не остановилось на этихъ безумныхъ самоистязаніяхъ. Порывъ кровожадной жестокости сопровождалъ порывъ суевѣрія. Мы знаемъ по опыту, какъ невѣжественная толпа объясняетъ скоростижную, таинственную, неизбѣжную смертность епідеміи. Четырнадцатый вѣкъ, какъ и девятнадцатый вѣръилъ отравленіямъ. Заперли городскія ворота, поставили часовыхъ у колодцевъ, обвинили евреевъ въ страшной смертности. Въ то время цѣлая Европа представляла одно изъ самыхъ ужасающихъ зрѣлищъ, какія только можно себѣ вообразить. Въ то время какъ невидимая рука чумы опустошала города и села и дѣлала кладбища слишкомъ тѣсными для множества мертвецовъ, адскія страсти, разнузданныя бѣдствіемъ, приносили новыя страданія къ общимъ страданіямъ и всю ярость человѣка къ ярости природы. Въ Швейцаріи началось избіеніе евреевъ. Ихъ обвинили въ сношеніяхъ съ испанскими маврами и въ заговорѣ съ ними для отравленія христіанъ. Подверженные пыткамъ, многіе изъ нихъ сознались; и до сихъ поръ еще сохраняются меморіалы этихъ, такъ называемыхъ, приговоровъ правосудія. Приговоренные были сожжены, но народная ярость нигдѣ не ждала совершенія этихъ юридическихъ убійствъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ запирали евреевъ въ синагоги и сжигали ихъ; въ другихъ многія тысячи этихъ несчастныхъ, мужчины, женщины, дѣти, нагромождались на громадныя костры. Въ Майнцѣ они пытались сопротивляться; побѣжденные, они заперлись въ свои кварталы и сожгли себя. Хотѣли обратить ихъ, фанатизмъ ихъ раздражился и матери бросали, чтобы не отдать христіанамъ, дѣтей въ пламя, и сами бросались въ него вслѣдъ за ними. Эти убійства были повсюду средствомъ уплачивать долги этимъ богатымъ и промышленнымъ чужеземцамъ; потомъ шли рыться въ сожженныхъ жилищахъ и собирать золото и серебро, пощаженные огнемъ. Цѣ-

лая Европа дала міру безчеловѣчное зрѣлище этихъ сожженій; села не были болѣе городовъ безопаснымъ убѣжищемъ для несчастныхъ, крестьяне преслѣдовали со всѣхъ сторонъ бѣглецовъ, народъ убивалъ ихъ, судьи предавали ихъ мукамъ, князья и дворяне своей военной стражѣ, и безпощадно преслѣдуемые евреи нашли убѣжище только въ одной отдаленной Лифляндіи, гдѣ король Казиміръ Великій принялъ ихъ подъ свое покровительство. Вотъ почему въ наше время евреи такъ многочисленны въ Польшѣ.

Посреди столькихъ бѣдствій и ужасовъ, всѣ общественныя связи порвались: судьи и чиновники утратили свою власть; семейныя привязанности замерли; больные умирали въ одиночествѣ, близкіе не окружали ихъ смертный одръ; мертвыхъ относили на кладбище безъ похоронной процессіи друзей и знакомыхъ, безъ свѣчей, безъ молитвъ. Страхъ заразы отогналъ священника какъ и роднаго. Гюи-де-Шолякъ, врачъ въ Авиньонѣ, поведеніе котораго было честнымъ исключеніемъ, говорить на своемъ простомъ и энергическомъ латынскомъ языкѣ: «Умирали безъ прислуги, погребались безъ священниковъ; отецъ не посѣщалъ сына, ни сынъ отца; милосердіе умерло, надежда была уничтожена.»

Мы имѣемъ право сказать, что въ наше время замѣтно улучшение въ общественныхъ правахъ. Мы тоже были свидѣтелями смертоносной эпидеміи, которая распространила въ нашихъ городахъ и деревняхъ ужасъ и скорбь; мы тоже видѣли, какъ скоплялись мертвые съ такой страшной быстротой, что порой затруднялись найти средства похоронить всѣхъ; мы то же видѣли печальныя телѣги медленно разѣзжающими по улицамъ нашей столицы, чтобы обирать у каждой двери жертвы этого дня. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ тифъ, такъ же убійственный какъ и войны, опустошилъ наши арміи и наши больницы, и мы имѣемъ право говорить о томъ чѣмъ былъ нашъ вѣкъ въ числѣ бѣдственныхныхъ вѣковъ для человечества. И нигдѣ врачи не покидали своихъ мѣстъ; напротивъ, мужество ихъ и рвеніе удвоивались съ усиленіемъ болѣзни; администраторы, равнымъ образомъ, не покидали мѣстности опустошенныя эпидеміей; нѣсколько челоѣкъ невѣжественныхъ классовъ предались гибельнымъ заблужденіямъ; но тѣ, на кого были наложены общественныя обязанности исполнили ихъ. Наши врачи подали тоже памятный примѣръ во время чумы недавно опустошившей

Египетъ. Какъ ни казалась имъ опасна зараза, они боролись противъ нее съ мужествомъ, которое изумило самого Ибрагима; и если мы захотимъ искать причины этого различія, которое все въ пользу нашего вѣка, мы найдемъ ее въ большемъ распространеніи просвѣщенія и въ томъ чувствѣ чести, которое заставляетъ каждого челоѣка, по крайней мѣрѣ, для вида бодро держаться на томъ постѣ, куда его бросить судьба. Я не говорю, что не можетъ быть такихъ бѣдствій, которыя осилить даже это чувство; я признаю что чума четырнадцатаго вѣка превзошла все, что мы видѣли въ тифѣ и холерѣ; но неизвѣстно еще, была ли чума въ Афинахъ болѣе смертельна нежели холера въ Парижѣ; и испытанія, черезъ которыя мы прошли, были настолько сильны, чтобы оправдать то, что я говорю.

Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, былъ обязанъ представить свое мнѣніе о причинахъ, породившихъ черную чуму, и о діетѣ, которую слѣдовало соблюдать. Это мнѣніе самая дикая нелѣпость. Вотъ начало его: «Мы, члены комиссіи врачей въ Парижѣ, послѣ зрѣлыхъ размышленій о настоящей смертности, испросили совѣта у нашихъ древнихъ учителей медицинскаго искусства и намѣреваемся теперь изложить причины этой чумы болѣе ясно, нежели то возможно сдѣлать по правиламъ и принципамъ астрологіи. Вслѣдствіе чего мы утверждаемъ, что извѣстно что въ Индіи, въ области великихъ морей, звѣзды, которыя борются съ лучами солнца и теплотой небеснаго огня, повліяли своей силой противъ моря и боролись ожесточенно съ волнами его. Это имѣло послѣдствіемъ рожденіе паровъ, которые скрываютъ солнце и превращаютъ свѣтъ во мракъ. Эти пары поднимаются и опускаются въ продолженіи двадцати восьми дней сряду; но наконецъ солнце и огонь подѣйствовали такъ сильно на моря, что привлекли къ себѣ большую часть ихъ, и вода морская поднялась въ образѣ паровъ. Этимъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, воды были до того измѣнены, что большая часть рыбъ погибла. Но эта испорченная вода не могла поглотить жаръ солнечный и то же не было возможно, чтобы другая здоровая вода вышла изъ снѣга или града. Сверхъ того эти пары распространились въ воздухѣ во многихъ частяхъ свѣта и покрыли ихъ облакомъ. Такъ произошло въ цѣлой Аравіи, въ части Индіи, въ Критѣ, въ доли-

нах и равнинахъ Македоніи, Венгріи, Албаніи и Сициліи. Если они дойдутъ до Сардиніи, ни одинъ человекъ не останется тамъ въ живыхъ, тоже будетъ съ островами и странами сосѣдными, куда проникнетъ отравленный вѣтеръ Индіи, или проникъ уже, во все продолженіе времени, пока солнце останется въ знакѣ льва. Если жители этихъ странъ не будутъ слѣдовать указанной діетѣ, или другой сходной съ нею, мы предвѣщаемъ имъ неизбѣжную смерть, развѣ что милость Христа сохранитъ имъ жизнь».

Далѣе были предписанныя правила, которыя я опускаю, потому что документъ этотъ дѣлаетъ очень мало чести медицинской корпораціи, которая составила ихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Однако мы ошибемся, если будемъ судить о разумѣ четырнадцатаго вѣка по подобному образчику ложной науки и педантической болтовни. Въ этихъ установленныхъ корпораціяхъ было нѣсколько человекъ, мнѣнія которыхъ вполне заслуживаютъ вниманія и которые оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ плоды своего опыта и своихъ размышленій.

Я представилъ читателю факты, которые обыкновенно не вносятся въ исторію человечества. Все это вмѣстѣ составляетъ мрачную картину. Великія эпидеміи, опустошая міръ, ознаменовываются самыми разнообразными явленіями: одни исчезаютъ и, повидимому, время никогда болѣе не должно привести ихъ снова; другія смѣняютъ ихъ; человекъ борется, умираетъ, или иногда побѣждаетъ ихъ, какъ въ оспѣ, отъ которой онъ защищаетъ себя прививаніемъ, какъ въ чумѣ, отъ которой онъ спасается карантинами. Этотъ дикій разгулъ неизвѣстныхъ страшныхъ силъ, одни дѣйствія которыхъ проявляются намъ, бурь возмущающихъ гармонию силъ дающихъ жизнь, смертоносныхъ ядовъ, для которыхъ человѣческой родъ, если можно такъ выразиться, есть единственный реактивъ. Эти явленія, въ какомъ направленіи идутъ они? Отъ какого порядка условій зависятъ они?

Эпидемическія болѣзни такъ рѣзко отличаются своими видами, что можно въ медицинскомъ отношеніи раздѣлить исторію человечества на періоды, которые будутъ отмѣчать судьбы смертныхъ ихъ тѣлесными страданіями.

Первая эпоха принадлежитъ древней чумѣ, происхождение которой неизвѣстно, но о которой въ первый разъ упоминается въ пе-

лопонезской войнѣ, и которая часто истребляла народы даже до четвертаго вѣка христіанской эры. Съ тѣхъ поръ, послѣ такого долгаго опустошенія, она исчезла съ лица земли съ своею сыпью прыщей, бѣшеннымъ бредомъ, воспаленіемъ глазъ и дыхательныхъ путей, съ гангреной, искалѣчившей столько жертвъ.

Когда въ концѣ пятаго вѣка дикія орды съ сѣвера и изъ Азіи нахлынули на римскую имперію и положили мечомъ конецъ древнему социальному устройству міра, появилась не новая болѣзнь, но новая эпидемія—восточная чума, первое нашествіе которой было, быть можетъ, самымъ губительнымъ изо-всѣхъ, какія были до нея и всѣхъ, какія были послѣ нея. Оспа, кажется, появилась въ одно время съ нею. Желтая лихорадка, вышедшая изъ Америки, отмѣчаетъ другой фазисъ патологической исторіи. Наконецъ холера, занесенная въ нашъ вѣкъ изъ Индіи, — новый видъ страданій человечества. Наша планета, занимая опредѣленное мѣсто въ системѣ вселенной, получая свѣтъ и часть теплоты отъ солнца, есть не болѣе какъ крошечная частица великаго цѣлага, проникнутая могущественными силами, которыя придаютъ ей тяготѣніе и притяженіе. Но самая чудесная изъ этихъ силъ, безъ сомнѣнія, есть жизнь развертывающаяся на поверхности ея подъ тысячами формъ. Подобно электричеству, которое по теоріи физиковъ, находится только на поверхности электризованныхъ тѣлъ и не проникаетъ никогда во внутренность ихъ, и жизнь распространена на всей поверхности земнаго шара и проявляется растительностью и животными. Она щедрой рукой развертываетъ это роскошное и блестящее зрѣлище и однако всѣ эти яркія картины произведены, если я могу такъ выразиться, съ очень малыми издержками. Ей нужно сочетать немного красокъ, чтобы произвести столько оттѣнковъ, она бросаетъ въ свой горнъ только кислородъ, водородъ, азотъ, уголекислоту и нѣсколько родовъ земли, чтобы породить безконечное разнообразіе существъ, которыя появляются на мигъ одинъ насладиться лучами солнца, и потомъ отдать свой составъ вѣчной химіи.

Элементарныя соединенія такъ близки одни къ другимъ, что можно отличить растительное вещество отъ животнаго только различными пропорціями, и природа такъ легко играетъ этими соединеніями, что самымъ легкимъ и простымъ измѣненіемъ превращаетъ лапу четвероногаго въ крыло или плавательное перо, такъ что

глазъ можетъ тотчасъ угадать полную тождественность организмовъ, повидимому такъ различныхъ. Это не все еще: жизнь въ эпохи, о которыхъ ни одна раса человѣческая не сохранила воспоминанія, потому что онѣ протекли задолго до появленія человѣка, разсѣяла по лицу земли, въ то время совершенно иному нежели теперь, растенія и животныхъ, которыя не сохранили представителей своихъ посреди живущихъ теперь видовъ. Всѣ эти существа исчезли отъ дѣйствія болѣе или менѣе общихъ причинъ, которыя доказываютъ тѣсную связь между условіями земли и силою жизненности организмовъ.

Въ разрядѣ этихъ существованій, распространенныхъ въ такомъ изобиліи на нашей планетѣ, жизнь человѣческая, или человѣчество занимаетъ первое мѣсто. Людской муравейникъ кишитъ надъ всѣми климатами, онъ произвелъ на поверхности почвы измѣненія уже теперь значительныя, но которыя со временемъ будутъ еще значительнѣе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ муравейникъ по временамъ испытываетъ сильное потрясеніе, напоминающее ему всѣ связи его съ землей, которая носитъ его, и стихіи которой — стихіи создавшіе его. Эта точка зрѣнія, съ которой можно разсматривать происхожденіе вообще всѣхъ болѣзней. Многіе германскіе медики разработывали этотъ тезисъ и подтверждали его разными изслѣдованіями, чтобы доказать, что великіе атмосферическіе перевороты, изверженія вулкановъ и землетрясенія всегда предшествовали появленію эпидемій и сопровождали ихъ; какъ будто родъ лихорадочнаго состоянія земли породилъ тѣ бичи, которые должны были поражать родъ человѣческій, какъ будто природа, не довольствуясь болѣе обычной смѣной жизни и смерти, прибѣгала внезапно къ болѣе быстрымъ средствамъ разрушенія. Это только одна гипотеза и, должно сказать, гипотеза очень мало вѣроятная, потому что мы не знаемъ никакого телурическаго отношенія поражающаго миазмы эпидемій и заражающихъ ядовъ.

Если сказать правду, то при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, это происхожденіе можетъ быть отыскиваемо только въ органическихъ веществахъ, живыхъ или мертвыхъ. Они одни имѣютъ гибельное свойство превращаться въ яды, какъ сокъ ядовитыхъ растеній; въ животные яды — какъ жидкость ядовитыхъ змѣй; въ заразные яды — какъ слюну бѣшеной собаки. Яды раститель-

ный и животный утрачиваютъ свою силу произведя то зло, которое свойственно имъ произвести и не воспроизводятся болѣе въ тѣлѣ своихъ жертвъ. Но заразные яды и миазмы воспроизводятся и передаются. Для медика и фізіолога ничто такъ не темно какъ эти тайныя и зловредныя соединенія органическихъ элементовъ; тамъ лабораторія зла и смерти, и туда нужно попытаться проникнуть.

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЛОШАДИНАГО САПА.

I.

Зараженіе челоуѣка отъ лошади.

Хотя покупка многихъ тысячъ лошадей, о которой говорятъ такъ много, вѣроятно не состоится, однако я нахожу, что будетъ неизлишнимъ вывести наконецъ вопросъ о заразительности сапа изъ круга споровъ, въ которомъ онъ волнуется уже нѣсколько времени. Важные интересы затронуты этимъ вопросомъ: дѣло идетъ заразъ о жизни людей и о сохраненіи частнаго и общественнаго достоянія. Уже нѣсколько лѣтъ медики начали утверждать, что сапъ передается отъ лошади челоуѣку. Большая часть ветеринаровъ оспариваетъ это; съ другой стороны, вопросъ о заразѣ сапомъ одной лошади другою, составляетъ предметъ спора между самими ветеринарами, большая часть которыхъ, особенно въ арміи, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Я имѣю намѣреніе раскрыть передъ глазами читателей положеніе слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

1) Передается ли сапъ отъ лошади челоуѣку?

2) Хроническій сапъ передается ли отъ лошади къ лошади?

Передача заразы сапомъ челоуѣку была предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, оставшихся правда безъ общаго вывода и разсѣянныхъ въ медицинскихъ сборникахъ, когда въ 1837 г. въ отдѣленіе доктора Райэ въ госпиталь Шарите, былъ принятъ больной

представлявшій соединеніе многихъ очень важныхъ симптомовъ, но въ то же время очень странныхъ, и діагнозъ которыхъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Г. Райэ, послѣ нѣкотораго колебанія, сравнивъ эти симптомы съ тѣми, которые были замѣчены въ наблюденіяхъ упомянутыхъ выше, призналъ тождественность ихъ, и, просивъ о жизни больного, узналъ что несчастный былъ конюхомъ и прикасался къ лошадямъ зараженнымъ сапомъ. Этотъ новый фактъ не остался отрывочнымъ фактомъ, какъ прежнія наблюденія. Г. Райэ написалъ мемуаръ, который былъ, можно смѣло сказать, образцовый мемуаръ, порѣшившій вопросъ; онъ свелъ вмѣстѣ всѣ наблюденія случаевъ сапа у челоуѣка, которыя были опубликованы, и вывелъ слѣдующее заключеніе: болѣзнь порожденная у людей вслѣдствіе заразительнаго вліянія лошадинаго сапа, представляетъ рядъ явленій тождественныхъ въ сущности своей и рядъ симптомовъ, которые столько же отличаются отъ симптомовъ какой бы то ни было извѣстной болѣзни, сколько они схожи между собой. И важная услуга была оказана медициной обществу этимъ мемуаромъ.

Г. Райэ представилъ свои замѣчанія медицинской академіи и они вызвало сильные споры въ средѣ этого общества. Возраженія, которыя были сдѣланы противниками заразительности сапа, должны быть приведены здѣсь въ короткихъ словахъ.

Первое заключается въ томъ, что симптомы замѣченные у челоуѣка, зараженнаго сапомъ, не совершенно схожи съ тѣми, которые представляетъ сапъ у лошадей. Не входя въ безполезныя подробности объ этомъ пунктѣ, я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что и у челоуѣка, какъ и у лошади носовыя полости покрыты кровяными подтеками и поражены гангреной, или сыпью небольшихъ прыщей отдѣльныхъ или слившихся, что у челоуѣка, какъ и у лошади образуются прыщи на кожѣ и скопленіе гноя въ подкожной клѣтчаткѣ; что у челоуѣка, какъ и лошади на легкихъ появляются кровяныя подтеки и гнойные фокусы. Это сходство признаковъ характеристично какъ нельзя болѣе и вполне даетъ достаточный поводъ для того, чтобы счесть болѣзнь челоуѣка однородной съ болѣзью лошади.

Другіе предполагали, что болѣзнь, получившая въ послѣднее время названіе остраго сапа у челоуѣка, болѣзнь, совершенно спеціальнаго характера которой невозможно было оспорить, была но-

вой болѣзною, какъ холера, напр., и порождалась неизвѣстными причинами, но совершенно независимыми отъ зараженія. Ничто не можетъ быть менѣе точно какъ это утверженіе. Прежде всего первыя наблюденія, доказавшія отношенія между болѣзною лошади и человѣка, были сдѣланы въ 1813 г. Затѣмъ находятъ въ медицинскихъ сборникахъ, появившихся до этого года, исторіи болѣзней оставшихся непонятными медиками, которые занесли ихъ въ сборники, но не смотря на то, главные симптомы сапа рассказаны тамъ такъ обстоятельно, что невозможно не признать ихъ. Одно что могло такъ долго скрывать настоящій характеръ этихъ болѣзней, то, что врачи, которымъ случалось встрѣчать ихъ, не имѣли понятія о лошадиномъ сапѣ и могли приписать аномальнымъ видамъ рожи сапъ у человѣка.

Были сдѣланы еще слѣдующія возраженія: что еслибы передача сапа отъ лошади человѣку была дѣйствительно возможна, то это не могло бы оставаться неизвѣстнымъ до сихъ поръ, и что встрѣтилось бы навѣрно безчисленное множество примѣровъ передачи. Говорили, что свѣдѣнія собранныя о живодерахъ столицы показали, что никогда ни они, ни мальчики ихъ не схватывали никакой болѣзни послѣ того какъ сдирали кожу, разрѣзали на куски лошадей съ сапомъ и вскрывали имъ полости носа; говорили, что въ ветеринарной школѣ Альфора насчитываютъ отъ 250 до 300 молодыхъ людей, что всѣ они вскрываютъ лошадей павшихъ отъ сапа, трогаютъ руками и разрѣзываютъ части тѣла ихъ какъ здоровыя такъ и больныя, что многіе изъ нихъ оцарапываютъ или порѣзываютъ себѣ кожу во время этихъ вскрытій, и никогда не произошло ни одного случая зараженія. Наконецъ говорили, что изъ числа пятнадцати наблюденій надъ заразой острымъ сапомъ переданной отъ лошади человѣку, которыя засвидѣтельствованы г. Райэ, четырнадцать принадлежатъ нѣмецкимъ и англійскимъ медикамъ, тогда какъ ни въ одной странѣ Европы нѣтъ такого множества лошадей съ сапомъ какъ во Франціи; что больницы кавалерійскихъ полковъ переполнены такими лошадьми, что ветеринары, которыхъ полагается по два на каждый полкъ ежедневно ходятъ за этими лошадьми и ни у одного изъ нихъ не было замѣчено сапа.

Прошло не болѣе трехъ лѣтъ со времени появленія замѣтокъ г. Райэ, и уже факты опровергли всѣ эти возраженія одно за другимъ.

Конюхи, живодеры, ученики альфорской школы, наѣздники умерли отъ сапа переданнаго лошадьми. Такъ какъ особенно важно вполне освѣтить этотъ вопросъ и внести убѣжденіе въ умы читателей, то я рѣшаюсь привести поименный списокъ жертвъ этой ужасной заразы, начиная со времени наблюденій г. Райэ.

1) Простъ, конюхъ, ходившій за лошадьми зараженными сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ больницѣ Шарите 13 февраля 1837 г. въ отдѣленіи г. Райэ. (Бюллетень королевской медицинской академіи 21 февраля 1837 г., Райэ, «О сапѣ и лихомъ у человѣка. Стр. 19).

2) Монжо, извозчикъ одного заведенія гдѣ были лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 12 іюня 1837 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣленіи г. Бульо (Бюллетень и пр. Засѣданіе 15 февраля 1839 г., Бульо «Клинической трактатъ о ревматизмѣ въ сочлененіяхъ» стр. 117).

3. Лимозель, конюхъ, ходившій за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, 31 августа 1838 г. въ отдѣленіи г. Бреше, въ больницѣ Отель-Дьё. (Бюллетень и пр. Засѣданіе 9 октября 1838 г., L'Expérience, т. II, стр. 421).

4) Гиньедоръ, бочаръ, сдѣлавъ перевязку лошади съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ, 6 сентября 1838 г., у себя дома, пробывъ три мѣсяца въ Отель-Дьё въ отдѣленіи г. Бреше; свѣдѣніе сообщенное королевской медицинской академіи г. Девилемъ. (Бюллетень 2 октября. Archives générales de médecine, ноября 1832, стр. 365).

5) Дондагиньеръ, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ Отель-Дьё въ отдѣленіи г. Гюссона. (Бюллетень и пр. 16 октября 1838 г. Gazette des Hôpitaux, 1838. стр. 491).

6) Пэна, конюхъ, дѣлавшій перевязки лошадямъ съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ 29 декабря 1838 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣленіи г. Жобера. (Бюллетень и пр. 3 января 1839 г., L'Espérance т. III, стр. 25).

7) Конюхъ Эмери, чистя лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 1-го января 1839 г. въ больницѣ Шарите, въ отдѣленіи г. Мальи (Bulletin et etc. 3 Janvier 1838 г.).

- 8) Кучеръ Девинкъ, чистя лошадей, больныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа въ той-же больницѣ, въ отдѣленіи г. Андраля 1-го февраля 1839 г. (Bulletin et etc. 5 Fevrier 1839 г. — Gazette médicale de Paris 1839, p. 38).
- 9) Землекопъ Паймсъ, проспавши въ одной конюшнѣ, гдѣ была больная сапомъ лошадь, умеръ отъ остраго сапа 22 февраля 1839 года въ Отель-Дьё, въ отдѣленіи Нопато. (Bulletin et etc. 29 Fevrier 1839—L'Experiencе, t. III p. 354).
- 10) Бенуа, ветеринарный ученикъ, ухаживая за одною лошадыю, больною сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 11 июня 1839 г. въ Альфорской школѣ, въ отдѣленіи г. Племи, врача этого заведенія. (Bulletin et etc. du 25 Juin 1839 — Gazette medicale de Paris 1839 p. 416).
- 11) Негръ Н., конюхъ, при уходѣ за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ хроническаго сапа 23-го іюня 1839 г. въ больницѣ Бажу въ отдѣленіи, г. Логье (Bulletin et etc. du 9 Juillet 1839).
- 12) Извощикъ Деморье, державшій лошадей съ сапомъ ухаживая за ними, умеръ отъ остраго сапа 20-го іюля 1839 г. въ Отель-Дье въ отдѣленіи г. Пети. (Bulletin et etc. du 23 Juillet 1839—L'Experiencе t. V, 1840 p. 373).
- 13) Кучеръ Н. г. М., ходившій за одною лошадыю зараженной сапомъ, умеръ отъ остраго сапа у себя дома. (Случай, сообщенный Андралемъ г. Райе).
- 14) Берто, ученикъ ветеринарной школы въ Альфорѣ, присматривая за лошадьми, больными сапомъ, умеръ у себя дома отъ остраго сапа, послѣдовавшаго послѣ хроническаго лихаго. (Случай, сообщенный г. Райе).
- 15) Перонъ, ветеринарный ученикъ альфорской школы, ухаживая за одною лошадыю съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 16-го сентября 1839 г. въ отдѣленіи г. Бленьи. (Главный медицинскій Архивъ въ ноябрѣ 1839, стр. 347).
- 16) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Лефлокъ исполняя съ прочими солдатами служебныя обязанности въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 1-го іюля 1839 года. (Veyssiere, De la morve aigue considerée sous le rapport de sa transmission à l'espèce humaine, p. 20 Paris 1840).
- 17) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Гильоре, два раза состоявъ

на службѣ въ лазаретѣ лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа 20-го августа 1839 г. (Ib. p. 21).

18) Солдатъ 1-го гусарскаго полка, Жаденъ, состоявшій въ продолженіе шести недѣль на службѣ въ лазаретѣ лошадей съ сапомъ, или съ опухшими желѣзами, умеръ отъ остраго сапа 31-го января 1840 года. (Ib. p. 26).

19) С... одинъ драгунъ, состоявшій въ продолженіе пяти мѣсяцевъ при лошадяхъ съ сапомъ, умеръ отъ сапа. (Наблюденіе, представленное докторомъ Фугнвѣ въ королевскую медицинскую академію въ 1840 г.).

20) Конюхъ Маріонъ, ухаживая, за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сапа 8-го декабря 1839 г. въ Отель-Дье въ отдѣленіи г. Гуссона. (Bulletin et etc. du 10 decembre 1839—L'Experiencе t. V, 1840, p. 386).

21) Конюхъ Дельваль, чистя лошадей, зараженныхъ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ въ больницѣ Неккера, въ отдѣленіи г. Берарда. (Bulletin et etc. du 11 fevrier 1840—L'Esperiencе t. V, 1840, p. 119, 149).

22) Извощикъ Бруне изъ Монфукона, разрѣзывая на части лошадь, зараженную сапомъ, укололся и умеръ отъ зараженія сапомъ; лечился прежде отъ хроническаго лихаго въ Отель-Дье въ отдѣленіи г. Ру, а потомъ г. Гризалья, гдѣ и умеръ 20-го марта 1840 года. (Bulletin et etc. du 20 novembre 1840 — L'Esperiencе, t. V, 1840 p. 292).

23) Конюхъ Роберъ, ухаживая за лошадьми съ сапомъ, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ 31-го мая въ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика, въ отдѣленіи, г. Дипле (Bulletin).

24) Извощикъ Н, ходя за больными сапомъ лошадьми, умеръ отъ остраго сапа, послѣдовавшаго за хроническимъ лихимъ въ октябрѣ 1840 г. въ больницѣ св. Людовика въ отдѣленіи г. Жибера, (Bulletin etc. du 21 octobre 1840 г. — Gazette medicale de Paris 1840, p. 686).

Вотъ, скорбный листъ человѣческихъ жертвъ зараженія сапомъ. Онъ доказываетъ, что сапъ не есть, какъ то предполагали прежде, рѣдкое явленіе между людьми, находящимися по какимъ-нибудь обстоятельствамъ въ близости лошадей, пораженныхъ этою бо-

лѣзнью. Изъ предыдущаго видно, что всѣ тѣ, которые подвергались этой ужасной болѣзни, стояли именно въ такихъ условіяхъ. Эти случаи, а также и характеристическія сходства между такъ-называемымъ сапомъ людей и сапомъ лошадей, невольно рождаютъ убѣжденіе возможности заразы.

Но это еще не все; гной, взятый отъ человѣка, зараженнаго этою болѣзью и привитый къ какому-нибудь однокопытному животному, пораждалъ у него сапъ.

Г. Райе заставилъ г. Леблана привить одной разбитой на ноги кобылѣ гной, взятый съ Проста (№ 1-й списка) и въ первое время не замѣчалось никакихъ слѣдовъ болѣзни. Но на 21-й день послѣ прививки у животного оказались всѣ симптомы гнойнаго сапа и остраго лихаго и оно пало жертвой этого опыта. Найденныя измѣненія въ тѣлѣ этого животного доказывали присутствіе этихъ двухъ заразъ (записки о лихомъ и сапѣ стр. 19). Этотъ опытъ можно назвать замѣчательнымъ и г. Райе увѣнчалъ имъ свое доказательство.

Однажды ветеринаръ Лебланъ привилъ къ шестимѣсячной ослицѣ гной, взятый съ мальчика, занимавшагося сдираниемъ кожъ со скота, и умершаго отъ сапа. Вскорѣ та же самая болѣзнь развилась и у ослицы и она околѣла. (Лебланъ, сравнительное и опытное ученіе о прививкѣ сапнаго гноя и слизи стр. 42).

Одной десяти, или одиннадцатилѣтней кобылѣ, раненой въ заднюю часть лѣваго подколѣника, привили сукровицу взятую изъ правой ноздри Донделиньера (№ 5 списка). Двадцать дней спустя, животное пало отъ сапа и лихаго. (Leblanc, *ib.*, p. 21).

Лошадь, которой была привита матерія, взятая съ нарыва одного человѣка, умершаго отъ сапа, четырнадцать дней спустя умерла отъ той же болѣзни.

Матерія, взятая изъ ноздри того-же самаго больнаго, была привита другой лошади, которая во время напечатанія сочиненія г. Леблана, имѣла симптомы одного только лихаго. (Leblanc, *ib.*, p. 55).

Одной здоровой шестимѣсячной ослицѣ былъ привитъ гной сапа и лихаго, взятый съ поименованнаго выше Девинка (8-й номеръ списка), умершаго отъ остраго сапа и лихаго. Одиннадцать дней спустя животное околѣло отъ лихаго и сапа. (Leblanc, *ib.*, p. 50).

Англійскіе ветеринары Колеманъ и Соуель рассказываютъ, что одинъ осель, искусственно зараженный матеріей, взятой съ нарыва одного человѣка, къ которому какъ-то случайно была привита жидкость изъ ноздри одной лошади съ сапомъ, умеръ отъ сапа. Г-нъ Уайтъ передаетъ точно такой же случай. (Leblanc, *ib.*, p. 18).

Г-нъ Ренальдъ, директоръ Альфорской школы, первое время не раздѣлялъ мнѣнія о зараженіи сапомъ людей, но теперь онъ, благодаря спорамъ и многимъ вѣрнымъ замѣчаніямъ по этому вопросу, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ и въ своемъ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ школою отъ 1839 до 1840 г., говоритъ: «Ученіе о передачѣ остраго сапа людямъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтверждается». (Сборникъ практической ветеринарной медицины 17-й годъ, 2-я серія, по 9, сентября 1840 г., стр. 537).

Но новыя изслѣдованія показали, что возможность зараженія сапомъ не ограничивается людьми. Г-нъ Ренольдъ и Буле доказали, что острый сапъ можетъ передаваться прививаніемъ, и отъ барана къ собакамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ передача сапа совершается очень медленно — фактъ чрезвычайно важный, на который не обращено до сихъ поръ достаточнаго вниманія въ вопросѣ о зараженіи хроническимъ сапомъ. Это обстоятельство сначала заставляло этихъ двухъ ученыхъ отвергать возможность передачи остраго сапа животнымъ, различнымъ по виду отъ лошади. «Въ то время, говорятъ они, когда отчетъ былъ напечатанъ, два искусственно зараженныхъ барана, казалось, избѣжали дѣйствія яда и были на видъ совсѣмъ здоровы. Однако, тотъ ошибся кто повѣрилъ бы этимъ первымъ признакамъ. Оба барана околѣли въ продолженіе того же года, пять или шесть мѣсяцевъ послѣ прививки яда, въ высшей степени исхудалые, со всѣми признаками остраго сапа и при вскрытіи ихъ труповъ оказалось, что въ носовыхъ полостяхъ были точно такія же язвы, какія бываютъ въ носу у лошадей, павшихъ отъ сапа. Поэтому поводу былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ, надъ собакой, бараномъ и свиньей и нѣкоторые изъ этихъ опытовъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что острый сапъ можетъ привиться животнымъ не одного вида съ лошадыю. Острый сапъ развился у собаки вслѣдствіе прививки сап-

наго яда; онъ оказался также и у барана; одна только свинья уцѣлѣла. Эти доказанные положительными опытами факты передачи сапа отъ человѣка лошади дѣлаютъ очевидною ту истину, что острый сапъ не есть исключительно болѣзнь однѣхъ лошадей. (Ib. p. 538).

И такъ, болѣзнь, называемая человѣческимъ сапомъ представляетъ поразительное сходство съ лошадинымъ сапомъ; она проявлялась покуда только у тѣхъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ лошадьми, пораженными сапомъ, и изъ всѣхъ обнаруженныхъ фактовъ не видно, чтобы эта болѣзнь могла передаваться безъ разры; наконецъ, эта болѣзнь передается также и отъ человѣка лошади, представляя и въ этомъ случаѣ всѣ признаки сапа. Все это вмѣстѣ составляетъ очень вѣское доказательство заразительности сапа. Незнакомство съ этимъ фактомъ стоило жизни двадцати четыремъ лицамъ, переименованнымъ въ предшествующемъ спискѣ и которые, безъ сомнѣнія, могли бы быть предохранены отъ такой преждевременной и ужасной смерти, потому что достаточно было принять нѣсколько очень простыхъ и легкихъ средствъ, чтобы отвратить столько страданій и такой бѣдственный исходъ.

II.

Передача хронического сапа отъ одной лошади другой.

Передача хронического сапа отъ одной лошади другой служить предметомъ споровъ между ветеринарами, большая часть которыхъ до сихъ поръ придерживается еще того мнѣнія, что болѣзнь эта не заразительна, и только не многія защищаютъ господствовавшее когда то мнѣніе о заразительности сапа. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ въ политико-экономическомъ отношеніи; хроническій сапъ есть обыкновенная болѣзнь, въ особенности часто посѣщающая войска, гдѣ она причиняетъ иногда громадныя потери. Если, какъ это вообще предполагали, сапъ не заразителенъ, то нѣтъ надобности предпринимать нѣкоторыя предосторожности, которыя въ этомъ случаѣ будутъ бесполезны; если же наоборотъ онъ заразителенъ, то понятно, при ихъ помощи очень возможно уменьшить

его гибельное дѣйствіе и охранить такимъ образомъ отъ зла громадное количество лошадей.

Поэтому мы рассмотримъ акты, касающіеся этого вопроса, и аргументы, которые приводятся по поводу его.

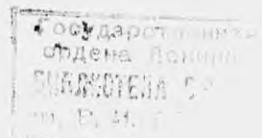
Болѣзни, которыя извѣстны, какъ заразительныя, передаются двумя путями, а именно: черезъ прививаніе и черезъ посредственное и непосредственное соприкосновеніе. Чтобы подтвердить это положеніе примѣрами, я напомнимъ, что оспа прилипчива обоими путями, а бѣшенство однимъ только — прививкою. Спрашивается передается ли хроническій сапъ этими обоими путями, или только однимъ? Опыты и наблюденія показываютъ, что онъ можетъ передаваться обоими.

Зараженіе посредствомъ прививки. 4-го Декабря 1838 г. одинъ худощавый меринъ, отлично откормленный, былъ искусственно зараженъ гнойною жидкостью, взятою изъ ноздри, а также и матеріею лихаго, святою съ ненарвавшего вполне нарыва одной лошади, которая была уже шесть мѣсяцевъ въ хроническомъ сапѣ. Зараженное животное околѣло черезъ три недѣли, страдая отъ болѣзни, и при вскрытіи его трупа найдены раны, которыя показали присутствіе сапа и хронического лихаго (Leblanc, Recherches experimentales etc. p. 2).

15 января 1839 г. одному черному мерину неслишкомъ здоровому, но и безъ признаковъ опредѣленной болѣзни, вѣшему вообще мало и проданному живодеру, была искусственно привита слизь взятая изъ ноздри одной восьмилѣтней лошади, больной хроническимъ сапомъ. 31-го Января обрекли животное на смерть и на трупъ его были найдены раны лихаго. (Leblanc. p. 12).

Въ протоколѣ ветеринарной школы въ Лионѣ, за май 1811 г. на стр. 16 мы читаемъ: „Изъ всѣхъ опытовъ, которые мы дѣлали, можно заключить слѣдующее: во-первыхъ, если привить лошади лихой посредствомъ простаго прикосновенія гноя къ кожѣ, то въ концѣ третьяго мѣсяца показывался лихой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ приложенъ ядъ, во-вторыхъ, — прививка той же матеріи посредствомъ трехъ уколовъ на шеѣ той же лошади на 44-й день вызвала сильный лихой, который вылечивали только спустя нѣсколько мѣсяцевъ“. (Leblanc, ib. p. 13).

„Шесть лошадей, говоритъ бывший артиллерійскій ветеринаръ,

г-нъ Жераръ, находились въ одной конюшнѣ, отстоящей въ пятидесяти саженьяхъ отъ лазарета. У четырехъ изъ нихъ были всѣ симптомы сапа, остальные же двѣ были покрыты нарывами лихаго и отдѣляли матерію изъ обѣихъ ноздрей, не смотря на то, что на слизистой оболочкѣ не было видно ранъ. Въ этомъ случаѣ никто не надѣялся на выздоровленіе. Я помѣстилъ къ этимъ больнымъ еще четырехъ лошадей шести и восьмилѣтняго возраста, изъ которыхъ три были нѣмецкой породы и одна нормандской: одна была слѣпа вслѣдствіе періодической простудной опухоли, у другихъ двухъ была давнишняя хромота, а четвертая совсѣмъ не годилась для ѣзды, вслѣдствіе поврежденія въ подкожномъ составѣ отъ раны огнестрѣльнымъ оружіемъ. Два солдата были приставлены исключительно для ухода за ними. Роберъ, ветеринаръ, и я нѣсколько разъ въ день намазывали кисточкой сапный ядъ на слизистую оболочку каждому изъ этихъ четырехъ животныхъ, предназначенныхъ для опыта. На 7-й день желѣзы у слѣпой лошади слегка вспухли, и появились нѣкоторые симптомы сапа, въ началѣ медленно, а потомъ такъ быстро, что на 12-й день болѣзнь достигла той степени, какая была у животныхъ, съ которыхъ сняли заразительную матерію. Остальные двѣ лошади заболѣли сапомъ въ болѣе продолжительное время; одна изъ хромыхъ покрылась лихимъ, безъ опухоли желѣзы; на 32-й день послѣ начала этого опыта всѣ они околѣли и трупы ихъ были вскрыты въ присутствіи двухъ гражданскихъ ветеринаровъ, нарочно приглашенныхъ по этому случаю. Всѣ эти лошади были признаны больными сапомъ и лихимъ". (Leblanc, ib, p. 14).

"Сборникъ практической ветеринарной медицины" за октябрь 1838 г. въ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ въ ліонской школѣ, упоминаетъ о фактѣ передачи лихаго одной рабочей шестимѣсячной лошади посредствомъ привитія гноя, взятаго съ нарывовъ лошади, у которой былъ лихой въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. (Leblanc, ib, p. 15).

Предсѣдатель ветеринарнаго общества Герольдскаго округа, г-нъ Микель, отдавалъ однажды отчетъ въ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ прививкою сапа и лихаго. Исходя изъ того, что сапъ бываетъ заразителенъ только въ первое время, въ острый періодъ болѣзни, а не тогда, когда онъ переходитъ уже во вто-

рой фазисъ, г-нъ Микель не взялъ слизи изъ носовой полости давно заболѣвшей лошади, а снялъ для прививки матерію съ нарыва только что заболѣвшей, что вполне расходилось съ понятіями ветеринаровъ, которые придерживаются того мнѣнія, что чѣмъ долѣе болѣзнь развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается заразительною. Въ первомъ опытѣ прививка гноя произвела лихой; правда съ 12-го по 15-й день всѣ нарывы зажили и только подчелюстные желѣзы оставались немного опухшими. Во второмъ опытѣ, прививка на слизистую оболочку вызвала язвы, которыя снова черезъ 2 недѣли зажили безъ леченія. Въ третій разъ прививка одному мулу вызвала въ одно и то же время сапъ и лихой, и когда животное было убито, то нашли въ немъ язвы, болячки и нарывы лихаго. Эти опыты, хотя и немногочисленны, говорить г. Микель, но они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сапъ заразителенъ. Правда, они не открываютъ намъ дѣйствительныхъ путей, которыми природа распространяетъ эту болѣзнь, но за то они оберегаютъ насъ отъ нея, и указываютъ на возможность во время предотвратить ее. «Близко то время, продолжаетъ г. Микель, когда всѣ эти разнорѣчивыя понятія соединятся въ одно, а именно въ то, что сапъ и лихой дѣйствительно заразительны. Напрасно послѣдователи теорій незаразительности сапа желаютъ защищать себя какими то химерическими подраздѣленіями этой болѣзни на острый и хроническій сапъ, признавая въ то же самое время, что послѣдній видъ этой болѣзни вызываетъ такіе пароксизмы и возвраты болѣзни, что заразительность въ этомъ случаѣ дѣлается очевидною. (Journal des vétérinaires du midi t. II 6 numero, juin 1839, p. 187).

Передача сапа и лихаго черезъ посредственное и непосредственное прикосновеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 г. г. Д... купилъ для каретной упряжи двухъ лошадей, изъ которыхъ одной было шесть, а другой пять лѣтъ. Одна изъ этихъ лошадей была заражена хроническимъ сапомъ, и въ конюшнѣ, гдѣ она помѣщалась, по одну сторону стояла лошадь, купленная вмѣстѣ съ нею, а по другую очень дорогая, здоровая англійской породы лошадь 7 или 8 лѣтъ. Конюшня, въ которой стояли эти три лошади, представляла во всѣхъ отношеніяхъ здоровое помѣщеніе, уходъ за ними былъ тщательный и кормъ вполне отборный. Въ продолженіе почти цѣлаго

мѣсяца ихъ проѣзжали исключительно для ихъ собственнаго здоровья, и то только въ хорошую погоду. Мѣсяць спустя послѣ того, какъ эти лошади были поставлены вмѣстѣ, ту, которая была съ сапомъ, взяли прочь и, слѣдовательно, она имѣла съ первыми сообщеніе только во время выѣздовъ въ экипажной упряжи. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца заболѣла лошадь англійской породы и въ первые дни іюля была отведена въ альфорскую школу, гдѣ и была убита, какъ больная хроническимъ сапомъ. Немного позднѣе по той же причинѣ и третья лошадь была убита.

Ветеринаръ Вашель передавалъ одинъ замѣчательный случай о заразительности хронического лихого. Г. Р... парижскій барышникъ купилъ изъ разныхъ рукъ на одной ярмаркѣ въ Нормандіи нѣсколько лошадей. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была въ лихомъ. Тогда онъ обратился къ Вашелю, который увидѣлъ, что семь лошадей купца были всѣ до одной въ лихомъ. Теперь спрашивается, если лихой развелся между лошадьми, купленными въ разныхъ мѣстахъ, между лошадьми, которыя не знали тяжелой работы, которыхъ хорошо содержали, холили и кормили и которыя до продажи были совершенно здоровыми и безъ всякихъ гнойныхъ ранъ на тѣлѣ,—спрашивается, повторяю я, какая можетъ быть тому причина, какъ не заразительность лихаго? (Leblanc).

«Вотъ, говоритъ Лебланъ, другой случай, который графъ Белазанъ былъ на столько любезенъ, что передалъ въ письмѣ. Въ Моденѣ стоялъ 7-й драгунскій полкъ. Въ началѣ 1823 г. изъ этого полка отправились на границу Испаніи четыре эскадрона, изъ которыхъ во второмъ находилось нѣсколько лошадей, больныхъ сапомъ. Онѣ черезъ нѣсколько времени пали и, чтобы сравнить этотъ эскадронъ съ другими, ему дали нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ остальныхъ трехъ эскадроновъ; но когда полкъ дошелъ до береговъ Гавле и разставленъ былъ по квартирамъ, то полковой командиръ принужденъ былъ снова сдѣлать то же самое со вторымъ эскадронномъ, который снова потерялъ во время похода нѣсколько лошадей отъ сапа. Мало того, пройдя Мадридъ, полкъ остановился на нѣсколько дней въ Новаль-Карниро въ Испаніи; сапъ снова посѣтилъ тотъ же эскадронъ и снова ему должны были дать нѣсколько лошадей, взятыхъ изъ другихъ эскадроновъ. Наконецъ, полкъ прошелъ Эстрамадуру и, во время довольно долгаго пребыванія въ

Севиллѣ, опять та же самая необходимость, вызванная тѣми же причинами, заставила командира принять тѣ же самыя мѣры. Здѣсь я обращаю ваше вниманіе на то, что не только однѣ взятыя изъ моденскаго эскадрона лошади пали отъ сапа, но пали отъ него безразлично какъ эти, такъ и тѣ, которыя позднѣе были присоединены, изъ другихъ эскадроновъ, гдѣ не было этой болѣзни. Наконецъ, походъ былъ конченъ и полкъ вернулся во Францію, гдѣ въ Пуатье къ нему присоединили два новые резервные эскадрона, состоящіе изъ рекрутовъ и ремонтныхъ лошадей. Такъ какъ эти два эскадрона были полнѣе тѣхъ четырехъ, которые вернулись съ компаніи, то рѣшили смѣшать ихъ вмѣстѣ и снова раздѣлить на шесть эскадроновъ, равныхъ по числу молодыхъ и старыхъ солдатъ. Нѣсколько времени послѣ такого преобразованія, во всѣхъ шести эскадронахъ разомъ обнаружился сапъ, такъ какъ солдаты, мѣняясь ротами, ввели въ нихъ съ собою и своихъ лошадей; второй же эскадронъ, гдѣ я былъ капитаномъ, сохранилъ у себя только около десяти лошадей послѣ похода въ Испанію. (Leblanc, ib. p. 87). Одинъ очень ученый ветеринаръ, г. Бартаlemi въ своихъ лекціяхъ часто рассказывалъ своимъ ученикамъ объ одномъ случаѣ, который вполнѣ можетъ убѣдить самыхъ невѣрующихъ людей въ заразительности этой болѣзни. Во время германскихъ войнъ, 3-й полкъ стрѣлковъ размѣстивъ однажды по разнымъ эскадронамъ лошадей, больныхъ сапомъ. Вскорѣ послѣ этого сапъ распространился по всему полку, тогда какъ не смотря на то, что этотъ полкъ стоялъ весьма долго въ одной бригадѣ съ первымъ полкомъ, въ которомъ лошади были подвержены тѣмъ же лишеніямъ и имѣли ту же пищу, въ этомъ послѣднемъ не было сапа. (Leblanc, ib. p. 90).

Г. Делафондъ представивъ всѣ доводы, какими оспариваютъ заразительность хроническаго сапа, говоритъ: (Traité sur la police sanitaire des animaux domestiques, p. 618, Paris 1838). Я попробую теперь представить только одни факты, которые, можетъ быть, помогутъ доказать, что хроническій сапъ заразителенъ, потому что въ нихъ мы находимъ тѣ же такъ хорошо опредѣлившіеся признаки, которые сопровождаютъ эту болѣзнь. Такихъ фактовъ три и сообщены они парижскимъ ветеринаромъ г. Донбромъ. Г. Л... покупаетъ себѣ лошадь; пять дней послѣ покупки у животнаго около лѣвой нижней челюсти показалась прилежащая къ ней опухлая

желѣзка величиною съ большой орѣхъ, не причинявшая вначалѣ особенной боли. У отверстія лѣвой же ноздри показались желто-зеленыя борки матеріи. Матерія эта, хотя и была желтаго цвѣта, но не было видно никакихъ слѣдовъ язвъ. Послѣ цѣлаго мѣсяца леченія, слизистая оболочка носа приняла сначала блѣдный цвѣтъ и затѣмъ покрылась язвами съ неправильными зубчатыми, краями, сначала небольшими и рѣдкими, впоследствии многочисленными, широкими и глубокими. Лошадь, не смотря на здоровый видъ ея, была обречена на смерть, какъ зараженная сапомъ. Въ этой же конюшнѣ стояли двѣ другія молодыя и здоровыя лошади, одна англійской породы, а другая кобыла—мекленбургской. Въ ту же конюшню была помѣщена еще одна, приведенная недавно лошадь нормандской породы, у которой на пятый день послѣ этого появились всѣ признаки сапа, а черезъ пять недѣль она была убита, какъ зараженная сапомъ. Четыре мѣсяца спустя остальные двѣ лошади заболѣли тою же болѣзнию и также точно, какъ и онѣ, были убиты. Конюшня, въ которой помѣщались эти животныя, не представляла, правда, особенно здороваго помѣщенія, но все-таки въ ней ни разу не было случая заболѣванія лошадей сапомъ. Причину же развитія этой болѣзни нельзя было приписать ни работѣ, ни пищѣ.

1-го ноября 1835 г. С... одинъ извозчикъ въ Фонтене ле-Контѣ въ Вандеѣ, купилъ лошадь, продававшуюся затѣмъ, что у ней былъ хроническій катарръ легкихъ (а также и желѣзы съ лѣвой стороны были опухши и она во время работы выдѣляла слизь); въ первый же день, она была помѣщена въ обширной и хорошо вентилированной конюшнѣ, съ восемнадцатью другими совершенно здоровыми лошадьми. Около двадцати дней послѣ помѣщенія этой лошади, у двухъ изъ этихъ лошадей обнаружались всѣ симптомы сапа въ первомъ фазисѣ, а черезъ полтора года вся конюшня была заражена и блѣдный извозчикъ потерялъ всѣхъ своихъ лошадей. (Замѣтки г. Дитрейля, главнаго ветеринара въ депо лошадей въ Геретѣ; *Journal des Haras*, t. XXIII, p. 185; *Recueil de médecine vétérinaire* 1839 p. 614).

Я узналъ по слухамъ, говорить г. Варейръ, что у г. Саразина, торговца лѣсомъ въ Рокъ-Тимбо, были двѣ зараженныя сапомъ лошади. Я пошелъ осмотрѣть его лошадей и, въ числѣ ихъ, нашелъ двухъ или трехъ, зараженныхъ этою болѣзнию, а одна изъ нихъ

была заражена уже въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, и слѣдовательно болѣзнь эта была хроническою. Это была маленькая и очень красивая лошадь бретонской породы, вороной масти. Она выдѣляла мокроту, хотя и въ небольшомъ количествѣ, изъ лѣвой ноздри; желѣзы на той же лѣвой сторонѣ опухли, вмѣстѣ съ тѣмъ были тверды и прилегали къ кости; въ ноздрѣ съ той же стороны на носовой перегородкѣ были язвы и кромѣ того еще застарѣлыя шрамы, блѣдно-матоваго цвѣта и нѣсколько твердые на оцупь. Эта затвердѣлость и блѣдность матовая происходили, конечно, отъ болѣзненнаго измѣненія хряща носовой перегородки, отъ рода язвы, наконецъ отъ блѣдности кровяныхъ шариковъ въ волосныхъ сосудахъ. За исключеніемъ этихъ признаковъ лошадь эта была повидимому совсѣмъ здорова. Другая лошадь имѣла также всѣ признаки хроническаго сапа и только язвы казались менѣе застарѣлыми. Эти животныя по моему совѣту были убиты, но я не вскрывалъ ихъ труповъ. Третья же лошадь въ продолженіе долгаго времени стоявшая и ѣвшая вмѣстѣ съ двумя первыми, не заразилась сапомъ. За мѣсяць до убіенія тѣхъ двухъ лошадей, г. Сарразинъ купилъ у жандармовъ одну кобылу забракванную за дурной бѣгъ; она ходила иноходью, была вполне здорова и имѣла девять лѣтъ отъ роду. Уходъ за ней былъ хороший, а также и кормъ. Въ жандармской казармѣ, откуда она была взята, не было ни одного случая заболѣванія сапомъ или лихимъ, Кобыла эта была помѣщена вмѣстѣ съ тремя вышеупомянутыми лошадьми, и прошло около двадцати дней, когда замѣтили, что у нея съ правой стороны была опухоль, желѣзы увеличивались все больше и больше, пока изъ правой ноздри не стала выдѣляться слизь. Наконецъ, немного выше носовой перегородки появились три небольшія язвы, въ началѣ увеличивавшіяся, а потомъ оставшіяся въ томъ же видѣ. Выдѣленіе слизи все усиливалось, а также увеличивалась и опухоль, все болѣе прилегавшая къ кости. Между тѣмъ животное, повидимому, казалось здорово. Кобыла эта была продана безъ моего вѣдома, но въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ это животное, у него были всѣ признаки сапа.

Вотъ случай хроническаго сапа, который, какъ мнѣ кажется, произошелъ единственно отъ зараженія, и я не думаю, чтобы противъ этого можно было сдѣлать какое-нибудь серьезное возраженіе. Дѣйствительно кобыла эта еще въ то время, когда она находилась

у жандармовъ, была здорова и хорошо содержалась; когда она перешла къ г. Сарразину, ее тоже хорошо содержали и кормили и она была помѣщена въ сухой и хорошо провѣтренной конюшнѣ; почему же вдругъ, не смотря на все это, послѣ того, какъ она три недѣли простояла въ одной конюшнѣ съ зараженными лошадьми, у ней открывался хроническій сапъ? Какое бы сужденіе ни вызывалъ этотъ случай, онъ долженъ привести къ заключенію, что сапъ былъ переданъ этой кобылѣ посредствомъ зараженія. Но отчего именно она заразилась сапомъ и въ такое непродолжительное время, а не та изъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ тому же владѣльцу, которая прожила годъ вмѣстѣ съ двумя зараженными сапомъ? На это я отвѣчу, что для передачи заразы нужны извѣстные обстоятельства, которыхъ мы еще не знаемъ, а также, можетъ быть, и предрасположеніе къ принятію заразы у того животного, на котораго могли бы дѣйствовать испаренія зараженныхъ сапомъ, и наконецъ, можетъ быть, тутъ играетъ роль и порча крови.. (О сапѣ... *Journal des Vétérinaires du Midi*; t. III, 3 numero, 1840 p. 79).

Но вотъ еще два факта, достовѣрность которыхъ подтверждается г. Дамуазо, ветеринаръ одного изъ конныхъ заводовъ. У одного пяти или шести-лѣтняго мерина было, должно быть, послѣ катарра, сдѣлавшагося вполнѣ хроническимъ, сильное выдѣленіе слизи со всѣми признаками хроническаго сапа. При тщательномъ осмотрѣ ноздрей у этой лошади на слизистой оболочкѣ не замѣчено ни язвъ, ни нарывовъ и только подъ нижнею челюстью была найдена чѣткообразная припухлость лимфатическихъ железъ. Такъ какъ болѣзнь не развивалась дальше, то спустя нѣсколько мѣсяцевъ, съ этою лошадью помѣстили другую, четырехъ-лѣтнюю, очень красивую, бойкую, по имени Девкаліонъ, которая черезъ нѣсколько времени заразилась острымъ сапомъ, перешедшимъ потомъ въ хроническій; чрезъ три мѣсяца, когда достовѣрно узнали о ея состояніи, ее убили. Вскрытіе трупа, а въ особенности перерожденіе ткани, найденное на многихъ мѣстахъ слизистой оболочки не оставили никакого сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго раньше. предположенія. Другой случай былъ съ одной кобылою бретонской породы, стоявшей около Девкаліона, совершенно здоровой, которая однако чрезъ два мѣсяца заразилась сапомъ, вслѣдствіе того, что стояла вмѣстѣ съ упомянутой лошадью. Во время болѣзни ее, для того чтобы избавить отъ ра-

боты, замѣняли другою кобылою, тоже бретонской породы, чрезвычайно здоровой, на которую надѣвалась сбруя, принадлежавшая первой лошади. Не успѣла она въ десятый разъ надѣть эту сбрую, какъ къ концу втораго мѣсяца у нея появились подъ нижнею челюстью опухшія железы, причинявшія ощущение неловкости, а пять мѣсяцевъ спустя она была окончательно признана зараженною сапомъ, вслѣдствіе чего и была убита. Нужно при этомъ замѣтить, что у владѣльца въ то же самое время было еще восемь лошадей, неизлеченныхъ съ вышеупомянутыми тремя ни прямыми, ни посредственными соприкосновеніями и съ этими послѣдними ничего особеннаго не случилось. (*Hurtrel d'Arboval, Dictionnaire de chirurgie, de médecine et d'hygiène vétérinaires, t. IV, p. 158, 2-e édit.*).

Что возражаютъ противъ этихъ фактовъ и наблюденій противники заразительности хроническаго сапа? Они возражаютъ противоположными фактами и опытами. Въ книгахъ ветеринарной медицины мы читаемъ, что были опыты, при которыхъ прививка, взятой съ зараженныхъ сапомъ матеріи, не производила никакихъ измѣненій въ тѣхъ животныхъ; при которыхъ здоровыя лошади, помѣщенные вмѣстѣ съ зараженными сапомъ, оставались не тронутыми этою болѣзью. Но прежде, чѣмъ сдѣлать оцѣнку этихъ фактовъ, отрицающихъ заразительность, мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе, которое не нужно терять изъ виду, а именно, что многочисленности подобныхъ фактовъ способствуютъ разныя обстоятельства. Во-первыхъ, случаи заразительности отвергаются, слѣдовательно ихъ и не знаютъ, а отвергаются они вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ интересовъ, при мѣшывающихся сюда; напр. иногда не убивается больная сапомъ лошадь, потому что хотятъ ее еще употребить для работы, а такъ какъ подобный фактъ считается преступленіемъ, то и отрицаютъ болѣзнь ея. Опасеніе, что она заразитъ другихъ лошадей по содѣйствію, заставляетъ еще болѣе скрывать ея болѣзнь и, такимъ образомъ, знакомство съ настоящею сущностью дѣла дѣлается труднымъ и даже невозможнымъ. Многіе случаи заразительности сапа остаются неизвѣстны еще потому, что весьма часто передача заразы обнаруживается очень медленно и иногда не бываетъ видна цѣлыми мѣсяцами. Это имѣетъ слѣдствіемъ, что иногда не подозреваютъ о зараженіи извѣстной лошади сапомъ, между тѣмъ, какъ она всюду разноситъ это зло и когда обнаруживается зараза, то сапъ этотъ

называютъ произвольнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ переданъ посредствомъ зараженія. Случается еще, что въ началѣ болѣзни проявляется въ видѣ лихаго, который не такъ серьезенъ, и который часто не мѣшаетъ животному работать. Переданная болѣзнь проходитъ не замѣченною, но зараженіе совершилось и когда впоследствии сапъ разовьется въ такомъ видѣ, который невозможно не признать, то онъ разсматривается, какъ произвольный.

Этими предварительными разсужденіями я вовсе не желаю отвергать возможность произвольнаго сапа, но я ими только хочу уменьшить число случаевъ, отрицающихъ заразительность. Эти случаи дѣйствительны, но они не уничтожаютъ и тѣхъ, въ которыхъ хроническій сапъ обнаруживаетъ заразительныя свойства. Слѣдовательно, нужно принимать къ свѣдѣнію какъ тѣ, такъ и другія и придти къ такому заключенію, что не при всѣхъ обстоятельствахъ и не во всякое время сапъ можетъ быть заразителенъ, а также и не во всѣхъ видахъ этой болѣзни и не для всякой лошади. И дѣйствительно, взгляните, что бываетъ при остромъ сапѣ: противъ заразительности этой болѣзни уже никто не споритъ, но въ то же самое время ея дѣйствіе не всегда бываетъ неотразимымъ и безусловнымъ. Прочтемъ, что пишетъ г. Ренольдъ, директоръ альфорской школы: «Надо замѣтить, что заразительныя свойства остраго сапа скорѣе обнаруживаются при прививаніи, чѣмъ при нахожденіи зараженныхъ лошадей вмѣстѣ; вообще немного такихъ лошадей, которыя уцѣлѣли противъ прививки сапа, тогда какъ больше, чѣмъ половина животныхъ осталась жива и здорова послѣ опытовъ сообщенія съ зараженными, начиная съ самаго начала болѣзни у животнаго съ сапомъ — и кончая смертью его (Сборникъ ветеринарной практической медицины, 17-й годъ, 2-й выпускъ № 9, сентябрь 1840, стр. 538).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что болѣзнь, обладающая въ высшей степени свойствомъ передаваться, падаетъ однако подъ извѣстными условіями болѣе, чѣмъ половину животныхъ, которыя были подвержены опыту. Но если на основаніи того, что сообщеніе съ зараженными лошадьми въ половинѣ случаевъ не производитъ никакого дѣйствія, начнутъ отвергать заразительность остраго сапа, то это будетъ опровергнуто ветеринарами. Впрочемъ, эти свойства присущи всѣмъ заразительнымъ болѣзнямъ и нѣтъ ни одной, заразительное

свойство которой было бы такъ сильно, что она не оставляла бы ни одного человѣка не зараженнымъ. Напр. оспа, которая такъ заразительна, передается подобно оstromу сапу, какъ прививаніемъ, такъ и простымъ сообщеніемъ. Хотя дѣйствіе прививки почти всегда достигаетъ своей цѣли, но не смотря на то, встрѣчались личности, на которыхъ она не дѣйствовала. Что касается до втораго случая, то число лицъ, не расположенныхъ къ этой болѣзни умножается значительно. Какъ до введенія прививанія оспы нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ еще не было ея, не поражала эпидемія, такъ и въ наше время изъ числа людей, которымъ была привита оспа и между тѣми, которымъ она не была привита, или не привита вторично, только небольшое количество заболѣваетъ въ каждую эпидемію. Нужно было очень немного для того, чтобы произвести зараженіе: одна капля оспенной матеріи, взятой на кончикъ ланцета, послѣ прививанія вызываетъ сильную лихорадку, нарушаетъ дѣятельность органовъ, покрываетъ всю поверхность тѣла громаднымъ количествомъ нарывовъ и наконецъ даже причинить смерть больному. Но чтобы предохранить какое-нибудь живое существо отъ этого смертельнаго вліянія, требуется иногда очень немного: одна капля оспенной матеріи, введенная подъ кожу, достаточна для того, чтобы предохранить человѣка отъ заразы, или по крайней мѣрѣ, сдѣлать его менѣе доступнымъ дѣйствію ея. Между тѣмъ, какъ до прививки оспы, такъ и послѣ нея органы, твердыя и жидкія части организма кажутся одни и тѣ же, не смотря на самое тщательное наблюденіе. Слѣдовательно, произошло какое-нибудь серьезное измѣненіе въ такой сферѣ, которая нашему наблюденію не доступна.

Противники заразительности сапа представляютъ еще одинъ аргументъ для того, чтобы уничтожить результаты наблюденій, приведенныхъ мною выше. Хроническій сапъ, говорятъ они, есть болѣзнь такого рода, которая развивается внезапно у лошадей; и потому, развѣ не можетъ случиться, что въ то время, когда прививаютъ лошади сапъ, или когда ставятъ здоровую лошадь вмѣстѣ съ больными этою болѣзнію, эти подверженные опыту животныя могутъ заболѣть независимо отъ всякой заразы, и такое простое стеченіе обстоятельствъ принимаютъ за фактъ зараженія. Этотъ аргументъ могъ бы быть также сдѣланъ и противъ зараженія острымъ сапомъ; эта болѣзнь внезапно появляется у лошади, и несмотря на то они въ то же вре-

мя соглашаются съ тѣмъ, что если во время прививки сапнаго гноя, или въ то время, когда ставятъ лошадь въ одну конюшню съ зараженными этою болѣзью, обнаружится острый сапъ, то въ этомъ случаѣ не было простаго совпаденія случаевъ болѣзни, а была настоящая зараза. Отчего это такъ? А оттого, что нужно признать такое стеченіе обстоятельствъ, какое ни одна логика не признаетъ.

Дѣлали еще такого рода замѣчаніе, что хроническій сапъ не обладаетъ свойствомъ передаваться еще потому, что онъ хроническая болѣзнь. Дѣлали еще вопросъ: есть ли между другими болѣзнями такія, у которыхъ съ свойствами хронической болѣзни была бы доказана и заразительность? На это г. Лебланъ отвѣчаетъ (ib. p. 72) напоминая шелудей, настоящей хронической болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ очень заразительной. При этомъ надо замѣтить, что постоянный сифилисъ есть хроническая и вмѣстѣ съ тѣмъ заразительная болѣзнь.

Противники заразительности сапа приписываютъ во всѣхъ случаяхъ развитіе этой болѣзни противугигіенической жизни; но изъ предыдущихъ фактовъ мы видимъ, что нѣкоторые случаи заболѣванія сапомъ не подходятъ подъ это объясненіе и должны быть приписаны заразительности. Если произвольное появленіе болѣзни и зараженіе не исключаютъ другъ друга, то заразительность болѣзнаго животнаго и невосприимчивость здороваго еще менѣе могутъ исключить другъ друга. Сила заразительности не можетъ быть равно дѣйствительна во всѣхъ обстоятельствахъ, а также и невосприимчивость къ ней не можетъ быть ни одинакова, ни неизмѣнна. Это то колебаніе между заразительностью и невосприимчивостью къ ней и можетъ служить объясненіемъ трудныхъ вопросовъ въ этомъ дѣлѣ и разнорѣчіе въ теоріяхъ. Зараженная сапомъ лошадь, не передавая еще заразы, вдругъ можетъ ее передать; одна лошадь можетъ заразиться при тѣхъ условіяхъ, при какихъ не можетъ заразиться другая. Развѣ никто не замѣчалъ, какъ оспа по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, очень часто падаетъ дѣтей въ первые мѣсяцы ихъ жизни?

„До среднихъ вѣковъ, говоритъ г. Гуртрель Арбоваль, когда говорили о сапѣ, то опредѣляли эту болѣзнь, какъ чрезвычайно заразительную во всѣхъ видахъ. Еще того же мнѣнія держались вплоть до того времени, когда появилась въ первый разъ эта кни-

га, и вотъ почему, представляя примѣры о заразительности, мы не считали себя обязанными выдѣлять примѣры только относящіяся къ хроническому сапу. Впрочемъ, всѣ ветеринары поймутъ это при простомъ чтеніи. Въ настоящее время воображаютъ, что знаютъ болѣе; знаютъ, что острый сапъ сильно заразителенъ, а хроническій вовсе не заразителенъ. Мы понимаемъ, что какая нибудь болѣзнь не можетъ въ одинъ изъ своихъ періодовъ быть заразительною, а въ другой можетъ, но мы не можемъ съ этимъ согласиться по отношенію къ ея видамъ; что нибудь одно, или болѣзнь заразительна во всѣхъ ея видахъ, или совсѣмъ не заразительна, иначе эти виды—не виды одной и той же болѣзни. Защитники заразы и противники ея отлично поняли это и чтобы выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія они установили два, даже три рода сапа: хроническій, острый и гангренозный. (Ib. p. 176).

И дѣйствительно, этотъ аргументъ можетъ только исходить отъ противниковъ этой теоріи; они признаютъ различіе между острымъ и хроническимъ сапомъ и, исходя отсюда, они отрицаютъ заразительное свойство послѣдняго, тогда какъ признаютъ его въ первомъ. Противъ этой новой теоріи приводятъ множество фактовъ. Острый сапъ переходитъ въ хроническій, хроническій въ острый, острый лихой переходитъ въ хроническій, хроническій въ острый и наконецъ лихой переходитъ въ сапъ, а сапъ въ лихой. Слѣдовательно, если между острымъ и хроническимъ сапомъ существуетъ различіе только въ однихъ видахъ, то не должно казаться удивительнымъ, что могутъ быть только степени въ заразительности той и другой болѣзни.

Есть одинъ фактъ, который можетъ разсматриваться, какъ большое количество опытовъ, это громадныя потери лошадей во французскихъ арміяхъ вслѣдствіе зараженія хроническимъ сапомъ, тогда какъ въ нѣмецкихъ тотъ же самый бичъ уничтожаетъ гораздо меньшее количество лошадей. Чѣмъ же въ этомъ случаѣ руководятся въ томъ и другомъ государствѣ? А тѣмъ, что въ Германіи предпринимаются самыя строгія мѣры противъ заразы, которой такъ боятся, что убиваютъ здоровыхъ лошадей, имѣвшихъ только одно сообщеніе съ больными, тогда какъ во Франціи, гдѣ преобладаетъ теорія незаразительности этой болѣзни, очень естествен-

но, что не такъ строго слѣдять за выполненіемъ предписаній санитарной полиціи.

Хроническій лошадиный сапъ посредствомъ заразы можетъ развить ту же самую болѣзнь и у человѣка. Этотъ фактъ, доказанный кажется однимъ случаемъ хроническаго лихаго, перешедшаго потомъ въ острый сапъ, былъ переданъ хирургомъ въ Неккеревской больницѣ, г. Герардомъ, въ королевскую медицинскую академію 1840 г. 12 февраля. Этотъ случай былъ замѣченъ у одного конюха, имѣвшаго сообщеніе только съ однѣми зараженными сапомъ или хроническимъ лихимъ лошадьми. Этотъ фактъ подтвержденъ также и г. Лебланомъ; этотъ ученый ветеринаръ представилъ г. Герарду описаніе болѣзни четырехъ лошадей, находившихся въ той конюшнѣ, гдѣ служилъ этотъ конюхъ. Въ такомъ случаѣ, если хроническій сапъ передается отъ лошади человѣку, то какъ же не передаться ему отъ лошади лошади?

Происхожденіе произвольнаго сапа—вопросъ очень темный. Ветеринары имѣютъ обыкновеніе приписывать эту болѣзнь нездоровому помѣщенію конюшенъ, дурной пищи, чрезмѣрной работѣ, простудамъ, словомъ всѣмъ нарушеніямъ правилъ гигиены; но нужно согласиться съ тѣмъ, что приписывать одну и ту же болѣзнь столькимъ различнымъ причинамъ, типъ которой такъ вѣрно опредѣленъ, значитъ набросить сомнѣніе на дѣйствительность этихъ причинъ. Наконецъ, возраженіе, окончателно разбивающее это воззрѣніе о причинахъ болѣзни, заключается въ томъ, что вы можете встрѣтить сапъ въ великолѣпныхъ конюшняхъ, у отлично откормленныхъ животныхъ и при такихъ условіяхъ, при которыхъ не бываетъ усиленной работы. Повидимому, этиология сапа стоитъ въ медицинѣ на той же степени, на какой стояла двадцать лѣтъ тому назадъ этиология тифозной горячки. Если вы по этому поводу обратитесь къ предшествующей медицинской литературѣ, то вы увидите, что ничто не можетъ быть менѣе ясно и въ то же время ничто не можетъ быть такъ разнообразно, какъ причины болѣзней: то причиною бываетъ сырость, холодъ, то дурная пища, или дурное помѣщеніе, то горе, словомъ всевозможныя антигигиеническія условія; попробуйте точнѣе разяснить эти указанія и отдать въ нихъ себѣ отчетъ и вы увидите, что тифозная горячка встрѣчается, какъ въ роскоши, такъ и въ нищетѣ, какъ подъ вліяніемъ хо-

лода, такъ и подъ вліяніемъ жары, при хорошей пищѣ, такъ и при дурной.

Послѣ такого строгаго изслѣдованія одной изъ лучшихъ работъ медицинской школы въ Парижѣ всѣ гипотетическія теоріи этиологии упали и установилось такое мнѣніе, что причины тифозной горячки неизвѣстны. Ученые, занимающіеся физикой и химіей, при изслѣдованіи какого нибудь патологическаго явленія съ трудомъ привыкаютъ къ мысли, недопускающей какой нибудь извѣстной причины и непрерывно стремятся приписать его вліянію среды и обстановки. Но въ такихъ вопросахъ лучше сознаться въ незнаніи причинъ, чѣмъ предпочесть гипотезу дѣйствительности. Тоже самое можетъ случиться съ произвольнымъ сапомъ, что съ тифозной горячкой. По крайней мѣрѣ важно съ этими воззрѣніями взять назадъ ученіе о происхожденіи произвольнаго сапа. Желательно, чтобы на это обратилось вниманіе военныхъ ветеринаровъ, мнѣніе которыхъ по ихъ исключительному положенію имѣло бы большой вѣсъ.

Въ концѣ концовъ очевидно, что сапъ можетъ передаваться отъ лошади человѣку, а также и то, что онъ передается отъ одной лошади другой. Но дѣйствіе ни того, ни другого можетъ быть неизмѣнно, ни постоянно; есть обстоятельства, при которыхъ и то и другое невозможно или очень затруднительно, но тѣмъ не менѣе подобныя факты существуютъ и тамъ, гдѣ одинъ остается въ безопасности отъ заразы, другой будетъ смертельно пораженъ ею. Знаніе этихъ бѣдственныхъ случайностей требуетъ, чтобы принимались необходимыя мѣры для предохраненія жизни человѣка отъ этой опасности, и чтобы придавали необходимую силу административнымъ распоряженіямъ противъ заразы сапа, которую теорія о незаразительности сапа стремится все болѣе и болѣе ослабить. Г. Райе прославился тѣмъ, что освѣтилъ вполне темный и запутанный патологическій вопросъ и тѣмъ оказалъ большую услугу общественной гигиенѣ, этой важной отрасли медицины, изслѣдованія которой требуютъ столько труда, которая такъ неуклонна въ своихъ дѣйствіяхъ и приводитъ къ яснымъ заключеніямъ.

О РАНАХЪ НАНЕСЕННЫХЪ ОГНЕСТРѢЛЬНЫМЪ ОРУЖІЕМЪ.

Военная хирургія измѣнилась вмѣстѣ со способомъ веденія войны. Все то, что было пригодно для леченія ранъ, нанесенныхъ копьями, стрѣлами и шпагами, оказалось недостаточнымъ при пораненіи ружейною пулею, пушечнымъ ядромъ, или осколкомъ картечи.

Цельсій, въ книгѣ своей, достойной, по слогу, стать на ряду съ наилучшими образцовыми произведеніями вѣка Августа, и составляющей прекрасный сводъ медицинскихъ знаній его времени, сообщаетъ указанія относительно извлеченія остроконечностей и постороннихъ тѣлъ, относительно надрѣзовъ подъ ранюю для выпуска гноя (контръ-пунктура) и расширенія ранъ, которыя и до сихъ поръ служатъ основными правилами леченія раненыхъ. Но, съ изобрѣтеніемъ пороха, съ введеніемъ въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ начали являться случаи излома костей въ большихъ размѣрахъ, переломы съ раздробленіемъ, отрывы членовъ, перфорация черепа, груди и живота. И странное, однакоже дѣло, въ наше время битвы менѣе кровопролитны, чѣмъ въ древности, когда дрались лицомъ къ лицу холоднымъ оружіемъ; мы не видимъ уже, чтобы одно сраженіе стоило такихъ громадныхъ потерь убитыми, сравнивая % убиты съ числомъ сражавшихся, хотя нынѣшніе раны тяжелѣе, опаснѣе и чаще ведутъ за собою потерю членовъ.

Военные хирурги очутились при упомянутой реформѣ войны безъ руководства въ дѣлѣ леченія ранъ, причиненныхъ огнестрѣльными оружіями и были вынуждены создать вполне новую школу, которая не могла быть заимствована ни отъ древнихъ, ни отъ арабовъ; нельзя не сказать, что странное впечатлѣніе выносится изъ зрѣлища тѣхъ ошибокъ и заблужденій, черезъ которыя прошли они, прежде чѣмъ установить, хоть до извѣстной степени, вѣрныя правила леченія. Первоначальное предположеніе врачей было, что раны эти отравлены. Брауншвейгъ, страсбургскій хирургъ, жившій въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, подобно, впрочемъ, всѣмъ остальнымъ современнымъ ему хирургамъ, лечилъ ихъ совершенно такъ, какъ еслибы онѣ были причинены отравленнымъ оружіемъ. Онъ вводилъ въ рану кусокъ свиного сала и давалъ внутрь теріакъ (извѣстное противудіе) для удаленія яда. Іоаннъ-де-Виго приписываетъ злокачественность этихъ ранъ, круглой формѣ пули, дѣйствию пораженія на раненныя части и ядовитымъ свойствамъ, какъ самаго смертоноснаго оружія, такъ и пороха. На основаніи этого онъ приходитъ къ двумъ слѣдующимъ совѣтамъ: во первыхъ прикладывать увлажняющія вещества для исцѣленія обжога; во вторыхъ—для уничтоженія яда. Съ этой цѣлью онъ и рекомендуетъ употребленіе раскаленнаго желѣза или горячаго масла. Мысль о присутствіи яда въ ранахъ, происшедшихъ отъ огнестрѣльнаго оружія, преобладала между хирургами того времени и было внушено имъ отчасти черноватымъ цвѣтомъ самыхъ ранъ, отчасти оцѣпѣненіемъ, въ которое нерѣдко впадали раненые и наконецъ неоднократнымъ тяжелымъ исходомъ, слѣдующимъ за этими поврежденіями. Къ несчастью, они заблуждались; и какъ случается почти всегда, что плохая теорія ведетъ неизбѣжно за собою плохіе практическіе результаты, такъ и въ этомъ случаѣ прижиганіе ранъ раскаленнымъ желѣзомъ, кипящимъ масломъ и ѣдкими химическими веществами увеличивало страданія, и опасность пациентовъ.

Амвросію Паре обязано человѣчество измѣненіемъ къ лучшему этого безобразнаго положенія вещей и установленіемъ разумнаго и полезнаго способа леченія. Это гибельное заблужденіе было уничтожено благодаря случайности, которую съумѣлъ сдѣлать плодотворный наблюдательный умъ великаго хирурга.

Послѣ одной схватки, гдѣ было много раненныхъ, у Паре оказался недостатокъ въ кипящемъ маслѣ для прижиганія ранъ. Стоитъ прочесть въ книгѣ самого Паре рассказъ о безпокойствѣ, въ которомъ онъ находился, вслѣдствіе этого невольнаго уклоненія отъ хирургическихъ принциповъ. Онъ провелъ ночь въ страшномъ волненіи; онъ боялся, что на другой день раны больныхъ значительно ухудшатся, что ядъ проникнетъ во всѣ органы тѣла и что онъ найдетъ большинство своихъ пациентовъ умирающими или умершими; онъ былъ приятно изумленъ, когда нашелъ ихъ въ лучшемъ положеніи нежели тѣхъ, которые были подвергнуты обычному леченію. Этотъ случайный и чисто произвольный опытъ убѣдилъ его въ томъ, что раны отъ огнестрѣльнаго оружія слѣдуетъ врачевать на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ это дѣлалось до той поры, и что онѣ не представляютъ ничего общаго съ отравой. Эта реформа, со временъ А. Паре, спасла жизнь не одному раненому; такъ какъ раны отъ огнестрѣльнаго оружія гораздо чаще встрѣчаются другихъ видовъ ранъ. Возьмемъ для примѣра раненныхъ въ іюльскіе дни, на 425 ч. пользовавшихся въ госпиталѣ Сень-Клу, 354 были ранены огнестрѣльнымъ оружіемъ, а только 24 холоднымъ оружіемъ, 33 страдали контузіями и 14 отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Изъ этого частнаго примѣра можно заключить вообще о ходѣ человеческого ума на пути приобрѣтенія знаній. Поставленный лицомъ къ лицу съ незнакомыми явленіями, происходящими отъ снарядовъ, движимыхъ порохомъ, хирургъ опредѣляетъ ихъ невѣрно; ошибочное толкованіе имѣетъ слѣдствіемъ своимъ ошибочную практику. Затѣмъ онъ возвращается къ исходному пункту, отыскиваетъ незамѣченную имъ сначала нить, и исправляетъ одновременно какъ теоретическія воззрѣнія свое такъ и практическія примѣненія первыхъ. Такимъ-то путемъ цивилизація постоянно изощряетъ способность человека къ изобрѣтательности. Послѣдствіе и причина, орудіе и рычагъ, она безпрерывно порождаетъ новыя условія и заставляетъ прискивать новыя приспособленія. Исторія мореплаванія представляетъ намъ новый примѣръ въ той же области медицины, изъ которой мы и не будемъ удаляться. Человѣчество древняго міра, не предпринимавшее продолжительныхъ путешествій, мало удалявшееся отъ береговъ и часто высаживавшееся на

твердую землю, не знало скорбута, этого бича новѣйшихъ мореплавателей. Когда моряки, ввѣряясь компасу, стали отваживаться на далекія плаванія, по необозримымъ морскимъ пространствамъ, когда они стали пускаться въ кругосвѣтныя путешествія и оставаться по нѣсколько мѣсяцевъ сряду на водѣ, не выходя ни разу на берегъ, тогда пришлось имъ впервые испытать неслыханныя и страшныя болѣзни.

Жизнь въ тѣсномъ помѣщеніи, пища, состоявшая изъ соленыхъ и часто разлагавшихся припасовъ, нечистота развившаяся отъ неряшливости, о вредѣ которой не имѣли правильнаго понятія, испорченность воздуха, возобновленіе котораго было еще неизвѣстно, всѣ эти условія взятые вмѣстѣ губили цѣлыя флоты и были въ теченіи XVI, XVII, а частью и XVIII вѣковъ, грозой мореплавателей. Но, наконецъ, геній науки принялся за изслѣдованіе и, раскрывъ причины зла, онъ такъ дѣятельно боролся противъ нихъ, что въ настоящее время скорбутъ рѣдкое явленіе въ хорошо организованномъ флотѣ.

Природа, невзирая на все что говорятъ на этотъ счетъ, не всегда можетъ найти въ самой себѣ силы противодѣйствія болѣзнямъ. Помощь человеческого разсудка бываетъ ей часто необходима, для направленія работы ея и исправленія ея уклоненій. Природа награждаетъ оспой, но не она предохраняетъ отъ нея; природа убиваетъ посредствомъ злокачественной лихорадки того, кого спасло-бы своевременное и разумное леченіе хиномомъ. Животная экономія представляетъ почву, находящуюся до извѣстной степени во власти науки, подобно тому какъ агрономія имѣетъ въ своемъ распоряженіи землю, воздѣлываемую усиліями ея; въ этомъ и заключается значеніе и величіе медицины.

Военные хирурги, опираясь на свои спеціальныя опыты, склонны отрицать компетентность гражданскихъ хирурговъ въ вопросѣ о ранахъ; но этотъ упрекъ не можетъ быть отнесенъ къ Г. Дюпонтрену: въ 1814, въ іюль 1830 и іюнь 1832 г. знаменитый хирургъ госпиталя Отель-Дѣ много видѣлъ лично и много сдѣлалъ собственными руками, и могъ слѣдовательно бросить и на этотъ отдѣлъ хирургіи тотъ трезвый взглядъ, который очевидно составляетъ характеристическую принадлежность его геніальнаго ума. Когда профессоръ, въ амфитеатрѣ наполненномъ слушателями

начиналъ тихимъ голосомъ свою лекцію и мало по малу оживлялся; когда точнымъ и яснымъ своимъ словомъ онъ излагалъ всѣ обстоятельства наибольшаго числа случаевъ, встрѣченныхъ имъ въ средѣ его многочисленныхъ пациентовъ; когда онъ объяснялъ то что онъ дѣлалъ, или сообщалъ значеніе того, что намѣревался предпринять, тогда не было ни на одной скамьѣ студента, который бы не понималъ мощи и ясности преподаваемого, и въ которомъ не проснулось бы желаніе такого-же обширнаго знанія и такого же умѣнія вѣрно оперировать. Это образцовое преподаваніе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и рядомъ съ нимъ шли и плодотворныя для юношества практическія работы; зданіе Отель-Дье было свидѣтелемъ, упорной дѣятельности великаго хирурга; ежедневно въ шесть часовъ утра являлся онъ къ постели своихъ больныхъ, за осмотромъ шла лекція объ операціи, а по вечерамъ онъ повторялъ свое посѣщеніе къ наиболее опаснымъ субъектамъ.

Многочисленныя занятія д. Дюпюитрена, конечно, не позволяли ему употреблять много времени на кабинетную работу, и онъ печаталъ рѣдко и мало; но его лекціи были собраны не разъ; онѣ заключаютъ въ себѣ основныя пункты и сущность его доктрины и его практическихъ пріемовъ. Этотъ трудъ еще недавно былъ возобновленъ его учениками гг. Маркомъ и Пайльаромъ; они издали лекціи, читанныя д. Дюпюитреномъ о раненыхъ въ іюльскіе и іюньскіе дни.

Дѣятельность хирурга относительно леченія ранъ можно опредѣлить такъ, съ общей точки зрѣнія: на обязанности его лежитъ поставить поврежденныя части въ тѣ условія, въ которыхъ природа могло бы заживить ихъ. Для каждой раны, которую хотятъ довести до заживленія существуютъ два врачующихъ элемента: природа и искусство; первая подготавливаетъ излеченіе, второе совершаетъ его. Искусство, безъ содѣйствія природы *всегда* безсильно; природа, безъ помощи искусства *часто* неспособна исправить безпорядки, нарушившіе цѣлость частей. Нѣтъ ничего легче какъ указать границы этихъ двухъ сферъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Если не сближать края раны,—заживленіе немыслимо; но самый процессъ заживленія ни что иное какъ дѣйствіе организма. Если двѣ оконечности сломанной кости не содержатъ въ ихъ естественномъ сближеніи, то сращенія не будетъ, а если даже сращеніе и будетъ то неправильное; тѣмъ не менѣе образованіе *костяной мозоли* есть

продуктъ усиленной работы организма. Когда разрѣзана большая артерія, дѣло хирурга перевязать ее, безъ этого больной умретъ отъ кровотечения; но разобщеніе общей системы кровообращенія съ поврежденной частью и возстановленіе кровообращенія побочными кровеносными путями принадлежитъ всецѣло самодѣятельности животной экономіи.

Когда подъ черепными костями накапливается вслѣдствіе пролома, оказывается скопленіе крови или гноя, то необходимо съ помощью трепана сдѣлать отверстіе для истока накопившихся жидкостей, иначе больной впадаетъ въ параличъ, коматозное состояніе, и умираетъ. Словомъ, исключительная и постоянная задача хирургіи состоитъ въ отстраненіи препятствій, мѣшающихъ природѣ въ возстановительной дѣятельности ея.

Для многихъ случаевъ путь вполне начертанъ, и то что называется въ научной терминологіи диагнозомъ, ясно установлена и доступна всякому мало-мальски свѣдущему хирургу. Но бываютъ и такіе затруднительные случаи, при которыхъ самый опытный практикъ и самый наблюдательный умъ останавливается въ нерѣшимости, и совершенно не знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Отвѣтственность врача становится тогда тяжелой обязанностью, о которой едва-ли могутъ судить тѣ, кому не приходилось рѣшать вопросовъ жизни и смерти человѣка. Эта глубокая и серьезная мысль написана на заглавіи одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ медицины: Гиппократъ поставилъ эпиграфомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ сочиненій слѣдующее изрѣченіе:

«Жизнь коротка, искусство медлительно, случай быстръ, а пониманіе—долго трудное». Въ этомъ глубокомъ изреченіи, на которомъ отразился геній Греціи и геній востока, древній современникъ Сократа и Фукидида, указываетъ одновременно на все что есть непоправимаго въ потерянномъ случаѣ, или въ дурно веденой системѣ леченія, а равно и на все, что есть невѣрнаго и неосновательнаго въ сужденіяхъ наиболѣе знающаго человѣка. Впрочемъ, эта общая участь всѣхъ прикладныхъ наукъ, въ которыхъ одна половина принадлежитъ области положительнаго знанія, а другая чисто гипотетична. Но нигдѣ человѣческая отвѣтственность не подвергается такому жестокому испытанію какъ въ важныхъ и сомнительныхъ фактахъ медицинской практики. Таковы, напри-

мѣръ, приводимыя въ книгѣ г. Дюпюитрена случаи раздробленія костей, послѣдовавшіе отъ выстрѣла изъ огнестрѣльнаго оружія. Въ прошломъ столѣтіи былъ поднятъ безконечный споръ по поводу вопроса, слѣдуетъ ли отнимать немедленно поврежденный членъ или нужно приступать къ этой операціи лишь послѣ обнаруженія какихъ-нибудь опасныхъ симптомовъ, и только въ томъ случаѣ когда нѣтъ уже надежды сохранить раненый членъ. Окончательный приговоръ, въ пользу котораго склоняется и д. Дюпюитрентъ, былъ тотъ что слѣдуетъ принять за общее правило: «ампутировать»; онъ говоритъ что конечно существуютъ въ видѣ исключенія, нѣкоторые чудесные примѣры выздоровленія члена и въ упомянутомъ случаѣ раздробленія кости, но эти исключенія не могутъ служить руководствомъ для хирурга, на томъ основаніи, что если ампутація и губитъ безвозвратно нѣсколько членовъ, которые быть можетъ и представили бы случаи сращенія раздробленныхъ частей, за то съ другой стороны этимъ жестокимъ но необходимымъ изувѣченіемъ спасается громадное количество людей, которымъ неминуемо предстояло бы умереть безъ нея или отъ немедленнаго воспаления, или отъ послѣдующаго нагноенія и которыхъ пришлось бы въ концѣ концовъ подвергнуть ампутаціи, но позднѣе, т. е. при состояніи истощенія и слабости, представляющихъ условія гораздо худшіе, нежели тѣ, въ какихъ находится пациентъ непосредственно послѣ полученія раны. Необходимость немедленной ампутаціи становится еще неотразимѣе на полѣ битвы, тамъ гдѣ въ распоряженіи хирурга существуютъ лишь очень неудовлетворительныя способы передвиженія. Пусть только читатель представитъ себѣ положеніе человѣка съ раздробленной ногой или ляшкой въ телѣгѣ безъ рессоръ; острые оконечности надломленной кости врѣзаются въ мускулы и не только причиняютъ невыразимыя страданія, но и порождаютъ безконечный рядъ опасныхъ явленій, и ему станетъ понятно сколько раненыхъ должна спасти отъ смерти немедленная ампутація.

Трудъ гг. Мареса и Палльера заслуживаетъ большую благодарность, изданныя ими лекціи д. Дюпюитрена собраны вполне добросовѣстно и подъ ихъ перомъ слова учителя сохранили всю ту силу, которой отличалась рѣчь знаменитаго профессора. Тамъ и сямъ прибавили они результаты своихъ личныхъ изысканій и наблюде-

ній. Я позволю себѣ цитировать, между прочимъ, сообщенныя ими любопытный опытъ, который былъ произведенъ надъ пулями изъ воска и изъ папье-маше. Пуля изъ желтаго воска, вложенная въ карабинъ съ патрономъ, изъ котораго была предварительно вынута свинцовая пуля, пробиваетъ насквозь дубовую доску въ 14 — 16 линій толщины; она пробиваетъ отверстіе съ неровными краями и зазубринами со стороны вылета, точь въ точь какъ это бываетъ при употребленіи свинцовой пули. На прострѣленной доскѣ, служившей для опыта, было невозможно примѣтить ни малѣйшей разницы между пробойной, сдѣланной обыкновенной пулею и пробойной, сдѣланной восковой. Пуля изъ папье маше въ сыромъ состояніи, или скатанная изъ мягкой массы или тѣста въ данномъ случаѣ произвела тѣ же результаты. Изъ этихъ, неоднократно повторенныхъ опытовъ очевидно, что подобныя пули должны произвести и на человѣческомъ тѣлѣ тѣже дѣйствія, какія происходятъ отъ свинцовыхъ пуль. Слѣдуетъ однакоже оговориться: восковыя, бумажныя пули и пули изъ тѣста оказываютъ дѣйствіе равное съ пулями свинцовыми только на близкомъ разстояніи, но дѣйствіе ихъ ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ цѣли. Соль которую иногда употребляютъ въ видѣ ружейнаго заряда и которою стрѣляютъ по мародерамъ, если можно такъ выразиться, ради шутки, могла бы причинить значительныя раны при выстрѣлѣ на близкомъ разстояніи.

Эта замѣтка весьма важна для судебной медицины; не меньшую важность имѣетъ и слѣдующая: шерстяныя, льняныя ткани и войлокъ растягиваются подъ давленіемъ пули, прежде чѣмъ она пробьетъ въ нихъ отверстіе и затѣмъ разорванныя края скручиваются такъ, что объемъ пробоины не соотвѣтствуетъ объему пробившаго снаряда. Напримѣръ пуля, прострѣливающая войлочную шапку, сначала растягиваетъ ткань, затѣмъ разрываетъ ее и всаживается въ черепъ уже послѣ того, какъ пробьетъ сдѣланное ею углубленіе въ шляпѣ. При осмотрѣ отверстія въ войлокѣ неминуемо оказывается, что дыра на шапкѣ значительно меньше въ объемѣ, чѣмъ та которая окажется на черепѣ. Незнаніе этого факта дало поводъ къ мнѣнію что Карлъ XII, шведскій король, былъ убитъ измѣннически, 11-го декабря, 1718 года, при осадѣ Фридрихштадта, король былъ раненъ въ голову пулею. Предположили что онъ палъ жертвой преступленія совершеннаго кѣмъ-ни-

будь изъ лицъ составлявшихъ его свиту. Шляпа его, хранящаяся до сихъ поръ въ Стокгольмѣ и крошечное отверстие, находящееся на ней послужили ложнымъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ неосновательныхъ догадокъ. Отверстіе, на черепѣ было сравнительно больше нежели отверстие на шляпѣ. Такимъ-то образомъ наблюденіе сдѣланное въ области хирургіи проливаетъ свѣтъ на историческія задачи.

Довольно общимъ и распространеннымъ фактомъ, являются вѣра въ предрасудокъ, будто напоръ воздуха отъ летящаго ядра причиняетъ контузіи и даже смерть. Это заблужденіе произошло отъ того, что бывали на полѣ сраженія странные случаи смерти людей, на тѣлѣ которыхъ не было найдено никакихъ наружныхъ слѣдовъ поврежденія. Однакоже не трудно догадаться что это объясненіе было невѣрное. На самомъ дѣлѣ еслибы давленіе воздуха было вредоносно, то какъ же объяснить то, что часто солдаты и офицеры испытываютъ на себѣ, какъ пули срываютъ съ головъ ихъ шляпы, выбиваютъ изъ рукъ оружіе и даже убиваютъ подъ ними лошадей, оставляя ихъ самихъ при этомъ невредимыми? Случается также, что ядра отрываютъ члены и куски мяса, не повреждая сосѣднихъ частей. Бывали примѣры съ военными что у нихъ отрывало кончикъ носа безъ малѣйшаго измѣненія въ дыханіи, или что отрывалась часть уха безъ ущерба для слуховой дѣятельности. Дѣло въ томъ, что въ случаяхъ предполагаемыхъ контузій, причиненныхъ будто бы сотрясеніемъ воздуха, ядро на самомъ дѣлѣ касается тѣла; но упругость кожи, эластичность подкожныхъ тканей, кривизна линіи полета снаряда, обуславливаютъ то, что несмотря на силу удара, кожа не разрывается. Часто въ подобныхъ случаяхъ, кости бываютъ переломаны, клѣтчатые органы оконтужены; послѣдствіемъ являются крайне опасныя поврежденія а иногда и смерть раненаго. Вѣроятнѣе всего, что подобныя странныя явленія могутъ имѣть мѣсто тогда лишь когда полетъ ядра уже ослабѣваетъ, или же когда оно касается тѣла подъ очень острымъ угломъ. Хирургическія сочиненія переполнены замѣтками въ этомъ смыслѣ. Мы приведемъ одинъ изъ подобныхъ фактовъ, замѣченный во время осады Антверпена. «Одинъ инженерный офицеръ, находясь въ траншеи по долгу службы получилъ ударъ ядромъ большаго калибра въ нижнюю боковую часть груди. Онъ упалъ, пора-

женный силою удара, и съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ, тутъ же умеръ. Его перенесли въ запасную амбулаторію, находившуюся въ Берлемѣ. По снятіи съ него платья, которое нигдѣ не оказалось поврежденнымъ, ни на груди, ни на остальныхъ частяхъ тѣла не найдено было ни малѣйшей раны, ни даже кровенаго подтека. Всѣ военные порѣшили тогда единогласно, что онъ умеръ отъ контузіи ядромъ, но г. Форже, внимательно изслѣдовавъ грудь, нашелъ четыре или пять вдавшихся, изломанныхъ на множество осколковъ реберъ и мягкія прилежащія части, превращенныя въ кашу, что и позволило ему ввести руку, съ помощью растяжимости кожи въ самую грудную полость. Изслѣдованіе это дало настоящее объясненіе причины смерти офицера».

Весьма замѣчательно то, что сопротивленія оказываемаго не только костями, но мускулами и сухожильями бываетъ часто достаточно на то, чтобы остановить пулю на лету. Нерѣдко пуля ударившись объ грудь или черепъ скользитъ кругомъ по названнымъ частямъ, не проникая въ ихъ полости. Бывали случаи, что снаряды, ударившись о кость или внѣшніе покровы проходили, не ломая кости и не разрывая ткани вдоль всего члена. Англійскій хирургъ докторъ Генненъ рассказываетъ объ одномъ солдатѣ, раненномъ въ руку, въ ту минуту, когда тотъ шелъ на приступъ, слѣдующее: пуля попавъ приблизительно около середины плечевой кости, проскользила вдоль члена, задней части грудной клѣтки, проникла черезъ брюшныя мускулы и засѣла наконецъ въ средне-передней части противоположной лямки.

Относительная численность смертныхъ случаевъ между ранеными въ іюнѣ 1832 г. и въ іюль 1830 оказывается гораздо значительнѣе для іюньскихъ жертвъ. Къ этому выводу приводятъ наблюденія сдѣланныя во всѣхъ парижскихъ госпиталяхъ. Причину этой разницы мы можемъ искать развѣ только въ нравственныхъ условіяхъ больныхъ, такъ какъ за исключеніемъ этого пункта все остальное было тождественно: тѣ же госпитали, тѣ же доктора, та же система леченія. И въ самомъ дѣлѣ, раненый іюньскихъ дней былъ побѣжденный — его ждали судъ военный трибуналъ и осужденіе; подлѣ себя онъ видѣлъ часоваго, стерегнаго его даже на болѣзненномъ одрѣ; ему, казалось, все говорило, что ждутъ только минуты его выздоровленія, чтобы предать его въ руки челове-

скаго правосудія. Больной, изъ среды побѣдителей, имѣлъ мало причинъ радоваться своей побѣдѣ, онъ не находилъ въ самомъ себѣ внутренней опоры противъ страданій и страха. И мы видимъ, что въ 1832 г. всѣ больные безразлично, къ какому бы лагерю они ни принадлежали, испытывали упадокъ духа, и потому подвергались большей опасности и встрѣтили больше препятствій на пути къ выздоровленію, нежели іюльскія жертвы.

Послѣдніе имѣли въ себѣ гораздо болѣе силы противустоять страданіямъ. Побѣжденные, изъ рядовъ королевской гвардіи, а равно и раненые солдаты швейцарскаго пѣхотнаго полка, не имѣли причинъ трепетать передъ мстью побѣдителей великодушныхъ, упоенныхъ торжествомъ побѣды и неспособныхъ къ мысли о мести. Ихъ не ждали ни тюрьма, ни военный судъ. Побѣдители гордые тѣмъ что пролили кровь за великое дѣло были укрѣплены вѣяніемъ свободы и мужества, которое подняло народныя волны. Мощныя чувства одушевляли всѣ сердца, и мысль вдохновлявшая великій народъ была такъ же свѣтла какъ и лучи яркаго солнца, освѣтившаго на нѣсколько дней Парижъ и Францію.

СВЯТЕЛИ ЧУМЫ.

Въ XVI-мъ столѣтіи было распространено мнѣніе, что можно сѣять чуму, т. е. распространять ее посредствомъ извѣстныхъ составовъ, и что, слѣдовательно, существуютъ сѣятели чумы. И оно не ограничивалось сферою умозрѣнія; суды рѣшали процессы по обвиненіямъ подобнаго рода и подвергали дѣйствительныхъ или мнимыхъ преступниковъ тѣмъ жестокимъ карамъ, которыя были въ обычаѣ тогдашняго времени.

Было ли это мнѣніе основательно, т. е. возможно ли сѣять чуму? Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору этого вопроса, слѣдуетъ обратиться къ фактамъ, изъ которыхъ онъ возникъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ хроникѣ Боннивара о городѣ Женевѣ. Вотъ что говоритъ этотъ лѣтописецъ:

«Въ этомъ году (1530) чума свирѣпствовала въ Женевѣ, и людямъ повидимому, недостаточно было наказанія посланнаго Господомъ за ихъ грѣхи; злоба человѣческая, не удовлетворяясь страданіями ниспосланными свыше на человѣческой родъ, старалась еще усугубить ихъ; и фактъ этотъ показался мнѣ столь достойнымъ сохраненія въ памяти, что я рѣшился занести его въ эту лѣтопись».

«Необходимо упомянуть, что въ Женевѣ существовала и еще существуетъ больница для зачумленныхъ во время эпидеміи; въ этомъ госпиталѣ есть надзиратель, который вмѣстѣ съ тѣмъ и хирургъ, чтобы перевязывать больныхъ, духовное лицо чтобы исповѣдывать и утѣшать больныхъ, и прислужники, получающіе хорошее

вознагражденіе за опасность, которой они подвергаются, въ томъ числѣ и женщины для ухода за больными и для содержанія помѣщеній въ чистотѣ. Этихъ женщинъ называютъ сидѣлками, (suregesses), но не потому чтобы онѣ оказывали помощь изъ милосердія, напротивъ того, онѣ получаютъ хорошее содержаніе, и еще пользуются незаконными барышами, которыми дѣлятся съ надзирателемъ и священникомъ.

«Однако, по милости божіей, чума стала ослабѣвать, что пришло не по сердцу этимъ лицамъ, ибо люди, извлекающіе пользу изъ зла, не могутъ желать добра, и всегда предпочитаютъ поддерживать первое. Тутъ они вспомнили объ одномъ юношѣ изъ хорошей фамиліи, который занимался всякаго рода плутнями; онъ даже хвастался ими и гордился прозвищемъ злого, если его въ то же время считали умнымъ; но онъ еще не совершилъ такого поступка, за который подвергался бы тѣлесному наказанію. Имя его было Михаилъ Каддо. Наконецъ, онъ до того довелъ себя своимъ плутовствомъ, что очутился безъ пристанища, и никто изъ родныхъ и знакомыхъ не хотѣлъ пускать его къ себѣ въ домъ; тогда ему пришлось прибѣгнуть къ отчаянной штукѣ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, и онъ притворился заболѣвшимъ чумою, чтобы найти себѣ убѣжище и пропитаніе. Его немедленно отправили въ больницу, съ приказаніемъ имѣть за нимъ хорошій уходъ, что и было исполнено, и его лечили даже больше виномъ, чѣмъ микстурами. Тутъ онъ сообразилъ, что эта жизнь дароваго угощенія не можетъ продлиться болѣе сорока дней, по истеченіи которыхъ его спровадятъ изъ больницы, и онъ придумалъ средство, продлить ее. Съ этою цѣлью онъ сталъ убѣждать надзирателя де-Фосижи, поддерживать чуму, которая вредя другимъ, была имъ столь выгодна.

«Во первыхъ, они положили отравлять, или инымъ образомъ ускорять смерть привозимыхъ въ госпиталь пациентовъ, въ случаѣ еслибы они выказывали расположеніе къ выздоровленію.

«Потомъ они стали вырѣзывать нарывы съ тѣлъ покойниковъ, превращали ихъ въ порошокъ, и смѣшавъ его съ другими составами, давали принимать больнымъ подъ видомъ лекарства. Этого мало; они посыпали такимъ порошокомъ вышитые носовые платки, красивыя подвязки, и тому подобные вещи, а Михаилъ Каддо раз-

носилъ и разбрасывалъ ихъ ночью по городу, выбирая преимущественно дома, гдѣ предвидѣлась богатая нажива, и даже натиралъ порошокомъ замки дверей. Утромъ, когда слуга или служанка выходили изъ дома, имъ бросались въ глаза эти красивые платки и подвязки; они радовались своей находкѣ, а вечеромъ запирали на замокъ натертые двери дома или лавки, и не рѣдко прикасались къ своимъ господамъ. Такъ попадали они въ сѣти, болѣзнь ихъ приносила выгоды Каддо, надзирателямъ, священникамъ, фельдшерамъ и сидѣлкамъ.

«Это оставалось скрытымъ нѣкоторое время, но дьяволъ болѣе радѣеть объ увеличеніи числа грѣховъ, нежели о сокращеніи ихъ. Когда Каддо достаточно поработалъ ночью, то онъ не утерпѣлъ, чтобы не продолжать свое дѣло днемъ, и однажды, въ постный день слѣдующаго года, кинулъ свертокъ съ порошокомъ посреди Констанцкой улицы, воображая что никто его не замѣтитъ. Однако, нашелся человекъ, который это увидѣлъ, и не помышляя что тутъ можетъ быть опасность, а предполагая скорѣе шутку, сказалъ: «Этотъ котъ Михаилъ Каддо, что-то бросилъ сюда, чтобы подтруснить надъ народомъ,» и хотѣлъ поднять свертокъ. Но другой, болѣе разсудительный человекъ сказалъ: «Не годится въ нынѣшнее время дотрогиваться до неизвѣстной вещи, подними ее чѣмъ-нибудь, но не руками, и посмотримъ что это такое. Они достали щепки, и съ ихъ помощью подняли и открыли свертокъ, изъ котораго немедленно распространилась страшная вонь. Всѣ были въ изумленіи и не могли постичь въ чемъ дѣло, за исключеніемъ одной бѣдной женщины, которая не за долго передъ тѣмъ выписалась изъ больницы, и она сказала: «Навѣрно господа, это сдѣлано изъ чумнаго нарыва». И всѣ крайне изумились, и пошли извѣстить о томъ синдиковъ, которыми въ то время были Юганнъ Базлардъ, Юганнъ Ами, Ботемеръ, Перринъ Вильметъ и Юганнъ Лерье; и они созвали совѣтъ, обсудили дѣло и дали приказаніе немедленно схватить Михаила Каддо. Сольте, полицейскій агентъ, поймалъ его въ ту самую минуту, когда онъ думалъ укрыться въ домѣ Рива.

«Онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ синдикъ вмѣстѣ съ другими делегатами совѣта, учинили ему допросъ, и требовали его признанія. И на первыхъ порахъ, онъ представлялъ изъ себя шута, говоря синдикамъ: «Вы напрасно, господа, такъ

утруждает мою голову и мѣшаете мнѣ какъ слѣдуетъ, приготовить къ исповѣди ¹⁾; подождите до пасхи, и я все расскажу вамъ. Синдики отвѣчали ему: «Вы должны прежде всего сознаться намъ» и видя что онъ виляетъ, поднесли къ нему веревку. Тогда онъ сталъ объяснять, что въ брошенномъ сверткѣ была матерія изъ раны, бывшей у него на ногѣ. Когда же у него спросили съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣтилъ: «Надъ моею раню насмѣхались и я хотѣлъ наказать насмѣшниковъ». Синдики, не удовлетворясь этимъ отвѣтомъ, подвергли его пыткамъ, и тогда у него развязался языкъ; онъ обличилъ надзирателя, сидѣлокъ и фельдшеровъ, и открылъ съ помощью какого предохранительнаго средства они могли прикасаться къ чумѣ, не подвергая себя опасности; объ этомъ средствѣ уже было опубликовано, такъ что не стоитъ упоминать о немъ здѣсь.

«Немедля, правительство распорядилось арестовать его сообщниковъ, которымъ дѣлали допросы, очныя ставки, и которыхъ подвергали пыткамъ. Они всѣ говорили на одинъ ладъ, за исключеніемъ одного прислужника, по имени Лентиль, которому удалось спастись; ему впрочемъ не придавали особаго значенія и не давали себѣ труда отыскивать его. Заключенные въ тюрьмѣ, дожили до пасхи, по прошествіи которой ихъ казнили, но не всѣхъ за разъ и въ одинъ день. Ихъ возили на телѣгахъ по всему городу, привязанныхъ къ столбу и обнаженныхъ до пояса. И палачъ держалъ на телѣгахъ готовый огонь, въ которомъ онъ раскаливалъ свои щипцы, и когда они накалялись, то на каждомъ перекресткѣ вырывалъ у нихъ кусокъ мяса. Послѣ того, ихъ привезли на площадь Моляръ, гдѣ имъ отрубили головы на эшафотѣ; тѣла же ихъ четвертовали и части эти разнесли, чтобы выставить въ различныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ сына надзирателя, которому, во вниманіе къ его молодости, только отрубили голову; онъ признался что умѣетъ составлять микстуру отца, и его лишили жизни не ради мести, но чтобы помѣшать распространенію зла». (Хроника Женевы, Т. II, стр. 395 — 401).

Не въ одной Женевѣ вѣрили въ посѣвъ чумы, и казнили за

¹⁾ Здѣсь игра словъ, *Confesser un crime* сознаться въ преступленіи и исповѣдываться.

него смертью. Мы читаемъ въ сочиненіяхъ Ларошъ-Флавиня, *Bibliothèque toulousaine*, кн. III, буква P, слѣдующее: «Люди изъ лукавства или обмана сѣяшіе чуму подлежатъ смертной казни; вслѣдствіе чего, нѣкоторые лица, виновные въ такихъ поступкахъ въ Керси, въ 1559 году, были приговорены къ смерти; и въ Тулузѣ, судъ приговорилъ такихъ преступниковъ къ сожженію медленнымъ огнемъ».

Въ 1563 году, къ королю представилось нѣсколько итальянцевъ, которые обѣщали извести всѣхъ гугенотовъ чумою, и дѣйствительно, въ скоромъ времени Монпелье, Нимъ, Эгморть и другіе протестантскіе города, видя что они одни подвержены чумѣ, распространили слухъ, что итальянцы исполнили свое обѣщаніе... Въ 1581 году, парижане, замѣтивъ что чума увеличивается отъ злоумышленниковъ, сѣящихъ чуму разною гнилью и заразительными веществами, получили позволеніе отъ короля на мѣстѣ убивать всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ подобныхъ преступленіяхъ, чтобы они служили примѣромъ другимъ».

Чума — болѣзнь совсѣмъ особаго рода, проявляющаяся нарывами, язвами. Долго думали, что она не существовала въ древности, и основывали это ошибочное мнѣніе на отрицательныхъ доказательствахъ, на томъ, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминалъ о ней; однако, недавно, открытые и обнаруженные кардиналомъ Маемъ, греческіе тексты показываютъ, что она проявлялась и въ это время съ своими нарывами и язвами, и именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ она теперь появляется въ Египтѣ и Сиріи. Это также служитъ опроверженіемъ мнѣнію, объяснявшему позднѣйшее появленіе чумы разложеніемъ бальзамированныхъ тѣлъ въ Египтѣ, и погребеніемъ ихъ въ теплой землѣ, періодически наводняемой Ниломъ.

Мѣсторожденіе чумы дѣйствительно находится въ Египтѣ и Сиріи, такъ точно какъ холера происходитъ изъ Индіи, желтая лихорадка съ западныхъ береговъ Америки, и какъ потница родилась въ Англии въ концѣ среднихъ вѣковъ. Эта болѣзнь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно произвести искусственно, однимъ нарушеніемъ гигиеническихъ правилъ, какъ на примѣръ, скорбутъ, тифъ, больничные миазмы и піомею (гнойное зараженіе).

Всѣ эти болѣзни неизбежно появляются при данныхъ условіяхъ, вполне изслѣдованныхъ и опредѣленныхъ нынѣ наукою.

Прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ чума не свирѣпствовала въ Египтѣ и Сиріи, что приписывается гигиеническимъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ этихъ странъ подъ вліяніемъ западной медицины. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильныя гигиеническія мѣры могутъ успѣшно бороться съ этими страшными бичами бѣднаго человечества, но было бы слишкомъ преждевременно считать что старинный врагъ окончательно уничтоженъ, и неспособенъ къ новому нападенію.

Послѣдствіемъ этихъ мѣръ было избавленіе Европы отъ чумы въ продолженіе того же періода. Впрочемъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, эта болѣзнь давно уже не проникаетъ въ наши страны; послѣднее появленіе ея во Франціи извѣстно подъ названіемъ марсельской чумы; нѣсколько позже она показывалась въ Москвѣ и на нѣкоторыхъ побережьяхъ Италіи. Однимъ словомъ, уже болѣе столѣтія, какъ Западъ оградилъ себя отъ вторженія грознаго врага, но не то было прежде, въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ. Франція, Англія, Голландія, Германія часто становились жертвами его. Существованіе чумы въ Египтѣ и Сиріи и прекращеніе ея на западѣ послѣ предохранительныхъ мѣръ, принятыхъ противъ нея, ясно указываютъ, что предыдущія эпидеміи были перенесены въ то время, когда еще не помышляли препятствовать распространенію ея.

Чума, подобно желтой горячкѣ, и въ противоположность холеры, не принимаетъ повсемѣстно-эпидемической формы, и какъ ни ужасно ея дѣйствіе, она не распространяется на весь земной шаръ. Но и на это утѣшительное свойство нельзя полагаться безусловно, и какъ кажется, черная смерть, свирѣпствовавшая въ XIV-мъ столѣтіи, была въ то же время и чумою и повсемѣстной эпидеміей.

Чума не принадлежитъ къ болѣзнямъ, допускающимъ вакцинацію, какъ напримѣръ гнойныя прыщи овечья болѣзнь въ сховахъ и коровья оспа, что подтверждено было опытами, произведенными въ Каснѣ надъ преступниками, приговоренными къ смертной казни, и тѣми, которымъ подвергали сами себя Кло-Бей, и Бюляръ ¹⁾.

Опыты Деидье, врача въ Монпелье, не могутъ опровергнуть эти

выводы: во время марсельской чумы, этотъ искусный естествоиспытатель вынималъ желчь у покойниковъ и выпускалъ ее въ кровь собакъ; вслѣдствіе чего на послѣднихъ образовывались нарывы и язвы, отъ которыхъ онѣ околѣвали, и которые онъ сравнивалъ съ явленіями чумы, хотя они были ни что иное какъ результатъ всякой прививки гноя.

Если чума не прививается, то она тѣмъ не менѣе заразительна и передается легко. Доказывать это частными случаями излишне, и достаточно упомянуть объ общемъ и рѣшающемъ фактѣ появленія чумы въ Египтѣ и Сиріи и распространеніе ея оттуда по Европѣ. Въ холерѣ, отравляющіе міазмы преимущественно находятся въ испраженіяхъ; въ чумѣ, они кроются въ рубашкахъ, платьяхъ, простыняхъ, постеляхъ, служившихъ больному, вслѣдствіе чего люди, прислуживавшіе подобнымъ больнымъ, становились часто орудіемъ передачи чумы. «Не слѣдуетъ, пишетъ г. Дюпонъ Додару ¹⁾, людямъ, которые ходили за зачумленными, имѣть сообщеніе съ публикою, послѣ простаго обкуриванья. Мы всякій день видимъ, что они переносятъ болѣзнь къ здоровымъ людямъ; ихъ слѣдуетъ вѣстать мѣнять одежду, обмываться съ головы до ногъ уксуомъ... Этотъ совѣтъ былъ результатомъ наблюденій, сдѣланныхъ во время убійственной чумы въ Марсельѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ путей зараженія холерой и чумой, и самая атмосфера больнаго бываетъ заразительной въ извѣстной степени; впрочемъ, каковы бы ни были способы распространения заразы, она далеко не всегда обнаруживается, и даже случаи полной невосприимчивости къ ней такъ часто повторяются, что нашлись врачи утверждавшіе, что заразительности нѣтъ ни въ холерѣ, ни въ чумѣ. Это заблужденіе—заразительность этихъ болѣзней теперь вполне доказана. Необходимо знать, что извѣстная доля опасности существуетъ, чтобы принимать противъ нея должныя предосторожности, и также, чтобы не бояться подвергать себя ей разумно и съ мужествомъ во всѣхъ случаяхъ, когда того требуютъ гражданскій или семейный долгъ. Всякій врачъ будетъ дѣйствовать тогда по примѣру Шиконьо во время чумы въ Марсельѣ. Въ числѣ депутатовъ врачей посланныхъ на помощь къ страдавшему городу,

¹⁾ De la peste observée en Egypte, par Clot-Bey, Paris, 1840, p. 353.

¹⁾ Traité des causes, des accidents et de la cure de la peste. Paris, 1742, p. 193:

знаменитый Шиконьо отличился своимъ рвеніемъ и мужествомъ: въ то время какъ всѣ врачи и хирурги были поражены страхомъ, онъ появился въ городѣ и входилъ въ каждую больницу; кровати зачумленныхъ не внушали ему страха; онъ спокойно подходилъ къ нимъ, осматривалъ ихъ, какъ бы онъ имѣлъ дѣло съ простою лихорадкою, дышалъ воздухомъ, выходящимъ изъ устъ умирающихъ, утѣшалъ ихъ, самъ подавалъ бульонъ этимъ несчастнымъ, невидѣвшимъ вокругъ себя ничего инаго кромѣ образа смерти. Онъ дотрогивался до нарывовъ, до открытыхъ язвъ; въ крайнемъ своемъ рвеніи, онъ открывалъ тѣла умершихъ чумою, разрѣзывалъ ихъ раны и много разъ изслѣдовалъ ихъ». (Traité des causes, des accidents et de la cure de la peste, p. 117). Послѣ Шиконьо не было недостатка ни въ заразительныхъ эпидеміяхъ, ни въ подобномъ самоотверженіи медиковъ.

Было дознано, что лица разъ испытавшіе чуму застрахованы отъ вторичнаго заболѣванья ею. Эти люди, извѣстные на Востокѣ подъ названіемъ *mortis*, преимущественно употребляются для ухода за больными чумою; они не берутъ никакихъ предосторожностей, ухаживая за больными, погребая мертвыхъ и обращаясь съ ихъ вещами; они даже ѣдятъ и спятъ въ ихъ сосѣдствѣ. Первый припадокъ чумы служитъ для нихъ предохраняющимъ средствомъ на будущее время. Большинство *mortis* совершенно избѣгаютъ ея, нѣкоторые чувствуютъ боль въ прежнихъ язвахъ, безъ иныхъ симптомовъ, и только самый малый процентъ заболѣваетъ серьезно чумой.

Такова медицинская сторона чумы; а вотъ одна изъ ея нравственныхъ сторонъ проявившаяся въ Женевѣ въ 1530 году: «Я жилъ въ этой странѣ, пишетъ Бонниваръ въ своемъ сочиненіи *des Déformes Réformateurs* стр. 152, въ то время какъ чума свирѣпствовала съ такою силою, что въ иныхъ домахъ, гдѣ было болѣе шестнадцати и восемнадцати жильцовъ, не оставалось въ живыхъ ни одного. Мимо моихъ оконъ непрерывно проносили мертвыхъ, иногда по шести и семи заразъ. Не смотря на это, дѣвушки продолжали плясать и пѣть пѣсни, даже въ началѣ поста; и случалось, что въ это самое время, которую нибудь изъ нихъ начинала трести лихорадка, и ее уносили въ домъ, на другое утро — на кладбище, а подруги все таки не прекращали плясокъ. И это напомнило мнѣ

стадо свиней, которое гонять на рынокъ; передъ ними ясли съ овсомъ и ячменемъ, и онѣ ѣдятъ, а тутъ приходитъ мясникъ, беретъ самую жирную и, увѣрившись что она здорова, закалываетъ ее, а подруги ея преспокойно продолжаютъ питаться.

Послѣ всего сказаннаго, является вопросъ можно ли сѣять чуму? Да, конечно можно: стоитъ только перенести больного въ здоровый домъ, или ту одежду и постельныя принадлежности, которыя онъ употреблялъ; этого достаточно, чтобы зараза была занесена, если не во всѣ дома, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые изъ нихъ; это ли дѣлали сѣятели чумы, какъ оказывается изъ ихъ процессовъ? Нисколько. Они употребляли матерію изъ чумныхъ нарывовъ и, какъ показываетъ обвиненіе, двояко употребляли ее—внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ.

Въ первомъ случаѣ, вынувъ матерію изъ язвы умершаго, они обращали ее въ порошокъ, и смѣшавъ съ другими снадобьями, давали принимать больнымъ, смерти которыхъ они желали. Но, положительно извѣстно, что если гной, прямо введенный въ кровь или подъ кожу, влечетъ за собою чрезвычайно опасныя послѣдствія, то онъ напротивъ вполне безвреденъ, когда проходитъ черезъ желудокъ, что и было доказано Дейнъе, на котораго я уже ссылался, и во время марсельской чумы, собаками, постоянно питавшимися остатками пищи больныхъ и не заразившимися чумою.

Во второмъ случаѣ, отравители этимъ порошокомъ посыпали платки, подвязки, наполняли имъ свертки и разбрасывали ихъ по улицамъ, или натирали имъ замки отъ дверей. По словамъ ихъ обвинителей, горе тому, кто поднималъ платокъ или подвязку, кто дотрогивался до замка или вредоноснаго свертка. Онъ немедленно заболѣвалъ чумою. Не говоря уже о томъ, что и при дѣйствительномъ способѣ зараженія, чума не передается съ такою быстротою и неминуемостью, достовѣрно извѣстно, что зараза заключается не въ матеріи, находящейся въ язвахъ, а въ атмосферѣ больного и его бѣлья. И такъ, сѣятели чумы должны быть оправданы, если не въ намѣреніяхъ, то по крайней мѣрѣ, въ нанесеніи дѣйствительнаго вреда общественному здравію.

Господствовавшему мнѣнію о передачѣ чумы посредствомъ остатковъ чумнаго нарыва, можно противопоставить другой интересный фактъ, взятый изъ причудливой исторіи человѣческихъ суевѣрій.

Во время чумы, свирѣпствовавшей въ Греціи въ 1827 и 1828 годахъ, распространился обычай прибѣгать къ талисманамъ и носить въ видѣ предохраняющаго средства кусочекъ чумнаго нарыва¹⁾.

Если эти талисманы не принесли ожидаемой пользы, то они и не сдѣлали вреда прибѣгавшимъ къ нимъ, несмотря на суровые приговоры парламентовъ XVI столѣтія.

Изъ этого разногласія оказывается, что посѣвъ чумы, наравнѣ съ колдовствомъ, принадлежитъ къ разряду мнимыхъ преступленій, значеніе которыхъ невозможно строго опредѣлить. Подъ вліяніемъ настроеннаго извѣстнымъ образомъ воображенія, страхъ заразы, или зла, проистекающаго изъ сношеній съ злыми духами, могъ разрастаться до безконечности, равно и требованіе болѣе и болѣе жестокихъ каръ для преступниковъ. И потому не мало прибѣгали къ сожиганію, и быстрому, и медленному, къ раскаленнымъ щипцамъ и самымъ мучительнымъ пыткамъ... Бѣдное человѣчество!

Однако, если нельзя сѣять чуму, существовали ли сѣятели ея, подобно тому, какъ были колдуны, хотя и не было колдовства? Это иной вопросъ. Правда ли, что были злоумышленники, дѣлавшіе мнимыя, конечно, но тѣмъ не менѣе фактическія попытки для распространенія заразы? Я не довѣряю пытке, вымогавшей у жертвы и ложь, и правду, и также мало довѣряю народнымъ слухамъ. Тотъ ошибся бы жестоко, кто повѣрилъ бы на основаніи криковъ толпы и объявленій префекта полиціи, неопровергавшихъ эти крики, что въ парижскую холеру 1832 года, доктора отравляли больныхъ. Не менѣе ошибочно было бы давать безусловную вѣру народнымъ обвиненіямъ и приговорамъ парламентовъ относительно сѣятелей чумы. Очевидно, что натираніе замковъ чумнымъ порошкомъ, или разбрасыванье платковъ и подвязокъ, посыпанныхъ имъ, принадлежитъ къ такому роду поступковъ, положительная повѣрка которыхъ внѣ всякой возможности. Наоборотъ, подкидываніе свертковъ съ остатками язвъ, также какъ и составленіе заразительныхъ пластырей, входитъ въ область фактовъ, которые возможно подтвердить положительными доказательствами и слѣдуетъ полагать, что парламенты обращали на нихъ должное вниманіе, такъ какъ нель-

¹⁾ Gosse, Relation de la peste en Grec p. 189.

зя не сознаться, что они преслѣдовали съ крайнею жестокостью, въ сущности, мнимое преступленіе.

Самая вѣра въ посѣвъ чумы могла породить въ нѣкоторыхъ умахъ болѣзненное желаніе испытать свою власть и употребить ее во зло, подобно тому, какъ народная вѣра въ колдовство породила множество мнимыхъ колдуновъ.

Здѣсь можно упомянуть о странномъ фактѣ, приведенномъ у Діона Кассія, и имѣющемъ нѣкоторое отношеніе къ сѣятелямъ чумы. Пространный рассказъ этотъ находился, къ сожалѣнію, въ утраченныхъ книгахъ названнаго писателя, и сохранился лишь въ извлеченіи въ Эпитоміи Ксифилина, относящейся къ правленію Коммода: «Появилась самая сильная, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, болѣзней и часто умирали въ Римѣ по двѣ тысячи людей въ день. Къ тому же многіе, не только въ столицѣ, но и во всей имперіи, пали жертвами преступныхъ дѣяній; ибо злоумышленники натирали иголки ядомъ и такимъ путемъ распространяли заразу, дѣлая это за деньги, что случалось также въ правленіе Домиціана». Вотъ что говоритъ тотъ же писатель о правленіи послѣдняго монарха: «Нѣкоторые люди стали колоть ядовитыми иголками кого попало, и много умирало отъ этихъ укуловъ, даже не чувствуя ихъ; но съ другой стороны, многіе изъ виновныхъ были уличены и наказаны. Это преступленіе совершалось не въ одномъ Римѣ, а можно сказать во всей вселенной».

Трудно добраться до настоящаго смысла этихъ выписокъ. Во времена Коммода дѣйствительно свирѣпствовала жестокая эпидемія, а такъ какъ то былъ родъ горячки съ пятнами, то можно бы подумать, что ее привили посредствомъ иголокъ, опущенныхъ въ ядовитое вещество. Но это предположеніе никакимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ преступленіямъ въ царствованіе Домиціана, такъ какъ въ это время совсѣмъ не упоминается объ эпидеміяхъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что здѣсь говорится о людяхъ, умирающихъ отъ укула иголокъ, не чувствуя его. Изъ ядовъ, которыми могутъ быть натерты иголки, чтобы причинить быструю смерть, безъ всякаго ощущенія укула, мы знаемъ одинъ только кураре, но этотъ послѣдній, ядовитое свойство котораго открыто дикими племенами Южной Америки, не былъ извѣстенъ древнему миру. Обладать

ли онъ въ замѣцъ тайною столь же разрушительнаго состава? Этого мы никакъ рѣшить не можемъ.

Вѣря въ посѣвъ чумы, общественное мнѣніе занялось вопросомъ, какимъ образомъ, несмотря на легкость передачи ея, сами распространители могли уберечься отъ заразы. Вотъ какъ объясняли это кажущееся противорѣчіе: «И надо замѣтить, говоритъ Ларошъ Флавинъ, что мастера этого искусства, какъ то было дознано, для предохраненія себя отъ чумы, открываютъ себѣ накожные раны въ полости сердца посредствомъ ѣдкихъ травъ, и такимъ способомъ выпускаютъ ядъ, всегда прямо падающій на сердце, и я слышалъ отъ врачей, что это вѣрное и цѣлебное средство предохраненія отъ чумы!»

Нужно ли говорить, что ядъ не падаетъ прямо на сердце ¹⁾, что открытіе ранъ въ сердечной полости, было бы совершенно напрасно, и что единственное, до сихъ поръ извѣстное средство предохраненія отъ чумы, состоитъ въ удаленіи отъ мѣстъ, гдѣ она свирѣпствуетъ?

Астрюкъ, вѣрившій въ сѣятелей чумы, и упоминающій о томъ, что они мѣсили и приготавливали заразительныя снадобья, не испытывая сами ихъ вредоноснаго дѣйствія, вѣроятно, не полагалъ (я хочу такъ думать къ чести его медицинскихъ познаній), чтобы ѣдкія травы, приложенныя къ сердечной полости, могли предотвратить чуму.

Я указалъ читателю на этотъ эпизодъ чумы, неважный, конечно, но изобилующій ложными взглядами и причинившей много зла. Человѣкъ не виноватъ, если природа неожиданно посылаетъ на него страшные недуги, жертвы которыхъ считаются тысячами, которые опустошаютъ города и селенія, населяютъ кладбища и повсюду распространяютъ плачъ и отчаяніе. Не его вина также, если пораженный этими непривычными явленіями, принужденный наскоро составлять планъ дѣйствій, принять какое-нибудь рѣшеніе и привести его въ исполненіе, онъ часто и много ошибается. Но печальная причина, порождающая его ошибки, влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ далекія и плачевныя послѣдствія его заблужденій.

¹⁾ Этотъ ложный взглядъ существовалъ еще во времена Боссюэта, который упоминаетъ о немъ по поводу слуховъ объ отравленіи герцогини Орлеанской.

Въ этомъ случаѣ, напримѣръ, они создаютъ неправый судъ, зажигаютъ костры медленнымъ огнемъ и раскаливаютъ горячіе щипцы. Какъ относиться къ этимъ явленіямъ? Негодовать ли на роковыя заблужденія прошлаго? Самое выраженіе «роковыя» указываетъ на свойство этого негодованія. Оно обращается въ твердое намѣреніе изучать на основаніи положительной науки всѣ наши тѣлесныя и нравственныя недуги. Такъ какъ благодаря нашимъ предкамъ, мы обладаемъ болѣе усовершенствованными научными орудіями и яснѣе сознаемъ пути изслѣдованія, то будемъ выводиться изъ положительныхъ фактовъ положительныя ученія, и построимъ на этомъ прочномъ основаніи осторожную и гуманную систему дѣйствій; осторожную потому, что наше сегодняшнее знаніе дополнится завтра; гуманную для того, чтобы наши потомки, въ свою очередь, не вознегодовали на наши роковыя заблужденія.

СОКРАТЪ И ПАСКАЛЬ.

НЕРВНАЯ ПАТОЛОГІЯ.

I.

О демонѣ Сократа ¹⁾.

Сократъ не разъ говорилъ, что слышитъ голосъ какого-то генія или демона, направлявшаго всѣ его дѣйствія; и весь древній міръ вѣрилъ этому. Если и возникали сомнѣнія, то по отношенію къ тому, что слѣдуетъ понимать подъ этими сношеніями философа съ сверхъестественнымъ существомъ. Лэлю подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ изданной имъ книгѣ, и, обсуждая его съ помощью свѣдѣній, доставляемыхъ медициной, единственной науки, компетентной при подобномъ изслѣдованіи, прямо объявляетъ, что Сократъ былъ подверженъ умопомѣшательству особаго рода, которое на техническомъ языкѣ носитъ названіе *галлюцинаціи*. Галлюцинація есть особаго рода обманъ чувствъ, при которомъ впечатлѣнія чело-вѣка обращаются для него какъ бы въ дѣйствительность, и онъ видитъ, слышитъ или ощущаетъ предметы, существующіе только въ его воображеніи.

¹⁾ Лэлю, Парижъ, 1836 г.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, разберемъ прежде всего душевное состояніе Сократа, насколько мы можемъ судить о немъ по описаніямъ Ксенофона, Платона и другихъ писателей. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя учениками философа, которые часто были сами очевидцами, передаваемыхъ ими происшествій, не могутъ возбуждать какихъ бы то ни было сомнѣній относительно ихъ достовѣрности. Скорѣе можно сказать, что они носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ истины, такъ какъ вполне согласуются со всѣмъ тѣмъ, что ежедневно наблюдаетъ медицина; и образъ выраженій Сократа и его учениковъ, повторившихъ эти выраженія, представляетъ такое близкое сходство съ обычнымъ языкомъ людей, подверженныхъ галлюцинаціямъ, что все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться одной только выдумкой.

«Небесная благодать, говоритъ Сократъ въ сочиненіи Платона *Θεαγες*, даровала мнѣ удивительный даръ, не покидавшій меня съ самаго дѣтства: это голосъ, который слышится мнѣ по временамъ и отговариваетъ отъ исполненія моего намѣренія, но никогда не понуждаетъ къ нему. Если случалось, что кто изъ моихъ друзей сообщалъ мнѣ о какомъ нибудь намѣреніи, и я слышалъ голосъ, то это служило вѣрнымъ знакомъ, что онъ не одобряетъ этого намѣренія и предостерегаетъ отъ него. Въ доказательство я могу привести свидѣтелей: вы знавали красавца Хармида, сына Главкона; однажды онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы сообщить о своемъ намѣреніи отправиться на состязаніе въ бѣгъ на Немейскихъ играхъ. Лишь только онъ заговорилъ со мною, какъ мнѣ послышался голосъ. Я отклонилъ его отъ этого намѣренія словами: «Въ то время, какъ я говорю съ тобою, я слышу божественный голосъ, и потому совѣтую тебѣ не идти въ Немею».

Затѣмъ Сократъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Когда Тимарель всталъ изъ-за стола съ Филемономъ, сыномъ Филоменида, только они двое и знали о заговорѣ; поднимаясь съ мѣста, онъ обратился ко мнѣ словами: что съ тобою, ты перемѣнился въ лицѣ. Вы всѣ оставайтесь на своихъ мѣстахъ, попрежнему; я долженъ уйти но тотчасъ же вернусь, если будетъ малѣйшая возможность. Тутъ я услышалъ голосъ и сказалъ ему: Остайся, мнѣ поданъ обычный знакъ. Онъ остановился, но скорѣе опять всталъ, говоря: «Сократъ я пойду». Снова послышался голосъ, и я снова остановилъ

его. Наконецъ въ третій разъ, желая уйти, во чтобы то ни стало, онъ поднялся съ своего мѣста, не сказавъ мнѣ ни одного слова; затѣмъ улучивъ минуту, когда умъ мой былъ занятъ чѣмъ-то другимъ, вышелъ изъ комнаты и совершилъ то дѣло, за которое поплатился жизнью. Вотъ почему онъ и сказалъ своему брату, и я повторяю здѣсь сказанное имъ, что ему приходится умирать за то, что не повѣрилъ моимъ словамъ».

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ мѣстъ, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь, видно, что Сократъ слышалъ голосъ, который говорилъ съ нимъ, давалъ совѣты и даже при случаѣ, предостерегалъ его. Замѣтите, что онъ употребляетъ при этомъ слово *голосъ*. Онъ не употребилъ бы такого выраженія, говоря о своихъ собственныхъ мысляхъ; онъ въ дѣйствительности слышалъ звуки, это былъ голосъ существа, отдѣльнаго отъ него, или другими словами это былъ обманъ слуха, принимаемый Сократомъ за дѣйствительность. Онъ называлъ этотъ голосъ богомъ, геніемъ, и гордился имъ, какъ рѣдкимъ даромъ, который дается немногимъ изъ людей. Сократъ безусловно вѣрилъ ему и Ксенофонъ прямо утверждаетъ, что ничто на свѣтѣ не могло бы заставить Сократа дѣлать то, что запрещалъ ему голосъ.

Но помимо этого, Сократъ былъ подверженъ еще другимъ припадкамъ: это былъ родъ экстаза или изступленія, которое находило иногда на него среди бесѣды съ друзьями. До насъ дошло описаніе такого припадка, продолжавшагося болѣе обыкновеннаго: это случилось при осадѣ Потидеи. Осада длилась три года. Еще зимою его друзья и товарищи по оружію удивлялись ему, видя, что онъ ходитъ босой по льду, въ своей обыкновенной легкой одеждѣ. Наступило лѣто, и вотъ однажды застаютъ его стоящимъ среди поля, съ глазами пристально устремленными на солнце, какъ это случается съ нѣкоторыми помѣшанными. Вокругъ него ходятъ взадъ и впередъ люди, на него указываютъ другъ другу пальцами; Сократъ не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. Такъ прошелъ цѣлый день; съ наступленіемъ вечера іонійскіе солдаты, изъ любопытства принесли на это мѣсто свои походныя постели, чтобы посмотрѣть не проведетъ ли онъ и ночь въ такомъ положеніи. То, что они ожидали случилось на самомъ дѣлѣ; и только на другое утро, съ восходомъ солнца, Сократъ, низко поклонившись солнцу,

медленно удалился въ свою палатку, не говоря ни слова, и не обращая вниманія на тѣхъ, которые шли за нимъ слѣдомъ, удивляясь всему видѣнному.

Вполнѣ доказано, что Сократъ слышалъ голосъ и приписывалъ его существу, находящемуся внѣ его самого, называлъ это существо богомъ или геніемъ, постоянно получалъ отъ него сообщенія, которыми вѣрилъ безусловно, и съ которыми сообразовалъ всѣ свои поступки; это существо имѣло для него дѣйствительное бытіе и онъ въ самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ, который произносилъ слова, вполнѣ явственныя для его уха. Я обращаю особенное вниманіе на всѣ эти подробности, потому что считаю ихъ чрезвычайно характеристичными. Сократъ не признавалъ своими тѣ мысли, которыя были внушаемы ему подобнымъ образомъ; онъ приписывалъ ихъ демону, говорившему съ нимъ громкимъ и явственнымъ голосомъ. Онъ не думалъ, что ему слышится голосъ, потому что въ такомъ случаѣ это была бы галлюцинація разсудка; онъ положительно слышалъ слова и говоръ; но при этомъ не было никакого колебанія въ воздухѣ и онъ не чувствовалъ приближенія рта къ своему уху,— это была чисто болѣзненная галлюцинація.

Разсмотримъ теперь эти факты и подумаемъ о способахъ истолкованія ихъ. Разумѣется, никто не предположитъ тутъ вмѣшательства сверхъестественнаго существа; такого рода предразсудки давно уже потеряли всякое значеніе; остается допустить или, что Сократъ былъ обманщикъ, хваставшійся сообщеніемъ свыше, съ божественными существами, или что онъ былъ подверженъ галлюцинаціи. Предположеніе объ обманѣ не выдерживаетъ серьезной критики. Сократъ, въ продолженіе всей своей жизни, отличался самою строгою нравственностью и былъ въ такой степени преданъ тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, что согласился лучше умереть принявъ ядъ, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Онъ самъ наложилъ на себя своего рода апостольство въ Аѣнахъ. Отличаясь всегда нѣкоторыми странностями въ поведеніи, которыя были очевидно прямымъ слѣдствіемъ его галлюцинацій, но которыя вполнѣ согласовались съ его возвышеннымъ образомъ мысли и твердостью воли, онъ до глубокой старости неуклонно преслѣдовалъ цѣль своей миссіи, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался только благородными побужденіями, любовью къ добру и всему прекрас-

ному. Такой долгой обман не могъ не обнаружиться рано или поздно; человекъ, игравшій подобную роль, при всемъ своемъ искусствѣ, не могъ не выдать самого себя. Но и помимо этого, только убѣжденіе можетъ придать могущество мысли; и Сократъ не имѣлъ бы такого вліянія на умы людей, если бы онъ былъ жалкимъ шарлатаномъ, злоупотреблявшимъ довѣріемъ своихъ современниковъ. Такимъ образомъ, мы волей неволей приходимъ къ тому убѣжденію, что Сократъ на самомъ дѣлѣ слышалъ голосъ о которомъ говорить; но такъ какъ никто не могъ говорить съ нимъ, и голоса этого не могло быть въ дѣйствительности, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ въ такой степени былъ введенъ въ обманъ иллюзіей, что самъ не сознавалъ этого и невольно приписывалъ особому существу слова, которыя слышались въ немъ самомъ и для него одного. Это уже была положительная галлюцинація, а всякая галлюцинація считается психическимъ недугомъ и принадлежитъ къ области медицины.

Относительно этого пункта у насъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы сравнимъ душевное состояніе Сократа со множествомъ другихъ сходныхъ съ этимъ случаевъ, которые ежедневно представляются наблюденію врачей. Формы галлюцинацій бываютъ крайне разнообразны: больной то видитъ видѣнія, то ощущаетъ прикосновенія; иногда эти различныя галлюцинаціи перемѣшиваются и одновременно преслѣдуютъ больного.

Изъ разнаго рода галлюцинацій всего чаще встрѣчается та, которой былъ подверженъ Сократъ. Формы умопомѣшательства, при которыхъ больной слышитъ голосъ, получаетъ совѣты отъ сверхъестественнаго существа, видимаго или невидимаго, разговариваетъ съ ангелами, демономъ и Богомъ,—всею ближе знакомы врачамъ и встрѣчаются всего чаще.

Врачи древняго міра еще не настолько изучили признаки психическихъ недуговъ, чтобы опредѣлить съ точностью всѣ формы этого рода болѣзней. Успѣхи же, сдѣланные въ медицинѣ, благодаря трудамъ различныхъ ученыхъ, дали возможность новѣйшимъ врачамъ произнести рѣшительное сужденіе относительно признаковъ различныхъ умопомѣшательствъ; и въ настоящее время основанія діагностики въ подобныхъ случаяхъ такъ строго опредѣлены, что можно, обратившись къ давно минувшимъ временамъ, произне-

сти по дошедшимъ къ намъ біографіямъ безошибочное сужденіе о душевномъ состояніи извѣстныхъ личностей и подвергнуть ихъ, такъ сказать, медицинскому осмотру. Это примѣненіе медицины къ исторіи бросаетъ свѣтъ на многіе неизвѣстные намъ мотивы, подвигавшіе родъ человѣческой въ различныхъ направленіяхъ. Демонологія всегда играла важную роль на свѣтѣ, и въ настоящее время для всякаго человека чуждаго предразсудковъ сдѣлалось вопросомъ рѣшеннымъ, что демонологія есть результатъ галлюцинацій, или другими словами, оно есть умопомѣшательство, присущее извѣстному историческому моменту. Весь періодъ господства колдуновъ въ концѣ среднихъ вѣковъ,—когда огонь зажженныхъ костровъ пожиралъ тысячи безумцевъ, когда звѣрство и сумасшествіе шли рука объ руку, —представляетъ собою степеніе уловій, которыя только и могутъ быть выяснены съ помощью исторической медицины. Лёре въ своихъ «Fragments de psychologie» подробно развилъ этотъ вопросъ и разсѣялъ всѣ сомнѣнія, относительно того рода умопомѣшательства, которому были подвержены мнимые колдуны. Этимъ самымъ рѣшается также вопросъ о появленіи мертвыхъ, видѣній, духовъ, демоновъ и геніевъ, о сообщеніи съ сверхъестественными существами, вдохновеніи мнимыхъ пророковъ и откровеніяхъ древнихъ языческихъ религій. Пока люди вѣрили, что небо повисло надъ ихъ головами, что громъ катится по небесному жилищу, а земля находится въ центрѣ вселенной и покрыта какъ бы шатромъ твердью небесною, до тѣхъ поръ они постоянно видѣли вокругъ себя только проявленія матеріальныхъ силъ и могущества; но какъ только глазамъ ихъ раскрылась безконечность міра и фантазія уже не могла постичь границъ его, земля обратилась въ незначительную планету солнечной системы; солнечная система стала точкой среди милльона видимыхъ звѣздъ, а эти милльоны звѣздъ не болѣе, какъ туманнымъ, едва замѣтнымъ пятномъ въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Съ этихъ поръ исчезаютъ мнимые призраки; толпа продолжаетъ вѣрить имъ, не видя ихъ; но бываютъ люди, которые въ дѣйствительности видятъ эти призраки, слышатъ ихъ, ощущаютъ дыханіе ихъ, руководствуются ихъ совѣтами и даже передаютъ слышанныя отъ нихъ слова и приказанія;—это все люди подверженные галлюцинаціи, они остаются тѣмъ болѣе непоколебимы въ своемъ вѣрованіи, что оно у нихъ облекается въ плоть.

Не подлежит сомнѣнію, что умопомѣшательство оказало большое вліяніе на судьбы народовъ; не вѣрить этому можетъ только человѣкъ совершенно незнакомый съ той близкой аналогіей, какая существуетъ между умопомѣшательствомъ и разумомъ. Если сумасшествіе не представляетъ противорѣчій съ господствующими воззрѣніями оно можетъ остаться для всѣхъ незамѣтнымъ; вліяніе его на другихъ бываетъ тѣмъ сильнѣе, что оно непреодолимымъ образомъ дѣйствуетъ на волю и совмѣщается иногда съ самыми высокими и сильными способностями: доказательствомъ этому можетъ служить Сократъ, преобразователь греческой философіи, а также Тассъ, обращавшій свою великолѣпную рѣчь къ генію, вызванному его галлюцинаціями. Одинъ врачъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью, нѣкто Ванъ Гельмонтъ, будучи самъ подверженъ этого рода умопомѣшательству, увидѣлъ однажды свою душу въ образѣ огонька; это видѣніе подало ему мысль къ созданію системы медицины, которая долго пользовалась извѣстностью; на нее писали комментаріи разумные люди, между тѣмъ, какъ въ сущности, даже въ моментъ своего появленія она заключала въ себѣ только какихъ нибудь два три полезныхъ замѣчанія.

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу здѣсь нѣсколько случаевъ сумасшествія, описанныхъ въ книгѣ Лэлю.

«П., очень бѣдный старикъ, сильнаго сложенія, сангвиническаго темперамента уже пять-шесть лѣтъ содержится въ домѣ умалишенныхъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль и даже быть можетъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ иногда впадалъ въ состояніе легкаго экстаза, не проявлявшагося никакими внѣшними признаками, онъ въ первый разъ увидѣлъ Господа во всей Его славу, 6 февраля 1813, и Господь возвѣстилъ ему, что онъ Его сынъ и посланникъ, что на него возлагается обязанность возвѣщать Божью волю людямъ, и что онъ долженъ своими увѣщаніями произвести реформу въ социальномъ порядкѣ. Однако этотъ случай не помѣшалъ П. заниматься по прежнему сапожнымъ ремесломъ и вести себя по внѣшности какъ человѣкъ вполне разумный. Только два мѣсяца передъ тѣмъ какъ онъ былъ отвезенъ въ Бисетръ, П. прекратилъ работу по особому повелѣнію Бога, посѣтившаго его въ этотъ день, и провелъ около шести недѣль добровольно запершись въ своей комнатѣ, полунагой, вовсе отказываясь отъ пищи, или принимая

ее въ весьма маломъ количествѣ, и послѣ нѣсколькихъ своихъ предпологаемыхъ бесѣдъ съ Богомъ, дошелъ наконецъ до крайняго изступленія. Это и побудило помѣстить его въ домъ умалишенныхъ 8 октября 1829. Въ то время онъ казался совершенно спокойнымъ.

«Съ этихъ поръ въ его положеніи не произошло никакихъ видимыхъ перемѣнъ. П. думаетъ, что онъ находится въ сношеніи съ Богомъ и называетъ себя Его возлюбленнымъ сыномъ. Ложныя понятія, на которыхъ основано его вѣрованіе, образовались у него вслѣдствіе обмана слуха, съ которымъ они имѣютъ почти прямое соотношеніе, но это не сопровождается у него общею безсвязностью идей, особеннымъ возбужденіемъ, или странностями въ поведеніи. Независимо отъ двухъ видѣній или галлюцинацій слуха, о которыхъ было говорено выше у него было еще два три видѣнія. Въ одномъ изъ нихъ, онъ вознесся духомъ до престола Божія, въ сообществѣ Дѣвы Маріи, и возсѣлъ по правую руку Бога Отца. Что же касается до его обычнаго обмана чувствъ, т.-е. до его галлюцинацій слуха, то онѣ бываютъ такого рода, что или самъ Богъ бесѣдуетъ съ нимъ, или вмѣсто себя посылаетъ къ нему архангела Рафаила, подобно тому, какъ нѣкогда посылалъ ангела Гавріила къ Магомету для сообщенія ему различныхъ пунктовъ мусульманскаго закона. Божественный посланникъ часто даетъ ему очень длинныя и точныя предписанія, которыя П. старательно записываетъ и которыя успѣлъ передать мнѣ въ большомъ количествѣ. При чтеніи этихъ замѣтокъ, вамъ невольно представляется, что вы читаете главу изъ Корана; разница только во времени, мѣстахъ и лицахъ и еще развѣ въ томъ, что Коранъ отличается большею связностью изложенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются довольно дѣльныя вещи о значеніи врачебнаго искусства, и гдѣ, относительно божественной помощи въ излеченіи больныхъ, вы встрѣчаете мысли напоминающія добряка Паре: Je le pansay, Dieu le guarit.

«Случается иногда, что въ продолженіе долгаго времени, голосъ свыше, вдохновеніе,—все покидаетъ П. и онъ возвращается мыслью къ своему прошедшему. Но онъ при этомъ остается по прежнему убѣжденнымъ въ дѣйствительности своихъ мнимыхъ ощущеній и терпѣливо выжидаетъ, чтобы они появились снова, въ полной увѣренности, что иначе и быть не можетъ. Одинъ изъ подобныхъ проме-

жутковъ длился на моихъ глазахъ около тринадцати мѣсяцевъ и вѣра пророка отъ этого не поколебалась ни на волосъ.

«Съ годъ или два тому назадъ на обоихъ глазахъ его образовались катаракты. П. уже почти ничего не видитъ и принужденъ былъ обратиться къ одному изъ своихъ товарищей по помѣщенію для записыванія божественныхъ сообщеній. Форма отъ этого нѣсколько утратилась, но содержаніе этихъ замѣтокъ осталось одно и тоже. П. однако упорно отказывается отъ предложенія сдѣлать операцію глазъ: «Господь, говоритъ онъ, возвратитъ мнѣ зрѣніе въ свое время». Я старался обратить его вниманіе на необходимость хирургической операціи, въ той надеждѣ, что какое-нибудь божественное сообщеніе, явившись ему во снѣ, какъ отраженіе моихъ словъ, посовѣтуетъ ему согласиться на операцію. Результатъ однако вышелъ противоположный тому, котораго я ожидалъ: «Господь воспротивился операціи».

«П. въ настоящую минуту пораженъ скорбутомъ, болѣзнью серьезной, и въ высшей степени расслабляющей организмъ. Обстоятельство это не произвело никакой перемѣны въ его галлюцинаціяхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, и не придадо болѣе общаго характера его бреду. У него осталось теперь только то, что съ нимъ всегда бывало, а именно ложныя ощущенія слуха и они продолжаютъ въ такомъ видѣ уже двадцать три года. Видѣнія же въ родѣ видѣній Магомета, разумѣя только тѣ, которыя были у пророка по выходѣ изъ грота горы Гара, продолжались повидимому несравненно меньше».

Приедемъ теперь еще одинъ случай такого же рода; Лэлю, описавъ предварительно прежнюю жизнь больнаго, говоритъ ниже слѣдующее:

«Праздновался юбилей 1825 года. Р. принимаетъ въ немъ самое горячее участіе, ходитъ по церквамъ, слушаетъ проповѣди самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Въ это время его посѣтили первыя откровенія. Ему казалось, что въ желудкѣ его слышатся слова, совершенно явственные, но не тѣ, какія мы слышимъ ухомъ и легко различаемыя отъ послѣднихъ. Слова эти, заключавшія въ себѣ разныя пророчества и притчи, сопровождалась неизъяснимымъ чувствомъ удовольствія и теплотою, разливавшееся по всему тѣлу; они повергли Р. въ удивленіе, крайній восторгъ и заставили его удвоить благочестивыя упражненія. Аппетитъ у него уменьшился, сонъ

исчезъ, ночь проходила въ молитвахъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей, когда все небо было покрыто тучами, онъ видѣлъ, во время молитвы, лучезарный кругъ, выступившій изъ облаковъ, величиною въ солнце но не такой блестящей; изъ этого круга раздался голосъ и произнесъ: «Благо дѣтямъ, которыя будутъ благословлены мною, а тѣ на которыхъ я снизошлю проклятіе, будутъ прокляты до третьяго и четвертаго колѣна». Р. узнаетъ гласъ Божій, вступаетъ въ сообщеніе съ всевѣдущимъ Существомъ, и задаетъ ему много разныхъ вопросовъ, изъ которыхъ однако иные остаются безъ отвѣта. Бесѣда продолжается три четверти часа. Р. узнаетъ тутъ о предначертаніяхъ Божіихъ относительно его самого. Наконецъ, Предвѣчный повелѣваетъ ему отойти ко сну. Это видѣніе было единственное, какое имѣлъ Р. Послѣ этого, откровенія усилились и уже не прекращались; но слышанныя имъ слова отличались отъ словъ видѣнія. Слова видѣнія были совершенно схожи съ тѣми, какія различаются ухомъ; между тѣмъ какъ слова откровеній (желудочныя) носили совершенно особый характеръ. Видѣніе опредѣлило призваніе Р., онъ есть тотъ Мессія, который долженъ явиться въ концѣ вѣковъ, чтобы привести всѣ народы къ единой вѣрѣ и подготовить ихъ къ страшному суду. Убѣдившись въ этомъ окончательно, онъ началъ сообщать свои пророчества своимъ товарищамъ по ремеслу, сталъ добиваться свиданія съ аббатомъ М., бывшимъ въ то время священникомъ при дворѣ Карла X, и съ парижскимъ архіепископомъ. Видя, что ему не добаться до послѣдняго, онъ отправился въ перковь и во время служенія обѣдни перелѣзъ черезъ рѣшетку, отдѣлявшую хоры, съ тою цѣлью, какъ онъ потомъ объяснялъ, чтобы заставить себя схватить и такимъ образомъ получить возможность сообщить о своихъ намѣреніяхъ, такъ какъ это ему не удавалось инымъ способомъ. Планъ Р. удался: его схватили и отвели въ префектуру полиціи, а оттуда въ отдѣленіе умалишенныхъ 12 декабря 1827.

«Р. представляетъ собою самый рѣзкій примѣръ сенсоріальной¹⁾ мономаніи чистой, безъ примѣси малѣйшаго бреда, какъ въ мысляхъ такъ и въ дѣйствіяхъ. Обратите только въ дѣйствительность его

¹⁾ Sensorium (sinsoriome), общее мозговое чувствительное та часть головного мозга, которая считается центромъ всѣхъ ощущеній.

откровения и видения и онъ не только не окажется сумасшедшимъ, но будетъ тѣмъ, чѣмъ себя называетъ, т.-е. пророкомъ какъ Магометъ.

До своего видения и важнѣйшихъ откровений, онъ былъ мало знакомъ съ священными книгами, но потомъ изучилъ ихъ и искусно примѣняетъ къ своимъ вѣрованіямъ, равно какъ и Апокалипсисъ, въ которомъ находитъ ясный смыслъ. «Иисусъ Христосъ, говоритъ онъ, есть дѣйствительно Сынъ Божій, онъ сходилъ на землю, чтобы приготовить пути, но онъ не Мессія». Когда Р. говоритъ о несчастіяхъ, которыя ожидаютъ неправедныхъ въ день судный, на глазахъ его навертываются слезы; онъ оплакиваетъ будущія страданія; и только въ эти минуты на лицѣ его появляется что-то восторженное и странное.

«Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ Р. въ отдѣленіи умалишенныхъ, въ положеніи его не произошло никакой перемѣны и незамѣтно было никакого усиленія болѣзни. Помѣшательство его проявлялось только тогда, когда почувствовавъ къ кому нибудь довѣріе, онъ принимался говорить о своихъ галлюцинаціяхъ. Помимо этого пункта онъ былъ самымъ разсудительнымъ и добродушнымъ человѣкомъ, какого только мнѣ удавалось встрѣтить. Онъ только изрѣдка просилъ позволенія выходить изъ больницы, и вѣроятно совѣмъ бы отказался отъ выхода, еслибы ему пришлось для того жертвовать своими вѣрованіями. Къ концу 1828 года, его уговорили взять на себя должность прислужника въ сумасшедшемъ домѣ и онъ исполнялъ эту обязанность съ любовью и самоотверженіемъ».

Упомѣшательство Сократа скрывалось за предрасудками и суевѣріями времени, среди котораго онъ жилъ. Сношенія боговъ и геніевъ съ людьми, вдохновеніе, находившее на сивиллѣ и пноій, совѣщаніе съ оракулами, вѣра въ сны, вѣрованіе въ сверхъестественныя явленія, сообщеніе съ тѣнями героевъ, чтимыхъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, — все это вмѣстѣ составляло совокупность такихъ убѣжденій и понятій, при которыхъ демонъ Сократа могъ говорить, не возбуждая ничего удивленія. Когда философъ говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ демономъ, онъ не говорилъ ничего такого, что могло бы поразить умъ его современниковъ. Никому въ голову не приходило обвинить его въ обманѣ, или заподозрить въ сумасшествіи. Его соотечественники не относились съ скептицизмомъ

къ фактамъ сверхъестественнаго свойства; и галлюцинаціи большаго ума безъ особенныхъ усилій вмѣщались въ рамки того, что считалось разумомъ въ тѣ времена.

Но еслибы Сократъ жилъ въ другую эпоху, хотя бы на примѣръ въ наши дни, то ему вѣроятно бы не удалось избѣжать приговора медицинны. Онъ бы сталъ толковать о слышанномъ имъ голосѣ, о геніи, который говоритъ съ нимъ; сообщилъ бы намъ втайнѣ о полученныхъ этимъ путемъ совѣтахъ и съ упорствомъ сумасшедшаго который дѣйствительно ощущаетъ то, что ему кажется, увѣрялъ бы насъ въ существованіи сверхъестественнаго существа, руководившаго его поступками; и друзья его, не допускавшіе возможности, чтобы онъ былъ обманщикомъ или дѣйствительно получалъ совѣты генія, обратились бы къ медику, и тотъ подвергнувъ его осмотру, рѣшилъ бы безъ особеннаго затрудненія, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ. Такимъ образомъ упомѣшательство Сократа, скрытое благодѣтельнымъ для него покровомъ суевѣрій, среди которыхъ онъ жилъ, было бы обнаружено въ вѣкъ, менѣе зараженномъ всякаго рода предрасудками; и мыслитель, великій хотя и поврежденный умственно, давшій дѣйствительно новый толчекъ философіи, въ наши дни вѣроятно бы подвергся безславному заключенію вмѣстѣ съ другими помѣшанными. Изъ этого можно видѣть насколько судьба и слава смертныхъ поставлена въ зависимость отъ всего, что окружаетъ ихъ; что они не болѣе, какъ игрушка самыхъ незначительныхъ, какъ равно и важныхъ обстоятельствъ; что нѣтъ ничего измѣнчивѣе того мнѣнія, какое люди составляютъ сами о себѣ и того какое составляетъ о нихъ потомство. Чѣмъ болѣе проникаемъ мы въ отдаленнѣйшія времена исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что и тутъ существуютъ тѣ же условія, какъ и для явленій матеріальнаго міра, и истина, скрытая внѣшностью, должна постоянно отыскиваться путемъ усиленнаго труда.

II.

Талисманъ Паскаля ¹⁾.

Почти десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лэлю издалъ свою книгу подъ заглавіемъ: *Le démon de Socrate*, гдѣ онъ старается доказать слѣдующій тезисъ: Сократъ, по свидѣтельству Платона и Ксенофона постоянно утверждалъ, что время отъ времени слышитъ голосъ, который даетъ ему различные совѣты. Сократъ былъ человѣкъ на столько честный, что тутъ не можетъ быть и рѣчи объ обманѣ; съ другой стороны фактъ этотъ передается людьми, свидѣтельство которыхъ также не можетъ быть подвержено сомнѣнію; слѣдовательно, Сократъ дѣйствительно былъ подверженъ галлюцинаціи слуха, которую онъ приписывалъ демону, согласно понятіямъ того времени. Равнымъ образомъ прошло почти десять лѣтъ, какъ я прочелъ книгу Лэлю и написалъ о ней отчетъ въ одномъ изъ журналовъ. Дѣло прямо относилось къ медицинской діагностикѣ и случай былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы возбудить какія бы то ни было сомнѣнія. Еслибы въ наше время какой-нибудь человѣкъ, хотя бы даже Сократъ, разсказалъ двумъ врачамъ, что явственно слышитъ голосъ, который даетъ ему совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ и сталъ бы приписывать его сверхъестественному существу, то консультація присутствующихъ врачей продолжалась бы очень не долго и слово «галлюцинація» было бы тотчасъ произнесено.

Съ этого времени Лэлю не оставлялъ занимавшаго его научнаго вопроса, сущность котораго состоитъ въ томъ, что галлюцинація, отражаясь на нравственной сторонѣ человѣка, играла въ исторіи важную и неизбѣжную роль, которая только что кончилась въ наиболѣе развитыхъ обществахъ, а у нѣкоторыхъ отсталыхъ народовъ продолжается и до сихъ поръ. Разрѣшеніе этого вопроса побудило Лэлю написать новое сочиненіе «Талисманъ Паскаля»; и на этотъ разъ мнѣ опять пришлось согласиться съ положеніями выказанными Лэлю. Въ настоящее время физиологамъ и медикамъ, утратившимъ вѣру во все сверхъестественное остается, на выборъ

¹⁾ Лэлю, Парижъ 1846 г.

только два способа объясненія безчисленныхъ фактовъ, передаваемыхъ исторіей, а именно что это было или обманъ, или галлюцинація, и въ большинствѣ случаевъ выборъ не можетъ быть сомнительнымъ.

Прежде всего объяснимъ въ чемъ состоялъ талисманъ Паскаля; послѣ смерти этого великаго человѣка найдена была бумага, вшитая въ его платье, которою онъ очень дорожилъ и, перемѣняя платье, собственноручно вшивалъ заново. Бумага эта, писанная рукою Паскаля, заключаетъ въ себѣ торжественное обѣщаніе перемѣнить образъ жизни и всецѣло отдаться Богу. Странная форма, приданная этой запискѣ Паскалемъ, прямо показываетъ что это обѣщаніе не было простымъ обѣтомъ, какой иногда человѣкъ можетъ дать самому себѣ. Всякій, кому удавалось читать бумаги, писанныя людьми, подверженными галлюцинаціи, сразу увидитъ, что бумага Паскаля относится къ той же категоріи. Впрочемъ въ ней встрѣчаются даже выраженія, которыя можно прямо считать намекомъ на видѣніе, какъ напр: «Вечеромъ отъ половины одиннадцатаго и почти до половины перваго ночью, огонь». Слѣдовательно въ этотъ день. т. е. въ понедѣльникъ, 23 ноября, 1654, Паскалю привидѣлся огонь который былъ принятъ имъ за сверхъестественное явленіе, и это убѣжденіе было настолько сильно, что побудило его предаться еще больше мистицизму и фанатизму янсенистовъ.

Извѣстно, что Паскаль постоянно видѣлъ передъ собою открытую пропасть съ того самаго момента, какъ едва не былъ сброшенъ въ Сену, возлѣ Нелли. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали люди, лично знавшіе Паскаля, и его потомки. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Паскаль не предавался никакимъ иллюзіямъ; онъ вполне сознавалъ, что пропасть, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться при всѣхъ усиліяхъ воли, не существовала въ дѣйствительности, а была только продуктомъ его разстроеннаго воображенія Паскаль, какъ справедливо замѣчаетъ Лэлю, хорошо понималъ, что передъ нимъ не могло быть постоянно открытой пропасти, такъ какъ немислимо было предположить чудо въ настоящемъ случаѣ; и расудокъ его естественно отнесъ это явленіе къ обману зрѣнія, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Но не такъ было относительно видѣнія, когда Паскалю казалось, что онъ видитъ и слышитъ Бога: тутъ умъ вводилъ его въ обманъ наравнѣ съ чувства-

ми; Паскаль былъ, какъ извѣстно, ясенить, онъ вѣрилъ сверхъ-естественному, видѣніямъ, вдохновенію, и, не колеблясь допустилъ возможность того, что считалъ выпавшимъ ему на долю.

«Люди подверженные галлюцинаціи, говоритъ Лэлю, всего чаще и всего легче обманываются насчетъ своихъ ложныхъ ощущеній въ тѣхъ случаяхъ какъ напр. Сократъ, когда идеи, переставая быть чисто личными, являются идеями извѣстной эпохи и находятся въ связи съ вѣрованіями, допускавшими дѣйствіе сверхъ естественныхъ силъ на чувства. Такимъ образомъ въ вѣка соціального обновленія и наибольшаго религіознаго увлеченія, во времена, когда бѣдствія, постигающія людей, побуждаютъ ихъ испрашивать небесной помощи или взывать къ силамъ ада, умъ человѣка, наиболѣе способнаго къ искреннему увлеченію, нервная система котораго болѣе болѣзненно возбуждена нежели система окружающихъ его, естественно и невольно обращаетъ всѣ свои помыслы къ высшему существу или къ подчиненнымъ духовнымъ существамъ, вмѣшательство, которыхъ какъ благотворное, такъ и губительное, уже извѣстно изъ самой исторіи его религіи. Мозгъ начинаетъ работать, воспаляясь все болѣе и болѣе; дѣятельность его, при образованіи представленій доведенная до высшей степени напряженія, переходитъ отъ мысли къ ощущенію. Добрые и злые духи, которые до извѣстной поры существовали только въ представленіяхъ и возбуждали страхъ, или желаніе видѣть ихъ, при этомъ напряженія дѣятельности являются ему во всей осязаемости ихъ, какъ бы въ дѣйствительности произносятъ слова утѣшенія или угрозы. Однако галлюцинаціи не всегда бываютъ внѣшнія и могутъ въ иныхъ случаяхъ ощущаться и внутреннимъ нервнымъ центромъ, слѣдовательно и разныя внутреннія ощущенія, болѣе неопредѣленнаго и разнообразнаго свойства, будутъ равнымъ образомъ приписываться сверхъ естественному покровительству или враждебному отношенію сверхъ естественныхъ силъ. Будутъ даже раздаваться слова, но уже не въ ухахъ, а въ главныхъ центрахъ органической жизни, какъ напримѣръ, въ желудкѣ. Наконецъ, къ довершенію всѣхъ этихъ превращеній мысли, наступитъ такое общее состояніе организма, въ которомъ тѣло такъ же болное, какъ и душа, будетъ смѣшивать свои самыя матеріальныя побужденія съ самыми возвышенными стремленіями, и все это будетъ относимо болнымъ субъектомъ дѣйствію небесной силы,

съ которою онъ считаетъ себя въ сношеніи, и которая признается имъ выше всѣхъ другихъ.» (стр. 105.)

Этимъ способомъ лучше всего объясняется почему люди, подверженные галлюцинаціи, отличаясь во всѣхъ другихъ случаяхъ яснымъ и сильнымъ умомъ, совершенно неспособны понять свое заблужденіе. Они твердо убѣждены въ существованіи сверхъ-естественныхъ факторовъ; и въ этомъ отношеніи въ умѣ ихъ не возникаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. При подобномъ умственномъ настроеніи, которое находитъ сочувствіе во всѣхъ окружающихъ, эти факторы становятся доступны осязанію, зрѣнію, слуху. Такимъ образомъ условія двоякаго рода приводятъ къ одному и тому же послѣдствію: неопровержимый авторитетъ утверждаетъ то, въ чемъ они неожиданно убѣдились свидѣльствомъ собственныхъ чувствъ. Какой умъ можетъ устоять противъ совпаденія подобныхъ доказательствъ? И на самомъ дѣлѣ исторія показываетъ намъ, что ни одинъ умъ не устоялъ противъ этого во времена господства суевѣрій.

Съ другой стороны, легко себѣ представить положеніе людей, подверженныхъ галлюцинаціи, среди предшествовавшихъ намъ народовъ. Тогдашнія условія не представляютъ ничего общаго съ нынѣшними. Новѣйшее общество исключительно полагается относительно галлюцинаціи на слова врача, и медицина уже составила окончательное мнѣніе насчетъ видѣній, слышащихся голосовъ, и тому подобныхъ ложныхъ ощущеній. Въ былыя времена медицина оказывалась здѣсь безсильною; люди, подверженные галлюцинаціи, были вполне застрахованы отъ малѣйшаго подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ народными вѣрованіями, а эти вѣрованія подтверждали галлюцинаціи ихъ. Смотря по тому, сносился ли такой человѣкъ съ благодѣтельными или пагубными сверхъ-естественными силами, онъ служилъ предметомъ благоговѣнія или ужаса; но онъ никогда не былъ предметомъ состраданія со стороны врачей. Отсюда слѣдуетъ что умственное состояніе его не только не уменьшалось, а напротивъ того увеличивало его вліяніе на окружающихъ; въ то же время увѣренность, что онъ находится въ сообщеніи съ высшимъ міромъ, усиливала его стойкость и рѣшимость; и если это былъ человѣкъ гения и инициативы, то его роль въ обществѣ получала тѣмъ болѣе значеніе.

«Галлюцинаціи», пишетъ Лэлю, ограниченныя такимъ образомъ

известнаго рода идеями, могутъ совмѣщаться съ поступками, доказывающими полное присутствіе всѣхъ остальныхъ способностей и не имѣть никакого вліянія на умъ, который въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ весьма замѣчательнымъ; это уже было достаточно доказано въ продолженіе десяти лѣтъ антропологическимъ анализомъ, который можетъ ежедневно прибавлять къ известному уже новымъ наблюденіямъ. Теперь уже никто не станетъ оспаривать, что подобнаго рода галлюцинаціи преимущественно господствовали въ времена наиболѣе жаркихъ религіозныхъ вѣрованій, которыми увлекались лучшіе представители известной религіи въ известные эпохи; въ справедливости такого положенія убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочесть съ нѣкоторымъ вниманіемъ, хотя нѣсколько страницъ изъ хроники мистицизма. Въ умѣ человѣка, убѣжденнаго въ обманчивой силѣ фантазіи, и сколько нибудь размышляющаго о нелѣпости безчисленныхъ теогоній древняго міра такъ сходныхъ не смотря на все различіе свое, которыя съ незапамятныхъ временъ дѣлили между собою небо и землю, не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній относительно того, что галлюцинаціи играли большую роль въ странныхъ символахъ религіи древнихъ народовъ и въ удивительныхъ воплощеніяхъ ихъ великихъ и малыхъ боговъ.» (Стр. 111.)

Сверхъ-естественный элементъ, который служилъ основаніемъ этихъ религій, имѣетъ двойкій источникъ: прежде всего онъ возникъ изъ стремленія ума человѣческаго видѣть вездѣ волю, схожую съ его собственной: такимъ образомъ были нѣкогда олицетворены всѣ явленія природы; во вторыхъ галлюцинаціи т. е. всякаго рода видѣнія, осаждавшія человѣческую фантазію, играли большую роль въ образованіи теогоній. Отсюда возникаютъ въ обществѣ корни различныхъ религій, подавлявшихъ его одна за другою. Первоначальныя понятія получаютъ большую утонченность путемъ постепеннаго развитія изъ вѣка въ вѣкъ. Отъ фетишизма, въ который были погружены первобытные народы, люди переходятъ замѣтными степенями къ культу звѣздъ, къ различнымъ формамъ политеизма, который сосредоточиваясь все болѣе и болѣе, доходитъ наконецъ до монотеизма. Такимъ образомъ основой всего являются мнѣнія, которыя первоначально составили себѣ люди о природѣ вещей.

Въ тѣ времена люди слышали и видѣли тоже самое, что мы и теперь слышимъ и видимъ; но они объясняли себѣ все это со-

вершенно иначе. Это медленное пониманіе вещей составляетъ самую сущность исторіи: между идеей божества, метавшаго огненные стрѣлы съ высоты небесъ, и знаніемъ явленій электричества, между видѣніями, дававшими людямъ возможность сношенія съ сверхъ-естественными существами и медицинскимъ приговоромъ, относящимъ эти явленія къ патологическому состоянію мозга, мы встрѣчаемъ всѣ соціальныя фазисы, развитіе которыхъ представляютъ намъ лѣтописи. Человѣчество—это непрерывная цѣпь, по которой умъ человѣческій все болѣе и болѣе доходитъ до реальнаго знанія вещей, послѣдній фазисъ является прямымъ слѣдствіемъ перваго, это своего рода приведеніе къ уравненію, въ которомъ понятія все болѣе и болѣе точныя замѣняютъ старинныя понятія; и такъ идетъ до самаго монотеизма...

Мы и въ самомъ дѣлѣ не можемъ себѣ представить другаго порядка вещей: изученіе интеллектуальнаго развитія человѣчества показываетъ это съ достаточною ясностью. Первоначальное понятіе, какъ бы грубо и ошибочно оно ни было, является въ сущности только примѣненіемъ тѣхъ же самыхъ способностей, которыя приводятъ насъ теперь къ результатамъ гораздо болѣе близкимъ къ дѣйствительности. Приписывать идолу людскія радости и бѣдствія, думать что какой то геній распоряжается теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, вѣрить, что солнце ночью отдыхаетъ въ волнахъ или воображать, что формы, возникающія въ разстроенномъ мозгу, существуютъ въ дѣйствительности,—не значитъ ли это прибѣгать къ первой попавшейся гипотезѣ, дѣлать первый опытъ объясненія и именно такой, который могъ всего естественнѣе представиться уму. Эти первоначальныя гипотезы были мало по малу оставлены по мѣрѣ того, какъ опытъ и размышленіе доказали ихъ несостоятельность и были постепенно замѣнены другими, болѣе подходящими гипотезами. Впрочемъ это первоначальное заблужденіе человѣческаго ума было тѣмъ неизбѣжнѣе, что многія вещи въ природѣ представляются намъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ какой имѣютъ въ дѣйствительности. Земля кажется неподвижной, а между тѣмъ она движется по двумъ направленіямъ съ невероятною скоростью, солнце отличается громадной величиной и кажется намъ очень небольшимъ; звѣзды неподвижны, а на нашъ глазъ въ двадцать четыре часа обходятъ землю; различные пред-

меты представляются нашему взору, мы слышимъ голоса, а между тѣмъ ничего этого нѣтъ въ дѣйствительности; это только галлюцинація. Сколько тутъ поводовъ къ заблужденіямъ въ древнемъ мірѣ! Сколько провѣрокъ требовали подобныя понятія въ теченіи вѣковъ!

Въ книгѣ Лэлю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на тѣ изъ его выводовъ, которыми онъ доказываетъ, что сильныя ощущенія, экзальтированныя идеи принимаютъ наконецъ характеръ дѣйствительныхъ галлюцинацій. «Галлюцинація, говоритъ онъ», т.-е. мнимое ощущеніе, принятое за дѣйствительное, есть почти ничто иное, какъ нѣсколько усиленный результатъ нормальнаго акта нашей умственной способности, высшая степень сенсоріальнаго превращенія мысли, слѣдствіе возбужденнаго воспріятія впечатлѣній дошедшее до высшей степени силы, слѣдствіе перенесенія снова въ дѣйствительность, причемъ къ обоимъ состояніямъ, какъ сна такъ и бодрствованія, примѣшиваются и дѣйствительныя ощущенія, вызванныя впечатлѣніями внѣшняго міра.

Мы не должны удивляться, если явленіе, имѣющее такое тѣсное и неизбѣжное соотношеніе къ правильной дѣятельности мысли, будетъ продолжать примѣшиваться къ ней, когда дѣятельность эта приметъ совершенно противоположный характеръ. Мы не должны удивляться, если извѣстнаго рода матеріализація образовъ, вполне совмѣстная съ правильнымъ мышленіемъ при тѣхъ галлюцинаціяхъ, гдѣ все опредѣляется словомъ я, можетъ сама по себѣ въ большинствѣ случаевъ считаться признакомъ расстройства ума, служить поводомъ къ нему, и продолжаться всю жизнь безъ примѣси какихъ-либо другихъ болѣзненныхъ проявленій, не оказывая при этомъ почти никакого вліянія на правильность сужденія, за исключеніемъ развѣ того, что доставляетъ ему лишній матеріалъ ощущеніями особаго рода». (Стр. 82).

Изучая явленія галлюцинацій, мы видимъ, что они съ едва замѣтною постепенностью, смѣшиваются съ правильнымъ ходомъ мысли. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякой другой болѣзни, патологическое состояніе есть только форма, видоизмѣненіе здороваго состоянія и не представляетъ съ нимъ никакого существеннаго различія. Тутъ дѣйствуютъ тѣ же силы и тѣ же свойства. Галлюцинація есть не болѣе, какъ сонъ съ открытыми глазами; во снѣ люди

также видятъ предметы, слышатъ голоса, и все происходитъ точно также, какъ и въ состояніи бодрствованія; недостаетъ только, чтобы это было дѣйствительностью. Галлюцинація напоминаетъ собою также тѣ мысли, которыя являются какъ бы сами собою въ глубинѣ нашего существа и осаждаютъ умъ нашъ помимо насъ самихъ; покрайней мѣрѣ эти докучливыя мысли уже тѣмъ похожи на галлюцинацію, что стоятъ совершенно внѣ области нашей воли. Если эти мысли облекаются въ плоть, то онѣ становятся настоящими галлюцинаціями; если больной при этомъ отдается имъ, вѣрнѣе въ дѣйствительность ихъ, то это уже перестаетъ быть простой галлюцинаціей и еще усложняется умственнымъ расстройствомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ насколько важно, чтобы мы, при свободномъ пользованіи умственныхъ способностей, справлялись, откуда являются къ намъ извѣстныя мысли и взвѣшивали бы ихъ настоящее значеніе и свойства.

Это, равно какъ и всякое другое изслѣдованіе болѣзней, прямо ведетъ насъ къ примѣненію гигиены мозга, на которую обращается вообще еще меньшее вниманіе, чѣмъ на гигиену тѣла. Мы не видимъ, чтобы она гдѣ либо входила въ воспитаніе юношества. Кто же собственно завѣдуетъ учебною частью и опредѣляетъ умственные занятія юношества? Литераторы, метафизики или математики — все люди не способные ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ узкаго эмпиризма, къ возложенной на нихъ задачѣ; и эта неспособность прямо истекаетъ изъ того, что подготовка ихъ не даетъ имъ знанія условій развитія и здороваго состоянія ума, и равнымъ образомъ, не научаетъ ихъ, какія причины всего легче способствуютъ умственнымъ поврежденіямъ всякаго рода. Пока изученія чловѣка, которымъ теперь исключительно занимается физиология, не будетъ играть никакой роли въ этомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ оно будетъ подвержено всѣмъ случайностямъ, или же будетъ управляемо слѣпой рутинной.

Правда, ближайшее изслѣдованіе галлюцинацій показываетъ намъ, что многія идеи, вызванныя прошлыми впечатлѣніями или состояніемъ внутренностей, иногда овладѣваютъ нами помимо насъ самихъ, бывають причиной самыхъ упорныхъ предрасудковъ, извращаютъ умъ и даже ведутъ къ помѣшательству. Разумѣется, никогда не дойдетъ до того, чтобы стало возможнымъ совершенно предупредить все

роды умственного расстройства вообще, но можно предупредить его въ значительномъ числѣ случаевъ, если противъ него будутъ принимаемы необходимыя мѣры съ самаго же начала. Въ этомъ отношеніи всего полезнѣе спрашивать себя о причинѣ, вызвавшей извѣстную мысль въ данный моментъ. Мы такимъ образомъ будемъ бороться съ ложными понятіями, пока они не окончательно воплотились въ насъ и, слѣдовательно, еще будемъ имѣть возможность избавиться отъ нихъ. Впослѣдствіе, подобная попытка уже ни къ чему не поведетъ; они обратятся во вторую натуру и вы даже не въ состояніи будете разобратъ, что именно заставило васъ думать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Вамъ кажется, что вы принимаете свободныя и произвольныя рѣшенія, а между тѣмъ вы не болѣе какъ автоматъ, дѣйствующій подъ импульсомъ мнѣній и наклонностей, скрытыхъ въ глубинѣ вашего существа. Такимъ образомъ, приводя еще одинъ примѣръ изъ области медицины, мы скажемъ, что ипохондрія, поражающая столько людей, во многихъ случаяхъ могла бы быть устранена съ самаго же начала. Ипохондрія есть ничто иное, какъ галлюцинація, касающаяся внутреннихъ ощущеній. При извѣстномъ состояніи нервной системы, образуются извѣстныя мучительныя ощущенія, которыя больной приписываетъ поражению различныхъ внутреннихъ органовъ, и, сразу отдавшись ложному впечатлѣнію, начинаетъ считать себя жертвою самыхъ ужасныхъ болѣзней. Съ этой поры жизнь его, хотя и не подвергается опасности отъ этого чисто нервного расстройства, но проходитъ среди самой печальной тревоги и вполне дѣйствительныхъ страданій. А между тѣмъ, во многихъ случаяхъ внимательный медицинскій осмотръ, произведенный своевременно, могъ бы уничтожить эти чисто субъективныя явленія, или по крайней мѣрѣ вывести ихъ до настоящаго значенія, что разумѣется помѣшало бы субъекту отдаться имъ въ такой сильной степени.

Принимая во вниманіе умственное состояніе древнихъ людей, признававшихъ сверхъестественное, мы не должны удивляться тому, что галлюцинація играла такую важную роль въ обществѣ; и на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что она самымъ страннымъ и любопытнымъ образомъ примѣшивалась къ дѣламъ политическимъ и оказывала вліяніе на судьбу государствъ и частныхъ лицъ. Пророки и ясновидящіе сообщали людямъ волю боговъ и оказывали такимъ

способомъ вліяніе на рѣшенія народовъ и государей. Тутъ пнеія на священномъ треножникѣ стихами изрекала пророчество, и не было ни одного сколько нибудь важнаго дѣла, по поводу котораго тогдашніе люди не пожелали бы узнать воли бога, говорившаго ея устами. Тамъ изступленные жрецы, дошедшіе почти до состоянія экстатического бреда, доставляли толпѣ зрѣлище самыхъ сумасбродныхъ обрядовъ. Въ соотвѣтствіе со всѣмъ этимъ существовали цѣлый рядъ постановленій и обрядовъ, основанныхъ не на галлюцинаціи, а на чисто химерическомъ изученіи естественныхъ явленій. Люди вопрошали судьбу, сообразовались съ полетомъ птицъ, разсматривали внутренности принесенныхъ въ жертву животныхъ, изучали раскаты грома и небесные метеоры; они дѣлали все это въ полномъ убѣжденіи, что этими путями сверхъестественный міръ приходитъ въ сообщеніе съ смертными и научаетъ ихъ что дѣлать, чего избѣгать. Галлюцинація естественно занимала важное мѣсто среди всѣхъ этихъ способовъ сообщенія съ другимъ міромъ, и слова, произносимыя подъ ея вліяніемъ, имѣли такое же значеніе, какъ *tripudia* куръ, истолкованіе сновъ, или авгуры птицъ. Въ настоящее время мы на столько отделились отъ всѣхъ этихъ понятій, что намъ бываетъ иногда крайне трудно представить себѣ все то значеніе, какое они нѣкогда имѣли, и ту непреодолимую силу, съ какою они управляли поступками людей. Этотъ странный для насъ міръ былъ когда то дѣйствительнымъ міромъ; и побужденія, исчезнувшія въ настоящее время, имѣли тогда большой вѣсъ.

Мы часто бываемъ склонны относиться съ презрѣніемъ къ подобнымъ заблужденіямъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ и стараться, по возможности, привить себѣ привычку къ справедливой оцѣнкѣ древняго міра. Прежде всего мы должны разумно поставить себя на точку зрѣнія извѣстнаго момента въ человѣческомъ развитіи. Правда, человечество древняго міра глубоко заблуждалось: но развѣ могло быть иначе? Гдѣ тотъ свѣтъ, который бы могъ вывести его на настоящую дорогу? Вся эта система вѣрованій, учреждений и обычаевъ также самопроизвольно приняла свою форму, какъ кристаллизація осадка на днѣ стоячей воды. Все согласовалось и гармонировалось между собою, какъ понятія людей, такъ и проявленія высшаго міра. Люди древняго міра со-

образовались подобно тому, какъ мы сообразуемся и теперь, съ понятіями, завѣщанными прошлымъ временемъ и ихъ предками; и наши идеи, которыми мы по справедливости гордимся истекаютъ изъ ихъ идей, которыми они также когда то гордились, сравнивая ихъ съ грубыми понятіями варваровъ.

Древніе вѣка прошли и за ними наступилъ для человѣчества новый фазисъ развитія, при которомъ, какъ говоритъ Шиллеръ, въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній: «Монахъ бичевалъ себя въ своей келіи, а закованный въ желѣзо рыцарь ломалъ копье на турнирахъ». Тогда новый міръ вышелъ изъ развалинъ стараго. Монотеизмъ, понятіе несравненно болѣе философское, чѣмъ всѣ остальные, естественно долженъ былъ привести къ ниспроверженію всѣхъ тѣхъ обрядовъ, которыми вопрошалось будущее. Умопомѣшательство, присущее эпохамъ религіознаго увлеченія, проявилось и здѣсь во всей силѣ и съ тѣмъ характеристическимъ признакомъ, что и въ древніе вѣка, признакомъ, заключавшимся въ томъ, что умопомѣшательство принималось совсѣмъ не за то, чѣмъ было въ дѣйствительности... Монотеизмъ, установившись во всей своей философской исключительности, допускалъ матеріальное вмѣшательство дьявола, который по тогдашнимъ понятіямъ являлся какъ бы слабой копіей дурнаго начала, допускаемаго восточной философіей и восточными культурами. Въ средніе вѣка олицетворенный образъ нечистой силы тревожилъ умы и игралъ важную роль въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ людей. Въ то время безчисленное множество людей, подверженныхъ галлюцинаціи съ полнымъ убѣжденіемъ сознавалось въ своихъ сношеніяхъ съ чортомъ и судьи, не менѣе ихъ убѣжденные, приговаривали несчастныхъ къ смертной казни. Тутъ примѣшался какой-то жестокой и неизбѣжный фатализмъ: судьи и колдуны одинаково вѣрили въ возможность сношеній съ чортомъ; когда колдуны, подѣ влияніемъ галлюцинаціи сознавались, что видѣли его, слышали, вмѣстѣ съ нимъ были на бѣсовскомъ ночномъ сборищѣ, судья встрѣчалъ въ этихъ словахъ и рассказываемыхъ событіяхъ то, что запечатлѣли въ немъ его самыя твердыя убѣжденія: онъ съ спокойною совѣстью осуждалъ на смерть лицъ, заподозрѣнныхъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ врагомъ рода человѣческаго. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ и даже до времени, которое можно назвать довольно близкимъ отъ нашего, огни кост-

ровъ непрерывно горѣли въ различныхъ мѣстностяхъ Европы и пожирали безостановочно безумцевъ, которые, при настоящемъ разумномъ взглядѣ на этотъ предметъ, были бы только подвергнуты правильному леченію. Наука стала между судьями и приговоренными, и сбросивъ, наконецъ, покрывало заслонявшее истину, указала обществу на жестокое заблужденіе, въ которомъ оно находилось, и, такимъ образомъ, сразу уничтожила цѣлый классъ преступленій, цѣлый рядъ приговоровъ и казней.

Таковъ былъ историческій ходъ человѣческаго развитія. Чѣмъ болѣе цивилизуются общества, тѣмъ болѣе освобождаются они отъ ложныхъ понятій, тѣмъ правильнѣе становится общая точка зрѣнія. Самымъ дѣятельнымъ факторомъ этихъ преобразованій является наука. Она одна замѣняетъ гипотетическія понятія положительными, но не такими произвольными, какъ тѣ понятія, какія создались человѣчествомъ древняго міра и послужили подготовкой для человѣчества послѣдующихъ вѣковъ. Принять настоящія явленія за дѣйствительныя было первымъ зачаткомъ науки; зачатокъ этотъ носить тотъ же характеръ, какъ и болѣе сложныя работы, ознаменовавшія теченіе вѣковъ; и тотъ самый умъ, который въ своемъ первомъ самопроизвольномъ движеніи высказалъ ясно способность набросать первыя черты науки, тѣмъ самымъ доказалъ таившуюся въ немъ способность, впоследствии развиваясь, создать тѣ великія произведенія, которыя по справедливости возбуждаютъ наше удивленіе. Между ребяческими понятіями дикаря, олицетворявшаго все, что угодно въ своемъ фетишѣ и объяснявшемъ по своему причину вещей, и между идеями Аристотелей, Декартовъ и Ньютоновъ существуетъ непрерывная цѣпь впечатлѣній и традицій, связывающихъ ихъ одни съ другими. По мѣрѣ того, какъ мы ближе изучаемъ чело- вѣчество, намъ становится все болѣе и болѣе яснымъ, что корни развитія его проникаютъ какъ въ почву, въ глубину тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ явленія жизни.

Астрономія, какъ всѣмъ извѣстно, оказала величайшую услугу положительной наукѣ открытіемъ настоящей системы мірозданія. Никакое мановеніе волшебника не могло бы произвести болѣе полного превращенія; перемѣна декораціи совершилась мгновенно; неподвижная до той поры земля начала обращаться съ поразительною быстротою, едва уловимую для нашего ума. Съ этой ми-

нута мѣсто отведенное человѣку опредѣлилось; онъ пересталъ быть привилегированнымъ дѣтищемъ мірозданія, онъ созналъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ, т. е. невольнымъ путникомъ, пущеннымъ въ безконечное пространство вмѣстѣ съ его землею, едва замѣтнымъ атомомъ среди необъятныхъ міровъ.

Не менѣе важною представляется намъ услуга, оказанная человѣчеству, физиологіей. Примѣнивъ къ дѣлу свои свѣдѣнія относительно галлюцинацій, она показала намъ на сколько ошибались люди прошлыхъ временъ, принимая галлюцинаціи за неопровержимое доказательство чего то сверхъестественнаго. Съ этого времени видѣнія всякаго рода могли быть объяснены; предъидущіе вѣка озарились новымъ свѣтомъ, и было открыто тѣсное соотношеніе между различными эпохами религіозныхъ движеній. Открытіе это имѣетъ особенно важное значеніе для исторіи, потому что мы только тогда будемъ въ состояніи понять, вслѣдствіе чего умственное развитіе новѣйшихъ временъ стало несовмѣстнымъ со многими прежними понятіями, когда поймемъ, почему эти понятія были въ полной гармоніи съ умственнымъ развитіемъ древнихъ народовъ.

ГОВОРЯЩІЕ СТОЛЫ. СТУЧАЩІЕ ДУХИ.

Древніе историки говорятъ, что императоръ Неронъ желалъ получить познанія въ искусствѣ черномагій. Магія въ то время проявляла свои дѣйствія посредствомъ воды, шариковъ, желѣза, фонарей, ковшей, топоровъ и другихъ разныхъ приѣмовъ, съ помощью которыхъ она предрекала будущее; болѣе же всего она сулила любопытнымъ возможность поставить ихъ въ сношенія и переговоры съ тѣнями усопшихъ и съ божествами ада: это то и прельщало императора Нерона. Судьба возвела его на высоту земныхъ благъ. Повелитель обширной доли міра, онъ хотѣлъ повелѣвать богами и перенести за предѣлы земнаго міра необузданность души, которую, при врожденныхъ дурныхъ наклонностяхъ ея, обуяла страсть къ всемогуществу. Ни музыка, ни ораторское искусство не возбуждали болѣе въ немъ сочувствія; ни къ одному искусству онъ не имѣлъ такого пристрастія и не оказывалъ такое покровительство какъ магіи.

При томъ же чего ему недоставало? Онъ обладалъ богатствомъ, могуществомъ, способностями къ наукамъ и всѣми излишествами, которыя, наконецъ, наскучаютъ людямъ. Магики того времени имѣли всегда отговорки на случай неудачи своихъ опытовъ: если вызывающій божества одержимъ былъ какимъ нибудь недугомъ, тѣлеснымъ недостаткомъ, духи ему неповиновались или оставались для него невидимы; но подобнаго препятствія не могло быть для Нерона, ко-

торый былъ превосходнаго сложенія. Онъ могъ выбирать благоприятные дни; онъ могъ приносить жертвы, которыя всѣ были бы чернаго цвѣта. Тиридатъ прибылъ къ нему изъ Арменіи съ магами, отказавшись плыть моремъ, такъ какъ онъ считалъ непозволительнымъ осквернить море слюною и другими изверженіями. Однако, ничто не подѣйствовало, и Неронъ, давшій Тиридату Армянское царство, не могъ получить отъ него обладаніе магіей, власть надъ темнымъ царствомъ и тѣнями усопшихъ. Чтобы объяснить подобный неуспѣхъ, надо предположить, что натура Нерона была не слишкомъ перевозна, и что опыты, которымъ его подвергнулъ армянскій магъ, не могли развитъ въ немъ чувствительности, галлюцинаціи, которыя адепты очень часто принимаютъ за окончательное посвященіе въ таинства магіи.

Грамматикъ Апіонъ, котораго Плиній видѣлъ въ своей молодости, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что онъ вызывалъ тѣни, чтобы допросить Гомера о его родинѣ и родителяхъ; но, кажется, отвѣтъ былъ не болѣе удовлетворителенъ какъ и всѣ отвѣты говорящихъ духовъ, столовъ и стучащихъ духовъ, которые ничего новаго не отвѣчаютъ своимъ вопросителямъ; какъ бы то ни было, а Апіонъ, послѣ бесѣды съ тѣнями, зналъ столько же какъ и до того времени о спорномъ вопросѣ касательно мѣста рожденія великаго поэта, стоящаго во главѣ эллиническаго просвѣщенія. При первыхъ императорахъ, въ Римѣ былъ знаменитый домъ Аспринасъ. Изъ двухъ братьевъ этой семьи, жившихъ во времена Плинія, одинъ исцѣлился отъ колики съѣвши жаворонка и нося сердце этой птицы въ золотомъ браслетѣ; другой, принеся извѣстную жертву въ часовнѣ изъ сыраго кирпича въ видѣ печки, которую тотчасъ по совершеніи обряда, замуровали. Магія, какъ видно процвѣтала въ то время въ различныхъ проявленіяхъ, и говорящіе столы, если только они тогда были извѣстны—г. Шеврель открылъ старинный подлинникъ, конечно весьма темный, указывающій на нихъ—говорящіе столы, утверждаю я, не произвели бы такого дѣйствія, какое они произвели у насъ. Макбетъ, слыша вопли женщинъ, восклицаетъ: «Было время, что я оцѣпенѣлъ бы отъ ужаса, если бы до меня дошли стоны ночью, и волосы мои какъ оживленные стали бы дыбомъ, какъ при какомъ нибудь страшномъ разсказѣ; но я пресыщенъ ужасами». Мы были подобны Макбету

юному, Макбету до появленія вѣдьмъ; малѣйшее диво волновало насъ. Люди древняго міра были какъ Макбетъ закаленный и привычный, и я не думаю, чтобы наши столы и духи имѣли бы большее значеніе для людей, которые могли вызывать трехголовую Гекату, нарушать сонъ смерти и низводить луну со свода небесаго.

Однако состояніе магіи, чернокужія въ древнія времена вовсе не похоже на то положеніе, въ которомъ они находились въ средніе вѣка и преимущественно при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Люди древняго міра не преслѣдовали магиковъ, значительное исключеніе было сдѣлано противъ друидовъ, толпы предвѣщателей и знахарей, (я употребляю презрительное выраженіе, не раздѣляя мнѣнія латинскаго писателя); императоръ Тиверій изгналъ ихъ изъ Галліи и они нашли убѣжище въ Бретаніи. Впрочемъ, кажется, ихъ уставы допускали разныя жестокости и людоедство, потому что тотъ же авторъ прибавляетъ: «Нельзя достаточно благодарить римлянъ за уничтоженіе ужасовъ, при которыхъ людей убивали въ доказательство приверженности къ религіи и ѣли человѣческое мясо для укрѣпленія здоровья. (Плиній)». Фактъ тѣмъ не менѣе въ общемъ смыслѣ существуетъ, и законныя власти безпрестанно розыскивали колдуновъ, чтобы огнемъ и мечомъ искоренить этихъ нечестивыхъ исчадіи. Такая значительная разница происходитъ отъ понятія, какое древніе составляли себѣ о вселенной и божествахъ ею управлявшихъ. Были, правда, и злыя божества; но эти божества тѣмъ не менѣе пользовались уваженіемъ, они тѣмъ не менѣе принимали участіе въ божественной природѣ и были необходимы для управленія вселенною. Если существовали подземные боги, которые не видѣли дневнаго свѣта, которые держали въ своемъ темномъ царствѣ души умершихъ, и которые управляли вещами заключенными въ преисподней земли и во тьмѣ кромѣшной, *res alla terra et caligine mersas*, такъ это былъ только отдѣлъ того управленія міромъ, которое человѣчество древняго міра представляло въ своемъ воображеніи. Трепетъ овладѣвалъ каждымъ, кто приближался къ грознымъ божествамъ; но, несмотря на то, что они были страшны какъ и жилища и дѣйствія ихъ, мысль о преступленіи, о покушеніи на злодѣяніе, о воз-

мученин противъ неизмѣннаго порядка, не примѣшивалась къ ихъ культу.

Вотъ почему тѣ, которые входили въ сношенія съ ними, не были за то отмѣчаемы клеймомъ отверженія.

Если же къ этимъ мрачнымъ божествамъ обращались чаще нежели къ лучезарнымъ божествамъ въ тѣхъ обрядахъ, посредствомъ которыхъ узнавалось будущее и исполнялись желанія, то потому только, что они управляли царствомъ смерти, а вызывать умершихъ и бесѣдовать съ ними было всегда пламеннымъ домогательствомъ магии и тѣхъ кто къ ней прибѣгалъ. Посмотрите какую перемѣну даже въ стремленіяхъ пытливости произвелъ прогрессъ въ положительныхъ знаніяхъ. Въ былыя времена нѣдра земли занимали мысли людей; тамъ разстилался иной міръ, населенный божествами и тѣнями, слабый отсвѣтъ той жизни, которую въ Гомерѣ, воинъ, презирая смерть, все-таки не могъ покинуть безъ сожалѣнія о своей молодости и доблести. Нынѣ же безконечныя пространства занимаютъ воображеніе, и путешествіе въ бездны земнаго шара было бы развлеченіемъ для геолога; геологъ посредствомъ наблюденій и выводовъ старается, въ свою очередь, изслѣдовать предметы, заключенные въ глубинѣ земли и мрака.

Бываетъ однако время, когда относительный міръ между магіей и правительствомъ нарушается, и преслѣдованія противъ маговъ начинаются. Такъ было, когда слово дьяволъ перемѣнило значеніе. У язычниковъ демоны или дьяволы были духи, божества, парившіе надъ существовавшими людьми и неимѣвшие въ себѣ ничего необходимо роковаго; но когда вѣра въ этихъ дьяволовъ прошла и подъ этимъ именемъ стали понимать непокорныхъ ангеловъ, противниковъ Бога, виновниковъ зла, искусителей людей, внушавшихъ злодѣянія, презиравшихъ добро, тогда тѣ, которые утверждали, что посѣщаютъ такое опасное и дурное общество, возбудили тревогу. Прибавьте еще, что воображеніе представляло этихъ дьяволовъ, охотно блуждающихъ по нашимъ жилищамъ, въ фантастическомъ видѣ, столько же отвратительномъ сколько и смѣшномъ, бывшимъ признакомъ испорченности ихъ собственной природы и природы послѣдователей ихъ; прибавьте, что воображеніе приписывало имъ власть, разумѣется, худо опредѣленную и несообразную съ порядкомъ божескимъ и человѣческимъ строемъ міра, во всякомъ случаѣ,

власть высшую и располагающую стихіями. Прибавьте еще, что многіе изъ чернокнижниковъ были люди разстроеннаго ума, подверженные галлюцинаціямъ, которые признавались, что бывали на бѣсовскихъ ночныхъ сборищахъ и тамъ совершали сами и видѣли какъ другіе совершали величайшіе ужасы. Въ такомъ положеніи, гдѣ могли эти люди искать опору, которая могла бы спасти ихъ отъ рукъ безпощаднаго правосудія? Не слѣдовало ли, во что бы ни стало, прервать эти преступныя связи между землею и адомъ, и отлучить отъ общества массу людей, которые находились только въ обществѣ духовъ безнравственныхъ и нечестивыхъ? И если бы люди, имѣвшіе сообщенія съ дьяволомъ, были бы виновны только въ этомъ преступленіи, нѣтъ, они сознавались въ своемъ участіи въ обрядахъ, которымъ не было имени и въ злодѣйскихъ поступкахъ? Нельзя не сознаться, что человѣческое правосудіе находилось въ такомъ настроеніи, что все, признаваемое имъ за правду и истину, склоняло его ко злу и жестокости, и тогда повсюду загорались костры, печальное пламя которыхъ отразилось на исходѣ среднихъ вѣковъ.

Но изъ того, что правительство, въ древности, не считало себя обязаннымъ искоренять колдовство, или считало себя обязаннымъ дѣлать это въ послѣдующемъ вѣкѣ, я нисколько не желаю дѣлать заключенія, что въ историческомъ смыслѣ первая система лучше второй.

Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ и утверждаютъ, что взвѣсивъ всѣ обстоятельства, эпоха, называемая средними вѣками, есть переходъ къ греко-римскому періоду, конечно, не такой правильный какимъ бы онъ могъ быть, если бы римская имперія пала отъ заключавшихся въ ней самой задатковъ паденія, а не отъ вмѣшательства варваровъ; во всякомъ случаѣ это переходъ, который, въ сущности есть конецъ перваго періода и начало втораго, или новаго времени. Исторія есть долговременное развитіе перемѣнъ, связанныхъ одна съ другою, которыя, посредствомъ разумнаго двигателя—рода человѣческаго, не могутъ не клониться, въ началѣ бессознательно, а впослѣдствіе времени и сознательно къ прогрессивному усовершенствованію; но въ этомъ естественномъ явленіи, подчиненномъ множеству сложныхъ причинъ, встрѣчаются безпрерывно разстройства, разгромъ, которые задерживаютъ, оста-

навливаютъ и нарушаютъ ходъ дѣлъ, и эта двойная причина отстраняетъ въ одно и то же время фатализмъ и оптимизмъ.

Доказательствомъ служатъ чернокнижники и ихъ исторія: ихъ оставляли почти въ покоѣ въ эпоху язычества, и преслѣдовали до крайности во времена христіанства. Впрочемъ, чернокнижіе или колдовство есть что то весьма несложное, занимающіе мѣсто въ исторіи въ началѣ возникающихъ обществъ, устоявшее даже и гораздо позже и вызвавшее разногласныя сужденія. Не говоря уже о таинственности, которою оно себя окружало, особенно когда оно сдѣлалось некромантіей, не говоря объ плутняхъ, которыя къ нему примѣшивались, не говоря о преступленіяхъ, которыя оно укрывало когда какой-нибудь чернокнижникъ въ нихъ участвовалъ, оно въ своемъ основаніи состоитъ изъ вѣрованія во власть надъ природою при посредствѣ сверхъестественныхъ существъ или стихійныхъ силъ, и изъ сумазбродныхъ выдумокъ и галлюцинацій, которыя доводятъ до изступленія чернокнижника или вѣрища, паціента, сообщающагося съ дьяволами. Первая часть, та, которую я назову разумною, предполагаетъ изслѣдованіями подчинить себѣ силы природы; она долгое время имѣла точки соприкосновенія съ реальною наукою. Вторая часть подлежитъ совершенно вѣдѣнію врача и философа-моралиста, такъ какъ она въ одно и то же время разстраиваетъ разумъ отдѣльныхъ личностей и производитъ общественное волненіе умовъ.

Не распространяясь далѣе, необходимо напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ явленіяхъ, бывшихъ во время древнихъ эпидемій колдовства и демонопатіи.

Въ Италіи, въ царствованіе папы Юлія II-го, инквизиція предала казни нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые, по своему собственному признанію, виновны были въ смерти множества дѣтей. Люди эти получали отъ самаго дьявола, которому они отдавались душою и тѣломъ, щепоть порошка, который они, въ продолженіе всей своей жизни, носили въ сокровенномъ мѣстѣ своей одежды. Одного атома этого порошка достаточно было чтобы причинить смерть тому въ кого онъ попадалъ. Обыкновенно колдуньи этого рода превращались въ кошекъ, и въ видѣ животныхъ строили козни новорожденнымъ. Обладая проворствомъ и гибкостью кошекъ, онѣ могли пробираться сквозь слуховыя окна, легко вскакивать на

постели, съ жадностью сосать кровь своихъ жертвъ и проворно исчезать сквозь малѣйшіе лазейки. Преимущественно они прикладывали свой кровожадный ротъ къ пальцамъ ногъ, рукъ и къ губамъ. Такимъ образомъ каждая изъ нихъ должна была умертвить, по крайней мѣрѣ, двухъ младенцевъ въ теченіе мѣсяца посредствомъ ногтя и иглы, которую вѣдьмы носили съ собою; онѣ дѣлали незамѣтный проколъ въ жилахъ маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ не одна мать пробужденная крикомъ и плачемъ своего дитяти, узнавала, по краснотѣ кожи и кровавымъ пятнамъ на пеленкахъ новорожденного, что у несчастнаго высосана кровь. Эти послѣдователи сатаны съ величайшею радостью присутствовали въ сборницахъ падшихъ духовъ, гдѣ предсѣдательствовала родъ чертовки, названной ими *мудрая богиня*. Собравшись въ назначенное мѣсто, поклонники сатаны не имѣли другаго занятія какъ только плясать, пировать и прислушиваться къ звукамъ музыки. Однако иногда случалось, что сатана омрачалъ зрѣніе собесѣдниковъ представляя имъ мнимыя яства, и тѣ изъ собесѣдниковъ, которые ихъ попусту жевали, возвращались къ утру домой болѣе голодными чѣмъ они были наканунѣ. Въ иные дни, столы дѣйствительно бывали заставлены мясомъ и превосходными винами; цѣлые быки, которыхъ съ предосторожностью уводили изъ хлѣвовъ богачей, служили для утоленія аппетита колдуновъ. Этихъ покражъ хозяева не могли и подозрѣвать. Мудрая богиня знала средство наполнять опорожненныя бочки, и ей стоило только собрать кости съѣденныхъ быковъ, разложить ихъ одну подлѣ другой на кожѣ, помахать своимъ жезломъ, для того чтобъ эти быки снова получили жизнь и были отведены въ свои хлѣва. Въ этомъ фактѣ, по поводу котораго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пылали костры, надо замѣтить на первомъ пунктѣ знаменательное явленіе: это коллективный характеръ. Всѣ вѣдьмы или колдуньи, по ихъ собственнымъ словамъ, обращаются въ кошекъ, и ихъ убѣжденіе до того непоколебимо, что онѣ это говорятъ въ виду ожидающихъ ихъ казней. Въ подтвержденіе же, инныя матери увѣряютъ, что онѣ видѣли на своихъ дѣтяхъ слѣды крови; онѣ жалуются на докучливость нѣкоторыхъ кошекъ, вкрадывающихся въ ихъ жилища, а мужья рассказываютъ какого труда имъ стоило поймать ихъ, чтобы выгнать изъ дому. Во всей этой трагедіи, подтвержденной со

всѣхъ сторонъ, скрѣпленной признаніями колдуновъ и засвидѣтельствованной торжественнымъ судомъ инквизиціи, всего замѣчательнѣе одно, именно то, что, не смотря, на такое множество умерщвленныхъ дѣтей, смертность не увеличилась и число жителей не уменьшилось.

Изъ многихъ подобныхъ случаевъ, я указываю только на тѣ, которые были замѣчены одновременно у нѣсколькихъ лицъ, то есть на тѣ, которые имѣли коллективный характеръ, чтобы читатель приписывалъ бы, какою бы то ни было причину этихъ случаевъ, не исключительно личнымъ обстоятельствамъ, но и общественнымъ условіямъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ одномъ монастырѣ, монахини вскакивали со сна, пробужденныя, какъ имъ казалось, жалобными стонами страдающаго человѣка. Затѣмъ полагая, что подруги ихъ зовуть къ себѣ на помощь, онѣ вставали одна за другою и весьма изумлялись, сознавая свою ошибку. Иногда имъ представлялось, что имъ щекочуть подошвы ногъ и тогда на нихъ нападалъ неудержимый хохотъ. Имъ также представлялось, что ихъ тащутъ съ постели, и онѣ падали на полъ, какъ будто кто то тянулъ ихъ за ноги. У многихъ на тѣлѣ были слѣды ударовъ, но ни кто не зналъ откуда они происходили. Исходъ этихъ явленій былъ самый трагическій. Личности, страдавшія такимъ образомъ, приписывали свои страданія заранѣе составленному договору съ чортомъ; обвиненія ихъ пали на одну бѣдную женщину, которую свѣтскія власти задержали и привели къ допросу; но она рѣшительно отрицала обвиненія, однако она изнемогла подъ тяжестью перенесенныхъ ею истязаній. Замѣчательно, что весьма часто сосуды, которые онѣ держали въ рукахъ, были вырываемы у нихъ съ такою силою, что у иныхъ даже отрывались куски мяса, а у нѣкоторыхъ, съ такою же силою были выворачиваемы руки, ноги и лице; что одна изъ нихъ была поднята на воздухъ, не смотря на усилія присутствующихъ удержать ее руками; потомъ она была брошена на полъ и оказалась мертвою, но вскорѣ за тѣмъ встала, какъ послѣ крѣпкаго сна и вышла въ столовую, не чувствуя никакой боли. Все это было дѣйствиємъ невидимыхъ существъ, стучащихъ духовъ.

Угодно видѣть какъ являются мертвые и смѣшиваются съ толпою живыхъ?

Въ 1594 г., въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ, явилось болѣе ста шестидесяти бѣсноватыхъ, рѣчи которыхъ приводили всѣхъ въ изумленіе. Они знали, называли по имени людей, которыхъ они никогда не видали, и въ ихъ толпѣ встрѣчались лица давно умершія, которыя ходили по дорогамъ, взывая къ покаянію и прекращенію беззаконій, возвѣщая судъ Божій и объявляя, что имъ дано повелѣніе не смотря ни на что говорить всенародно объ исправленіи и объ обращеніи ва путь истинный.

Въ Лотарингіи отъ 1580 до 1595 года были подобныя же явленія, за которыя болѣе девяти сотъ человѣкъ были, по приговору судей, преданы смерти. Подсудимые видѣли дьявола, блуждающаго вокругъ нихъ, не только въ уединеніи и мракѣ темницы, они его видѣли, чувствовали, слышали даже въ судѣ и даже въ то время, какъ имъ дѣлали допросъ. Одна женщина находилась въ застѣнкѣ, а сатана, помѣстясь въ ея волосахъ, старался ободрить ее, повторяя, что пытка приходитъ къ концу. Подлѣ нѣкоторыхъ осужденныхъ дьяволъ оставался до конца допросовъ и пытокъ, и они слышали его рѣчь такъ ясно, какъ будто бы онъ находился у нихъ въ ухѣ. Другая, рѣшившись рассказать малѣйшія подробности своей исторіи, приготовилась къ этому разсказу молитвою къ Господу; вдругъ она откинулась назадъ и упала навзничь. Сначала ее считали мертвою, но лишь только она очнулась: «Неужели вы не видите, сказала она, дьявола, который повалилъ меня на землю и спрятался подъ эту мебель?»

Лабуръ, небольшой округъ въ древней провинціи Гьеннѣ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія имѣлъ тоже своихъ колдуновъ, и судьи, которымъ поручено было ихъ дѣло, употребили всѣ усилія, чтобы истребить ихъ пытками и огнемъ. Истязанія, соединенныя съ видѣніями дьявола, доводили обвиняемыхъ до такого состоянія духа, что они пламенно желали смерти. Многіе въ страстныхъ выраженіяхъ разсказывали объ ощущеніи, испытанномъ ими на ночныхъ дьявольскихъ сборищахъ; они съ наглымъ увлеченіемъ описывали свой восторгъ, увѣряли, что видѣли на этихъ собраніяхъ, личности, принадлежащія къ разнымъ странамъ свѣта, и утверждали, что поклонниковъ дьявола такъ же много какъ звѣздъ небесныхъ. Многіе говорили, что они до такой степени свыклись съ обществомъ дьявола, что не страшатся мученій ада, въ полномъ

обществѣ преслѣдованія были уже неумѣстны, вдругъ началось жесточайшее, изъ когда либо видѣнныхъ гоненій противъ мирныхъ жителей Северскихъ горъ, къ негладимому стыду Лудовика XIV и агентовъ служившихъ ему въ этихъ непростительныхъ жестокостяхъ. Внезапно дома были захвачены, бѣгство и изгнаніе разединили семейства; дѣти отняты были у родителей; непокорные приговорены были къ висѣлицѣ, колесованію, галерамъ; имущество было конфисковано; необузданнымъ войскамъ поручена была система исправленія, сохранившая историческое наименованіе *драгонады* (dragonades). При этихъ чрезмѣрныхъ бѣдствіяхъ, небесныя видѣнія являлись для облегченія страданій угнетенныхъ; уже не дьяволъ съ своимъ гнуснымъ кортежемъ представлялся воображенію, но упованіе на помощь Божию, терпѣніе въ страданіяхъ овладѣли сердцами. Тогда послѣдовалъ рядъ явленій безпримѣрныхъ въ исторіи. Даръ пророчества распространился между людьми самими неучеными; даже уста дѣтей разверзлись чтобы пророчествовать, и съ нихъ сходили вдохновенныя слова, которыя посылали инсургентовъ подъ пули тѣхъ, кто обращалъ ихъ въ католицизмъ. Пятнадцатимѣсячный мальчикъ, заключенный съ своею матерью въ темницу, пророчествовалъ; онъ говорилъ плача навзрыдь, внятно, громно, но съ перерывами, такъ что иногда надо было вслушиваться въ инныя слова; онъ говорилъ такъ, какъ будто Богъ говорилъ его устами, подтверждая слова свои выраженіемъ: «Я говорю тебѣ, мое дитя». Нѣсколько камизардовъ были вмѣстѣ въ одномъ домѣ, когда пришла дѣвушка этого же дома, вызвала свою мать и сказала ей: «Матушка, подите посмотрѣть на ребенка». Затѣмъ мать ея пригласила и другихъ пойти взглянуть на ребенка пророчествующаго, и сказала, что не слѣдуетъ приходить отъ этаго въ ужасъ, потому что чудо это уже не первое. Всѣ бросились къ ребенку. Малютка тринадцати—или четырнадцати мѣсячный лежалъ спеленатый въ колыбелькѣ; онъ говорилъ ясно и громко для своего возраста, такъ что голосъ его слышенъ былъ по все комнатѣ; онъ увѣщевалъ, какъ и всѣ, обратиться къ покаянію. Но этимъ не ограничивались чудеса. Къ этому пророческому дару присоединилась еще удивительная способность видѣть и слышать на такихъ разстояніяхъ, куда ни слухъ, ни зрѣніе не достигаютъ. Такимъ образомъ пророчество проявлялось въ мистическихъ рѣ-

чахъ, исходящихъ изъ вдохновенныхъ устъ, и въ дѣяніяхъ, служащихъ подтвержденіемъ рѣчей. Тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что чудеса, которыя такъ сильно волновали протестантовъ, которыя подкрѣпляли ихъ въ несчастіи и воодушевляли ихъ противоборствѣ, считались недѣйствительными въ глазахъ ихъ противниковъ, имѣвшихъ, по выраженію протестанскаго поэта глаза, чтобы не видѣть и уши чтобы не слышать.

Подобное же невѣріе въ чудеса, не менѣе необычныя, встрѣтило янсенистовъ, когда съ ними дѣлались конвульсіи на могилѣ дьякона Париса. А между тѣмъ и въ этомъ случаѣ не было недостатка въ чудесахъ. Одинъ вельможа, сильно возстававшій противъ янсенистовъ, былъ приглашенъ къ обѣду въ домъ, гдѣ было многочисленное общество. Вдругъ онъ почувствовалъ, что невидимая сила заставляетъ его вертѣться на одной ногѣ съ необычною быстротою, такъ что онъ не могъ остановиться и это продолжалось цѣлый часъ безъ отдыха. Замѣйте, что онъ дѣлалъ шестьдесятъ поворотовъ въ одну минуту. Фанатики янсенистскіе, какъ и камизарды, имѣли даръ вдохновеннаго слова и импровизировали, говоря о религіозныхъ матеріяхъ. Севернскіе протестанты предвѣщали отмѣненіе папства; янсенисты Сентъ-Медарскіе громогласно говорили противъ испорченности нравовъ духовенства и римскаго двора. Дѣйствіе конвульсій было обыкновенно таково, что оно освѣщало душу и сообщало ей энергію, а людей неученыхъ и нищихъ духовъ возвышало и давало такую плодovitость въ рѣчахъ, что люди наиболѣе увѣренные въ себѣ умолкали предъ ними. Это еще не все: и могила дьякона Париса ознаменовалась особеннымъ чуднымъ свойствомъ, она сообщала родъ неуязвимости тѣмъ, кто получалъ отъ ея необычайное вліяніе. Ни растягиваніе, ни сдавливаніе членовъ сильными палачами, ни дыба не могли повредить, зашибить или изувѣчить добровольныхъ жертвъ. Мускулы слабыхъ женщинъ представляли отпоръ этимъ безмѣрнымъ пыткамъ, тѣло ихъ переносило сильнѣйшіе ушибы, чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, что тайной силѣ, дѣйствующей въ нихъ, нетрудно сообщать неуязвимость тѣламъ слабымъ и нѣжнымъ.

Я взялъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ множества исторій этого рода. Вы видите, что въ прежнія времена, были волненія, вызванныя чудесами, такъ называемыми сверхъестественны-

ми, что эти чудеса имѣли характеръ въ высшей степени коллективный, всегда овладѣвая большимъ числомъ лицъ и подчиняя ихъ одинаковому роду ощущеній и дѣятельности, что чудеса эти были различно объясняемы въ обществѣ, гдѣ они проявлялись: то ихъ считали гнуснѣйшими преступленіями и преслѣдовали какъ таковыя, то ихъ оспаривали, отрицали и они имѣли такъ же мало дѣйствія на вѣрующихъ въ нихъ, какъ и на невѣрующихъ, и наконецъ они прекратились, не оставивъ никакого другого слѣда, какъ только воспоминаніе объ ихъ странности и невозможности возвести ихъ въ теорію, и не имѣя на современное или будущее общество того вліянія, которое, повидимому, имъ общали свойства ихъ агентовъ и ихъ дѣйствій.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, въ новѣйшія времена, не произошло ни одного подобнаго факта. Все ограничивалось отдѣльными случаями не значительными и неимѣвшими отголоска, какъ вдругъ, вслѣдствіе стучащей мебели и вертящихся столовъ, снова появляется, въ другомъ видѣ, волненіе подобно предшествующимъ вѣкамъ. Всѣмъ извѣстна исторія вертящихся столовъ: сначала они, нѣкоторое время, вертѣлись, затѣмъ начали подниматься на ножкахъ и производить ударъ; потомъ говоря и бесѣдуя съ ними посредствомъ азбуки, узноано было, что они одушевлены душою умершихъ, духами, дьяволами, и, съ помощью этихъ посредниковъ, получены были свѣдѣнія о прошломъ и будущемъ частныхъ лицъ, и общества, и объ образѣ существованія безплотныхъ существъ, съ которыми сообщались. Что же касается до треска мебели, то его слышали впервые лѣтъ 6 или 7 тому назадъ въ домѣ въ *Hudsonville* (въ Нью-Йоркѣ). Въ этомъ домѣ, какъ говорили, слышимъ былъ до того времени странный шумъ, и двѣ молодыя дѣвушки первыя вошли въ сношенія съ новыми чудесами. Эти постукиванія, въ отличіе отъ прежнихъ постукиваній, которыя затихли, не найдя благоприятной среды, распространились въ сосѣдствѣ и, мало по малу, разошлись по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ. Посредствомъ ударовъ, невидимые духи достигли того, что стали подавать утвердительные или отрицательные знаки, считать, писать фразы и цѣлыя страницы. Не только они бьютъ тактъ, слѣдуя размѣру арій, которыя имъ назначаютъ, или поютъ вмѣстѣ съ ними и подражаютъ различнаго рода звукамъ; но они играютъ

аріи на инструментахъ, звонятъ въ колокольчики, и разыгрываютъ военные марши. Иной разъ можно видѣть, какъ мебель и различные предметы приходятъ въ движеніе, тогда какъ другіе, напротивъ, такъ прикрѣпляются къ полу, что нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ не въ состояніи ихъ сдвинуть. Иногда показываются или даютъ себя чувствовать руки отдѣльныя отъ тѣла и невидимо подписываются почеркомъ умершихъ людей. Здѣсь являются прозрачныя человѣческія фигуры, которыхъ даже голосъ подчасъ слышенъ; далѣе фарфоровыя вещи сами собою бьются, ткани рвутся, стекла въ окнахъ разбиваются отъ брошенныхъ въ нихъ камней, прически женщинъ приводятся въ безпорядокъ. Читатель сравнитъ эти послѣднія явленія съ тѣмъ, на которыя я указалъ выше, гдѣ сосуды были вырываемы изъ рукъ монахинь, одержимыхъ бѣсомъ. Онъ сравнитъ съ монахинями, бывшими жертвою чудесъ, людей, которые, при американскихъ чудесахъ, переносились вдругъ изъ одного конца на другой конецъ комнаты, или поднимались къверху и оставались нѣсколько минутъ на воздухѣ.

Для подобныхъ явленій необходимо одно условіе: именно присутствіе извѣстныхъ личностей, которые суть непремѣнные проводники и которые вслѣдствіе того называются *медіумами*. *Rapping mediums*, т. е. тѣ, посредничество которыхъ проявляется стукомъ и звуками; подъ вліяніемъ духовъ, они приходятъ въ нервное состояніе, при которомъ они дѣлаются настоящими автоматами, и тогда на предлагаемые имъ вопросы, они отвѣчаютъ судорожными непроизвольными движеніями, производя удары рукою или дѣлая знаки головою или всѣмъ тѣломъ, или же проводя пальцемъ по буквамъ азбуки. *Writing mediums*, медіумы, которые пишутъ, они вдругъ чувствуютъ онѣмѣніе руки и, вооружась перомъ или карандашемъ, они служатъ страдательнымъ орудіемъ, чтобы писать страницы и цѣлыя томы безъ всякаго участія ихъ мышленія. Любопытно, что одна только рука страдаетъ, но примѣръ подобной локализации (прошу извинить за этотъ медицинскій терминъ) можно найти въ лаѣ бѣсноватыхъ женщинъ въ Аму близъ Дакса, бывшаго въ семнадцатомъ столѣтіи; къ этому присоединилось сильное дерганіе руки съ такимъ движеніемъ кисти и пальцевъ, что ни одинъ музыкантъ не могъ бы передвигать ихъ съ такою быстротою и ловкостью, какъ будто рука эта становилась членомъ или частью чуждою ту-

ловищу и не была въ зависимости у одержимой духомъ. *Speaking mediums*, говорящіе медиумы. Это настоящіе вѣщунны, говорящіе голосомъ, часто вовсе не похожимъ на ихъ собственный голосъ, они произносятъ слова, которыя имъ внушены или прямо вложены въ уста. Эта пассивность замѣчена была и у шекэровъ или трепетателей (секта родственная англійскихъ квакерамъ). Многіе изъ нихъ говорили такъ, какъ будто губы, языкъ, всѣ голосовые органы приведены были въ движеніе постороннею силою; въ избыткѣ ихъ краснорѣчія, имъ казалось, что они выражали мысли вовсе имъ не принадлежація и которыя они узнавали только въ ту минуту, когда звукъ словъ доходилъ до ихъ слуха. Они съ усиліемъ произносили большую часть своихъ рѣчей, чувствуя, что высшая сила двигала ихъ губы и слагала слова безъ содѣйствія ихъ собственной воли. Они слушали сами себя какъ присутствующіе. Такъ было и у камизаровъ. Одна изъ ихъ пророчицъ говорила: «Я чувствую, что божественный духъ составляетъ въ моихъ устахъ слова, которыя онъ желаетъ заставить меня говорить. Случается, что первое слово, которое мнѣ слѣдуетъ произнести уже сложилось въ умѣ моемъ; но часто бываетъ такъ, что я не знаю, какъ кончится слово, которое духъ меня заставилъ начать. Въ моемъ изступленіи, я вполне предоставляю ангелу Божию управленіе моимъ языкомъ. Я сознаю, что меня заставляеть говорить посторонняя и высшая сила. Я не обдумываю и не знаю заранѣе, что я должна сказать. Въ то время какъ я говорю, мой умъ внимаетъ тому, что произносить мой языкъ, какъ бы къ рѣчи, произносимой другими».

Въ наше время медиумы пишутъ цѣлыя тому. И у камизаровъ собраны были цѣлыя томы проповѣдей. Между севенскими пророками нѣкоторые произносили по семи импровизацій въ день. Существуетъ собраніе рѣчей одного изъ нихъ; мистическія мысли тамъ были во множествѣ за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, и личность оратора была въ нихъ постоянно забыта.

Чудесная музыка, которая безъ музыкантовъ и инструментовъ раздавалась въ Америкѣ бывала прежде и въ Севенскихъ горахъ. Пѣніе псалмовъ слышно было во многихъ мѣстахъ у камизаровъ, какъ бы нисходящее съ неба. Такая божественная мелодія гремѣла среди бѣлаго дня, въ присутствіи нѣсколькихъ человекъ, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ жилья, гдѣ не было ни лѣса, ни пустынныхъ скалъ и

гдѣ, однимъ словомъ, рѣшительно невозможно было что бы кто нибудь спрятался. Небесные голоса были такъ прелестны, что конечно голоса севенскихъ крестьянъ не могли составить подобнаго концерта, Правда, говорятъ, что по волѣ небесной, тѣ которые приходили слушать не все слышали, и иные увѣряли, что вовсе ничего не слышали, между тѣмъ какъ другіе восхищались этою ангельскою мелодіею. Подъ вліяніемъ, которому подчинены извѣстные медиумы они съ поразительнымъ искусствомъ подражаютъ лицу, голосу, осанкѣ, тѣлодвиженіямъ особъ, которыхъ они никогда не знали, и представляютъ приключенія изъ ихъ жизни съ такою точностью, что нельзя не узнать личности, которую они изображаютъ. Такимъ образомъ, въ нихъ развивается удивительная способность къ мимикѣ, какъ развивается способность сочинять и писать. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчались подобныя примѣры, и Иосифъ Акоста, долго жившій въ Перу во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, говоритъ, что въ то время существовали еще колдуны, которые успѣли произвольно принимать всевозможные образы или, по крайней мѣрѣ, подражать имъ.

Камизары, которые жили среди чудесъ, для которыхъ младенцы говорили слова благочестія и утѣшенія, которымъ пророки возвѣщали будущее, которые слышали музыку въ воздушныхъ пространствахъ, были увѣрены, что такія славныя чудеса тронуть ожесточенныя сердца; они ожидали, что войска драгунъ удалятся, что великій король умилостивится, и что римскій первосвященникъ преклонитъ передъ божественною волею свою тройственную корону. Шекеры (англійскіе квакеры) основывали другаго рода надежды на посѣщеніяхъ, которыхъ они были предметомъ; Парижъ — пріютъ дѣлъ, суеты, и распущенности, Парижъ въ нѣдрахъ котораго совершались сверхъестественныя дѣла, вскорѣ долженъ былъ исправиться, и римскій дворъ, въ свою очередь, подчинясь дѣйствию непреодолимыхъ явленій, переобразоваться. Ничего изъ этого не сбылось; и, хотя надежды обезпечены были чудесами, но онѣ оказались тщетными. Правда, благодаря одушевившей ихъ восторженности, горсть камизаровъ долго противостояла драгунамъ Лудовика XIV и добилась лучшей капитуляціи, нежели какую могла ожидать такая незначительная толпа; но сильное гоненіе не прекратилось и протестанство болѣе не приняло большихъ размѣровъ. Такъ было и съ яansenизмомъ;

онъ тоже не извлекъ никакой выгоды изъ чудесъ Сень-Медарскихъ; а если орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ, такъ это вслѣдствіе историческихъ условій, которыя ничего не имѣютъ общаго съ чудесами консульнионеровъ. Въ наше время, американцы, у которыхъ силы мистическія выбрали свое мѣстопребываніе, которые признаютъ что невѣдомая сила передвигаетъ, поднимаетъ, удерживаетъ, носить въ воздухъ и перемѣщаетъ на разные лады множество тяжелыхъ тѣлъ, совершенно противорѣча призывнымъ законамъ природы, которые видятъ сіяніе и свѣтъ разнаго вида и различныхъ оттѣнковъ, показывающійся въ темныхъ комнатахъ, гдѣ не существуетъ никакого вещества, могущаго произвести {химическое или фосфорическое дѣйствіе, и при отсутствіи всякаго аппарата или орудія способнаго вызвать электричество или причинить горѣніе, которые слышатъ удивительные разнообразныя звуки производимыя невидимыми силами, какъ на примѣръ топанье, шумъ пилы или стукъ молота, ревъ вѣтра или бури, пѣніе человѣческихъ голосовъ или игру музыкальныхъ инструментовъ — они, говорю я, думаютъ какъ камизарды и янсенисты, что они имѣютъ откровеніе небесной силы и что это будетъ имѣть огромныя послѣдствія для рода человѣческаго. Только, какъ въ наше время нѣтъ рѣчи объ особенныхъ гоненіяхъ противъ кальвинистовъ и янсенистовъ, въ виду имѣется другая цѣль и дѣло состоитъ только въ томъ чтобы измѣнить условія нашего существованія, богослуженіе и философію нашего вѣка, равно какъ и правленіе міромъ.

Лѣтописи чернокижія, бѣснованія, бредней, изступленій, конвульсій весьма многочисленны, и я хотѣлъ взять изъ нихъ только нѣсколько примѣровъ, чтобы показать послѣдовательность между чудесами. Нѣтъ ничего новаго въ нынѣшнихъ чудесахъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, въ исторіи видны многочисленные слѣды доказывающіе, что ни одинъ вѣкъ не былъ избавленъ отъ подобныхъ волненій. Они возрождаются чтобы уничтожиться, и уничтожаются чтобы снова возродиться; они подобны болѣзнямъ никогда не покидающимъ родъ человѣческой и которыя встрѣчаются и въ древнихъ и въ новѣйшихъ обществахъ, имѣя одну и ту же основу, хотя въ измѣненномъ видѣ, не только смотря по мѣстности и географіи, но и по времени и хронологіи. Такъ же и между частными случаями общаго явленія, меня здѣсь занимающаго, существуетъ

основная аналогія, которая не мѣшаетъ измѣненіямъ согласнымъ съ мѣстомъ и временемъ: такъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не было указано, какъ только въ современныхъ явленіяхъ, на вертящіяся столы, передвиженіе мебели и стукъ.

Я не имѣю надобности напоминать, что дѣятели и страдательныя лица въ этомъ перемѣщеніи мебели и въ топаньи, приписываютъ, это какъ и все прочее, съерхъестественной дѣйствующей силѣ; нѣтъ надобности прибавлять, что таково было мнѣніе и въ древности, и въ средня вѣка касательно подобныхъ явленій бывшихъ въ то время. Однако, была эпоха, когда мнѣніе основанное съ одной стороны на самомъ ясномъ, повидимому, доказательствѣ чувствъ, а съ другой стороны на доводахъ достойныхъ уваженія, было потрясено, почти такъ же какъ и увѣренность въ движеніи солнца вокругъ земли и въ неподвижности нашей планеты, и уступило мѣсто совершенно иному поясненію, не смотря на то, что говорили чувства и подтверждали авторитеты, основываясь на преданіяхъ. Это было по поводу чернокижія. Дѣйствительно, тутъ было что-то несомнѣнное съ сверхъестественностью и что заставляло задумываться. Чернокижники привлеченные къ суду признавались, что колдовствомъ причиняли смерть такимъ и такимъ личностямъ, а между тѣмъ эти личности въ глазахъ всѣхъ оставались въ живыхъ и были приводимы на очную ставку съ людьми, которые утверждали что они ихъ лишили жизни. Случалось, что зорко слѣдили за колдуномъ, и не теряли его изъ виду во время его сна, а когда онъ пробуждался, то рассказывалъ сцены бывшія на дьявольскихъ сборищахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, хотя, конечно, онъ и не двигался съ мѣста. Но это было ничто въ сравненіи съ еще большею странностью. Эти самые колдуны, которые пользовались благосклонностью князя тьмы, которымъ онъ удѣлялъ часть своего могущества, которые произвольно измѣняли свой видъ, которые вызывали бури и поднимали волны, эти самые колдуны, говорю я, не имѣли ни богатства, ни славы, ни величія, и сверхъ того они не могли оборониться отъ эшафота и костра.

Медики занялись вопросомъ и дали поворотъ преобладающему мнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, что никогда не было недостатка въ умахъ невѣрующихъ въ колдовство, или одержаніе бѣсомъ; но отрицать и объяснять — двѣ разныя вещи, изъ которыхъ одна никог-

да не замѣняетъ другую: отрицаніе — индивидуально и фактъ возстаетъ противъ него и не сходится съ нимъ; толкованіе — коллективно и подводитъ фактъ подъ всеобщую систему положительной науки. А здѣсь, въ этомъ щекотливомъ и трудномъ вопросѣ, я хочу заставитьъ читателя коснуться закона сродства, который связываетъ историческія явленія одно съ другимъ и который, послѣ закона послѣдовательности, есть самый важный въ исторіи. Послѣдовательность есть свойство, по которому одинъ фактъ порождаетъ другой, а прошедшее — настоящее; сродство — это свойство, по которому одни явленія цивилизации сближаются и сплавливаются, другія же отталкиваются и исключаютъ одно другое. Рѣшивъ такъ, какимъ образомъ случилось, что въ теченіе семнадцатаго столѣтія медицина захватила въ свою область чернокнижіе, бѣсноватость, изступленіе, создала объ нихъ ученіе, и отвергла прежде существовавшее ученіе, которое все это приписывало духамъ чистымъ или нечистымъ, добрымъ или злымъ? Ничего подобнаго не было ни въ древности, ни въ среднія вѣка: все что было сказано, такъ это то, что всѣ болѣзни естественны, но никто не говорилъ, что состояніе бѣсноватыхъ есть болѣзнь. Успѣхи, сдѣланные въ патологіи, со времени возрожденія науки, несмотря на свою реальность, не допустили бы медицину положительно отвергать укоренившееся мнѣніе, и тѣмъ болѣе не допустили бы ее замѣнить это мнѣніе ея собственнымъ, если бы тому не содѣйствовало другое обстоятельство.

Въ области науки совершились важныя событія: астрономія, физика, положительные опыты въ химіи глубоко измѣняли совокупность понятій о состояніи и порядкѣ вещей, и стремились отвергнуть дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ. Это совпаденіе благоприятствовало смѣлой попыткѣ медицины. Когда люди просвѣщенные увидѣли съ одной стороны, что колдовство не въ состояніи исполнить своихъ обѣщаній и охранить своихъ адептовъ, а съ другой стороны, что представляемыя имъ толкованія не только удовлетворительны, но даже согласны съ наукою, они отбросили идеи прежней науки, и костры болѣе не зажигались.

Большая и блистательная услуга, которую не слѣдуетъ забывать между всѣми услугами, оказанными и оказываемыми безпрепятственно медициною!

Въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ доказывается на чемъ она основывается. Всякій разъ какъ происходили феномены, о которыхъ идетъ рѣчь, въ людяхъ бывшихъ, въ этихъ случаяхъ, активными или пассивными субъектами, проявлялись нервныя разстройства вполне опредѣленные, такъ что слѣдовало бы сказать, еслибы довести до конца ученіе о духахъ или бѣсахъ, что существа эти не могли иначе дѣйствовать какъ посредствомъ нервовъ, совершенно такъ какъ дѣйствуютъ причины болѣзней. Всякій разъ какъ духъ или бѣсъ вселялся въ тѣло человѣка, или сверхъестественныя явленія, происходящія отъ ада или небесъ, давали себя чувствовать, происходила дрожь, судороги, столбнякъ, помраченіе ума, разстройство чувствъ, расслабленіе; но всѣ эти случаи, если такъ можно выразиться, понятны для медика: во всемъ этомъ для него нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Онъ не знаетъ, что такое жизнь сама по себѣ (отличимъ родъ знаній доступныхъ положительной наукѣ), но какимъ образомъ въ этой жизни, которая дана и существуетъ, происходятъ и проявляются различныя дѣйствія; онъ знаетъ дѣйствіе желудка на мозгъ, и мозга на желудокъ; ему известна сѣть кровеносныхъ сосудовъ, соединяющихъ центръ съ окружностью и окружность съ центромъ; при постели больныхъ онъ ознакомился съ подобными разстройствами, и если онъ встрѣчаетъ парализованный или сокращенный мускулъ, онъ тотчасъ ищетъ въ нервѣ ли, въ позвонкахъ или въ мозгу гнѣздится причина болѣзни.

Сверхъ того, тѣсная связь соединяетъ эти болѣзненные припадки съ внѣшнимъ міромъ, въ средѣ котораго вращается человекъ. Чудное сходство существуетъ между нашею нервною системою и дѣйствующими силами, которыя природа разсыяла повсюду. Поразительное явленіе допускающее умъ глубоко вдаваться въ исторію жизни, указывая на точкѣ, повидимому самой неуволимой и независимой, неизбѣжную подчиненность, которую доказываетъ намъ дѣятельность элементовъ, кислорода, водорода, азота, углерода въ строеніи живущихъ существъ. Многія вещества способны разстроить движеніе, чувствительность, рассудокъ. Желаетъ ли кто произвести безконечный рядъ упоительныхъ видѣній, доставляющихъ усладительныя минуты и заставляющихъ забыть жизненныя тревоги, заботы, дѣла, стоитъ только покурить опиуму или напиться

гашишу, чтобы измѣнить центръ ощущеній, и дѣйствительность замѣнить разнообразными призраками. Въ настоящее даже время, тысячи, или вѣрнѣе, миллионы людей ищутъ въ этихъ средствахъ податливое наслажденіе пріятными сновидѣніями. Другіе напускаютъ на себя конвульси, которыхъ ничто не въ состояніи остановить; предпишите нѣсколько капель стрихнина, и вы увидите, какъ мускулы придутъ въ движеніе будто отъ раздражающаго ихъ жала и точно лошади, спущенныя на свободу, убѣгутъ отъ обычнаго контроля воли. Хотите ли вы чтобы въ ушахъ раздавался продолжительный и сильный гулъ, безъ всякаго звука извнѣ, дайте достаточное количество сѣрнокислой соли хинины, и тому кто ее приметъ, будетъ казаться, что его оглушаетъ водопадъ шумомъ волнъ безостановочно падающихъ вдали. Желаете ли вы дѣйствовать на глаза и помутить зрѣніе, белладона къ вашимъ услугамъ, чтобы произвести временную слѣпоту.

Я останавливаюсь; эти вещества и многія другія—тѣ же органы, которые приводятъ въ движеніе клавиши и вызываютъ изъ струнъ звуки. Все составляетъ отдѣлъ, специальность, локализацию, все имѣетъ организацию и отдѣльное отправление и на эти-то различные органы, имѣющіе различное назначеніе вліяютъ дѣятели случайные и вредные (что образуетъ болѣзнь и патологию) или полезные и избранные (что составляетъ медицину). Въ тѣлѣ, сказалъ Гиппократъ, все содѣйствуетъ одно другому.

Къ этой общей истинѣ, которая въ началѣ бросилась въ глаза возникающей наукѣ, надо прибавить, что тамъ все имѣетъ свою специальность, истина, которая была не замѣчена и которую открыла подвинувшаяся впередъ наука.

Независимо отъ столькихъ веществъ, производящихъ самыя разнообразныя расстройства, есть другія условія, которыя нарушаютъ и измѣняютъ систему нервныхъ отправленій. Чувства, движенія, нравъ, умъ не имѣютъ надобности во внѣшнихъ физическихъ двигателяхъ, во внѣшнихъ дѣтеляхъ введенныхъ въ экономію, чтобы произвести дѣйствіе, которое имъ всеѣмъ вообще определено. Достаточно чтобы органы, которымъ определены эти различныя дѣятельности, возбуждены были какою нибудь внутреннею или внѣшнею причиною, чтобы тотчасъ ихъ дѣятельность проявилась. Другими словами, глазъ можетъ видѣть свѣтъ, хотя въ

дѣйствительности и не будетъ свѣта; ухо можетъ слышать звукъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Человѣкъ, получившій ударъ по головѣ въ темномъ мѣстѣ, вдругъ увидѣлъ яркій свѣтъ, и когда приведенъ былъ на очную ставку съ обвиненнымъ въ нанесеніи этого удара, онъ утверждалъ, что узналъ его при свѣтѣ, внезапно засверкавшемъ въ его глазахъ и въ темнотѣ; тогда медикъ приглашенный къ разбирательству дѣла, далъ замѣтить, что свѣтъ, о которомъ говорилось, ограничивался зрительнымъ нервомъ, несуществовалъ въ дѣйствительности и никакъ не могъ ни блестятъ въ темнотѣ, ни способствовать къ распознаванію кого бы то ни было. Раздражая нервы вкуса посредствомъ электрическаго тока, можно произвести во рту вкусъ, независимо отъ тѣла содержащаго въ себѣ какой либо вкусъ. Такимъ же образомъ, подъ вліяніемъ патологическаго состоянія, чувства испытываютъ ощущенія, глаза видятъ, уши слышатъ, ноздри обоняютъ, языкъ вкушаетъ, мускулы двигаются, видѣнія представляются, чувствованія, возбужденія появляются, умъ создаетъ странное сѣмленіе мыслей, и пациентъ, отдѣленный отъ дѣйствительнаго и видимаго міра, принадлежитъ впредь міру фантастическому и невидимому, въ который онъ не въ состояніи не вѣрять.

При такихъ расстройствахъ проявляются разныя степени, разныя соображенія; и медикъ, который ихъ разсматриваетъ, относитъ ихъ безъ затрудненія къ сверхъестественной или демонической патологии, которая такъ же не болѣе странна, ни болѣе сложна.

Въ числѣ бѣсовскихъ явленій, преобладаетъ галлюцинація или обольщеніе чувствъ; она то измѣняетъ наружный видъ предметовъ прививаетъ къ существованію страдающаго галлюцинаціей рядъ призрачныхъ явленій. Она имѣетъ чудную возможность придавать тѣло, свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ тамъ гдѣ этого ничего нѣтъ. Дѣйствительность не болѣе дѣйствительна нежели явленія, которыя она производитъ, и надо чтобы прочія способности были въ полной силѣ; иначе можетъ произойти расстройство. Нѣмецкій ученый послѣдняго столѣтія, Гледичъ, ясно видѣлъ въ три часа пополудни, въ углу залы берлинской академіи, Мопертюи, умершаго не задолго до того въ Базелѣ; онъ приписалъ это видѣніе минутному расстройству своихъ органовъ; но говоря о немъ, онъ утверждалъ, что призракъ былъ такъ вѣренъ какъ будто Мопертюи былъ живой и

стоялъ передъ нимъ. Въ медицинскихъ сборникахъ находится множество подобныхъ наблюдений; въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ, встрѣчается наблюдение одного медика, который въ совершенномъ сознаниі, внимательно наблюдая за собою, не могъ отдѣлаться отъ галлюцинацій его преслѣдовавшихъ, особливо отъ галлюцинаціи слуха; и часто, не смотря на то, что былъ предупрежденъ, онъ оставлялъ свои занятія, чтобы отвѣчать на голосъ его звавшій и существовавшій только въ его слуховомъ нервѣ. Но случается нерѣдко, что разумокъ не можетъ такъ неуспѣшно слѣдить за ложными ощущеніями его осаждающими. Онъ, наконецъ, или поддается имъ, оставаясь здоровымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; эти ложныя ощущенія такъ живы и становятся для него до того вѣроятными, что онѣ замѣняютъ дѣйствительныя ощущенія; съ той минуты міръ совершенно измѣняется, и между тѣмъ какъ масса видитъ и слышитъ все, что видимо и слышимо, нѣкоторые видятъ и слышатъ то чего не видно и не слышно. Или же разумокъ самъ участвуетъ въ разстройствѣ, и тогда къ ряду галлюцинацій присоединяется рядъ другихъ призраковъ, смотря по степени разстройства.

Между различными видами, подъ которыми является галлюцинація, одинъ видъ въ особенности долженъ быть отмѣченъ по причинѣ значенія, которое онъ иногда имѣетъ: это коллективная галлюцинація. Галлюцинація, вмѣсто того чтобы поражать одну отдѣльную личность, можетъ поражать разомъ нѣсколько личностей, и вмѣсто того чтобы производить въ нихъ различныя ощущенія, подвергаетъ ихъ одной массѣ ощущеній. Отличительное ея свойство состоитъ не въ томъ, чтобы захватить разомъ нѣсколько человѣкъ, а чтобы породить въ ихъ умѣ однородное ясное пониманіе и придать ихъ призракамъ извѣстную однообразность. При этомъ нельзя представить болѣе замѣчательнаго примѣра какъ колдовство; въ этомъ обширномъ и продолжительномъ феноменѣ, занимавшемъ столько странъ и вѣковъ, основные виды его постоянно воспроизводились; колдунъ, колдунья переносились въ шабашъ, и тамъ видѣли дьявола, говорили съ нимъ, осязали его; никто не избѣжалъ этого рода призраковъ, происходящихъ отъ поврежденія умственнаго, соединеннаго съ преобладаніемъ идей, бывшихъ тогда въ ходу. Болѣзнь, хотя и есть нарушеніе естественнаго и правильнаго

порядка, но она не произвольна; она тоже подчинена правиламъ которыя ограничиваютъ разстройство и побуждаютъ къ новымъ, послѣдствіямъ; она зависитъ отъ причинъ, которыя производятъ ее и отъ живыхъ элементовъ, которыхъ она поражаетъ. Такъ точно и галлюцинація подчиняется условіямъ, которыя налагаютъ на нее свою печать; колеблясь между уклоненіями, имѣющими границы, она зависитъ отъ чувства, на которое она дѣйствуетъ и отъ среды, въ которой она порождается: отъ чувства, т. е. слышатся голоса, звуки, представляются формы, свѣтъ, чувствуются запахи и т. д., отъ среды — общественныя и могучія мнѣнія опредѣляютъ характеръ и придаютъ тѣло и жизнь этимъ впечатлѣніямъ. Получивъ такимъ образомъ начало и распространение, галлюцинація дѣлается историческимъ событіемъ, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ рода человѣческаго. Если болѣзнь не можетъ быть изъята изъ исторіи индивидуальнаго человѣка, она также не можетъ быть исключена и изъ исторіи обществъ. Въ жизни ежеминутно встрѣчается болѣзнь отдѣльная. Одинъ чувствуетъ вдругъ острую боль между ребрами, начинается кашель и воспаленіе развивается; у другого съ болью пухнуть суставы; у третьяго бѣлокъ глаза желтѣетъ и вскорѣ вся кожа принимаетъ такой же цвѣтъ; и такъ далѣе представляется множество видовъ страданій, которыя медики обстоятельно описывали и для которыхъ они, смотря по болѣзни, имѣютъ лекарства сильныя, слабыя, сомнительныя, недѣйствительныя. Этимъ однако не ограничивается патологія: болѣзнь часто минуетъ отдѣльную личность и превращаясь, какъ говорятъ, въ эпидемическую, поражаетъ одинаковыми страданіями цѣлыя массы. Иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются болѣзни, которыя дѣлаются общими и въ кругу, болѣе или менѣе обширномъ, разнообразность припадковъ исчезаетъ и устанавливается однообразіе. Наконецъ кругъ можетъ увеличиться и охватить обширныя области, какъ было съ проказою въ средніе вѣка, съ чумою въ четырнадцатомъ столѣтіи, съ потницею въ пятнадцатомъ и съ холерою въ наше время. Что происходитъ въ области растительной жизни — такъ какъ всѣ болѣзни, о которыхъ я говорилъ теперь и тѣ которыя съ ними связаны, принадлежатъ къ поврежденію крови, мокротъ, плевъ, органовъ, ихъ функцій и реакціи на нихъ среды — что происходитъ въ области растительной жизни, то самое

происходитъ и въ области интеллектуальной и нравственной жизни и въ области нервныхъ отправленияхъ. Разстройства, которыя въ нихъ происходятъ, не проявляются въ отдѣльныхъ только видахъ, видъ эпидемическій тоже имѣетъ въ нихъ мѣсто; но вмѣсто того чтобы происходить отъ вліяній пищи, воздуха, тепла, холода, миазмовъ и смертоносныхъ дѣйствующихъ силъ явныхъ или тайныхъ, которыя разстраиваютъ живущее существо, они происходятъ отъ нравственныхъ вліяній, отъ мнѣній, отъ вѣрованій, отъ опасеній. Такимъ образомъ порождаются наклонности, которыя непреодолимо овладѣваютъ массою умовъ, какъ напимѣръ, потребность въ искупленіи грѣховъ и великая эпидемія бичующихся въ четырнадцатомъ вѣкѣ; отъ этого происходятъ экстазы и мистическія видѣнія, какова эпидемія, которая была между угнетенными камизардами. Какъ у отдѣльныхъ личностей страсти доходятъ до разстройства разсудка, такъ и въ обществѣ моральныя и интеллектуальныя разстройства, становясь общими, доходятъ до коллективныхъ увлеченій, до господствующихъ волненій.

Въ наукахъ и преимущественно въ наукѣ жизни и исторіи весьма дѣйствительно и полезно сличать факты, о которыхъ идетъ споръ, и которые, взятые отдѣльно, оставляютъ умъ въ сомнѣніи. Одно уже сгруппированіе ихъ проливаетъ свѣтъ; оно исключаетъ все что случайно, указываетъ на постоянныя явленія и представляетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ наше время многіе могли быть удивлены, слыша разговоры о духахъ, которые стучатъ, о столахъ одушевленныхъ, о являющемся свѣтѣ, о звукахъ чудно производимыхъ. Но пускай они обратятся назадъ и тогда они найдутъ все это или подобное въ историческихъ разсказахъ. Я скажу, что если бы могло остаться какое-либо сомнѣніе на счетъ основательности этихъ разсказовъ, факты настоящаго времени даютъ имъ вѣру, какъ, въ свою очередь, эти разсказы ставятъ на ихъ мѣсто настоящіе факты. Совокупность этихъ болѣзненныхъ явленій ограничивается весьма тѣснымъ кругомъ. Дѣло идетъ всегда о разстройствѣ чувствъ, которыя заставляютъ видѣть, слышать, осязать, о возбужденіяхъ, которыя ставятъ нервную систему въ весьма странныя условія, о важныхъ измѣненіяхъ чувствительности, ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ придающихъ мускульной системѣ неограниченную силу. Далѣе къ этимъ общимъ подробностямъ присоединяет-

ся то, что представляютъ современныя идеи и вѣрованія. Въ одномъ вѣкѣ Писа получаетъ вдохновеніе отъ Аполлона и волшебница закликаетъ Гекату посредствомъ вызыванія духовъ; въ другомъ вѣкѣ безобразный и смѣшной средневѣковой чортъ представляется воображенію. Подъ инымъ вліяніемъ ангелы божіи посылаютъ помощь несчастнымъ угнетеннымъ. Подъ другимъ вліяніемъ еще къ этому видѣнію ангеловъ, присоединяются мистическія идеи о магнетическомъ токѣ, который наука пустила въ ходъ.

Вотъ что произошло въ наше время и не могло произойти иначе какъ въ эту эпоху. Въ наше время тоже можно замѣтить нѣкоторыя причины, сходныя съ тѣми которыя нѣкогда дѣйствовали коллективно на умы. Наше время есть эпоха переворотовъ. Значительныя потрясенія въ короткіе промежутки времени возмутили общество, внушили однимъ неслыханный страхъ, другимъ безграничныя надежды. Въ этомъ состояніи нервная система сдѣлалась чувствительнѣе чѣмъ она была до того времени. Съ другой стороны, когда казалось что общественная почва ослабѣваетъ, многія души съ сокрушеніемъ обратились къ сверхъестественному какъ къ убѣжищу, и это обращеніе было не совсѣмъ чистосердечно; оно совершалось въ виду идей противоположныхъ, имѣющихъ свою долю преимуществъ и въ виду идей научныхъ, внушившихъ большое почтеніе даже тѣмъ, которые страшились ихъ вліянія. Вотъ стеченіе обстоятельствъ, которое должно было благопріятствовать современной вспышкѣ. Я говорю благопріятствовать, а не произвести вспышку, потому что, я полагаю, коллективныя страсти ума существуютъ какъ существуютъ коллективныя страсти тѣла; весьма часто извѣстно что именно содѣйствуетъ ихъ развитію; рѣдко извѣстно что его подлинно производитъ. Впрочемъ, весь предметъ, вполне заслуживающій обсуждения, отмѣченный въ исторіи рядомъ припадковъ бѣснующихся, до сихъ поръ едва очерченъ.

Въ деревняхъ, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя безопасно ступить ногою, иногда бываетъ видѣнъ ночной свѣтъ поражающій и привлекающій взоръ запоздалаго путешественника. Огни эти не горятъ, и если придти въ то мѣсто, то не видно чтобы они обозначили слѣдъ свой пепломъ или угольемъ. Огни эти не освѣщаютъ, они носятся во мракѣ и не разсѣваютъ его: истинные блудящіе огни, по простонародному выраженію, не имѣющіе ни

силы, ни жару. Подобно этимъ блудящимъ огнямъ показываются на историческихъ поляхъ эти проявленія демоновъ, душъ усопшихъ, духовъ и сверхъестественныхъ дѣятелей. Весьма часто они показываются чтобы вскорѣ исчезнуть и, какъ ихъ появленіе ничего не озаряетъ, то также ничто и не омрачается отъ ихъ исчезновенія. Свѣтъ ихъ болѣзненный и, кто слѣдитъ за его неправильными движеніями, тотъ только вертится и не подвигается впередъ. Впрочемъ, не смотря на чудныя обѣщанія, которыя они расточаютъ, не смотря на чрезвычайности, которыя они, повидимому, открываютъ, ихъ окончательное безсиліе остается явнымъ. Все въ исторіи идетъ своимъ путемъ, какъ будто они и не существовали. Они держатъ волшебный жезлъ, но онъ въ рукѣ ихъ не дѣйствуетъ, Они повелѣваютъ тайнымъ силамъ вещей, а вещи слѣдуютъ направлению свойственному и подчиненному совсѣмъ другимъ условіямъ. Однимъ словомъ, въ исторіи эти проявленія представляютъ сходство съ сонливцемъ Виргилиа, который во снѣ хочетъ тщетно вскочить и бѣжать: онъ изнемогаетъ отъ своихъ усилій, языкъ его ему не повинуется, силы ему измѣняются и изъ устъ его, которыя отказываются ему служить, не выходитъ ни слова, ни звука.

Самопроизвольная теорія (надо соединить эти два слова), которою соединялъ и представлялъ умъ феномены, о которыхъ идетъ рѣчь, указана исторіею: сверхъестественная сила, которая, была вездѣ признана, ихъ опредѣляла. Конечно, въ этой теоріи не было ничего что было бы противно фактамъ или разсудку: фактамъ,— вмѣшательство демоновъ и душъ вполне объясняло ее, разсудку— это вмѣшательство казалось ему болѣе правдоподобнымъ, нежели показалось бы дѣйствіе естественныхъ причинъ, которыя тогда не были объяснены. Предметы являлись въ такомъ видѣ до сдѣланныхъ опытовъ и тогда умъ относился къ этимъ феноменамъ, какъ глазъ относился къ суточному движенію звѣздъ, которыя онъ видѣлъ, полагая, что онѣ вертятся вокругъ земли; но настало время когда принялись пересматривать самопроизвольныя поясненія полученныя отъ предковъ, чтобы подтвердить нѣкоторыя и отвергнуть другія, что собственно и составляетъ отвлеченную науку. Въ началѣ, очевидно изслѣдованіе желало скорѣе найти результаты сообразныя съ преданіемъ, нежели новости всегда сомнительныя. Не смотря на это направленіе, надо было мало по малу отбросить что было пере-

даво касательно колдовства, бѣсноватыхъ, изступленій, конвульсій. Эти факты не могли объясняться теоріею о духахъ, ихъ должно было объяснить иначе. Скажутъ, конечно, что по временамъ факты эти возобновлялись и что убѣжденія новѣйшаго времени ихъ не отвергаютъ. Да, конечно, они возобновляются, потому что условія, которыя ихъ вызываютъ, т. е. различныя потрясенія нервной системы сохраняютъ всегда свою дѣятельность. Впрочемъ, къ чему продолжать споръ? Вы сообщаетесь съ духами, которые проникаютъ сквозь непроницаемую матерію, съ княземъ ада, для котораго величайшія чудеса составляютъ игрушку, съ душами умершихъ, которыя обитаютъ мѣста недоступныя слабымъ людямъ, однимъ словомъ, со всѣми этими существами безплотными и могущественными, для которыхъ нѣтъ ничего скрытаго и невозможнаго, слѣдовательно вы имѣете силу и знаніе. И такъ дайте доказательства этой силы и знанія. Но нѣтъ. Все ограничивается жалкими явленіями, и только передвигается мебель, хлопаютъ двери и окна, производятся звуки и свѣтъ и ведется разговоръ, въ которомъ встрѣчаются только мистическія повторенія того, что сто разъ было сказано гораздо лучше.

По мнѣнію другихъ, въ магическихъ чудесахъ вступаютъ въ соотношенія не съ безконечною толпою духовъ, а съ стихійными силами природы. И если возможно, чтобы человѣкъ посредствомъ различныхъ пріемовъ, производилъ въ нервной системѣ другого весьма странныя явленія, почему же было бы невозможно, чтобы подобное дѣйствіе, зависящее отъ воли, произведено было надъ животными, нервная система которыхъ тоже доступна впечатлѣнію? Почему оно не могло бы простираться и на растенія, которыя если не имѣютъ чувствительности, то, по крайней мѣрѣ имѣютъ жизнь? Почему оно не перешло бы и на вещества составленныя какъ человѣкъ изъ кислорода, водорода, углерода и азота и имѣющія съ этой стороны нѣкоторое сходство съ нимъ? Почему наконецъ, преодолѣвъ преграду, не можетъ оно простираться на тѣла грубыя, каковы бы они ни были, въ силу извѣстной, всеобъемлющей жизненности, которая проникаетъ во все, т. е. почему, воля, которая мгновенно проходитъ до конечностей пальцевъ, не прошла бы мгновенно до внѣшнихъ предметовъ и не сообщила бы имъ движеніе? Почему?.. Но къ чему послужитъ повтореніе этихъ

почему, которые остались бы правдоподобными до тѣхъ поръ пока опытъ не далъ бы на нихъ отвѣта.

Если воля и, черезъ нее, магическое слово имѣютъ силу, пусть они это докажутъ; пускай они замѣнятъ паръ, электричество и всѣхъ двигателей, которыхъ наука отдала въ распоряженіе труду и промышленности. Однако ничто не движется, и чтобъ корабль покинулъ берегъ, надо непременно чтобъ вѣтеръ вздулъ его паруса или чтобъ каменный уголь заставилъ вертѣться его колеса.

Знать и мочь суть два великіе термины коллективнаго ума, котораго прогрессивное развитіе составляетъ нить въ исторіи. Въ началѣ происхожденія лѣтописей человѣческихъ находится магія съ одной стороны тѣсно связанная и смѣшанная съ начинающейся наукою, съ другой стороны съ болѣзью, такъ что невозможно было выбрать исходный пунктъ между ими тремя. Магія, какъ наука, старалась изслѣдовать вещи и употреблять ихъ въ свою пользу, и, нѣтъ сомнѣнія, что она въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ впоследствии алхимія, много разъ встрѣчала любопытныя и важныя явленія. Въ свою очередь, наука неуверенная въ своей доктринѣ, не богатая фактами, не отвергала союза, который греческіе мыслители первые осмѣлились отвергнуть. Наконецъ болѣзнь бредомъ сообразнымъ со всѣми принятыми вѣрованіями, видимо подтверждавала тайныя знанія. Все это, съ содѣйствіемъ времени все раскрывающимъ и поучающимъ отдѣлилось и распозналось. Наука, богатая фактами и увѣренная въ своей доктринѣ, знаетъ, что она дѣйствуетъ только посредствомъ свойства вещей, свойства, въ которыя она проникаетъ мало по малу, созидая рукою послѣдовательныхъ поколѣній теоріи отвлеченныя и глубокія. Магія отдѣленная отъ науки, и отдѣленная отъ болѣзни, тщетно взывая къ безплоднымъ духамъ или къ стихійнымъ силамъ природы, имѣетъ чары и формулы, но ни что имъ не повинуется. Болѣзнь, которая такъ долго подтверждала ея существованіе, признанное подъ странными формами ее скрывающими, прибавляетъ къ медицинѣ страницу, которую исторія съ своей стороны, не должна оставить безъ вниманія.

ГИГИЕНА.

I.

Частная гигиена.

Явленія въ области астрономіи и физики, признанныя современной наукой, мало понятны для людей непосвященныхъ въ эту науку и объясненіе ихъ представляется дѣломъ весьма не легкимъ, хотя и не невозможнымъ, если ограничиться просто передачей конечныхъ выводовъ науки, не прибѣгая къ научнымъ доказательствамъ какаго бы то ни было рода. Дѣйствительно, разработка этихъ доказательствъ дѣло трудное, здѣсь приходится сказать: *os labor, hic labor est*; но можно всегда представить читателю конечные выводы въ такомъ видѣ, что они сдѣлаютъ впечатлѣніе на его умъ и убѣдятъ его. Человѣкъ давно уже привыкъ къ тому, что наука опредѣляетъ ходъ небесныхъ свѣтилъ, направляетъ путь кораблей, заставляетъ электричество передавать слова его, а паръ переносить его и по сушѣ и по морю; этотъ фактъ такъ очевидный для всѣхъ глазъ служитъ ручательствомъ вѣрности той теоріи, которая во всѣхъ подробностяхъ ея доступна только немногимъ, которая понятна только посвященнымъ въ нее.

Мы можемъ говорить возбуждая живѣйшій интересъ, напимѣръ, о звѣздахъ, о безчисленномъ множествѣ солнць, о величинѣ нашего солнца, о вѣсѣ земли, и о тѣхъ высокихъ познаніяхъ, о которыхъ Лафонтенъ еще сказалъ, что онъ не довѣряетъ своимъ глазамъ въ

виду величія механизма вселенной. Но какъ ни велики и прекрасны эти предметы, попробуйте объяснять ихъ научными доказательствами и вы потеряете слушателей. И не потому, что науки ведущія къ познанію ихъ отвлеченны и начало ихъ скрыто въ какой нибудь недоступной высотѣ, или въ какомъ нибудь таинственномъ убѣжищѣ, удаленномъ отъ шаговъ простыхъ смертныхъ; оно лежитъ въ простомъ здоровомъ смыслѣ, въ тѣхъ истинахъ, которыя онъ воспринимаетъ самъ собой. Но изъ этихъ истинъ, изъ этихъ аксіомъ, какъ ихъ называютъ математики, путемъ дедукціи развиваютъ длинную серію положеній. Последнее связано съ первымъ длиною непрерывною цѣпью, но тѣмъ не менѣе первое далеко отстоитъ отъ послѣдняго; отсюда невозможность для ума неподготовленнаго уловить отдаленную истину, которую никакая сила пониманія не усвоитъ себѣ безъ связующихъ звеньевъ. Съ тѣхъ поръ какъ математика, приложенная къ задачамъ астрономіи и физики, тѣмъ самымъ дала человѣческому уму значительную силу для рѣшенія вопросовъ, которые иначе остались бы неразрѣшимыми, необходимо предварительное посвященіе въ тайны науки, для того чтобы вполне понять то, что весь свѣтъ допускаетъ, напр., что земля обращается вокругъ солнца и что притяженіе, дѣйствуя по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ есть причина этого круговращенія.

Еще труднѣе объяснять публикѣ, даже образованной, то, что составляетъ предметъ науки о жизни. Съ перваго взгляда кажется, что легко говорить о нихъ и понять ихъ. Дѣло идетъ о томъ, что всего ближе касается насъ, что намъ всего знакомѣе. Какъ мы дышимъ? Какъ обращается кровь въ нашихъ сосудахъ? Какимъ образомъ только извѣстная часть кислорода воздуха проникаетъ сквозь легочныя ткани, чтобы придавать яркую краску и животворящую силу крови. Какимъ образомъ хлѣбъ и пища, ежедневное введеніе которыхъ въ организмъ необходимо, превращаются въ желудочный сокъ, затѣмъ въ кровь, въ мускулы, въ нервы и въ кости? Объяснять все это, значитъ объяснять, что происходитъ внутри насъ, что заставляетъ насъ двигаться, думать, наконецъ жить. Тутъ какъ нельзя болѣе приложимо изреченіе Горачія: *De te fabula narratur*. Прибавимъ къ этому, что наука о жизни не такъ непосредственно опирается на математику, какъ астрономія и физика. Математика неспособна разрѣшить задачи этого рода. Не

потому, чтобы сущность этихъ вопросовъ не допускала анализъ распространиться и на область жизни; еще съ того времени, какъ Декартъ открылъ чудесный способъ объяснять направленіе движениій посредствомъ алгебраическихъ уравненій и такимъ образомъ измѣнять количество въ качество, умъ человѣческой постигъ, что ни одна вполне выяснившаяся проблема въ сущности своей не можетъ быть поставлена внѣ области математики; но онъ въ то же время призналъ, что безпредѣльная сложность вещей положила границы стремленіямъ этого рода. Простой вопросъ о тяготѣнн между тремя тѣлами, объ уравненіи истечения жидкостей вполне исчерпываютъ всю области геометріи. Что же будетъ, если прилагать этотъ методъ къ разрѣшенію вопросовъ химіи, а тѣмъ болѣе физиологіи; насъ остановитъ здѣсь не математическій приступъ къ дѣлу, но малое знаніе механизма жизни, того, что на техническомъ языкѣ называется тканями, органами. Что такое нервъ? Не тотъ нервъ, который наобыденномъ языкѣ въ древности (такъ говорилъ и Гипократъ) принимался за сухожиліе, но тотъ, который передаетъ импульсъ воли мускуламъ, передаетъ ощущенія мозгу и сообщаетъ, тоническую силу сосудамъ. Что такое корешки нервовъ, изъ которыхъ одни служатъ исключительно передачѣ ощущеній, другіе движенія, такъ что если болѣзнь поразитъ первую часть происходящаго отъ соединенія обѣихъ нитей нерва, чувствительность будетъ парализована, если вторую—то движеніе. Что такое эти кровяные шарики, которые, если они уменьшатся значительно подъ какимъ-либо неблагоприятнымъ вліяніемъ, вызываютъ цѣлую совокупность смертныхъ симптомовъ. Что такое эти клапаны сердца, которыхъ дѣйствіе правильное и неправильное можетъ быть слышимо простымъ ухомъ, благодаря изобрѣтенію Леннека? Всѣ эти вопросы остаются обыкновенно безъ отвѣта. Возьмите же за руку челоѣка, котораго вы захотите вести по этимъ неосвѣщеннымъ путямъ. Къ очевидной трудности объяснить всѣ эти законы присоединяется еще другая, болѣе глубокая и скрытая, а именно: что дѣйствительное знаніе жизни требуетъ и знанія всѣхъ законовъ неорганическаго міра.

Каждое животное, каждое растеніе прежде чѣмъ разсматриваться какъ живое существо составляетъ агрегатъ разныхъ веществъ, въ которыхъ химическое сродство играетъ постоянную роль, въ кото-

рыхъ свѣтъ, теплота, электричество, тяжесть дѣйствуютъ непрерывно. И такъ: нѣтъ физиологическаго вопроса, который бы не былъ усложненъ всѣми, этими хотя и второстепенными условіями. Однако, несмотря на очевидныя трудности, я попробую сказать нѣсколько словъ о гигиенѣ, руководствуясь книгой ¹⁾ Мишеля Леви; трудно найти лучшее руководство. Авторъ слѣдилъ за всѣмъ что дѣлается по части этой науки. Онъ владѣетъ громадной опытностью, которая не только ручается за достоинство собранныхъ имъ матеріаловъ, но что существенно важно, за умѣнье его оцѣнивать ихъ, потому что критическій анализъ подобнаго рода есть драгоценный помощникъ науки. Основываясь на ней, авторъ стремится вывести изъ всѣхъ методовъ дѣйствительную пользу. Онъ привыкъ давать отвѣты на вопросы, касающіеся гигиены, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что до нея касается въ разныхъ мѣстностяхъ и подъ вліяніемъ разныхъ климатовъ. Еслибы его трудъ только что появился въ свѣтъ, то и тогда, всѣ эти данныя служили бы достаточнымъ, ручательствомъ его достоинства; теперь же и подавно, когда онъ достигъ уже третьяго изданія. Мишель Левн очень наглядно представилъ то постоянное усовершенствованіе, котораго достигла гигиена, благодаря успѣхамъ медицины и ея возрастающему вліянію на условія общественной жизни. «Что можетъ быть, говоритъ онъ, менѣе гигиенично нашихъ обычаевъ? Пища, одежда, увеселенія, обыденный образъ жизни, обязанности общественныя—вся наша жизнь, полная тревоженій, заставляетъ предполагать какъ будто бы мы побились объ закладъ, что несмотря на самыя неблагоприятныя условія, мы все-таки какъ нибудь выживемъ. Мода насъ порабощаетъ такъ, что каждые шесть мѣсяцевъ заставляетъ перемѣнять форму одежды, къ которой мы уже привыкли. Столъ нашъ обставленъ такъ, что благодаря испорченности вкуса и фальсификаціи продуктовъ, наши органы лишены самыхъ существенныхъ элементовъ пищи. Учрежденія древнихъ какъ-то: термы, форумы палестры, театры, устроенныя на чистомъ воздухѣ и дававшіе возможность поддерживать въ надлежащемъ равновѣсіи способности физическія и умственныя, смѣнились системой жизни, которая бы-

¹⁾ Traité d'hygiene publique et privée par M. Michel Levy 3-me edition 2 volumes.

стрѣе сожигаетъ жизнь, или сосредоточиваютъ ее въ области безплодныхъ страстей. Развитіе промышленности ставитъ огромныя массы народа въ условія губительно вліяющія на здоровье и дѣлаетъ наши города разсадникомъ болѣзней. Но параллельно съ этой мрачной картиной нельзя не сопоставить обстоятельство, примыряющее съ настоящимъ; это постепенное возвышеніе средняго уровня продолжительности жизни. Въ наши тяжелые дни, люди живутъ дольше нежели въ славные дни цивилизаціи древняго міра, въ дни гладиаторовъ и атлетовъ. Изъ этого видно, что гигиена вовсе не такъ непримѣнима къ нашему строю жизни, какъ это кажется съ перваго взгляда. Она не умерла вмѣстѣ съ учрежденіями Аѳинъ и Спарты. Каждый изъ насъ имѣетъ болѣе вѣроятія на долговѣчность, чѣмъ сограждане Ликурга; однако наши законы не занимаются опредѣленіемъ числа блюдъ за нашимъ столомъ, мы не убиваемъ нашихъ дѣтей-калѣкъ; напротивъ тутъ-то наука медицина и показываетъ свою изобрѣтательность чтобы сохранять здоровье и жизнь. Однимъ словомъ, несмотря на то, что мы развиваемъ сами элементы сокращающіе жизнь, сумма дней, которые намъ сочтены, увеличилась».

Фактъ продолженія средняго уровня жизни, заявленный Мишелемъ Леви, очень знаменателенъ. Надо конечно понимать средній уровень жизни массы, а не каждаго лица въ отдѣльности. По признакамъ старости, начинающейся между пятидесятью и шестидесятью годами, приблизительный предѣлъ жизни составляютъ семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ. Долговѣчность, превышающая этотъ срокъ есть исключеніе и удѣлъ привилегированныхъ натуръ. Подобная долговѣчность достигается вслѣдствіе особенно счастливой организаціи. Ея нельзя создать по заказу, какъ нельзя создать по своему желанію особое существо или гений. Но средній уровень жизни отчасти въ нашихъ рукахъ. Удаляя вредныя вліянія, мы можемъ продлить его. Идеаль этого стремленія состоитъ въ томъ, чтобы по возможности избавить себя отъ всякихъ болѣзней и дойти до смерти естественнымъ путемъ, то-есть, если можно такъ выразиться, постепеннымъ изнашиваніемъ своего организма. Не нужно говорить, что какой бы высокой степени ни достигло развитіе чело-вѣка, онъ этого идеала никогда вполне не достигнетъ. Но и то уже немалая награда за всю работу смѣняющихся поколѣній, если они ослабятъ силу условій сокращающихъ жизнь чело-вѣка и со-

хранять то, что было приобретено. Надо заботиться о томъ, чтобы сберечь приобретенное, потому что тутъ всякое упущение опасно: сдерживаемыя силы зла могутъ снова вырваться изъ границъ и подобно гребцу, который поднявшись вверхъ по рѣкѣ, вдругъ оставилъ весла и былъ отнесенъ назадъ быстротою течения, мы можемъ также быстро вернуться къ прежнимъ побѣжденнымъ уже нами неблагоприятнымъ условіямъ. На техническомъ языкѣ зовутъ средою всю обстановку, въ которой живетъ всякое живое существо, и преимущественно человекъ. Его окружаетъ со всѣхъ сторонъ воздухъ и проникаетъ въ его легкія. Вода утоляетъ его жажду. Различныя вещества вводятся внутрь его организма, чтобы питать его. Земля носитъ его и сила притяженія дѣйствуетъ на него. Свѣтъ, теплота, электричество, входятъ въ составъ его существованія. Одежда и жилища ему необходимы.

Человекъ живетъ въ обществѣ и оно постоянно вліяетъ на его жизнь. Все это составляетъ извѣстную сферу. Съ другой стороны человекъ имѣетъ свои потребности, свои страсти, свои понятія, которыя должны согласоваться между собою. Познать вліяніе этой сферы, дѣйствіе и воздѣйствіе ея на человека, вотъ что и составляетъ предметъ гигиены. Слѣдовательно, въ составъ ея входятъ двѣ вещи: изученіе человека и сферы, въ которой онъ вращается. Изученіе человека, т. е. его сложенія и состава, это анатомія, его организма — физиологія, и его страданій — патологія. Для изученія его сферы нужны до извѣстной степени, и физика, и химія, и социологія. Гигіена, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ отвлеченныхъ наукъ, можетъ развиваться только если развиваются онѣ. Тому, кто не привыкъ вглядываться въ живой организмъ, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ въ немъ при здоровомъ на видъ состояніи, проявляются болѣзни, лихорадки, воспаления. А въ сущности еще страннѣе то, что живущіе организмы не болѣютъ часто, такъ трудно поддержать необходимое для нихъ равновѣсіе. И дѣйствительно, вѣчно колеблющееся равновѣсіе силъ составляетъ жизнь. Равновѣсіе это зависитъ отъ питанія. Питаніе, въ научномъ смыслѣ имѣетъ не то значеніе, которое оно имѣетъ въ обществѣ, т. е. введеніе пищи и ея перевареніе. Это есть только начальный процессъ. Питаніе производится не въ кишечномъ каналѣ, а внутри самыхъ органовъ. Оно состоитъ изъ двой-

наго дѣйствія: всасыванія и выдѣленія. Первое вводитъ питательныя молекулы, второе выноситъ ненужныя и испорченныя. Какъ то, такъ и другое важно. Для дѣйствія механизма нужно и приносить и уносить. Ткань нашихъ органовъ безпрестанно измѣняется, то возобновляется, то разрушается: возобновляется, чтобы разрушиться, разрушается, чтобы возобновиться. Путь, которымъ вводятся вещества питанія въ организмъ, есть кишечный каналъ; путь, которымъ они уносятся, преимущественно почки и легкія. Если прослѣдимъ мысленно за этимъ любопытнымъ процессомъ, то можно подмѣтить безпрестанный обмѣнъ тамъ, гдѣ повидимому все неподвижно. Ничто не остается въ спокойномъ состояніи: все или приходитъ или уходитъ; въ этомъ постоянномъ обмѣнѣ и состоитъ жизнь и здоровье. Изъ этого обмѣна составляется правильная ткань нашихъ органовъ.

Объяснивъ питаніе, я сдѣлалъ опредѣленіе сущности жизни; по крайней мѣрѣ не много еще остается добавить, чтобы опредѣленіе вышло полно. Жизнь есть двойной процессъ возобновленія и разложенія, который представляетъ каждый организмъ. Питаніе присуще только веществу организованному, но не всякое организованное вещество имѣетъ питаніе. Животное, которое только что умерло организовано, но въ немъ уже не происходитъ питаніе. Однако питаніе не есть единственное условіе жизни; но такъ какъ оно есть одно изъ главныхъ свойствъ общихъ всѣмъ живымъ существамъ, свойство, безъ котораго немислима жизнь,—то въ немъ и заключается главное опредѣленіе жизни. По мѣрѣ того, какъ органическая жизнь усложняется и продолжается, къ процессу питанія присоединяется процессъ развитія, произрожденія, и у нѣкоторыхъ организмовъ сократимость мускуловъ и явленія нервной системы, отъ которыхъ зависитъ движеніе, чувствительность и умъ.

Итакъ, органическое вещество, завися отъ частицъ или молекулъ, которыя, прибываютъ или убываютъ, не можетъ не подвергаться измѣненіямъ, происходящимъ отъ болѣзни. Кровь доставляетъ всѣ матеріалы. Каждый органъ беретъ изъ нея то, что ему нужно. Для этого служатъ артеріи. Кровь уноситъ матеріалы; каждая ткань выдѣляетъ изъ себя то, что для нея не годится. Для этого служатъ вены. Артеріи и вены соединены между собою воловнистыми сосудами, довольно просторными для того, чтобы пропускать

кровенные шарики, діаметръ которыхъ равняется семитысячной части миллиметра. Въ волокнистыхъ сосудахъ производится процессъ питанія. Ихъ стѣнки, посредствомъ просачиванія, выдѣляютъ и принимаютъ въ себя собранныя и разложенныя жидкія вещества.

Стоить только составу крови немного измѣниться, и органы не найдутъ уже въ ней все то, что имъ необходимо и въ нихъ произойдутъ болѣзненные измѣненія. Стоитъ только органамъ подвергнуться этимъ измѣненіямъ и они будутъ доставлять испорченные матеріалы для крови, которые испортятъ ея составъ. Изъ всего этого видно, какое дѣйствіе имѣетъ питательный сокъ и на всѣ прочія части и наоборотъ.

Здоровье зависитъ не только отъ причинъ внѣшнихъ, т. е. отъ воздуха, пищи и отъ всего насъ окружающаго, но и отъ причинъ внутреннихъ. Человѣкъ, въ себѣ самомъ заключаетъ центръ дѣятельности, который хотя и подверженъ нисшимъ отправленіямъ животной и растительной жизни, но тѣмъ не менѣе, разъ приведенный въ движеніе, дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ центръ, есть нервная система, мозгъ спинной и головной, нервные узлы и нервы, дѣятельность которыхъ обуславливаетъ и совершающуюся въ человѣкѣ его душевную жизнь, какъ-то: страсти, потребности, стремленія, нравственные и умственные свойства, органомъ которой она служитъ. Несомнѣнно нервная система, какъ и органы зависятъ отъ питанія, которое поддерживаетъ, какъ ее такъ все остальное, это доказано самыми простыми опытами: немного алкоголя, нѣсколько капель опиума, или беладонны, проходя посредствомъ желудка въ кровь, производятъ всегда извѣстное разстройство, вполне опредѣленное и неизмѣнно одинаковое для извѣстнаго агента. Но нервная система имѣетъ свойственное ей дѣйствіе. Когда страсти, печаль, злоупотребленіе силъ сердца или ума, чрезмерное утомленіе, тревоги или другія, ускользнувшія отъ нашего наблюденія причины, вносятъ разстройство въ организмъ, мы видимъ два явленія: или питаніе дѣлается неправильнымъ, вслѣдствіе вліянія на него нервной системы, которая сама находится въ зависимости отъ него, и въ такомъ случаѣ страдаетъ здоровье тѣла; или развивается цѣлый рядъ первичныхъ болѣзней, разныхъ принадлежностей, галлюцинацій, наконецъ ипохондрія и разные виды помѣшательства, и здоровье души разрушено.

Есть еще третье условіе, которое надо принять во вниманіе. Человѣкъ имѣетъ передъ собой потомковъ и за собой предковъ. Это цѣлая цѣпь, привязывающая его къ прошедшему и посредствомъ которой онъ въ свою очередь повліяетъ на будущее. Онъ получаетъ черезъ своихъ родителей не только извѣстную долю наслѣдства физическихъ и нравственныхъ свойствъ, какъ ихъ собственныхъ, такъ и предковъ ихъ, но и предрасположеніе къ разнымъ болѣзнямъ. Счастливы тѣ, которые получили въ наслѣдство крѣпкое сложеніе, и какъ несчастливы тѣ, которые получили испорченную плоть и кровь. Однако наслѣдственность не есть всемогущая сила, которая всецѣло передаетъ дѣтямъ свойства родителей. Она уравнивается тѣмъ, что физиологи по примѣру доктора Люка называютъ врожденностью. Врожденные свойства вслѣдствіе какой либо особенности въ худомъ, какъ и въ хорошемъ, въ физическомъ какъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, заставляютъ извѣстныхъ индивидуумовъ отклоняться какой либо особенностью отъ своихъ родителей. Врожденность кладетъ начало всѣмъ уклоненіямъ, которыя вскорѣ поглощаются общимъ типомъ, если онѣ будутъ предоставлены самимъ себѣ, или укрѣпляясь, порождаютъ новые виды, если тому способствуетъ человѣческая изобрѣтательность. Мы часто видимъ, что цѣлыя поколѣнія, слѣдуя одно за другимъ, колеблются между двумя силами, изъ которыхъ одна удаляетъ ихъ отъ типа, другая возвращаетъ къ нему. Сила наслѣдственности такъ велика, что можно, посредствомъ нея установить извѣстныя свойства, наклонности, расположенія. Слѣдовательно она непременно должна быть принята въ соображеніе при вопросѣ о здоровьи. Во многихъ случаяхъ, намъ необходимо порыться въ нашей генеалогіи и разобратъ, что такое были не только нашъ отецъ или мать, но и предки наши, для того чтобы принять мѣры для охраненія себя отъ наслѣдованнаго нами зла, и развить въ насъ то добро, которое мы наслѣдовали. Необходимо не только обратить вниманіе наше на прошедшее, но и на будущее, чтобы предохранить потомковъ нашихъ отъ страданій, которыя могутъ отравить имъ всю жизнь.

Итакъ, съ точки зрѣнія здоровья или гигиены, надо обратить вниманіе на три группы, на которыя дѣлятся условія гигиены и по нимъ распредѣлить три рода знанія, которые обнимаютъ относящіеся къ ней факты: 1) Знаніе вліяніе, которое среда имѣетъ

на организм; 2) знаніе воздѣйствія организма на вліяніе среды; 3) знаніе вліянія наслѣдственности. Этими тремя рядами фактовъ поддерживается здоровье; черезъ нихъ же является и болѣзнь. Человѣкъ, (то, что я говорю о человѣкѣ, относится и къ другимъ живымъ существамъ, но выказывается всего очевиднѣе на человѣкѣ: человѣкъ живетъ растительной жизнью посредствомъ питанія, животной, низшими свойствами своего организма, разумной высшими) находясь подъ вліяніемъ окружающей его среды, въ то же время вліяетъ на нее, и поставленъ вслѣдствіе своего превосходства въ исключительныя условія. Ничто здѣсь не предоставлено случаю. Случай—это слово не имѣетъ даже смысла при научномъ изслѣдованіи. Въ абсолютномъ смыслѣ и съ общей точки зрѣнія мы не знаемъ, существуетъ ли даже случай; такъ какъ намъ известна только одна частичка безконечнаго. Въ относительномъ смыслѣ и съ точки зрѣнія нашего разума, случай можетъ быть понижаемъ только какъ дѣйствіе пншей области существованія на высшую. Въ социологіи дѣйствіе біологическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ: болѣзнь и смерть, похищающія замѣчательнаго человѣка, играющаго роль въ исторіи. Въ біологіи дѣйствіе химическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, ядъ, который разрушаетъ ткани и правильность функцій организма. Въ химіи, дѣйствіе физическихъ причинъ есть дѣло случая, напримѣръ, — электричество, которое разстраиваетъ какую нибудь комбинацію. Всѣ эти случаи въ свою очередь подчинены каждый своему закону. Но я не намѣренъ развивать теорію случая, я говорю только, что измѣненія живаго тѣла, происходящія или отъ собственнаго его воздѣйствія на среду, или отъ вліянія на него постороннихъ агентовъ, правильно опредѣлены и представляютъ характеръ всѣхъ прочихъ естественныхъ явленій.

Наука о гигиенѣ очень обширна, если взять въ соображеніе разнородность предметовъ, которые она должна обнять. Разъ понятая въ общемъ смыслѣ, она раздѣляется еще на множество спеціальныхъ отраслей, то по отношенію къ возрасту, то по отношенію къ полу, наконецъ по отношенію къ образу жизни и занятіямъ. Мужчина и женщина, дитя и старикъ, крестьяне, живущіе на свѣжемъ воздухѣ, ученый, проводящій жизнь въ своемъ кабинетѣ, всѣ они нуждаются въ совершенно различной діетѣ. За-

дача гигиены, изслѣдовать при помощи физиологіи, а иногда физики и химіи наши обычаи, пищу, питье, жилище, одежду, отопленіе, освѣщеніе, способъ упражненія нашихъ членовъ, чувствъ, мозга, страстей. Сколько подробностей! Сколько нужно вниманія, чтобъ разбирать сложныя вліянія! Сколько наблюденія и опытности, чтобы упрочить то, что хорошо, устранить то, что вредно, и ввести въ употребленіе то, что намъ указываетъ практика все болѣе и болѣе просвѣщаемая наукой. Все безъ исключенія, должно пройти черезъ наблюденія гигиениста.

Я хочу дать нѣсколько примѣровъ. Какъ нужно одѣвать ребенка въ первомъ возрастѣ? Прежде употребляли свивальникъ, который служилъ ребенку цѣпями справедливо изгнанъ изъ употребленія. «Одна изъ главныхъ причинъ смертности новорожденныхъ, говоритъ Мишель Леви, недостаточность одежды, первое вліяніе на нихъ холода. Потерявъ естественную теплоту, получаемую отъ матери, дѣти нуждаются въ искусственномъ согрѣваніи, доставляемомъ пеленаніемъ и колыбелью. Неправильное примѣненіе пеленанія, было и есть источникъ страшныхъ страданій, болѣзней и увѣчья маленькихъ существъ, которыхъ еще до сихъ поръ не избавили отъ этихъ мученій ни краснорѣчіе Ж. Ж. Руссо, ни совѣты гигиенистовъ.

«Несчастныхъ дѣтей съ ногъ до головы окутывали полосами перекрещенными на груди и на животѣ и превращали ихъ въ какой-то обрубокъ, неспособный къ движенію, насильственно вытягивали имъ руки и ноги, которыхъ естественное положеніе полусогнутое. Мучительная неподвижность, которой бы не перенесъ взрослый навязывалась самому живому возрасту почти до шести недѣль. Продолжительное растяженіе членовъ, насильственная неподвижность мускуловъ, неестественное положеніе костей еще мягкихъ, сдавливаніе груди и живота, удерживаніе испражнений въ пеленкахъ, страданія отъ подопрѣлости, таковы слѣдствія пеленанія, которое поддерживается невѣжествомъ даже до нашего просвѣщеннаго времени. Въ болѣе образованныхъ семействахъ, дитя завертываютъ въ мягкія пеленки безъ швовъ, подложенныя одѣяломъ, которыя подвертываютъ и слабо завязываютъ широкими тесемками, такъ чтобъ не препятствовать наполненію желудка и свободному движенію членовъ. И даже отъ этого свободного пеленанія надо

почаще освобождать ребенка, чтобы перемѣнить спершія въ пеленкахъ воздухъ, и дать членамъ еще большую свободу движеній.

«Около трехъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ еще ранѣе, и это пеленаніе должно прекратиться, такъ какъ продолжительное его употребленіе мѣшаетъ развитію кожи, поражаетъ въ ней чрезмѣрную чувствительность и задерживаетъ развитіе природной теплоты. Не рѣдко встрѣчается злоупотребленіе фланели, какъ предохраненія отъ простуды.

«Совершенно лишнее слишкомъ тщательно оберегать дѣтей отъ вліянія атмосферы, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ развиваетъ ихъ собственную теплоту. Если только дѣти слабы и лимфатичны, это укутываніе поддерживаетъ ихъ тѣло въ постоянной влажности и способствуетъ испаренію при каждомъ лишнемъ движеніи, а черезъ то и ослабляетъ ихъ.

«Фланель дѣлаетъ дѣтей склонными къ простудѣ, изнѣженными, вялыми. Прибавимъ, что вовсе не такъ опасно, какъ думаютъ, оставить фланель даже послѣ продолжительнаго ея употребленія. Единственная предосторожность, которую можно рекомендовать какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, это воспользоваться жаркимъ временемъ года, чтобы сдѣлать подобную перемѣну».

Рекомендуя взрослому человѣку быть умѣреннымъ въ удовольствіяхъ и скорѣе чувствовать въ нихъ лишеніе, чѣмъ избытокъ, советуя примѣняться къ климату, въ которомъ человѣкъ живетъ, Мишель Леви прибавляетъ: Старикъ, вслѣдствіе уменьшенія въ немъ теплоты и замедленія кровообращенія, обязанъ прибѣгать къ теплой одеждѣ всякаго рода. Онъ, по необходимости, долженъ отказаться отъ борьбы съ превратностями климата, его спасеніе въ однообразіи температуры; по мѣрѣ увеличенія теплоты, въ одеждѣ должна быть соблюдена строгая постепенность, такъ какъ принятую разъ одежду, старикъ безъ вреда для себя измѣнить не можетъ. Пусть онъ пользуется мѣхами, шерстью, ватой, пухомъ, но отнюдь не долженъ употреблять никакихъ бандажей, чтобы не сдавливать внутренностей, легкихъ, печени, весьма склонной въ эти лѣта къ увеличенію. Есть однакоже старики, которые благодаря правильной жизни и моціону, а часто и гидрпатическому режиму, сохранили достаточно жизненной силы, чтобы не нуждаться

въ предосторожностяхъ необходимыхъ для большинства людей этого возраста. Мой товарищъ по академіи Дюваль, восьмидесяти-лѣтній старецъ, одѣвался очень легко въ жестокіе холода зимою. Въ восемьдесятъ лѣтъ, онъ восхвалялъ благотворное вліяніе холода Кануронъ носилъ во всякое время года одинъ и тотъ же скрутокъ Воздержная жизнь — здоровая старость! Но это не общій удѣлъ Гигіена какъ и медицина замѣчаетъ исключенія, но руководствоваться ими не можетъ».

Тиверій (я съ сожалѣніемъ называю этого императора отвратительнаго по своей жестокости, но одареннаго натурою не дюжинною), Тиверій говорилъ, что въ тридцать лѣтъ, каждый долженъ быть самъ себѣ врачомъ. Есть нѣкоторая доля истины въ этихъ словахъ. Человѣкъ, который наблюдаетъ надъ собою и размышляетъ, можетъ съ годами, установить болѣе полезный для себя образъ жизни и тѣмъ избѣгнуть многихъ болѣзней. Но только если разъ болѣзнь развилась, докторъ необходимъ. Больной не способенъ, ни разгадать болѣзнь, ни выбрать средство для излеченія ея. Докторъ равно необходимъ и для гигиены, тѣмъ болѣе что въ отношеніи гигиены приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, съ чѣмъ не приходится въ медицинѣ, въ которую если и мѣшаются непосвященные, то или употребляютъ пустыя средства, дѣлаютъ ошибки, или слѣдуютъ разнымъ предрасудкамъ. Въ гигиенѣ же мы имѣемъ дѣло съ обычаями системы извѣстнаго рода, которыя сами по себѣ составляютъ правило; эти обычаи — плодъ давняго эмпиризма, который мало по малу исправляется съ теченіемъ времени; но эти обычаи и системы далеко не совершенны и даютъ поводъ къ сомнѣнію и многимъ ошибкамъ. И тутъ советъ опытнаго врача часто необходимъ, особенно для человѣка, на которомъ лежитъ отвѣтственность за другое лицо, какъ-то: отца семейства, воспитателя, хозяина, у котораго много прислуги, фабриканта употребляющаго рабочихъ. Не довѣряйте себѣ безусловно, вы можете, обмануться; вѣрнѣе, что есть много вещей недоступныхъ вашему пониманію и что не мѣшаетъ посоветоваться съ другимъ, болѣе опытнымъ лицомъ. Не обращайтесь къ его опыту только въ болѣзни, говорите съ нимъ о вашемъ образѣ жизни, о томъ, что вамъ полезно или вредно, о наклонностяхъ тѣлесныхъ или душевныхъ вашихъ дѣтей, о положеніи, въ которомъ вы находитесь, и объ опасности, которая

можетъ представиться для вашего здоровья и тѣхъ средствахъ помощи, которыя вамъ доступны. Не примѣшивайте вашихъ собственныхъ теорій къ вашимъ показаніямъ. Насколько ваши показанія необходимы, настолько ваши теоріи о крови, жолчи, мокротахъ затемняютъ ваше пониманіе. Не воображайте, что достаточно говорить объ этихъ вещахъ, чтобъ понимать ихъ. Избѣгайте шарлатановъ. Медицина не совершенна, я сознаю это болѣе, чѣмъ кто-либо другой; есть случаи гдѣ она бессильна, есть тайны, въ которыя она еще не проникла, но со всѣми недостатками ея, она все-таки есть драгоценная помощь для человѣка. Дочь опыта и времени, разрабатываемая со временъ Гиппократовъ людьми просвѣщенными, которые записываютъ и дѣлаютъ достояніемъ общества свои открытія, наука эта растетъ и крѣпнетъ, обогащаясь предъидущими открытіями, которыя служатъ ручательствомъ ея дѣйствительной пользы.

Размышляйте почаще о здоровьи. Вы не мало думаете о хлѣбѣ насущномъ, о богатствѣ, о карьерѣ. Вы правы, но повѣрьте мнѣ, обращайтесь также вниманіе на вашъ образъ жизни и отдавайте въ немъ себѣ отчетъ; послѣ нравственной отвѣтственности, это самая серьезная отвѣтственность.

Здѣсь я окончиваю свои разсужденія по этому предмету. Они вызваны во мнѣ чтеніемъ книги Леви. Опираясь на интересъ и полноту этого труда, я смѣло рѣшился совѣтовать принимать предосторожности, не соблюдаемыя въ вихрѣ жизни, и развѣвать то направленіе, которымъ дышетъ каждая страница его книги.

II.

Повальные болѣзни.

Можно разсматривать, какъ вторую отрасль гигиены, науку объ эпидеміяхъ и энзименіяхъ. Онѣ для городовъ, деревень и народовъ тоже, что спорадическія болѣзни для человѣка. Онѣ различаются не только огромнымъ числомъ людей, которыхъ поражаютъ, но также особеннымъ свойственными имъ признаками. Дѣйствительно, далеко не всѣ болѣзни принимаютъ эпидемическую форму; многія никогда не принимаютъ ее и, на примѣръ, еще до сихъ поръ не замѣчено эпидеміи рака. Нѣкоторыя болѣзни еще не опредѣлились;

индивидуальныя въ настоящее время, онѣ могутъ вслѣдствіе условий благоприятствующихъ развитію ихъ, получить силу распространенія, которой до сихъ поръ не имѣли, и сдѣлаться общими. Многія воспаленія, въ особенности воспаленія слизистой оболочки, находятся въ подобномъ условіи. Наконецъ другія болѣзни появляются только въ эпидемической формѣ, такова азиатская холера, дѣйствіе которой мы такъ страшно испытали; и если въ промежуткѣ двухъ эпидемій встрѣчаются отдѣльные случаи пораженія ею, то можно сказать, что это остающіеся слѣды вліянія эпидеміи, зародыши, которые пережили ее и которые не существовали бы, если бы это вліяніе не было такъ сильно.

Изъ этого видно, что эпидемическія болѣзни составляютъ отдѣльную *патологическую группу*, имѣющую свои особенности и которую невозможно причислить къ группѣ болѣзней спорадическихъ. Постараюсь объяснить, почему оно такъ должно быть. Болѣзни спорадическія или индивидуальныя разнообразны, смотря по условіямъ каждаго больного и каждой среды, и эти разновидности были бы безконечны, еслибы организація живаго вещества и образъ противудѣйствія его противъ причинъ порождающихъ болѣзни, не придавали извѣстнаго рода правильность уклоненіямъ отъ нормальной жизни, которыя мы зовемъ болѣзнями. Но необходимо, чтобы множество частныхъ условій, порождающихъ болѣзни приняли общій характеръ для того, чтобы появилась болѣзнь, общая множеству людей—эпидемія. Изъ этого легко понять, что эпидемическія болѣзни должны зависѣть не отъ тѣхъ разнообразныхъ и особенныхъ для каждаго человѣка условій, которыя порождаютъ такіе многочисленные виды болѣзней, но отъ болѣе сильныхъ и общихъ причинъ, имѣющихъ свойство производить одинаковыя измѣненія въ организмѣ множества личностей всѣхъ возрастовъ, всѣхъ профессій, всякаго образа жизни и обоеихъ половъ.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ эти вредоносныя вліянія, тѣмъ болѣе расположены мы причислить ихъ къ тому разряду, который медики называютъ отравленіемъ (*intoxication*), т. е. болѣзненными элементами, возрождающимися въ каждомъ больномъ, которыя, слѣдовательно, передаются отъ одного другому и, такимъ образомъ, распространяются въ населеніи и, поражая живой организмъ, обусловливаютъ въ немъ лихорадочныя движенія.

Эти явления вообще страшны своей силой. Когда большая рѣка окончательно выступить изъ береговъ и прорветъ плотину, которыми человекъ надѣялся удержать ее, всенизвергающая масса прибывающей воды и быстрота ея теченія поражаютъ ужасомъ и сознаниемъ безсилія прибрежныхъ жителей, которымъ не остается ничего болѣе, какъ только выждать, когда ярость стремительнаго потока утихнетъ сама собой и когда дожди и снѣга увеличивающіе его, изсякнувъ, позволятъ ему снова улечься въ своемъ руслѣ. Также бываетъ и при сильной эпидеміи, и особенно съ тѣми заразами, которыя проходятъ по лицу земли, опустошая ее. Такова холера, вышедшая изъ Индіи и перешедшая въ Америку; такова была въ XIV столѣтіи черная немочь, опустошенія которой были еще ужаснѣе; таковъ былъ родъ тифа, свирѣпствовавшій въ древнемъ мірѣ (онъ имѣлъ свои бичи, какъ и мы имѣемъ свои), на который указываютъ обыкновенно подъ названіемъ антониновой чумы, потому что въ царствованіе Марка - Аврелія она произвела самыя жестокия опустошенія, и въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ поражала во время пелопонезской войны народы Азіи, Египта, Афинъ и, безъ сомнѣнія, многія другія страны. Во времена этихъ страшныхъ бичей сила человечества изнемогаетъ, уступаетъ, смерть учащаетъ свои удары; могильщики едва успѣваютъ исполнить свою печальную обязанность; смертность достигаетъ то быстрѣе, то медленнѣе до самой высшей точки; потомъ ослабѣваетъ и совершенно исчезаетъ, — я сказалъ бы что небо проясняется, еслибъ въ дѣйствительности можно было примѣтить на небѣ что либо, что могло бы потемнить прозрачность и чистоту воздуха. Удушливья испаренія, приносящія собою смерть до сихъ поръ слишкомъ тонки, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, чтобы быть опредѣлены химіей; одни живые организмы служатъ имъ реактивами и своими страданіями свидѣтельствуютъ объ ихъ разрушительной силѣ. Но какъ бы ни была ужасна сила заразы, умъ цивилизованнаго человека, равно какъ героя или поэта, не смущается и находитъ средства бороться со зломъ: *oblitusne sui est Ithacus discrimine tanto.*

Докторъ идетъ повсюду съ опасностью жизни подавать помощь безъ сомнѣнія, ограниченную и неполную въ сравненіи съ дѣйствіемъ такъ могущественныхъ и разрушительныхъ силъ; но помощь

эта успокоиваетъ, утѣшаетъ и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вырываетъ не одну жертву у смерти. Этимъ не ограничивается его обязанность; онъ посреди свирѣпствующей эпидеміи, подвергаясь по своему званію большей опасности нежели другіе, изучаетъ болѣзнь, отыскиваетъ причины ея въ организмѣ тѣхъ, которые погибли отъ нея и устанавливаетъ методы опасныхъ изслѣдованій о заразительности ея. Сверхъ того возвратившись домой послѣ своего опаснаго похода противъ болѣзни, онъ сравниваетъ, анализируетъ, отыскиваетъ отношенія и обобщаетъ, стараясь вывести изъ того, что было изслѣдовано имъ съ такимъ мужествомъ, хладнокровіемъ, самоотверженіемъ, средства бороться съ менѣе неравными силами противъ бича эпидемій.

Лабрюэръ по поводу болѣзней говоритъ слѣдующее: «Если люди воздержны, опрятны и умѣренны, къ чему имъ служить таинственный жаргонъ медицины, который оказывается золотой рудой для тѣхъ, кто говоритъ имъ. Юристы, медики, лекаря, кака я гибель грозила бы вамъ, если бы всѣ мы могли стовориться быть мудрыми!»

Мнѣ не приходится говорить объ юристахъ по поводу этого воззванія, а только о медикахъ. Во времена Ла-Брюэра антагонизмъ между наукою и литературою былъ настолько великъ, что авторъ написавшій эти строки могъ дѣйствительно вообразить, что онъ ставитъ неоспоримую аксіому практической мудрости, когда въ сущности это не болѣе какъ важная ошибка въ патологій. Хотя воздержность и вообще привычка обуздывать свои страсти принадлежатъ къ болѣе высокой области явленій, нежели здоровье и имѣютъ прямою цѣлью нравственность, я ни въ какомъ случаѣ не стану оспаривать приносимую ими второстепенную пользу, уклоненіе отъ излишествъ и сохраненіе правильнаго ухода за тѣломъ. Признавая это, мы остаемся въ предѣлахъ истины, для тѣхъ же кто не довольствуется высшей нравственной цѣлью можно представить другую нисшую — санитарную какъ болѣе реальную. Но воображать что добродѣтели могутъ уничтожить болѣзнь въ органическомъ мірѣ, значить не имѣть ни малѣйшаго точнаго понятія, объ условіяхъ существованія организмовъ. Нужно ли прилагать все сказанное мною объ эпидеміяхъ къ данному случаю Онѣ возникаютъ отъ причинъ далеко независащихъ отъ поступ-

ковъ той или другой личности и нравственность не можетъ предохранить отъ нихъ. Когда холера свирѣпствовала въ нашихъ городахъ, жертвами ея дѣлались преимущественно бѣдняки, изнуренные отъ жизни въ сырыхъ помѣщеніяхъ и дурной пищи; она погубила тоже много богатыхъ, сильныхъ міра пользовавшихся всѣми благами жизни; но поражая и тѣхъ и другихъ она не дѣлала ни малѣйшаго различія между людьми невоздержнаго образа жизни и умѣреннаго; во время холеры какъ и всякой другой эпидеміи невоздержность и излишества подвергаютъ большей опасности, но и осторожность и благоразумная діета не вполне предохраняютъ отъ нея, и если вамъ нуженъ еще аргументъ, посмотрите на растенія прикованные къ одному мѣсту, неспособныя принимать другое питаніе кромѣ того, которое доставляетъ имъ земля и небо; они тѣмъ не менѣе подвергаются многимъ болѣзнямъ, и если число болѣзней растеній менѣе нежели болѣзней животныхъ, и особенно человѣка, то это зависитъ отъ меньшей сложности организмовъ ихъ, лишенныхъ мускуловъ и нервовъ. Мнѣніе Ла-Брюэра не принадлежащее впрочемъ исключительно ему, но раздѣляемое многими моралистами, прорастаетъ изъ той ложной философіи, которая, рассматривая природу съ одной стороны и человѣка съ другой, предполагаетъ, что полбдній испортилъ первую; дѣло въ томъ, что съ человѣческой точки зрѣнія естественный порядокъ вещей несовершененъ, слѣдовательно усилія человѣка направлены на то, чтобы усовершенствовать его, насколько то возможно для существа съ такими слабыми силами и ограниченнымъ умомъ, какъ человѣкъ. Онъ не только не портитъ и не искажаетъ природу, онъ исправляетъ ее. Воздержность, сохраняющая здоровье есть нравственная обязанность, которая не объясняетъ намъ причинъ и не указываетъ на средства противъ зла; одна только наука проливаетъ на нихъ свой свѣтъ, наука непрерывно развивающаяся, усердная помощница человѣка, но никогда не возвышающаяся до полного разрѣшенія своей задачи.

Цивилизація ничто иное какъ борьба двухъ сторонъ: съ одной задача, которая разъясняется все болѣе и болѣе, хотя не предвидится ей конца; съ другой—усилія человѣчества вѣчно возрастающія, которыя однакоже не могутъ быть безграничными. Если меня спросятъ какимъ образомъ я говорю какъ, а не почему живые орга-

низмы всюду встрѣчаютъ враговъ, отвѣтъ не будетъ затруднителенъ: живые организмы состоятъ изъ кислорода, водорода, азота и углерода. Эти газы прежде чѣмъ сдѣлаются составными частями организованнаго тѣла имѣютъ физическія и химическія свойства, ставяція ихъ въ соотношеніе со всѣми остальными веществами природы. Органическія соединенія образуемые ими не освобождаются отъ того же закона. Изъ этихъ неизбѣжныхъ соотношеній одни будутъ благотворныя, другія вредныя, одни сохраняющія, другія разрушающія; сверхъ того, самыя органическія вещества въ своихъ многосложныхъ соединеніяхъ порождаютъ вещества вредоносныя; это такъ должно быть и такъ и есть въ дѣйствительности. Соки соединились такимъ образомъ, чтобы произвести растительный ядъ въ цукутѣ, животный—въ змѣѣ, а заразный—въ бѣшеной собацѣ; этимъ не ограничивается вредоносная сила извѣстныхъ соединеній оказалось, что разложеніе веществъ губительно для живыхъ существъ; оно отравляетъ болота, и порождаетъ разные виды перемежающихся и другихъ лихорадокъ. Кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ въ своихъ соединеніяхъ, чтобы вы ни дѣлали, сохраняютъ и въ живыхъ организмахъ тѣ же свойства соединенія и разложенія и приходится сказать съ поэтомъ, примѣняя слова его ко всему живущему: *documenta damus qua semus origine nati.*

Г. Мишель Леви, съ глубокимъ пониманіемъ и цѣлесообразностью, дѣлитъ эпидемію на такія, причины которыхъ скрываются неизвѣстностію и на такія, причины которыхъ извѣстны. Первые—непостижимыя и сильныя, ускользаютъ отъ всѣхъ нашихъ усилій разгадать ихъ. «Въ природѣ этихъ страшныхъ бичей человѣчества говорить г. Леви, разражаться внезапно и достигать высшей степени интенсивности во всѣ времена года; распространяться во всѣхъ климатахъ, охватывать и опустошать огромныя пространства земнаго шара, неотступая ни передъ какими предосторожностями, на зло всѣмъ мѣрамъ предохраненія и самой бдительной санитарной полиціи». Холера можетъ служить имъ типомъ. Извѣстно только, что она зародилась въ Индіи и оттуда распространилась всюду, Изученіе симптомовъ и дѣйствія ея на организмъ было самое тщательное, но этимъ и ограничивается все что извѣстно о ней. Гдѣ же ея роковая причина? въ чемъ она заключается? Какія свойства? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего. Предполагаютъ, съ нѣкото-

рымъ въроятіемъ, руководясь аналогіей явленій, что она происходитъ изъ вещества животнаго или растительнаго, свойства котораго можно сравнить съ заразнымъ ядомъ, или болотными испареніями и которое дѣйствуетъ подобно имъ съ роковою силою на живыя существа.

Восточная, чума проявляющаяся нарывами и огневицами, не слабѣе холеры и если теперь она, повидимому, не выходитъ изъ своей родины, то все-таки не должно забывать, что она посѣщала Западъ до XVII вѣка, не говоря о знаменитой марсельской эпидеміи, въ началѣ XVIII вѣка, и что въ XIV вѣкѣ она подъ названіемъ черной немочи распространилась въ Азію, а затѣмъ и въ Европѣ съ такою силою, которой не достигала еще никакая другая эпидемія. Она, слѣдовательно, какъ и холера, имѣетъ страшное свойство дѣлаться повсемѣстною. Въ третьихъ, я назову желтую лихорадку; эта послѣдняя принадлежитъ Америкѣ въ особенности сѣверной и Антильскимъ островамъ. Однакоже она не такъ давно охватила и Южную Америку и даже проникла въ Европу, въ Ливорно, Кадиксъ, Барселону, Лиссабонъ, занесенная зараженіемъ, но не зародившаяся, какъ нѣкоторые полагаютъ, въ самыхъ этихъ городахъ. Болѣзнь эта, однако, не такъ страшна какъ другія въ томъ отношеніи, и только въ томъ одномъ, что она никогда не принимала повсемѣстнаго характера и не распространялась по всей земной поверхности. Такъ вотъ три страшныхъ лихорадки, (холеру нельзя считать ничѣмъ инымъ) которыя зарождаются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Одна въ темныхъ и болотистыхъ частяхъ Индіи, другая въ долинахъ Нила и Сиріи. Третья на нездоровыхъ берегахъ Америки, но не на однихъ теплыхъ берегахъ; она развивается и въ Квебекѣ, гдѣ климатъ весьма суровъ. Разница въ происхожденіи ихъ очевидна; разница дѣйствія ихъ на тѣло тоже; всѣ эти три болѣзни оставляютъ на тѣлѣ слѣды, которыхъ нельзя не различить. Приводя въ примѣръ Азію, Африку и Америку, я не желалъ бы, чтобы изъ этого заключили, что Европа избавлена отъ этихъ бѣдствій. Правда, въ настоящее время и съ давнихъ поръ въ Европѣ не возникло ни одного подобнаго патологическаго явленія, но въ ней тоже порождались губительныя заразы. Въ концѣ XV вѣка родилась въ Англіи страшная болѣзнь, названная потницей отъ сильнаго пота, въ которомъ умиралъ больной, она не огра-

ничивалась мѣстомъ своего зарожденія, но проникла черезъ проливъ и охватила континентъ по нѣскольку разъ, губя при каждомъ нашествіи множество жертвъ. Она можетъ быть причислена къ самымъ страшнымъ бичамъ человѣчества; съ тѣхъ поръ она значительно уменьшилась и извѣстна только въ видѣ незначительной мѣстной эпидеміи; я не стану прибавлять, что причина болѣзни поразившей въ извѣстный моментъ все населеніе Англіи и распространившейся далѣе по Европѣ, неизвѣстна. Неизвѣстны даже причины чумы, желтой лихорадки и холеры, зародившейся на нашихъ глазахъ; тѣмъ менѣе могутъ онѣ быть понятны относительно явленія, о которомъ остались только историческіе памятники. Но если когда нибудь удастся проникнуть тайну нынѣшнихъ эпидемій нашихъ, то этотъ свѣтъ пролившись и на причины эпидемій истекшихъ вѣковъ и открывъ ихъ, освѣтитъ исторію обществъ. И такъ въ настоящемъ какъ и въ прошломъ почва жизни колеблется подъ нашими ногами; земля, потому что она ничто иное какъ тонкая кора, основаніемъ которой служитъ масса раскаленныхъ веществъ, подвергающихся кипѣнію и всѣмъ результатамъ высокой температуры; жизнь, потому что органическія вещества служащая ей опорой, основаны на измѣняющемся и сложномъ явленіи, именно на химическихъ и физическихъ свойствахъ тѣлъ.

Оспа служитъ ободряющимъ примѣромъ того, что могутъ сдѣлать изслѣдованія медицины руководимые проникательной индукціей; эта высыпная лихорадка, всегда опасная, вооружалась иногда неудержимою силою и могла быть поставлена на ряду съ самыми страшными болѣзнями; она принадлежитъ къ числу болѣзней, которымъ обыкновенно подвергаются только одинъ разъ, какъ тифозная горячка, корь и т. п. Совершенно неизвѣстно какого рода измѣненіе происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, вслѣдствіе котораго разъ выдержавшее эту болѣзнь тѣло становится въ извѣстномъ предѣлѣ недоступнымъ вліянію ея. Вотъ основная причина всѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя были изобрѣтены противъ нея. Въ числѣ заразныхъ ядовъ подобнаго рода, вообще несравненно болѣе вредныхъ нежели полезныхъ, и происходящихъ отъ болѣзненнаго измѣненія живаго вещества, нашелся одинъ ядъ на соскѣ коровы, который, будучи привитъ къ человѣку, производилъ оспу очень легкую, почти безъ жара, безъ общей сыпи, слѣдовательно безъ опас-

ности смерти, безъ остающихся рубцовъ и пятенъ, безъ воспаления глазъ, безъ порчи кожи на лицѣ; но именно потому, что коровья оспа весьма слабая степень болѣзни, она не можетъ имѣть всю необходимую предохранительную силу.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы настоящая оспа вполне предохраняла отъ вторичной заразы; ничего нѣтъ непреложнаго въ рядѣ подобныхъ явленій природы и бывали примѣры, хотя и рѣдкіе, повторенія оспы. Послѣ прививанія случаи появленія оспы чаще нежели послѣ настоящей оспы, это неоспоримо; появляется ли она въ болѣе слабомъ и менѣе опасномъ видѣ или со всею силою свойственною ей. Отсюда произошло періодическое прививаніе оспы, весьма полезная предосторожность, которую слѣдуетъ всѣмъ совѣтовать. Я привожу слова г. Мишеля Леви одного изъ главныхъ защитниковъ оспопрививанія, по настоянію котораго оно введено въ армію: «1) послѣ введенія оспопрививанія оспа стала появляться гораздо рѣже, и сила ея значительно ослабѣла, такъ напримѣръ, по выпискамъ изъ статистическихъ таблицъ европейскихъ государствъ видно, что до введенія оспопрививанія приходился одинъ умершій на 10 больныхъ; современи же введенія этой предохранительной мѣры приходится по одному умершему на 2378; 2) возобновеніе привитія оспы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе промежутокъ времени прошелъ послѣ перваго прививанія; 3) если факты не настолько убѣдительны, чтобы вторичное оспопрививаніе было узаконено какъ мѣра санитарной полиціи, тѣмъ не менѣе осторожность требуетъ, чтобы ее какъ можно болѣе совѣтовали и распространяли; 4) послѣ 30-ти лѣтняго возраста эта предосторожность теряетъ отчасти свое значеніе, такъ какъ расположеніе заразиться оспою сильно уменьшается въ этотъ періодъ жизни». Перехожу къ эпидеміямъ причины, которыхъ извѣстны. «Тѣснота, говорить г. Мишель Леви, ничто иное какъ распространіе заразы. Она производитъ гніеніе въ госпиталяхъ, тифъ въ тюрьмахъ, на корабляхъ и въ больницахъ. Какъ только число больныхъ превышаетъ соответствующее количество воздуха въ больницѣ, въ ходѣ и видѣ болѣзней тотчасъ же происходятъ важныя измѣненія». Въ этомъ заключается главный узелъ вопроса объ эпидеміяхъ; узелъ, который до сихъ раздѣляетъ ихъ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ надежду, что когда нибудь онъ будетъ развязанъ и придетъ день, когда всѣ

эпидеміи, или почти всѣ будутъ записаны въ классъ болѣзней, причины которыхъ извѣстны. Есть эпидеміи, которыя можно произвести почти внезапно и многими причинами. Стоитъ только помѣстить больныхъ или раненыхъ въ слишкомъ тѣсное помѣщеніе и, вскорѣ, воздухъ совершенно испортится, т. е. приметъ отвратительный запахъ и утратитъ нормальныя отношенія составныхъ частей своихъ — кислорода, азота и водорода. Бѣда эта была бы не такъ велика, еслибъ все ограничивалось нѣкоторымъ стѣсненіемъ дыханія, но при этомъ зарождаются смертоносныя міазмы и является специфическая болѣзнь—тифъ съ его страшной лихорадкой, совершеннымъ упадкомъ силъ, бредомъ, пятнами на кожѣ и анатомическими поврежденіями, очень мало соответствующими по своей незначительности важности внѣшнихъ симптомовъ. Сверхъ того этотъ ужасный плодъ человѣческой небрежности, безилія или несчастнаго стеченія обстоятельствъ не остается на мѣстѣ своего зарожденія, нѣтъ, онъ преслѣдуетъ арміи, корабли, преслѣдуетъ больныхъ, перевозимыхъ плѣнныхъ, которыхъ увозятъ отъ него; онъ свирѣпствуетъ страшнѣе между побѣжденными нежели между побѣдителями и какъ въ 1813 и 1814 годахъ, появившись на берегахъ Вислы и Одера, онъ достигъ береговъ Сены, оставивши за собою цѣлую полосу опустошенной Европы. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы можемъ представить себѣ какимъ сильнымъ агентомъ распространенія заразы былъ парижскій госпиталь Отель Дѣё, прежде нежели Бальи, Тенанъ и Лавуазье, представили свои отзывы о немъ. Въ залахъ было болѣе коекъ, нежели сколько можно было поставить; 4, 5, 6 больныхъ лежали на одной койкѣ; мертвые вмѣстѣ съ живыми; узкіе корридоры, гдѣ воздухъ портился, по недостатку вентиляции, и куда свѣтъ могъ проникать только весьма слабо вмѣстѣ съ вредными испареніями отъ сырости. Если бы имѣли въ виду создать ужасный разсадникъ болѣзни, заразы и смерти, самымъ лучшимъ средствомъ было бы устроить подобную больницу, однакоже надо видѣть въ этомъ стеченіи пагубныхъ условій, только послѣдствія невѣжества и рутинны. Тамъ принимались во всѣ часы дня и ночи больные, богомольцы и нищіе; въ тяжелые года населеніе отель Дѣё не имѣло границъ; говорятъ что въ 1700 году число ихъ доходило до 9.000. Тогда не знали что недостаточно дать пріютъ больному и что этотъ пріютъ, если онъ устроенъ не

такъ какъ учить медицинскій опытъ, быстро отравляется, дѣлается смертельнымъ и для больныхъ и для ухаживающихъ за ними, и разсѣиваетъ вокругъ себя роковыя сѣмена болѣзни и смерти. И не безнаказанно великій городъ содержалъ подобный пріютъ, который невѣжественная благотворительность наполнила несчастными.

Изъ возможности произвести такимъ образомъ тифъ истекаетъ средство не излечить его, потому что болѣзнь эта весьма опасная и медицина имѣетъ противъ нея только очень слабыя средства, но предупредить, удаляя причины зарожденія ея и даже положить ему конецъ, уничтоживъ эти причины. Замѣтите притомъ, что даже и послѣ вѣрнаго изученія условій зарожденія тифа, составъ тифозныхъ мѣзмовъ остается по прежнему неизвѣстенъ. До сихъ поръ его не постигли и не разложили на составныя части, тогда какъ относительно оспы легко было отыскать причину заразы; она кроется въ матеріи заключающейся въ характеризующихъ эту болѣзнь прыщахъ. Достаточно обмакнуть въ нее кончикъ ланцета и перенести ее подъ кожу и зараженіе совершено; черезъ нѣсколько дней развитія заразы проникла въ тѣло, лихорадка и сыпь обнаруживаются; но за то нѣтъ другого средства произвести оспу кромѣ зараженія. Незнающій дѣло можетъ вообразить, что жаръ или холодъ, пища или питье, причиняютъ эту болѣзнь, но это несправедливо. Болѣзнь эта специфическая и, чтобы ни случилось, въ какихъ бы вредоносныхъ условіяхъ человекъ ни находился, оспа не зарождается. Правда, она возникла сразу безъ видимыхъ причинъ; происхожденіе ея относится къ сравнительно недавнему времени. Историки упоминаютъ о ея первомъ появленіи только въ XVI-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Но это произвольное зарожденіе уже не имѣетъ мѣста теперь, и зло распространяется изъ оставленныхъ ею зародышей. Причины лихорадокъ, которыя появляются эпидемически и даже эндемически, извѣстны, что и выражается въ названіи характеризующемъ ихъ — болотныхъ: вотъ почему противъ нихъ возможны только предохранительныя средства, состоящія или въ осушеніи нездоровыхъ мѣстностей, или въ избѣжаніи испареній и всего способствующаго къ распространенію и дѣйствію этихъ болѣзней; кромѣ того по счастливой и весьма рѣдкой случайности, хирина оказывается цѣлительнымъ средствомъ въ большей

части случаевъ и особенно когда лихорадка принимаетъ злокачественный характеръ.

Въ новѣйшее время утверждали, будто одинъ нѣмецкій докторъ по имени Гумбольдтъ, нашелъ предохранительное средство отъ желтой лихорадки. То было вещество, которое онъ держалъ въ тайнѣ и которое прививалъ подобно оспѣ, всего болѣе, когда лихорадка принимала злокачественный характеръ. Онъ, кажется, даже унесъ свою тайну въ могилу. Докторъ Манцини, итальянскій врачъ практикующій въ Гаваннѣ, принималъ участіе въ многочисленныхъ опытахъ его и самостоятельно дѣлалъ многіе изъ нихъ. Одаренный наблюдательнымъ умомъ и свойственнымъ ему безпристрастіемъ, онъ можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ результатовъ этихъ опытовъ. По его свидѣтельству привитіе этого вещества производило лихорадочное состояніе и нѣкоторые симптомы желтой лихорадки, весьма скоротечные и лишенные всякой серьезной опасности. Это явленіе весьма странное и достойное вниманія; но тѣмъ и ограничивалось дѣйствіе этого средства; прививаніе не предохраняло отъ болѣзни и послѣдствія его вовсе не походило на результаты оспопрививанія. Однако г. Манцини заключаетъ изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій, что между лицами подвергшимися этому прививанію, больныхъ и умершихъ отъ желтой лихорадки было меньше, чѣмъ у одинаковаго числа лицъ, пренебрегшихъ этою мѣрою.

И такъ противъ эпидемій открыты три пути: предохраненіе тѣла отъ вліянія ихъ, посредствомъ прививанія яда ихъ и леченія ихъ, напримѣръ, хиною; предупрежденіе или уничтоженіе заразы, какъ противъ тифа и скорбута. Предупрежденіе и уничтоженіе заразы называется, выражаясь техническимъ языкомъ, профилактикой, основаніемъ которой служитъ знаніе причинъ болѣзни.

Средства перенесенія и распространенія болѣзни должны быть тщательно изучаемы, чтобы узнать какія предосторожности слѣдуетъ принимать и въ какой мѣрѣ на нихъ можно положиться. Г. М. Леви былъ свидѣтелемъ во время крымской войны нѣсколькихъ весьма интересныхъ фактовъ, относительно холеры; при немъ въ концѣ сентября 1854 г. корпусъ артиллеріи, послѣ 70-ти дневнаго переѣзда, высадился въ Варнѣ съ парусныхъ судовъ, на которыхъ перевезена была и вся аммуниція и военные снаряды. Выѣхавши

изъ Марсея, гдѣ свирѣпствовала холера, многіе изъ артиллеристовъ умерли на переѣздѣ въ Варну, гдѣ эта болѣзнь въ то время совершенно прекратилась. Можно ли допустить въ этихъ людяхъ такое медленное дѣйствіе заразы, развивавшейся въ нихъ въ продолженіи 70 дней, или сопоставить этотъ случай съ другимъ явленіемъ и предположить, что скопище людей изъ отрядовъ, лагерей, больницъ, гдѣ свирѣпствовала холера, способно въ теченіе нѣкотораго времени по прекращеніи ея передать эту болѣзнь прибывающимъ къ нимъ здоровымъ людямъ? Войско высадившееся въ 1854 г., заплативши дань этому страшному бичу, освободилось отъ него и въ 1855 г. не представляло никакихъ слѣдовъ этой болѣзни, между тѣмъ какъ войска, постепенно прибывавшія въ тотъ годъ изъ Франціи, подверглись заразѣ и исключительно поддерживали въ Крыму холерную эпидемію. Изъ Варны въ Крымъ отправлялись только люди здоровые и такова была благоразумная строгость выбора предписаннаго маршаломъ де-Сентъ-Арно, что онъ оставилъ за собою подъ надзоромъ г. Мишеля Леви около 4000 больныхъ и столько же слабыхъ и хворыхъ. Не смотря на эти предосторожности и это исключеніе больныхъ и слабыхъ изъ дѣйствующихъ войскъ, холерные случаи появились на нѣсколькихъ корабляхъ, затѣмъ на берегу Ольдъ-Фарта и на полѣ битвы Альмы—такъ происходило перенесеніе этой болѣзни въ Крымъ. Когда маршалъ Сентъ-Арно отправилъ, не смотря на предостереженія г. Мишеля Леви, три дивизіи въ Добруджу, холера въ Варнѣ была въ полномъ разгарѣ, и въ войскахъ, отправленныхъ повидимому здоровыми, оказалось нѣсколько трудныхъ холерныхъ случаевъ.

«Намъ пришлось, говорить г. Леви, присутствовать при постепенномъ зарожденіи источниковъ холерной эпидеміи, отъ Марсея до Севастополя и далѣе на пути чрезъ Пирей и берега Болгаріи. И дѣйствительно, мы видѣли какимъ образомъ подвигалась эта болѣзнь; она устраивала себѣ этапы, когда нужно было проходить чрезъ моря, а тамъ гдѣ населеніе было густо, обращала въ ничто всѣ санитарныя предосторожности и карантинныя мѣры, какъ то было въ 1831 г., не смотря на превосходную дисциплину прусскихъ и австрійскихъ войскъ, охранявшихъ свои границы отъ холеры. Въ виду огромнаго стеченія войскъ въ Крыму, страшнаго числа больныхъ и раненыхъ, тѣсноты породившей тифъ, скорбутъ,

кровавый поносъ, многіе ожидали появленія чумы. Г. Мишель Леви, наученный патологическими заблужденіями относительно чумы, не раздѣлялъ этихъ опасеній и, дѣйствительно, чума не появилась; потому что чума какъ оспа принадлежитъ къ числу болѣзней, которыя не порождаются произвольно. Но если бы ей случилось зародиться въ это время въ Египтѣ отъ свойственныхъ ей причинъ, нѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе людей, уже пораженныхъ болѣзнями, вызвало бы появленіе этого ужаснаго бича.

Опытъ доказываетъ, что лишь уничтожая притоки болѣзни, прерывая средства сообщенія патологическихъ вліяній и уединяя больныхъ, можно достигнуть лучшихъ результатовъ, иногда пресѣчь зло, иногда ослабить силу его, уступая только передъ непреодолимой силой зла. Уединеніе больныхъ одной болѣзью отъ другихъ весьма полезно, даже для холеры обладающей свойствомъ такъ легко распространяться, не смотря на всѣ препятствія. Въ 1849 г., когда г. Мишель Леви, лечившій 1200 холерныхъ въ Вальдѣ-Грасѣ, успѣлъ отдѣлить ихъ отъ прочихъ больныхъ, находившихся въ этомъ заведеніи, между ними оказалось лишь самое незначительное число холерныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ больницахъ гражданскихъ, гдѣ больные не были отдѣлены, эти случаи считались сотнями. Благоразумное примѣненіе этихъ правилъ руководило распоряженіями относительно реформы карантинновъ и должно руководить и тѣми, которыя остаются еще сдѣлать. Когда возникаетъ опасная эпидемическая болѣзнь умы смущаются, распространяются слухи объ отравкахъ, какъ это было въ 1832 году въ Парижѣ, совершаются даже возмущенія, чтобы схватить предполагаемыхъ отравителей, люди повинуются внушеніямъ страха и фантазіямъ разстроеннаго воображенія. Трудно, правда, и требовать чтобы въ такія времена преобладалъ рассудокъ, а между тѣмъ именно во время онаности и слѣдуетъ знать, когда можно руководствоваться собственными соображеніями, когда слѣдуетъ довѣриться другому. Медицина въ это время должна сохранять хладнокровіе, твердость и предусмотрительность. Самое лучшее средство, доставленное опытомъ, кратко и ясно выражено г. Леви: «Всякій разъ когда населенію грозитъ эпидемія, санитарная полиція должна удвоить бдительность свою, чтобы удалить причины могущія служить поводомъ къ распространенію бѣдствія, наблюдать за продуктами употребляемыми въ пищу

и питье, за чистотою и вентиляціею жилищъ частныхъ или общественныхъ, за быстрымъ очищеніемъ нечистотъ, заботиться о надѣленіи бѣдныхъ пищей и одеждой, установить благоразумную діету и санитарныя условія во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ бываетъ сборище людей, заботиться о нравственномъ спокойствіи гражданъ: вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ обязанностей правительства. Что же касается до частныхъ лицъ, то невозможно предписать предохранительныя правила, дѣйствительныя для всѣхъ темпераментовъ при различномъ состояніи здоровья, но можно ручаться что всѣмъ будетъ полезно исполненіе слѣдующихъ правилъ: жить въ комнатахъ просторныхъ, куда свѣтъ и воздухъ легко проникаютъ, дѣлать моціонъ на воздухъ преимущественно въ мѣстностяхъ возвышенныхъ, не доводя его однако до степени усталости; носить теплую одежду, предохраняющую тѣло отъ дѣйствія сырости и переменъ температуры; употреблять питательную, укрѣпляющую и удобоваримую пищу; не допускать никакихъ злоупотребленій силъ или излишествъ—они могутъ быть губительны; избѣгать всѣхъ причинъ, могущихъ возбудить грусть, страданія, сильныя страсти, злобу; употреблять на сонъ столько времени сколько нужно для возстановленія силъ, и при первыхъ признакахъ возникающей болѣзни, немедленно прибѣгать къ необходимому леченію,—вотъ правила, которыми должны руководствоваться живущіе въ зараженныхъ мѣстностяхъ. Люди съ средствами легко могутъ исполнять ихъ и между ними оказывается всегда меньшее число жертвъ эпидемій; ясно—что работать для увеличенія благосостоянія народа значитъ принимать предохранительныя мѣры противъ эпидемическихъ бичей, устрашающихъ правителей и подданныхъ. Это медленная и прогрессивная задача цивилизаціи уже уменьшившей силу и частое появленіе этихъ болѣзней. Нужно ли поощрять во время эпидемій частныя и коллективныя эмиграціи, или противодѣйствовать имъ? Онѣ приносятъ пользу зараженному городу, уничтожая одну изъ причинъ поддерживающихъ эпидемію, онѣ уменьшаютъ силу ея и продолжительность. Во всѣхъ эпидеміяхъ тѣснота имѣетъ самое пагубное вліяніе: она способствуетъ распространенію болѣзни посредствомъ постоянного сближенія людей, она усиливаетъ дѣятельность смертоносныхъ причинъ, распространяетъ заразу и придаетъ еще болѣе губительный характеръ источникамъ болѣзни и въ то же время переселяющіеся увеличиваютъ

собственные шансы на спасеніе; но переселеніе слѣдуетъ поощрять только когда угрожаетъ эпидемія; когда же она распространится и достигнетъ полной силы, бѣгство отъ нея становится менѣе вѣрнымъ средствомъ и возможность распространенія болѣзни увеличивается, потому что бѣглецы разносятъ ее далѣе. Популярныя чтенія лекцій народу тоже весьма полезны, доказывая заботливость администраціи, онѣ разсѣваютъ преувеличенныя опасенія, они призываютъ къ общественному разуму, размышленію, осторожности. Здѣсь необходимо замѣтить, что не слѣдуетъ въ этихъ лекціяхъ распространяться исключительно о продромахъ и симптомахъ угрожающей болѣзни и давать новую пищу страху и невѣжественнымъ толкамъ. Но при соблюденіи этого условія, совѣты народу подкрѣпляютъ его здравый смыслъ и нравственное мужество, и мнѣ всегда казалось, что вмѣсто того чтобы скрывать отъ него грозящую ему отъ эпидеміи опасность, слѣдуетъ вполне выяснитъ ему ее заранее. Свойства живаго вещества по отношенію къ себѣ и къ неорганическому міру такого рода, что изъ столкновенія элементовъ его неизбежно должны возникнуть роковыя условія, далеко распространяющія болѣзнь и смерть. И эти условія возникаютъ и порождаютъ такъ называемыя эпидеміи. Разразившись надъ человѣчествомъ, они ниспровергаютъ всѣ препятствія и сбиваютъ расчеты слабой человѣческой науки. Но увлекаемая двойнымъ стремленіемъ—жаждою отвлеченнаго знанія и желаніемъ принести пользу человѣчеству, медицинская наука изучаетъ природу этихъ безпощадныхъ бичей, она отыскиваетъ слѣды ихъ и проникаетъ въ самыя разсадники ихъ. Изъ каждаго опыта она выходитъ болѣе сильною и искусною и наконецъ, сдѣлавшись признаннымъ авторитетомъ, она руководитъ правительствами, начертываетъ правила, которыя прогрессивно улучшаясь и опредѣляясь, уменьшаютъ силу этихъ бѣдствій и должны въ границахъ нашего разумія и нашихъ силъ, уничтожить важныя несовершенства существующія въ настоящее время въ отношеніяхъ живаго существа къ его средѣ.

III.

Общественная гигиена.

Понятіе о гигиенѣ будетъ неполно, если разсматривать ее только въ отношеніяхъ ея къ здоровью частныхъ лицъ, или даже въ отношеніи вліянія эпидемій, зараждающихся то въ той то въ другой мѣстности. Ей принадлежитъ болѣе широкое поле дѣятельности она сдѣлалась необходимою совѣтницею администраціи.

Слѣдующее весьма краткое замѣчаніе докажетъ необходимость внимательства ея. Общество, вышедшее изъ младенчества и достигшее самосознанія, убѣждается что съ развитіемъ его развивается промышленность, искусства, науки и нравственность, чтобы доставить посредствомъ воспитанія и политическихъ мѣръ всеѣмъ своимъ членамъ слѣдующую имъ долю въ этихъ четырехъ благахъ. Не стану говорить на сколько она еще далека отъ высокой цѣли обратить свои порывистыя стремленія въ постоянную однообразную систему дѣйствія. Но одно неоспоримо, то что высшіе дѣятели социальнаго движенія могутъ существовать и благоденствовать только тогда, когда низшіе пользуются полною жизненностью и отправляютъ вполнѣ все свои функціи. О коллективномъ организмѣ можно сказать тоже, что и объ индивидуальномъ. Развитие высшихъ способностей—вотъ цѣль, къ которой стремится, или должно стремиться каждое существо, сознающее цѣну жизни. Но чтобы достигнуть ее, нужно чтобы способности высшія, тѣ, которыя физиологія называетъ растительными, существовали еще прежде и дѣйствовали со всею полнотою и правильно; эта іерархія не должна быть нарушена. Тѣмъ менѣе можетъ быть она нарушена и въ общественномъ организмѣ; явленія, соотвѣтствующія растительнымъ способностямъ, не допускаютъ ни отсрочки, ни пренебреженія, ни даже незнанія или непониманія ихъ; иначе возникаютъ беспорядки и страданія глубоко возмущающія весь общественный строй. Пища, жилище и одежда—первыя условія отъ которыхъ зависятъ все. Но въ исполненіи этой трудной задачи случаются дѣйствія и противодѣйствія, сочетанія и раздѣленія, различныя сложныя явленія, неожиданныя затрудненія, требующія постоянного и просвѣщеннаго наблюденія,—вотъ предметъ изученія общественной гигиены. Въ прошлое лѣто мы видѣли примѣръ по-

стоянной заботливости требуемой для сохраненія жизни и здоровья человѣка; этотъ примѣръ мы приведемъ здѣсь. Городъ Лондонъ выливаетъ часть своихъ нечистотъ въ Темзу, теченіе и отливы уносятъ ихъ или, такъ предполагаютъ, по крайней мѣрѣ. Какъ бы дѣйствительно ни было теченія воды, чтобы унести попадающія въ нее нечистоты, но сила его имѣетъ однакоже извѣстныя границы; если отъ нея потребуется слишкомъ большой работы очищенія, то она останется неисполненной. Вотъ что случилось съ Темзой: эта прекрасная рѣка, подъ вліяніемъ страшнаго іюльскаго зноя, оказалась неспособною выносить долго очищающую работу, которую отъ нея требовали. Зло отъ этого нарушенія условій ея вскорѣ обнаружилось. Зловонныя испаренія поднялись отъ этихъ водъ, составившихъ гордость и украшеніе Лондона, отъ этихъ водъ, которыя должны были охранять здоровье обитателей его. Жители смутились, видя что рѣка превратилась въ зловонную клоаку, губительную для народнаго здравія; они поняли наконецъ что рѣка можетъ принимать нечистоты только въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ уносить ихъ, не осаждая ихъ на свое русло и не распространяя удушливое зловоніе, вмѣсто благодѣтельной свѣжести. Слѣдуетъ прибавить, что если дурно портить составъ воды, до порожденія вредоносныхъ испареній, то ничуть не лучше терять тѣ вещества, которыя она уноситъ своимъ теченіемъ. Тутъ двѣ ошибки: одна портитъ, другая расточаетъ. Какое бы отвращеніе не внушали намъ нечистоты, какія бы неудобства ни происходили отъ неправильнаго скопленія и разложенія ихъ, неоспоримо то, что онѣ составляютъ сильное удобреніе, безъ котораго земля ничего не производитъ; почва питающая растенія одинъ тонкій слой, лежащій на поверхности земнаго шара (и то лишь въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ песокъ, мѣль и скалы не покрываютъ поверхность почвы) не можетъ быть неистощимымъ источникомъ, откуда можно почерпать, не пополняя ничѣмъ взятое. Притомъ одинъ лишь родъ веществъ, именно вещества органическія, имѣютъ свойство поддерживать плодородіе полей. Чтобы растенія появились, чтобы слѣдовательно, травоядныя животныя могли питаться и наконецъ послужить пищей плотояднымъ животнымъ, нужно чтобы земля въ замѣнъ получаемой съ нея жатвы, получала въ удобреніе разлагающіяся вещества, т.-е. тѣ нечистоты, которыя, накопившись въ одномъ мѣстѣ, заразили бы

воздухъ, разбросанные же по полямъ ежегодно, способствуютъ произрастанію на нихъ сѣмянъ и плодовъ. Это явленіе замѣчательное, которое, заставляя мысль восходить до первичныхъ условій жизни, склоняетъ ее къ тому предположенію, что для насъ по крайней мѣрѣ, вещества органическія и неорганическія одновременны, что первыя не происходятъ отъ вторыхъ и что они въ отношеніи одно другому имѣютъ одновременныя существованія, начальные концы которыхъ мы не въ состояніи уловить. Здѣсь человѣкъ только подражаетъ экономіи природы. До вмѣшательства его въ жизнь природы, растенія, умирая и сгнивая на питавшей ихъ почвѣ, возвращали ей все что получили отъ нея; современи же его вмѣшательства этотъ простой размѣнъ оказался недостаточенъ; чтобы земля доставляла пищу размножившемуся роду человѣческому и животнымъ помощникамъ его—необходимо удобреніе. Слѣдовательно, потеря драгоцѣннаго матеріала, обрабатываемаго въ источникъ болѣзни и предметъ отвращенія, оказывается самою вредною расточительностію.

Дикарь долженъ менѣе насъ бояться природы въ томъ смыслѣ, что онъ меньше борется съ силами ея, ни въ чемъ не поднимаясь надъ уровнемъ ихъ. Что можетъ грозить этимъ людямъ, разбросаннымъ какъ и другія породы животныхъ по огромнымъ пространствамъ земнаго шара, кромѣ нѣсколькихъ эпидемическихъ болѣзней, поражающихъ ихъ, и недостатка дичи или рыбы, который поведетъ за собой голодную смерть? У нихъ нѣтъ ни засѣянныхъ полей, неурожай которыхъ такъ тревожитъ насъ, ни стадъ подверженныхъ падежамъ, ни городовъ, которые засыпались грудями пепла, имъ не страшны ни разливы рѣкъ, ни застои ихъ. Они предоставляютъ всѣ вещи условіямъ природы, воды—теченію ихъ, лѣсныя хижины непогодамъ, звѣрей лѣсамъ, растенія разбрасыванію сѣмени по волѣ вѣтра. Цивилизованный человѣкъ не можетъ подобно имъ положиться на произволъ силъ почвы и неба. Онъ принялъ на себя управленіе землею и это трудное управленіе требуетъ, по мѣрѣ усовершенствованія цивилизаціи, все болѣе и болѣе генія и работы. Хотя человѣкъ не можетъ ничего произвести безъ помощи природы, но въ то же время природа является страшнѣйшимъ его врагомъ, даже тамъ гдѣ онъ покорилъ ее—а онъ покорилъ ее во многихъ случаяхъ—она является постоянно возмущающимся рабомъ. Въ области обще-

ственной гигиены, возмущенія ея особенно опасны и важны. Промышленность и торговля, или какъ я сказалъ выше, воздѣлываніе земли требуетъ смѣлости и предприимчивости. Опираясь на физику, химію и біологію, онъ развиваетъ одно, подавляетъ другое, сближаетъ то, что никогда не соединилось бы безъ него, создаетъ новыхъ производителей, доставляетъ новые продукты, открываетъ новыя источники производства. Но и здѣсь та же борьба, порождающая неожиданныя условія и дѣйствія. Жизнь — сила воспримчивая, которую каждое измѣненіе среды измѣняетъ и которая въ особенности подчинена разлагающему вліянію испорченныхъ и разсѣянныхъ органическихъ веществъ, жизнь страдаетъ отъ небрежности, ошибокъ и недосмотровъ и постоянно необходимо, чтобы искусство врачевать зло—гигіена стремилась уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить зло, которое появилось роковымъ спутникомъ добра.

Незначительный, но характеристическій примѣръ докажетъ при какихъ затруднительныхъ условіяхъ человѣкъ измѣняетъ то или другое въ общей жизни. Когда узнали, что изъ каменнаго угля можно добывать посредствомъ перегонки газъ, горящій очень свѣтло и способный освѣтить улицы, мастерскія и лавки гораздо лучше и дешевле сала и масла, поспѣшили воспользоваться этимъ полезнымъ открытіемъ. Въ городахъ проложили подземныя трубы, приносившія во всѣ кварталы горючій матеріалъ для безчисленныхъ газопроводовъ. Успѣхъ увѣнчалъ это предпріятіе, желанная цѣль была достигнута и ночной мракъ, былъ побѣжденъ, какъ будто его никогда не существовало. Съ другой стороны, за послѣдніе годы деревья на парижскихъ бульварахъ стали увядать, они видимо чахнутъ и умираютъ; многія аллеи окончательно опустошены неизвѣстной болѣзью деревьевъ. Теперь увѣряютъ, что оба эти явленія, обращеніе газа подъ землей и болѣзнь деревьевъ находятся въ связи, и что углекислый водородъ испаряясь черезъ скважины и отверстія портитъ почву и заражаетъ корни. И такъ, изучая это явленіе оказывается, что въ то время какъ думали только освѣтить городъ, вызвали другое послѣдствіе неискомое и непредвидѣнное.

Въ то время, когда болѣзнь картофеля и винограда была въ полномъ разгарѣ, крестьяне во многихъ мѣстностяхъ вообразили, видя рельсы распространявшіеся повсюду и машины испускающія черный дымъ, что въ нихъ-то и кроется причина развораю-

щаго ихъ бѣдствія. Я не говорю что такое предположеніе было бессмысленно, я говорю только, что оно невѣрно, потому что болѣзнь растений началась тамъ, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ и уничтожается теперь, хотя тѣ же дороги все болѣе и болѣе распространяются. Но можетъ быть эти желѣзныя полосы, расходящіяся по всѣмъ направленіямъ земной поверхности и будутъ имѣть какое нибудь дѣйствіе, важное или незначительное, вредное или полезное, которое нужно будетъ опредѣлить и, смотря по его свойству, опредѣлить мѣсто его въ извѣстномъ рядѣ явленій. Здѣсь мы вступаемъ въ область живыхъ существъ. Соціальный организмъ, съ принадлежностями его, живетъ точно также какъ живой организмъ. Невозможно измѣнить одну часть его безъ того, чтобы измѣненіе это не вызвало гдѣ нибудь, иногда даже очень далеко, какихъ нибудь другихъ второстепенныхъ измѣненій. Эта совокупность сложныхъ задачъ и изучается общественной гигиеной, постепенно и прогрессивно достигающей болѣе и болѣе удовлетворительнаго разрѣшенія своей задачи, но мѣрѣ того какъ отвлеченная біологія, поставляющая принципы и разумный эмпиризмъ, представляющій дѣйствительные факты, все тѣснѣе соединяются между собою.

Хотя общественная гигиена имѣетъ цѣлью только наилучшее сохраненіе человѣческаго здоровья, но цивилизованная общества держать въ своихъ рукахъ два обширныхъ царства населенныя тоже живыми существами, здоровьемъ которыхъ нельзя безнаказанно пренебрегать, именно: воздѣлываемыми растеніями и домашними животными. Производя большія расчистки въ первобытной растительности, чтобы распространить питающія его растенія, измѣняя отношенія животнаго царства въ пользу животныхъ доставляющихъ ему пищу или служащихъ ему, человѣкъ принялъ на себя управленіе надъ обширною областью. Растенія, животныя и человѣкъ составили нераздѣльное цѣлое и болѣзнь двухъ первыхъ непременно отразится и на послѣднемъ. Правда, еще не замѣтили, чтобы существовало что нибудь общее между причинами поражающими болѣзнь у человѣка и у животныхъ. Въ эти послѣдніе годы болѣло множество растений, напр. картофель, виноградъ и почти всѣ плодовые деревья, и между тѣмъ какъ зло свирѣствовало, поражая корни и вѣтви деревьевъ, отъ чего засыхали листья и портились плоды, незамѣчено было, чтобы здоровье человѣка страдало одновременно съ здоровьемъ

растений. Но случается, что нѣкоторые овощи зараженные извѣстными болѣзнями дѣлаются вредными, покрываясь вредно дѣйствующими на здоровье паразитами. Такимъ образомъ не разъ случалось что головня, развившаяся на хлѣбныхъ растеніяхъ, производила эпидемическія судороги, или гангрену. Теперь многіе медики и между ними г. Косталя приписываютъ съ полной справедливостью пеллагру въ Италіи и Франціи грибу-паразиту, зарождающемуся подъ верхней кожицей кукурузы. Итакъ природа создаетъ въ этихъ растеніяхъ посредствомъ болѣзни то, что она создаетъ въ другихъ прямымъ путемъ — вещества оказывающіеся ядомъ для человѣка. Природа тѣмъ же путемъ болѣзни дѣлаетъ нашихъ домашнихъ животныхъ столь же ядовитыми какъ опаснѣйшія изъ змѣй; карбункуль, бѣшенство, саль передаются человѣку. Кромѣ естественнаго страха, порождаемаго заразительностью этихъ болѣзней, нужно принять еще во вниманіе, что эти животныя, наши питомцы, составляютъ въ нашихъ рукахъ огромное населеніе, состояніе здоровья котораго для насъ въ высшей степени важно. Быки, лошади, бараны, собаки и др. подвержены всевозможнымъ болѣзнямъ. Патологія ихъ весьма сложная, хотя и не на столько какъ наша. Виргилій, въ своемъ знаменитомъ описаніи падежа, поэтически удивляется, что несложность питанія и жизнь чуждая заботъ и тревогъ не предохранила животныхъ отъ болѣзни.

...Atqui non massica Vacchi

Munera non illis epuloe nocuere repostoe

Frandidus et victu pascuntur semplecis

Pocula sunt fontes liquidi atque exercita herbae cursu

Flumina; nec somnos abrumpit ura salubres.

Что же сказалъ бы онъ о растеніяхъ тоже подвергающихся болѣзнямъ. Болѣзнь врожденна живому веществу; она учащается и усложняется по мѣрѣ большей его сложности и совершенства. Совершенство и сложность всегда находятся въ прямомъ отношеніи одно къ другому. Тѣмъ, чѣмъ частная гигиена оказывается для отдѣльной личности, тѣмъ же самымъ оказывается и общественная гигиена для общественнаго организма. Изъ четырехъ великихъ функций, составляющихъ всю жизнь общественнаго организма: поддержаніе жизни его, нравственность, искусства и науки, только одна, именно первая, подлежитъ гигиенѣ. Съ двумя послѣдними она не

имѣть никакого дѣла. Вторая состоитъ съ нею въ посредственныхъ отношеніяхъ, происходящихъ отъ неоспоримаго вліянія дурныхъ матеріальныхъ условій на поступки людей.

Дидеро, слова котораго приводитъ г. Мишель Леви, сказалъ, что каждый вопросъ касающійся нравственности дѣлается вопросомъ гигиены. Это неоспоримо. Подобно тому, какъ суду, что намъ доказываютъ статистическія наблюденія, приходится карать болѣе случаевъ воровства въ годы голода и дороговизны, такъ и всегда когда общественная гигиена находится въ пренебреженіи намъ приходится видѣть, какъ физическое и нравственное разложеніе поражаетъ несчастныхъ поставленныхъ въ гибельныя условія. Нечистоплотность, пренебреженіе необходимыми удобствами жизни, дурная пища, нездоровое помѣщеніе, недостатокъ воздуха, дурно содержимыя клоаки, разложеніе нечистоты, скученность въ тѣснотѣ, — все это взятое вмѣстѣ не только будетъ разрушать здоровье, изнушать тѣло, распространять болѣзни, сокращать жизнь, но еще повліяетъ губительно на сердце и умъ. При такихъ условіяхъ нравы портятся и грубѣютъ. Напротивъ того, когда очищаютъ и дѣлаютъ здоровымъ жилища, селы и города, когда уменьшаютъ силу вредоносныхъ вліяній, въ результатахъ получается не только улучшеніе общественнаго здоровья, но оказывается что люди, менѣе подверженные вліяніямъ всего что гнететъ, оскорбляетъ, заставляетъ ихъ страдать, научаются лучше владѣть собою и становятся болѣе доступными добрымъ чувствамъ и разуму. Такимъ образомъ общественная гигиена имѣетъ свою долю, хотя и косвеннаго, но вѣрнаго вліянія на нравственность. Безъ сомнѣнія, подобные результаты недостижимы безъ извѣстной степени постоянно возрастающаго благосостоянія, которое одно можетъ породить стремленія къ подобнымъ санитарнымъ улучшеніямъ и дать средства достигнуть ихъ; но надо замѣтить, что общественная гигиена самая лучшая совѣтница благосостоянія.

Содержаніе тѣла относится къ прямой обязанности гигиены и требуетъ постояннаго надзора ея. Въ то время какъ питаніе и возстановленіе дѣлаютъ свое дѣло, доставляя и поглощая вещества, поддерживающія существованіе, какъ человѣка такъ и животныхъ и растений, необходимо чтобы бдительный надзоръ слѣдилъ за этимъ безконечнымъ обменомъ. Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ правъ общественной

гигиены, есть право ея открывать и преслѣдовать поддѣлки и фальсификаціи продуктовъ, вводящіе потребителя въ заблужденіе и причиняющіе болѣзненные случаи разнаго рода. Безчестное корыстолюбіе, съ которымъ приходится соперничать въ изобрѣтательности, продаетъ за хорошія продукты такіе, которые или не имѣютъ никакой цѣны или даже просто вредны. Сама природа, если разсматривать ее съ точки зрѣнія относительной, человѣческой, по которой всѣ измѣненія проявляются въ полезныхъ или вредныхъ вліяніяхъ, а не съ общей точки зрѣнія міровыхъ законовъ, на которой всѣ вліянія безразличны, — сама природа, говорю я, во многихъ случаяхъ является агентомъ этихъ поддѣлокъ и фальсификацій, того что мы потребляемъ или потребляли прежде. Поддѣлка и фальсификація ея, если я могу обозначить этимъ выраженіемъ явленія, столь же неотразимыя и необходимыя, какъ и тѣ которыя поддерживаютъ наше существованіе и удовлетворяютъ нашимъ нуждамъ, заключаются въ томъ, что органическія вещества, по несчастному для насъ стеченію обстоятельствъ, не могутъ разлагаться, не порождая веществъ всегда вреднаго свойства. Когда мы глубже проникнемъ въ составъ сложныхъ веществъ, мы будемъ знать рачіонально то, о чемъ мы имѣемъ теперь лишь эмпирическое понятіе, а именно почему разложеніе сопровождается дѣйствительною опасностью для всего живущаго. А покуда мы достигнемъ этого знанія, мы можемъ, такъ какъ въ настоящее время ничто не мѣшаетъ намъ, мечтать о такомъ порядкѣ вещей, когда разложеніе будетъ безвредно и даже можетъ быть полезно и пріятно и будетъ очищать воздухъ, вмѣсто того чтобы заражать его; когда міръ, среди котораго мы живемъ, станетъ лучшимъ, по крайней мѣрѣ, для насъ, а какое же другое мѣрило добра можемъ мы имѣть? Но въ сущности это далеко не такъ; броженіе и гніеніе, два великихъ дѣятеля во всякомъ разложеніи органическаго вещества, далеко не безвредны для нашего организма. Остается только смотрѣть прямо въ лицо врагу, если уже рѣшено, что мы имѣемъ дѣло съ врагомъ, и отыскивать всевозможныя способствующія условія для пораженія его.

Движеніе населенія, общественное здоровье въ селеніяхъ и городахъ, ремесла и профессіи составляютъ главнѣйшія отрасли общественной гигиены, такъ сказать, предметы, на которые направлена

дѣятельность ея. Определить какъ народонаселеніе дѣлится отъ носительно пола и возраста, затѣмъ изучать природу болѣзней, дѣйствующихъ на жизнь и прекращающихъ ее, значитъ узнать, въ числѣ причинъ естественной смерти, которая ранѣе или позднѣе должна унести въ могилу населеніе, какія именно причины заставляютъ его преждевременно платить дань, которую всѣ мы должны неизбежно отдать.

Чѣмъ глубже и точнѣе становится знаніе болѣзней, чѣмъ болѣе специализируются причины ихъ, тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе становится вліяніе медицины, чтобы ослабить ихъ. Селенія и города, первыя пользующіяся воздухомъ чистымъ, здоровымъ, вторые болѣе или менѣе спертымъ и испорченнымъ, не должны быть предоставлены однимъ силамъ природы, ни безопасности, всегда преобладающей между жителями; водохранилища, мѣста для погребенія, жилища, климатъ, нечистоты, всѣ эти предметы были и должны быть цѣлью ученыхъ изслѣдованій потому, что все это принадлежитъ къ области высокаго и труднаго искусства медицины. Ремесла, сдѣлавшіяся столь сложными, не могутъ обойтись безъ высшаго контроля, который опредѣлилъ бы порождаемыя ими опасности, оградилъ бы отъ нихъ сосѣднее населеніе и не предоставлялъ бы выгодамъ одного лица, разрѣшать вопросы такой важности; въ особенности тамъ, гдѣ химія обрабатываетъ въ большихъ размѣрахъ минеральныя вещества, часто смертоносныя, и органическія, которыя во всякое время могутъ сдѣлаться вредоносными: общественная гигиена призвана вмѣшиваться тутъ съ полнымъ авторитетомъ.

Наконецъ, должно сознаться, что не всѣ профессіи и ремесла, ставящія человѣка въ столь разнообразныя условія, безвредны для здоровья его. И не говорю о тѣхъ, изъ нихъ, которыя напримѣръ, подвергаютъ его случайнымъ опасностямъ: напр., о профессіи и ремеслахъ матросовъ, кровельщиковъ, плотниковъ, пожарныхъ, врачей и проч., я говорю о тѣхъ, которыя порождаютъ болѣзни подвергая тѣло страданіямъ, параличу, трясенью и смерти. Между самыми тяжелыми впечатлѣніями, навѣянными на меня медицинскою практикою, было впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ положенія этихъ несчастныхъ, принужденныхъ бѣдностью избирать занятія медленно разрушающія организмъ. Желаніе прекратить

такой порядокъ вещей, далеко не новый, но остающійся позорнымъ пятномъ на нашей цивилизаціи, должно быть самымъ сильнымъ побужденіемъ для дѣятельности гигиены. Во всѣ времена пользовались знаніемъ врачей для разныхъ спеціальныхъ явленій въ области общественнаго здоровья и просили у нихъ для этой цѣли предписаній, въ родѣ тѣхъ, которыя они давали частнымъ лицамъ. Но только съ недавнихъ поръ стали систематично прилагать къ совокупности соціальныхъ условій, съ точки зрѣнія патологической, совокупность средствъ доставляемыхъ врачевнымъ искусствомъ. Администрація, болѣе просвѣщенная и попечительная о благосостояніи управляемыхъ и медицина, болѣе способная проникать въ сложный составъ смертоносныхъ причинъ, произвели этотъ великій результатъ—первая обращаясь къ медицинской помощи для исполненія своихъ задачъ, вторая вслѣдствіе постепеннаго распространенія своего и своей возрастающей власти.

Общественная гигиена занимаетъ, какъ слѣдуетъ ожидать того, значительную часть сочиненія г. Мишеля Леви. Я желалъ бы, чтобы читатель составилъ себѣ общее понятіе о немъ, и узналъ какія причины породили его и какое важное значеніе имѣетъ оно для медика. Я остановился бы здѣсь, такъ какъ цѣль моя достигнута, еслибы мнѣ не хотѣлось доказать мое мнѣніе посредствомъ примѣра. Г. Мишель Леви — военный докторъ, управлявшій медицинскою частью въ восточной арміи во время крымской войны; онъ въ тоже время директоръ медицинской школы въ Валь-де-Грасѣ. Никто, слѣдовательно, не имѣетъ большаго права говорить о здоровьѣ солдатъ, и я повредилъ бы самому себѣ, еслибы не привелъ нѣкоторыхъ изъ наблюденій его, и не воспользовался для подкрѣпленія моего взгляда тѣмъ интересомъ, который онѣ, естественно, возбуждаютъ.

Смертность въ войскахъ, независимо отъ исключительной смертности въ военное время, значительнѣе чѣмъ между мирными гражданами. „Между людьми отъ 20 до 30 лѣтъ, говоритъ г. Мишель Леви, ежегодное количество умирающихъ равняется 25 на 100; въ здоровыхъ же странахъ она едва достигаетъ 1 на 100, между тѣмъ какъ г. Бенуастонъ де-Шатонейфъ, узналъ что въ арміи, оно равняется 2, 25. Эта цифра оказывается тѣмъ болѣе несоразмѣрной что армія пополняется людьми отборными; она не объясняется и

увеличенієм смертности вслѣдствіе дуэлей, самоубійствъ, ностальгій и излишествъ происходящихъ отъ холостой жизни. Это вліянія второстепенныя. Смертность въ войскахъ въ мирное время имѣетъ главными причинами: ошибки ревизіонныхъ комиссій, рѣзкія измѣненія климата и утомленіе, сопровождающее ежедневныя ученія, маневры, парады, недостаточный сонъ, т. е. трату силъ часто превышающую средства организма для возстановленія убили его питаніемъ.

Итакъ какъ смертность эта тяготѣетъ преимущественно въ первые годы надъ новопривывшими, то слѣдуетъ признать, что переходъ отъ частной гражданской жизни къ военной службѣ составляетъ, подобно акклиматизаціи, физиологическій и моральный кризисъ въ поколѣніяхъ, ежегодно смѣняющихся другъ друга подъ воинскими знаменами. Свободная воля частнаго лица, естественное общество семьи, разнообразіе работъ и ремеселъ смѣняется строгостью дисциплины, искусственнымъ и принужденнымъ сожителемъ въ казармахъ, однообразнымъ рядомъ ученій и гарнизонныхъ работъ. Организмъ совершаетъ такой рѣзкій переходъ, примѣняется къ такой крутой перемѣнѣ, только благодаря глубокимъ и энергическимъ усиліямъ. Съ минуты первыхъ принужденій, первыхъ приступовъ ностальгій до полного подведенія подъ одинъ уровень однообразія всѣхъ человѣческихъ личностей, случайно собранныхъ въ одинъ полкъ, въ нихъ происходятъ возмущенія, потрясенія, страданія, которыя можно сравнить съ переработкою, совершающеюся въ душѣ колониста, со дня переселенія его въ тропическую страну до того времени, когда становится почти невозможнымъ отличить его по наружному виду отъ туземцевъ. Навѣрно органической и физической перестройкой совершающейся въ годы акклиматизаціи военной жизни не менѣ буренъ и не менѣ глубока, нежели происходящее медленно примѣненіе къ атмосферическимъ условіямъ, различнымъ отъ климата родины.

Въ жизни военныхъ, какъ и мирныхъ гражданъ, благосостояніе имѣетъ огромное вліяніе уменьшая болѣзни, а слѣдовательно и послѣдствія ея—смертность. Это настолько вѣрно, что смертность можно сказать, соразмѣряется съ жалованьемъ: она не такъ значительна между унтеръ-офицерами, какъ между солдатами, между офицерами какъ между унтеръ-офицерами. Въ Англии смертность

во всемъ войскѣ считается 17 на 1000 солдатъ и 12 на 1000 офицеровъ; во Франціи—19,4 на все войско, 10,8 на офицеровъ и 22,3 на однихъ солдатъ. Надо замѣтить, что офицеры позволяютъ себѣ меньше излишествъ и находятъ болѣе нравственной силы въ своемъ воспитаніи и разсудкѣ. Даже въ военное время благосостояніе выказываетъ тоже дѣйствіе въ гигиеническомъ отношеніи. Г. Мишель Леви говоритъ, что скорбуть, свирѣпствовавшій въ восточныхъ войскахъ въ 1855 и 1856 годахъ, почти не касался офицеровъ. Генералы, интендантскіе чиновники, старшіе офицеры пользовавшіеся многими удобствами, избалованы отъ смертоносныхъ вліяній, когда они не происходятъ отъ эпидеміи, въ родѣ холеры и желтой лихорадки. Г. Мишель Леви рисуетъ ужасающую картину губительныхъ условій, окружающихъ войско во время похода: постоянныя усилія и утомленіе, частый недостатокъ пищи и сна, самое качество пищи состоящей обыкновенно изъ сухарей и дурно испеченаго хлѣба, соленой говядины и изрѣдка свѣжей, самого низшаго сорта, сушеныхъ овощей, если они не замѣняются исключительно и ежедневно однимъ рисомъ; отсутствіе пріюта ночью или способъ согрѣванія, при которомъ рискуешь задохнуться въ герметически закрытыхъ палаткахъ, потому что палатки заражаются также какъ палаты въ казармахъ и въ больницахъ; отхожія мѣста въ лагерьяхъ, дурно устроенныя кладбища, грязь одежды, нечистоплотность кожи; постоянно нравственное напряженіе, которымъ должно встрѣчать всѣ испытанія во время войны и поддерживать мужество, требуемое положеніемъ минуты постоянно въ уровень смѣняющимися неожиданностями; наконецъ, при различныхъ климатахъ переходы отъ дневной температуры къ ночной, смѣна временъ года и болѣе глубокое вліяніе метеорологическихъ условій на ослабѣвшихъ и иногда упавшихъ духомъ людей. Такимъ образомъ, не скрывая ни одного изъ губительныхъ условій, въ которыя поставлено войско во время войны, онъ прибавляетъ съ твердостью и увѣренностью, оправдываемыми его знаніемъ, высокимъ постомъ и опытностью: «Должно ли признать, что совокупность этихъ условій и ихъ послѣдствій составляетъ несчастіе войска въ походѣ? что страшная смертность, которую исторія человѣчества занесла въ свои списки и которую еще чаще проходятъ молчаніемъ, оказывается неизбѣжною данью, платимою солдатами войнѣ. Это мнѣніе есть мнѣніе

администраторовъ, слагающихъ съ себя отвѣтственность за будущее, военачальниковъ, занятыхъ преслѣдованіемъ стратегическихъ результатовъ, врачей, забывающихъ или не понимающихъ своей обязанности. Гигіенѣ предстоитъ играть важную роль въ дѣлѣ охраненія войска во время походовъ, она можетъ успѣшно бороться съ сильными причинами, порождающими изнуреніе и уничтоженіе его, если она будетъ призвана на совѣтъ начальниковъ, если за нею признаютъ право инициативы и авторитета. Перемѣна мѣста стоянки войска, лучшіе способы доставки провизіи, употребленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ средствъ для улучшенія условій, своевременныя распоряженія при началѣ эпидеміи, удаленіе, уничтоженіе условій, производящихъ заразу, разумныя призывы посредствомъ ежедневныхъ приказовъ, къ помощи офицеровъ и здравому смыслу солдатъ, хорошая организація походныхъ госпиталей, перевязочныхъ пунктовъ, удаленіе выздоравливающихъ отсюда въ хорошо устроенныя для нихъ депо, быстрое и вѣрное распредѣленіе состава всего штата, назначеннаго для ухода за больными. Вотъ мѣры которыя были и будутъ необходимы, чтобы предупредить или ослабить бѣдствіе, а совокупность этихъ предохранительныхъ мѣръ является вѣрнымъ средствомъ для уменьшенія чудовищной и ежедневной убыли войскъ. Въ походѣ полезна и дѣйствительна одна гигиена; безъ нея медицина только печальная суетня, безъ нея хирургія видитъ какъ оказывается тщетною вся изобрѣтательность методовъ ея и пріемовъ леченія; безъ нея администрація напрасно придумываетъ разныя средства одно за другимъ, и всѣ мѣры, которыя она предписываетъ въ такомъ изобиліи, не останавливаютъ развитія смертноносныхъ эпидемій.

Дѣйствительно, и это замѣчаніе принадлежитъ г. Мишелю Леви, даже въ войнахъ, въ которыхъ преобладаетъ артиллерія, какъ на примѣръ при осадахъ, медицина имѣетъ болѣе постоянной работы нежели хирургія. «Прежде чѣмъ раздастся первый выстрѣлъ, уже существуютъ больные. Болѣзни развиваются, эпидеміи угрожаютъ когда отряды на бивуакахъ, въ лагеряхъ, или въ походѣ. Сраженіе, приступъ, какъ бы кровавы они ни были, лишь на короткое время наполняютъ перевязочные пункты и госпитали; вскорѣ раненные умираютъ, вылечиваются или отсылаются на родину. Хирургія останавливается, отдыхаетъ послѣ періодовъ кровавой дѣ-

ятельности; врачу же достаются скромная дѣятельность, постоянное самопожертвованіе на заднемъ планѣ театра войны. Съ 6-го сентября 1854 до 5 февраля 1855 года, англійское войско на востокѣ считало 108 смертей отъ ранъ и 391 отъ болѣзней на 1000 человекъ. Въ теченіи 6 послѣднихъ мѣсяцевъ 1855 года, ознаменованныхъ самыми рѣшительными военными дѣйствіями при осадѣ Севастополя, французская армія потеряла 21,957 раненыхъ огнемъ непріятеля и 101,128 заболѣвшихъ лихорадками разнаго рода.

Въ виду смертности большей и въ мирное время между военными нежели между гражданскими классами, несмотря на отборъ солдатъ изъ лучшей части населенія и на смотры, черезъ каждые 3 мѣсяца очищающіе ихъ отъ больныхъ и слабыхъ,—г. Мишель Леви, естественно, стремится найти средство облегчить эту тяжелую дань смерти. Одна гигиена можетъ достигнуть этого; и онъ предлагаетъ многія полезныя мѣры по части управленія войсками. Онъ совѣтуетъ, чтобы молодаго солдата заставили выдержать до поступленія въ войско извѣстную систему подготовки, имѣющей цѣлью способствовать его полному развитію, укрѣпить его члены и сдѣлать ихъ болѣе гибкими, словомъ, дать ему то, чего ему недостаетъ — силу, ловкость, проворство. Онъ совѣтуетъ, чтобы не пересылали въ отдаленные гарнизоны за горами и долами, людей слишкомъ слабыхъ, и потому неспособныхъ вынести непрерывно смѣняющіяся акклиматизаціи. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ уроженцы юга легче переносятъ солнце Антильскихъ острововъ и Африки, чтобы ихъ и выбирали для экспедицій въ эти края, или чтобы по крайней мѣрѣ приготавливали войска къ этому переходу, предварительно продолжительной стоянкой въ южной Франціи и чтобы подражали англичанамъ, назначающимъ въ Индустанъ войска пробывшія нѣсколько времени въ Гибралтарѣ, на Мальтѣ, или въ Корфу. Онъ совѣтуетъ, чтобы при внутреннихъ передвиженіяхъ наблюдалась постепенность перехода отъ одного климата къ другому, гдѣ слѣдуетъ продержаться нѣсколько времени отрядъ на промежуточныхъ ступеняхъ климатовъ, прежде нежели перекинуть его изъ южнаго департамента въ холодную или сырую мѣстность на сѣверъ. Онъ совѣтуетъ вообще не производить движенія войскъ безъ совѣта врачей, относительно мѣста ихъ назначенія и времени передвиженія. Онъ совѣтуетъ, чтобы мясо вошло въ болѣе

количество въ составъ пищи французскаго войска, чтобы пища была разнообразнѣе, смотря по средствамъ мѣстностей, что не повело бы за собою увеличенія расходовъ, и чтобы перебродившіе напитки правильно раздавались имъ для предупрежденія болѣзни. Онъ совѣтуетъ, такъ какъ ружейные приемы и военныя упражненія, недостаточны для укрѣпленія тѣла, постоянно ввести въ войска рациональную систему гимнастики. Онъ совѣтуетъ, чтобы пѣніе и музыка, такъ полезныя для укрѣпленія дыхательныхъ органовъ и такъ сильно дѣйствующія на душу, сдѣлались дополненіемъ военнаго образованія. Онъ совѣтуетъ, наконецъ, принять мѣры, чтобы досуги солдата были употреблены съ большей пользой и для него и для государства, безъ ущерба для національнаго характера и воинскаго духа его.

Г. Мпшель Леви исчисляя недостатки медицинской службы въ нашемъ отечествѣ говорить:

«Врачи для леченія эпидемій, служащіе даромъ, вознаграждаемые и то весьма скудно лишь во время своей обязательной дѣятельности, пріѣзжаютъ поздно, производятъ неполныя изслѣдованія, не знаютъ хорошо своихъ правъ и обязанностей, лишены инициативы. Окружныя гигиеническіе совѣты едва существуютъ; доклады медицинской академіи доказываютъ недостаточность официальной профилактіи возобновленіемъ однихъ и тѣхъ же эпидемій въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ. И это будетъ продолжаться пока медицина, лишенная инициативы, всюду подчиненная административной бюрократіи, не получитъ своего мѣста, въ кругу властей страны».

Я не только соглашаюсь вполне съ этой мыслью, но иду дальше. Я часто спрашивалъ у себя, возможно ли, чтобы въ цивилизованномъ государствѣ, не было особеннаго министра общественнаго здравія. Я стою слишкомъ далеко отъ всего, что дѣлается въ управленіи, чтобы предлагать это какъ мѣру: мнѣ кажется только, что идея эта настолько созрѣла, что могла возникнуть у другихъ, какъ и у меня, и остановить вниманіе ихъ. Министерства, завѣдующія производствомъ и потребленіемъ, какъ министерство финансовъ, торговли, промышленности, общественныхъ работъ, играютъ въ общественномъ организмѣ ту же роль, какую органы питанія — въ организмѣ человѣка. Министерство народнаго просвѣщенія,

завѣдующее учрежденіями, посвященными литературѣ, искусствамъ, наукамъ, соотвѣтствуетъ высшимъ силамъ ума и нравственности и всюду оно оплачивается слишкомъ мало сравнительно съ расходами по военному министерству, чрезмѣрными для настоящаго положенія Европы, которое день ото дня становится все болѣе мирнымъ и промышленнымъ. Между обоими министерствами есть пробѣлъ—недостаетъ вѣдомства для попеченія о тѣлѣ, т. е. о сохраненіи здоровья населенія, словомъ общественной гигиены. Пробѣлъ этотъ оставался незамѣченнымъ, пока народъ не былъ способенъ заботиться о себѣ, пока администрація не знала, къ кому обратиться за указаніями, пока медицина не чувствовала себя настолько сильной, чтобы вмѣшаться въ это дѣло. Въ настоящее время всѣ три условія соединены: народъ беретъ въ руки заботы о себѣ, администрація спѣшитъ помочь злу, а медицина сдѣлалась способна направить наиболѣе полезнымъ и для государства и для частнаго лица образомъ, великое движеніе здоровья и болѣзни жизни и смерти, которое вызываетъ на свѣтъ каждое поколѣніе для того, чтобы уложить его въ свою очередь въ могилу, когда оно свершитъ свое дѣло.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ¹⁾.

Во времена первобытнаго невѣжества, въ данный моментъ, когда явился умъ, одаренный большими мыслительными способностями, нежели современники его и принялся чертить какіе-то фигуры—и вотъ, въ міръ брошены были первыя семена геометріи. Мало по малу эти отвлеченныя понятія о простѣйшихъ предметахъ, доступныхъ каждому, значительно расширились; старикъ Архитей могъ уже измѣрять *numero carentis arenae*. Наука эта дала человѣку познаніе относительно чиселъ, размѣровъ и движенія.

Позднѣе, геометрическія фигуры перенеслись съ песка, на которомъ ихъ чертили трудолюбивыя руки, на небесный сводъ; ликующія божества, проливавшія на землю дневной свѣтъ и украсившія ночью своимъ мерцаніемъ голубую твердь, оказались подчиненными въ своемъ движеніи законамъ кривой линіи и угловъ. Важность этого открытія была настолько очевидна древнему міру, что Плиніи не поколебался сказать: «Дверь къ познанию сущности вещей растворилась, когда наклонность линій одіака была понята». Да, дверь къ знанію распахнулась; благодаря геометріи человѣкъ въ настоящее время знаетъ свое мѣсто: онъ атомъ брошенный на планету, состоящую въ числѣ другихъ спутниковъ

¹⁾ Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle dans les états de santé et de maladie du système nerveux, par le docteur Prosper Lucas.

солнца, теряющуюся въ свою очередь въ безчисленномъ сонмѣ равныхъ ему свѣтилъ.

Еще шагъ въ жизни человѣчества и оно поднялось на новую ступень знанія, ему стали извѣстны: вѣсъ, теплота, свѣтъ, электричество и звукъ. Обладая этими свѣдѣніями, человѣкъ могъ дать себѣ болѣе правильный отчетъ во всемъ что совершалось вокругъ него. Паденіе тѣлъ, яркій блескъ молніи, странное стремленіе магнита къ сѣверу, быстрота луча свѣта соединяющаго міры, отстоящіе другъ отъ друга на неизмѣримыя пространства, эхо, переставшее быть плачущей нимфой, жалующейся на Нарцисса, все это необъятное цѣлое, сдѣлавшись достояніемъ человѣка, дало ключъ къ объясненію явленій, которыя можно назвать виѣшними. Но существуютъ и другія явленія, такъ сказать внутреннія, болѣе скрытыя, тѣ индивидуальныя силы или свойства предметовъ, которыя постоянно разлагаютъ и воспроизводятъ вещество; и потому естественная философія могла быть только сборникомъ отрывочныхъ фактовъ, пока химія не довела насъ до глубокаго изслѣдованія молекулярныхъ соединеній. По этой нити мы дошли уже до великой науки о живомъ организмѣ; животный организмъ имѣетъ необходимой основой своей непрерывный обмѣнъ химическихъ соединеній, которыя одни могутъ объяснить намъ, почему одни и тѣ же элементы переходятъ изъ земли, воды и воздуха въ клѣтчатку растений и животныхъ. Изученіе процессовъ соединенія и питанія, передачъ и произрожденій, аналогіи органическихъ видовъ, іерархіи организованныхъ существъ, дѣятельности мускульной силы, чувствительности и ума, изученіе жизни въ настоящемъ смыслѣ слова, вотъ что двигаетъ впередъ развитіе человѣческаго ума и ведетъ его къ побѣдамъ въ области мышленія.

Что же въ настоящую минуту предстоитъ изучать еще изъ того, что доступно человѣку, для того чтобы сдать окончательно въ архивъ сверхъестественныя и метафизическія понятія, которыми питался разумъ человѣчества, въ періодъ своего младенчества? Остается еще изучить, что и человѣческія группы общества стоятъ въ ряду естественныхъ явленій и не подчинены ни произвольнымъ сверхъестественнымъ силамъ, ни слѣпой случайности.

Признавъ неизмѣнность законовъ, управляющихъ органической и неорганической природою, признавъ что общества основаны на

совокупности дѣйствій ихъ, можно смѣло придти къ заключенію, что общества подчинены опредѣленному ходу. И дѣйствительно исторія, за достаточно длинный періодъ, свидѣтельствуетъ объ одномъ неизмѣнномъ стремленіи цивилизаціи впередъ. Изъ этого слѣдуетъ, что общества подлежатъ естественному закону, должны составлять предметъ отдѣльной науки; наука эта, присоединяя свои результаты къ предшествовавшимъ ей отраслямъ знанія, о которыхъ мы говорили выше, пополняетъ собою реальную философію, и даетъ ей право замѣнить собою спекулятивную (субъективную) философію предшествовавшихъ періодовъ.

Я набросалъ только очеркъ исторіи наукъ и въ то же время начерталъ тѣмъ и схему социальныхъ переворотовъ; потому что общества видоизмѣнялись только посредствомъ развитія идей, а идеи въ свою очередь развивались вслѣдствіе прогресса наукъ. Но все это было бы невозможно и исторія представляла бы намъ совершенно иное, или точнѣе, исторія не существовала бы вовсе, безъ наслѣдственности, безъ того особеннаго свойства, присущаго всѣмъ животнымъ организмамъ, — передавать своимъ потомкамъ приобретенныя ими обособляющіе признаки. При отсутствіи этого свойства, первобытный человѣкъ, воспроизводя въ своемъ потомствѣ, безъ передачи яркихъ слѣдовъ, приобретенныхъ имъ подвѣяннѣмъ различныхъ впечатлѣній, не могъ бы пройти тотъ путь видоизмѣненій и пройти его въ томъ опредѣленномъ направленіи, которое мы называемъ цивилизаціей. Конечно, человѣчество, въ силу врожденной ему энергіи, могло бы, какъ то и случается постоянно, производить умы болѣе пытливые, болѣе дѣятельные, болѣе изобрѣтательные чѣмъ окружающій ихъ средній уровень; но нововведенія вносимыя этими благодѣтельными особами, не создавали бы умственныхъ привычекъ и человѣкъ оставался бы, по прежнему, неукротимымъ, дикимъ, враждебнымъ, неспособнымъ къ осмысленному труду, всегда готовымъ бросить начатое дѣло осѣдлости и возвратиться къ охотничьему кочевью въ своихъ непроходимыхъ лѣсахъ. Въ промежутокъ времени, около ста пятидесяти лѣтъ, англійскіе скотоводы, разумно пользуясь закономъ наслѣдственности, создали расу лошадей, замѣчательную какъ по физическому сложенію, такъ и по своимъ способностямъ. И цивилизація должна быть разсматриваема какъ подобный, хотя совершенно

непосредственный опытъ, создавшій, путемъ наслѣдственности, цивилизованнаго человѣка, въ такой степени отличнаго отъ человѣка, кочующаго по пустынямъ Америки и Новой-Голландіи. Наслѣдственность составляетъ физиологическое условіе исторіи, оно служитъ ручательствомъ ея дальнѣйшаго хода и указываетъ возможные границы колебаній между извѣстными крайностями.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспроизведенія, новый прищелецъ на жизненное поприще приноситъ съ собою извѣстную долю индивидуальности, то что г. Люка назвалъ *прирожденностью* — (*innéité*) и такую же долю наслѣдственности, приобретенную имъ отъ обоихъ своихъ родителей. Г. Люка открылъ и прослѣдилъ этотъ двойной принципъ или, какъ можно еще назвать его, двойной первичный фактъ съ необыкновенной пронизательностью. Всегда и вездѣ кшатъ безконечныя разновидности; всегда и вездѣ родители кладутъ свою печать на физическій и нравственный складъ своего отпрыска. Эти два условія воспроизведенія идутъ постоянно рука объ руку и никогда не исключаютъ одно другое. Такъ, мы видимъ, что даже въ случаѣ рожденія двухъ близнецовъ, гдѣ наслѣдственность, если бы наслѣдственность была единственнымъ факторомъ, должна бы оказать въ наисильнѣйшей степени свое вліяніе и дойти до полной тождественности обоихъ близнецовъ, существуютъ однакоже глубокія различія на ряду съ поразительнымъ сходствомъ. Врожденность создаетъ во всѣхъ семьяхъ гениальныхъ людей, спеціальныя способности и рѣзко опредѣленныя наклонности; но наслѣдственность обезпечиваетъ за расами характеръ ихъ, за кастами ихъ нравы, за поколѣніями каждой исторической эпохи стремленія ихъ вѣка; врожденность при воздѣлываніи растений и разводѣ скота производитъ разновидности, а наслѣдственность сохраняетъ и передаетъ ихъ, когда онѣ дѣйствительно цѣнны.

Слѣдовательно, чтобы составить ясное понятіе о наслѣдственности, необходимо отстранить все то, что не принадлежитъ ей; но настолько же важно умѣть распознавать присутствіе ея тамъ, гдѣ оно есть на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно она дѣйствуетъ прямымъ путемъ отъ отца и матери на дѣтей; но случается также (и эта особенность не изъ наименѣе замѣчательныхъ свойствъ животнаго организма) что она дѣйствуетъ и посредствомъ возврата, т. е. передачи свойствъ предковъ дальнѣйшимъ потомкамъ, минуя прямыхъ

потомковъ. Г. Люка приводитъ нѣсколько весьма любопытныхъ примѣровъ этого явленія: одна охотничья лягавая собака, произошедшая отъ матери изъ породы лягавыхъ, и отъ отца изъ породы болонокъ имѣла дѣдомъ съ материнской стороны лягаваго кобеля и бабкою по отцу болонку; къ какой породѣ принадлежали дѣдъ по отцу и бабка по матери неизвѣстно. Эта собака — кобель, совокупленный съ сукою изъ породы лягавыхъ далъ въ приплодъ щенятъ самцевъ испанской породы (болонокъ), непохожихъ ни по масти, ни по характеру на него, но имѣвшихъ и шерсть и характеръ его отца; отъ тѣхъ же производителей рождались въ другое время лягавыя суки, которымъ отецъ передавалъ и свое добродушіе и рѣзвость, и кромѣ того, лягавые щенята — самцы, которые наследовали отъ него характеръ, а отъ матери цвѣтъ шерсти.

Часто удивляются рожденію бѣлыхъ ягнятъ отъ черныхъ, или пестрыхъ овецъ и барановъ; но если потрудиться изучить происхожденіе ихъ по восходящей линіи, то объясненіе будетъ навѣрное отыскано въ масти предковъ. Это свойство далекой наследственности, называемое атавизмомъ. Оно равнымъ образомъ существуетъ и у растений. Изъ человѣческихъ породъ, мы возьмемъ въ качествѣ примѣра мулатовъ: въ ихъ средѣ постоянно встрѣчаются рожденія то черныхъ, то бѣлыхъ младенцовъ, служащихъ повтореніемъ особенностей кого нибудь изъ предковъ. У мулатовъ присутствіе атавизма изобличается цвѣтомъ кожи; въ другихъ случаяхъ различныя неправильности въ тѣлосложеніи служатъ указаніемъ на него. Шестипалые отецъ и мать могутъ произвести всѣхъ дѣтей своихъ безъ этого недостатка; но если можетъ случиться, что дѣти ихъ въ свою очередь породятъ дѣтей вполне правильно сложенныхъ, то бываетъ и обратно, иногда на дѣтяхъ ихъ отражается тотъ недостатокъ, который миновалъ ихъ. Въ медицинскихъ книгахъ занесены подобныя генеалогіи, не оставляющія мѣста ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ.

Рядомъ съ атавизмомъ встрѣчаемъ мы и наследственность косвенную, существованіе которой тоже безспорно. Бываетъ нерѣдко что не оказывается ни сходства съ отцемъ, ни сходства съ матерью, но за то является сходство съ другими родственниками. Дѣйствительно, замѣчены были не разъ поразительныя сходства въ сложеніи, въ чертахъ лица, въ наклонностяхъ, страстяхъ, характерахъ,

способностяхъ и даже въ уродливостяхъ и въ болѣзняхъ у особъ, состоящихъ въ дальнемъ родствѣ и находящихся даже въ различныхъ развѣтвленіяхъ одной и той же главной линіи; напримѣръ: между дядями и племянниками, племянницами и тетками, двоюродными братьями и сестрами, троюродными племянниками и наконецъ даже между троюродными братьями и т. д. Вотъ примѣръ подобной боковой наследственности: одинъ мужчина правильно сложенный, между родственниками котораго было два случая заячьей губы, имѣлъ отъ первой жены одиннадцать человекъ дѣтей, изъ которыхъ двое съ заячьей губой; отъ второй жены двоихъ дѣтей родившихся съ тѣмъ же недостаткомъ. Извѣстно также существованіе одного глухо-нѣмого отъ рожденія въ семействѣ, гдѣ остальные пятеро дѣтей, какъ мальчики такъ и дѣвочки, были вполне здоровы, но у отца котораго былъ глухо-нѣмой братъ и одержимая такимъ же недостаткомъ тетка.

Приводятъ въ примѣръ одного глухо-нѣмого мальчика, у котораго было шесть тоже глухо-нѣмыхъ братьевъ и затѣмъ два брата съ нормальнымъ слухомъ — его тетка была глухо-нѣмая. Очевидно изъ предшествующаго, что для опредѣленія шансовъ патологическихъ унаслѣдованій въ данной семьѣ, приходится принимать въ расчетъ не только отцовъ и матерей, но и восходящую линію предковъ, а равно и боковыя линіи.

Однакоже наследственность преимущественно дѣйствуетъ, какъ и слѣдовало того ожидать, по прямой линіи, т. е. отъ отцовъ и матерей на дѣтей. Г. Люка прослѣдилъ ходъ ея, какъ въ физическомъ строеніи такъ и въ нравственномъ складѣ индивидуумовъ.

Трудъ его есть настоящая и богатая коллекція фактовъ подобнаго рода, систематически классифицированныхъ. Я заимствую изъ нея то что, относится до продолжительности жизни.

Нѣкоторыя семьи въ такой степени отмѣчены ранней смертью своихъ членовъ, что только небольшому количеству изъ нихъ удается избѣгнуть общей участи, посредствомъ различныхъ предосторожностей. Въ семействѣ Тюрго, никто не переживалъ пятидесятилѣтняго возраста; когда членъ этой семьи, составившій славу своего рода, приблизился къ роковому сроку, то несмотря на всѣ признаки цвѣтущаго здоровья и свое мощное тѣлосложеніе, онъ замѣтилъ однажды, что ему пора приняться за приведеніе въ поря-

докъ своихъ дѣлъ и окончаніе предпринятаго имъ труда, потому что подходит для него то время, которое въ его семьѣ составляетъ предѣлъ жизни. Онъ скончался дѣйствительно вскорѣ—пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду.

Сколько разъ врачамъ приходилось видѣть подобныя примѣры и сколько разъ испытывали они все безсиліе искусства продлить существованіе въ тѣхъ семействахъ, гдѣ жизнь имѣетъ свой неизбѣжный предѣлъ.

Долговѣчность тоже наследственна. 5-го іюня 1724 г. въ Венгріи, въ Темешварскомъ баннатѣ умеръ одинъ земледѣлецъ, по имени Петръ Кезортанъ на 186-мъ году отъ рожденія, онъ видѣлъ слѣдовательно, на своемъ вѣку три смѣны цифры обозначающей столѣтія нашего лѣтосчисленія. Во время его кончины младшему сыну его было 97 лѣтъ, а старшему 155. Въ Норвегіи, въ окрестностяхъ Бергема, умеръ 160-ти лѣтній земледѣлецъ Иванъ Сурингтонъ; старшій сынъ его былъ тогда 103 лѣтъ, младшій 9, послѣдній родился когда отцу было 151 годъ. Въ Англіи Томасъ Парръ, умершій 4 ноября 1635 года, имѣлъ по словамъ однихъ 153 года, по мнѣнію другихъ 168; въ теченіе своей жизни онъ видѣлъ на престолѣ Англіи, десять различныхъ королей и королевъ; сынъ его умеръ 127 лѣтъ. Иоганна Форстеръ, изъ Кумберланскаго графства, достигла 138 лѣтъ, оставивъ единственную дочь 103 лѣтъ. Въ 1825 году, въ Римѣ умеръ одинъ пѣвецъ, Гавини, на 139 году жизни; недавно, въ томъ же городѣ скончался сынъ его 113 лѣтъ. 17 февраля 1711 года, Генрихъ, по прозванію, мясникъ, уроженецъ города Кана, умеръ 115 лѣтъ; отецъ его жилъ 108. 23 марта 1715 г., Жанъ Фильбель, земледѣлецъ деревни Боаль, принадлежащей къ округу города Эвре, умеръ 108 лѣтъ лѣтъ; отецъ его прожилъ 104 года, а дѣдъ 113, онъ оставилъ по себѣ 80-ти лѣтнюю дочь. Въ Гаврѣ женщина по имени Анна Пенель дожила до 110 лѣтъ, сохранивъ всѣ свои зубы; волосы ея были черны и густы, а умственные способности совершенно нормальны; только за 25 лѣтъ до смерти она потеряла отца, бывшаго земледѣльца въ окрестностяхъ Лизье, умершаго 105-ти лѣтъ. Въ 1772 году, въ г. Діеппѣ жила еще 104 лѣтняя старуха, въ совершенно здоровомъ разсудкѣ, Анна Коши, отецъ которой жилъ 124 года, а дядя 153.

Эти поразительныя примѣры долговѣчности, какъ то явствуетъ

изъ только что приведенныхъ примѣровъ, взяты изъ разныхъ странъ; они служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что намъ нѣтъ причинъ завидовать самымъ отдаленнымъ временамъ. Плиній говоритъ, и г. Люка воспользовался его указаніями для сравнительныхъ таблицъ своихъ, что во время переписи, предпринятой Веспасіаномъ и продолженной сыномъ его въ 74 г. по Р. Х., въ восьмомъ округѣ Италіи, занесено было въ списки пятьдесятъ четыре человѣка, объявившихъ себя 100-лѣтними, четырнадцать 110, двое 125, четверо 135 или 137, и наконецъ трое 140. Во Франціи ежегодно умираетъ, среднимъ числомъ, по ста пятидесяти человѣкъ, имѣющихъ 100-лѣтній возрастъ.

Но полагаться вполнѣ на слова другихъ не всегда удобно и я увѣренъ, что г. Люка не будетъ сѣтовать на меня, если я укажу на одну изъ его неудачныхъ цитатъ, которая можетъ подать поводъ къ ложному заключенію; ни одинъ ученый не можетъ избѣгать подобныхъ погрѣшностей, какъ бы точенъ и добросовѣстенъ онъ ни былъ. Одинъ авторъ, слова котораго г. Люка принялъ на вѣру и привелъ въ доказательство случайныхъ пробѣловъ въ дѣйствиіи закона наследственности, описываетъ сына Катона Утическаго столь же гнуснымъ по своей нравственности, сколько и по трусости. И въ этомъ случаѣ, онъ утверждаетъ историческую ложь. Что касается меня, то я скорѣе былъ бы склоненъ привести Катона Утическаго и сына его, насколько послѣдній извѣстенъ мнѣ изъ исторіи, какъ примѣръ наследственности наклонностей и характера. Катонъ отецъ былъ одновременно очень страстнымъ и очень нѣжнымъ человѣкомъ. Стоитъ прочесть въ Плутархѣ о томъ, какъ горячо онъ любилъ своего брата и какъ безмѣрно предавался печали послѣ его смерти. Нужно также обратить вниманіе на его заботливость о друзьяхъ своихъ въ Утикѣ, въ ту минуту когда онъ рѣшился на самоубійство. Стоицизмъ покорилъ себѣ пламенную природу Катона, и онъ предался ему всецѣло, безвозвратно. Предположите тѣ же свойства, безъ противувѣса стоицизма и вы получите объясненіе бурной и безпутной молодости Катона сына. Но твердость отца вспыхиваетъ въ немъ въ день битвы при Филиппахъ. Видя гибель своей партіи, Катонъ храбро бросается въ ряды непріателей и громко называетъ себя, чтобы привлечь на себя удары; онъ

умираетъ также какъ отецъ—онъ не хочетъ пережить гибель своего дѣла.

Г. Люка принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ авторамъ, которые цѣною долгихъ размышленій и усиленнаго труда создаютъ замѣчательный трудъ, которые любятъ его и которыхъ постоянно поддерживаетъ сила одушевляющей ихъ идеи и цѣль, которая призываетъ стремленія ихъ. Г. Люка не нуженъ лестный отзывъ, который я сдѣлалъ о его трудѣ; но я считаю, что для публики вовсе не лишнее указать удачно выбранныя задачи, на серьезные труды и на блестящую проникаемость, съ какою онъ выводитъ законы порядка и системы изъ груды фактовъ, которые считались до настоящаго времени несомвѣстными одни съ другими.

Наслѣдственность играетъ громадную роль въ судьбахъ всего живущаго; это чрезвычайно могучій агентъ въ дѣлѣ видоизмѣненія формъ, свойствъ, здоровья, болѣзней и характеровъ. Достаточно извѣстно уже насколько умѣли воспользоваться этимъ естественнымъ закономъ для цѣлей усовершенствованія породъ домашнихъ животныхъ; при помощи наслѣдственности созданы лошади, быки и овцы съ опредѣленными назначеніями; но такъ какъ человѣкъ самый совершенный организмъ изъ ряда позвоночныхъ, а силы управляющія его существованіемъ тождественны съ тѣми, на которыхъ зиждется жизнь животныхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдственности должно быть отведено почетное мѣсто въ каждомъ благоразумномъ проэктѣ, касающемся улучшенія народной гигиены. Современные европейскіе общества, эти лучшія представители человѣчества, прилагаютъ всѣ свои усилія на борьбу противъ учреждений, которыя изъ прогрессивныхъ и охранительныхъ, какими они были въ свое время, превратились теперь, отживъ свой вѣкъ въ ретроградныя и стѣснительныя. Никогда борьба не будетъ окончена, пока все что есть паразитнаго въ обществѣ и что служитъ причиною нарушенія порядка его не исчезнетъ; тогда всѣ усилія ума человѣческаго обратятся на разработку вопроса о наилучшемъ употребленіи общественныхъ и социальныхъ силъ; тогда біологія, со всѣми происходящими изъ нея науками и приемами придетъ на помощь дѣлу преобразованія тѣхъ условій относительно грубыхъ, среди которыхъ въ настоящее время проходитъ, наша жизнь.

Гораций, согласно съ убѣжденіемъ всего человѣчества древняго

міра, сказалъ: «Наши отцы были хуже своихъ отцовъ; мы хуже нашихъ отцовъ, а дѣти наши будутъ еще хуже насъ». Обратное изреченіе истиннѣе: цивилизація, посредствомъ наслѣдственности развиваетъ именно тѣ способности, которыми человѣчество отличается отъ прочихъ животныхъ и подчиняетъ имъ не уничтожая, что впрочемъ невозможно да и немислимо, наиболѣе животныя стороны, которыя иногда пробуждаются съ страшной силой по закону атавизма. Утверждать, что природа человѣка все болѣе и болѣе искажается такъ же бессмысленно какъ утверждать, что поколѣнія передаютъ другъ другу землю все въ болѣе и болѣе опустошенномъ, необработанномъ и одичаломъ видѣ. Вѣрованія того же рода, какъ и это убѣжденіе, отодвигали въ глубь вѣковъ до первобытныхъ эпохъ эдемъ и золотой вѣкъ. Въ дѣйствительности же, обработанныя поля, расчищенные лѣса, рѣки сдержанныя въ своихъ берегахъ, осушенные болота и устья, мосты, дороги, зданія, города, какъ ни изумительны трудъ и изобрѣтательность, создавшіе ихъ, далеко не составляютъ лучшую часть наслѣдства, которое оставили намъ предшествовавшія намъ поколѣнія. Первое мѣсто между сокровищами, оставленными намъ нашими предшественниками и главнымъ поводомъ почтительной благодарности нашей къ предкамъ — есть улучшение нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

(И что же какіе странные случаи бываютъ на свѣтѣ! Гипократъ вошелъ въ ту минуту, когда тотъ, кому всё отказывали въ здоровомъ смыслѣ, работалъ надъ изысканіемъ въ сердцѣ, или въ головѣ помѣщается умъ. Подъ густою тѣнью, близъ ручейка изслѣдовалъ онъ лабиринты мозга. Въ ногахъ его лежало множество томовъ и, углубленный по привычкѣ въ свои занятія, онъ не вдругъ замѣтилъ своего друга).

Съ того времени, когда древніе физиологи Греціи пытались рѣшить при какихъ условіяхъ проявляется умственная жизнь, и до нашего времени, лабиринты мозга, выражаясь словами Лафонтена, остаются по прежнему предметомъ прилежныхъ изслѣдованій и неутомимаго труда. Было время, когда даже такой замѣчательной анатомъ, какъ Аристотель, имѣлъ весьма смутныя представленія о свойствѣ мозга, который въ глазахъ его игралъ ту же неопредѣленную роль въ экономіи животнаго организма, какую новѣйшіе анатомы приписываютъ надпочечнымъ капсуламъ. Современное изученіе путемъ самыхъ точныхъ наблюденій пришло къ заключенію, что всё существенныя отличія человѣка, способность мыслить и чувствовать, находятся въ тѣсной связи съ мозгомъ. А *cerebro tota humanites pendet*, говоритъ Фонъ-Свименъ и слова его подтверждаются ближайшимъ изученіемъ нервной системы. Такъ велико разстояніе отдѣляющее первые опыты анатоміи, отъ результатовъ, до которыхъ достигла наука въ наше время; книга г. Лере относится къ этому предмету, который кажется все болѣе и болѣе великимъ чѣмъ болѣе изучаютъ его.

«Существуетъ, говорилъ авторъ въ своемъ предисловіи, связь между нервной системой и мыслительной способностью—связь несомнѣнная, но свойства и условія которой почти совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что безъ нервной системы нѣтъ проявленій ума, и потому приписываютъ различію въ формахъ, объемѣ и тканяхъ частей составляющихъ эту систему, всё различіе въ степени, обширности и разнообразіи явленій въ сферѣ инстинкта, ума и нравственности. Впрочемъ относительно послѣднаго рода явленій до сихъ поръ еще почти не опредѣлено окончательно, потому что неизвѣстно какія органическія условія необходимы для проявленія тѣхъ или другихъ психическихъ феноменовъ. Первый, можно сказать, единственной способъ подготовить разрѣшеніе этой важ-

НЕРВНАЯ СИСТЕМА ¹⁾.

Лафонтенъ въ одной изъ своихъ правоучительныхъ басенъ, замѣствованной изъ старой апокрифической легенды, рассказываетъ какъ Гипократъ, навѣстивъ однажды Демокрита, считавшагося сумасшедшимъ, засталъ философа Абдери за глубокимъ изученіемъ умственной силы животныхъ.

Et voyez, je vous prie,
Quelle rencontre dans la vie
Le sort cause! Hippocrate arriva dans le temps
Que celui qu'on disait n'avoir raison, ni sens
Cherchait dans l'homme et dans la bête,
Quel siége a la raison, soit le coeur, soit la tête.
Sous un ombrage epais, assis prés d'un ruisseau,
Les labyrinthes d'un cerveau
L'occupaient. Il avait à ses pieds maint volume
Et ne vit presque pas son ami s'avancer
Attaché selon sa coutume.....

*) Сравнительная анатомія нервной системы въ связи съ умственными способностями. Лере врача больницы Бисетръ, съ приложеніемъ атласа съ 33 рисунками *in folio*, исполненными съ натуры А. М. Шазаль, томъ 1-ый. Второй томъ появился только въ 1857 году, но авторъ его уже не Лере, умершій въ то время, а Грасіоле.

ной задачи — сравнивать въ каждомъ семействѣ и даже въ каждомъ индивидуумѣ, составляющемъ животную серію, состояніе нервной системы съ его умственными способностями, чтобы придти наконецъ къ заключенію, совпадаетъ ли извѣстная организація съ извѣстными умственными способностями, или наоборотъ одинъ и тотъ же уровень умственной силы встрѣчается при разныхъ организаціяхъ».

Изъ этого понятно какого плана держится Лере: онъ прежде всего собираетъ факты, одни анатомическіе путемъ изслѣдованія нервной системы; другіе психическіе, почерпнутые изъ изученія наклонностей, привычекъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей; потомъ сближаетъ собранная свѣдѣнія и старается опредѣлить существуетъ ли между ними отношенія и связь. Онъ сначала изслѣдуетъ животныхъ до человѣка исключительно и даетъ отчетъ диссекцій, микроскопическихъ наблюденій, которыя невозможно передать въ короткой статьѣ; но я могу, по крайней мѣрѣ, дать большой очеркъ общаго вопроса т. е. вопроса объ отношеніяхъ между умственными и нравственными свойствами и нервной системой.

Проявленія ума—я употребляю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, потому что я разумѣю подъ словомъ умъ и то что называютъ инстинктомъ—находится ли въ связи съ какимъ нибудь особеннымъ веществомъ въ организмѣ, или со всѣми составными частями организма? Разумѣется, трудно путеть однихъ разсужденія придти къ какому нибудь выводу; но опытъ и факты разрѣшаютъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ умственныхъ способностей, какъ бы велика или мала ни была степень ихъ, которыя не находились бы въ непремѣнной связи съ особеннымъ веществомъ, называемымъ нервнымъ; какъ только начинаютъ проявляться умственныя способности, мы тотчасъ же видимъ что рядомъ съ ними появляется цѣлая органическая система, которая служитъ ему постояннымъ орудіемъ. Ни одинъ зачатокъ ума не можетъ существовать безъ нервного узла, или мозга, который служитъ центромъ ощущеній, безъ нервныхъ нитей, которыя приводятъ этотъ центръ въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Животное, собственно говоря, только этими центрами и нитями и становится животнымъ. По мѣрѣ того, какъ нервная система упрощается и все болѣе и болѣе смѣшивается съ прочими органами, и отличительныя черты животнаго, съ своей

стороны, все болѣе и болѣе изглаживаются и мы доходимъ наконецъ до тѣхъ сомнительныхъ организмовъ, которые стоятъ на границѣ царства животнаго и растительнаго и служатъ переходной ступенью между тѣмъ и другимъ царствомъ. У растительныхъ организмовъ нѣтъ и слѣда нервной системы и дѣятельность ихъ заключается единственно въ питаніи и воспроизведеніи. Наконецъ пропадаютъ и послѣдніе признаки какой либо организаціи и мы доходимъ до субстанцій такого рода, которыхъ мы не знаемъ къ какому разряду отнести, къ растительному или минеральному. Изслѣдованія приводятъ насъ къ этому результату, который недопускаетъ исключеній и становится закономъ: что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы узнаемъ жизнь, нѣтъ умственной и нравственной силы безъ нервной системы.

Я сейчасъ сказалъ, что естественныя явленія доступны только наблюденію, а не догадкамъ, и умъ человѣческой не могъ бы найти а priori дѣйствительную связь между проявленіемъ умственныхъ способностей и опредѣленнымъ веществомъ. Слѣдовательно положеніе это вѣрно и не подлежитъ измѣненію; но тѣмъ не менѣе оно наводитъ на слѣдующее размышленіе, которымъ патологія не должна пренебречь. Дѣло въ томъ, что когда мы перестанемъ разсматривать нервное вещество какъ нѣчто цѣлое, существующее само по себѣ, мы увидимъ, что оно въ свою очередь составлено изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ весь земной шаръ. Слѣдовательно, умственная сила обусловливается не какимъ нибудь особеннымъ веществомъ, но особенной комбинаціей данныхъ веществъ. Нервная система, какъ и всѣ другія ткани органическихъ тѣлъ, состоитъ изъ кислорода, водорода, азота и углерода; логическая непослѣдовательность мысли не опирающейся на опытъ, которая признавала отношенія между проявленіемъ умственной силы и тѣмъ или другимъ веществомъ, не повторяется въ природѣ, которая не избрала никакого особеннаго вещества. Другими словами умъ человѣческой не имѣетъ основанія предполагать, что умственная сила связана преимущественно съ камнемъ, нежели съ металломъ, исключительно обусловливается кислородомъ, а не водородомъ, такъ какъ въ дѣйствительности природа связала ее съ четырьмя элементами: кислородомъ, водородомъ, азотомъ и углеродомъ, которые, путемъ особенныхъ соединеній и организаціи, сдѣлались орудіями ума.

Дѣло рѣшенное, что умственная сила проявляется исключительно посредствомъ нервнаго аппарата, человѣкъ — существо по преимуществу одаренное умомъ, можетъ владѣть этимъ даромъ до той поры, пока этотъ аппаратъ находится въ здоровомъ нормальномъ состояніи и тѣ человѣческіе индивидуумы, въ нервной системѣ которыхъ, еще въ утробѣ матери произошло какое нибудь аномальное явленіе, съ рожденія лишены умственныхъ способностей, составляющихъ принадлежность человѣческаго рода. Но дѣйствительно ли существуетъ такая страшная связь между тѣмъ и другимъ? Правда ли, что вездѣ, гдѣ есть нервное вещество есть и умъ, въ какой бы то ни было степени совершенства. Другимъ словами животное выше ли чѣмъ нибудь автомата. Многіе держались послѣдняго мнѣнія; въ томъ числѣ и Декартъ. Не въ обиду будь сказано знаменитому философу, сбившемуся съ прямого пути, вслѣдствіе постоянного желанія систематизировать, стоитъ только пораспросить охотниковъ, пастуховъ, словомъ всѣхъ тѣхъ, кто находился въ ежедневныхъ общеніяхъ съ животными, чтобы убѣдиться что послѣдніе одарены умственными способностями и далеко не походятъ на машину. Споръ по этому предмету, полтора столѣтія тому назадъ, занималъ великаго поэта, строки котораго мы привели въ началѣ статьи, поэта, который любилъ затрогивать самыя трудныя вопросы. Лафонтенъ описываетъ взглядъ картезіанцевъ на животныхъ:

Que la bête est une machine;
 Qu'en elle tout se fait sans choix et par ressorts:
 Nul sentiment, point d'âme: en elle tout est corps.
 Telle est la montre qui chemine
 A pas toujours égal, avengle et sans dessein.
 Ouvrez là, lisez dans son sein:
 Mainte roue y tient lieu de tout l'esprit du monde;
 La première y meut la seconde;
 Une troisième suit; elle sonne à la fin.

(Что животное есть машина; что все въ немъ совершается безсознательно и механически: нѣтъ въ немъ ни чувства, ни души, а только одно тѣло. Подобно часамъ идущимъ впередъ равнымъ шагомъ, слѣпо и безцѣльно. Откройте часы, загляните что въ нихъ происходитъ: колеса замѣняютъ въ нихъ умъ; одно колесо при-

водить въ движеніе другое; второе точно также дѣйствуетъ на третье — идетъ минута за минутой и часы пробили).

На такое воззрѣніе Лафонтенъ отвѣчаетъ слѣдующими стихами:

...Quand aux bois
 Le bruit des cors, celui des voix
 N'a donné nul relâche à la fuyante proie
 Qu'en vain elle a mis ses efforts
 A confondre et brouiller la voie,
 L'animal chargé d'ans, vieux cerf, et de dix cors,
 En suppose un plus jeune, et l'oblige, par force
 A présenter aux chiens une nouvelle amorce.
 Que de raisonnemens pour conserver ses jours;
 Le retour sur ses pas, les malices, les tours,
 Et le change, et cent stratagemes
 Dignes des plus grands chefs, dignes de meilleur sort!

(Когда звуки трубъ и голосовъ не даютъ отдыха преслѣдуемой жертвѣ, когда истощивъ свои усилія сбить охотниковъ съ своихъ слѣдовъ, старый олень, съ десятью рогами, силой заставляетъ молодого товарища сдѣлать изъ себя новую приманку для преслѣдующихъ его собакъ. Какая предусмотрительность для спасенія своей жизни; то онъ возвращается на прежнее мѣсто, лукавитъ и пускаетъ въ ходъ тысячу военныхъ хитростей, достойныхъ великихъ полководцевъ, достойныхъ лучшей участи.

Немного дальше, упомянувъ о трудолюбіи бобровъ, онъ прибавляетъ:

Que ces castors ne soient qu'un corps vide d'esprit,
 Jamais on ne pourra m'obliger à le croire

(Никто меня не увѣритъ, чтобы бобры были только бездушнымъ тѣломъ, лишеннымъ ума).

Наконецъ, онъ резюмируетъ свои воззрѣнія на этотъ предметъ въ слѣдующихъ стихахъ, характеризующихъ умъ животныхъ:

Pour moi, se j'en etais le maitre.
 Je leur en donnerais aussi bien qu'aux enfants.
 Ceux-ci pensent-ils pas dès leurs plus jeunes ans?

Quelqu'un peut douter, ne se pouvant connaître
 Par un exemple tout égal,
 J'attribuerais à l'animal,
 Non point une raison selon notre manière,
 Mais beaucoup plus aussi qu'un aveugle resort.

(Если бы отъ меня зависѣло, я не поставилъ бы умъ животныхъ ниже ума дѣтей. Дѣти съ первыхъ лѣтъ жизни уже мыслятъ. Слѣдовательно можно мыслить, не сознавая самого себя. Въ силу этого примѣра я, не приписывая животнымъ ума человѣческаго, — ставлю ихъ гораздо выше нѣмой машины).

Связать различные факты изъ наблюдений надъ умственными способностями животныхъ, разработывать далѣе этотъ вопросъ путемъ опытовъ — составляло задачу уже многихъ труженниковъ, и не смотря на то по сію пору, вопросъ остается вопросомъ. Лере заимствовалъ изъ записокъ Дюро де-ла-Малль, о развитіи умственныхъ способностей дикихъ и домашнихъ животныхъ, два факта, которые я въ свою очередь намѣренъ заимствовать у него, потому что факты эти даютъ мнѣ возможность сличить ихъ съ подобнаго же рода рассказомъ, весьма древняго происхожденія.

Первый фактъ, занесенный Дюро де-ла-Малль, въ его записки, произошелъ на глазахъ Араго: «Г. Араго, застигнутый грозой, вынужденъ былъ остановиться въ четырехъ лье отъ Монпелье, въ весьма плохой гостинницѣ, гдѣ ничего не нашлось для его обѣда, кромѣ одного цыпленка. Араго приказалъ его изжарить. Цыпленка стали жарить на вертелѣ, который приводился въ движеніе посредствомъ собакъ; одна изъ этихъ собакъ находилась въ ту минуту въ кухнѣ; трактирщикъ хотѣлъ заставить ее вертѣть вертелъ, но собака не давалась, скалила зубы и упорно сопротивлялась приказаніямъ хозяина.

«Удивленный Араго спросилъ о причинѣ сопротивленія: ему отвѣчали, что собака не слушается, потому что очередь не ея, а другой собаки. Араго попросилъ сыскать другую собаку; послѣдняя по первому знаку повара встала къ вертелу и провертѣла его въ продолженіи 10 минутъ. Араго, чтобы окончательно убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, велѣлъ остановить вертелъ уволить отъ работы собаку и поставить вмѣсто нея первую, проявившую такое

страшное упорство, собаку. Приказаніе было исполнено и что же? животное само встало на свое мѣсто и принялось вертѣть вертелъ, вѣроятно сознавая, что наступило его очередь трудиться».

Дюро де-ла-Малль приводитъ другой фактъ: четыре большіе черные щенка вертѣли вертелы въ коллегіи ла-Флешъ, находившейся въ то время подъ управленіемъ иезуитовъ. Эти собаки знали отлично каждая свою очередь и постоянно возмущались, какъ противъ вопіющей несправедливости, когда ихъ принуждали не въ очередь отбывать урочную работу, которую должна была отбыть другая.

Подобный же фактъ, относящійся къ другому животному, сообщаетъ Кенезія де-Книдъ. У Плутарха въ его сочиненіи о ловкости животныхъ мы читаемъ слѣдующее: «Удивительно до какой степени животныя усваиваютъ понятіе о числахъ и даже умѣютъ считать. Я хочу рассказать о коровахъ изъ окрестностей Сузы. Ихъ заставляютъ притягивать ведры воды для поливки царскаго сада. Каждую корову заставляли притягивать сто ведеръ воды. Не было никакой возможности принудить ихъ тянуть ведра сверхъ означеннаго числа. Часто въ видѣ опыта пытались принуждать ихъ къ этому. Какъ только корова дотягивала свои сто ведеръ, она тотчасъ начинала прятаться и бѣгать отъ людей. Изъ этого факта можно судить до какой точности сохраняется у животныхъ представленіе и память о числѣ и количествѣ». Есть факты, которые, если не проливаютъ новый свѣтъ на дѣло, то во всякомъ случаѣ, могутъ передать его. Много другихъ наблюдений въ томъ же родѣ дошло до насъ изъ древности о фактѣ сообщенномъ Ктезіемъ; все они подтверждаютъ рассказы Араго и Дюро де-ла-Малль. Прибавимъ, что объ умѣ воловъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ воламъ, которые живутъ между нами, такъ какъ мы не принимаемъ на себя никакого труда развивать ихъ; но готтентоты, которые отличаются своимъ уходомъ за быками, такъ искусно дрессируютъ ихъ, что они замѣняютъ имъ пастуховъ, водятъ стада и защищаютъ ихъ какъ отъ дикихъ звѣрей, такъ и отъ постороннихъ людей.

Сравнительная психологія учитъ, что животныя и, тѣмъ болѣе, животныя хорошо воспитанныя проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ большой умъ. Степени этихъ способностей соотвѣтствуетъ рядъ различныхъ организацій. Сравнительная анатомія учитъ, что у позво-

ночныхъ животныхъ есть головной и спинной мозгъ, и узлы различнаго строенія у безпозвоночныхъ животныхъ; исключая животныхъ, стоящихъ на низшей ступени и схожихъ съ растеніями, у тѣхъ не могли найти слѣда никакого нервнаго вещества.

Это, если можно такъ выразиться, составляетъ другую сторону психологін: съ одной стороны способности и проявленія ихъ на дѣлѣ; съ другой—органы для упражненія этихъ способностей и для выполненія дѣйствій. Чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе по мѣрѣ развитія, начиная отъ низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ, становится умственная дѣятельность, тѣмъ неизбѣжно организація нервныхъ аппаратовъ становится все сложнѣе и сложнѣе.

Бросьте только взглядъ на прекрасные рисунки, приложенные къ труду Лере и вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Мозгъ рыбы—небольшая масса, лежащая впереди всѣхъ другихъ частей черепной полости; у пресмыкающихся онъ уже продолжается нѣсколько болѣе назадъ и покрываетъ переднюю часть зрительныхъ бугровъ; у птицъ онъ иногда совершенно покрываетъ зрительные бугры; у млекопитающихъ мы встрѣчаемъ еще болѣе сильное развитіе и распространеніе назадъ долей большого мозга. Зрительные бугры почти всегда совершенно покрыты ими, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мозжечокъ. Анатомическое строеніе организма рыбъ отстоитъ всего далѣе отъ млекопитающихъ; и если съ другой стороны вы припомните, что область способностей и дѣйствій рыбъ несравненно тѣснѣе той, которая составляетъ удѣлъ млекопитающихъ, вы признаете въ нихъ низшую ступень анатомическаго строенія, обуславливающаго низшую ступень психической жизни.

Сдѣлайте шагъ впередъ, возьмите атласъ и разглядите нервную систему безпозвоночныхъ животныхъ, отличающихся наибольшей ограниченностью способностей. У нихъ не найдете вы позвоночнаго столба съ мозговымъ веществомъ, но нѣсколько разбросанныхъ нервныхъ узловъ, и если вы сравните съ этой несовершенной организаціей бѣдную психическую жизнь безпозвоночныхъ, то вы убѣдитесь, что строеніе это можетъ быть только строеніемъ низшихъ животныхъ. Признано, что ни одно изъ позвоночныхъ животныхъ не стоитъ такъ низко по умственнымъ способностямъ, какъ послѣднее изъ безпозвоночныхъ; и ни одно изъ безпозвоночныхъ животныхъ не подни-

мается на ту ступень психической жизни, на которой стоятъ позвоночныя.

Между тѣмъ было бы весьма опрочетливо вывести изъ этого заключеніе такого рода, что позвоночныя и безпозвоночныя животныя составляютъ двѣ серіи явленій, которыя непосредственно слѣдуютъ одна за другой, т. е., что самое совершенное изъ безпозвоночныхъ ниже послѣдняго изъ позвоночныхъ. Есть факты совершенно уничтожающіе такой выводъ: муравьи и пчелы—животныя безпозвоночныя, обладающія единственно системой нервныхъ узловъ—однако они проявляютъ большое соображеніе и по своимъ дѣйствіямъ далеко превосходятъ нѣкоторыхъ животныхъ, одаренныхъ мозгомъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять два разряда животныхъ: позвоночныхъ и безпозвоночныхъ съ одними нервными узлами. До нѣкоторой степени разряды эти параллельны другъ другу, но только до нѣкоторой степени, потому что животныя безпозвоночныя никогда не проявляютъ тѣхъ умственныхъ способностей, какими одарены высшія позвоночныя; и когда, выражаясь языкомъ Платона, судьба призвала на свѣтъ высшія существа, безпозвоночныя уступили имъ первенство, потому ли, что сами не способны были къ дальнѣйшему развитію, или, что быть можетъ сводится къ одному и тому же, потому что система нервныхъ узловъ не совмѣстима съ формаціей и питаніемъ костей.

Итакъ, резюмируя въ нѣсколькихъ словахъ окончательный результатъ продолжительныхъ трудовъ и наблюденій Лёре, мы скажемъ: что животныя, какъ по своимъ способностямъ, такъ и по строенію, непосредственно связаны одни съ другими. Прибавимъ къ этому, что орудіемъ способностей вездѣ является нервное вещество, анализъ котораго указываетъ, что оно состоитъ изъ соединенія элементовъ, входящихъ также въ составъ воды, земли и воздуха. И на этотъ случай мы приводимъ слова поэта-философа, котораго мы уже не разъ цитировали.

Je me suis souvent dit, voyant de quelle sorte
L'homme agit, et qu'il se comporte
En mille occasions, comme les animaux:
Le roi de ces gens-là n'a pas moins de défauts
Que ses sujets; et la Nature

A mis dant chaque créature
 Quelque grain d'une masse où puisent les esprits:
 J'entends les esprits-corps et pétris de matière.

Часто, наблюдая за дѣйствіями людей мнѣ приходило въ голову, что они поступаютъ, какъ животныя. И въ немъ, владыкѣ животныихъ, не менѣе кроется недостатокъ. Природа вложила въ каждое существо крупицы изъ этой массы, изъ которой черпаютъ всѣ умы; то-есть умы облеченные въ тѣло, созданное изъ матеріи.

Конечно, если бы была извѣстна раньше аналогія мозговой организаци, никому и въ голову не пришло бы отвергать сродство духовной стороны человѣка и животныихъ. Въ древности существовало еще заблужденіе другого рода: нѣкоторымъ животнымъ приписывали высокій умъ, болѣе проникающій и прозрѣвающій въ будущее, чѣмъ умъ человѣка, словомъ то, что, по словамъ Виргилія, давало бы имъ *genum prudentia major*. Существа низшей организаци не могутъ обладать высшими способностями; сравнительная анатомія сразу убила бы такой нелѣпый взглядъ, даже въ томъ случаѣ, если бы путемъ наблюденій не удалось придти къ тому заключенію, что хотя внѣшнія чувства и извѣстныя способности болѣе развиты у нѣкоторыхъ животныихъ, чѣмъ у человѣка, но за умомъ человѣческимъ всегда остается первенство. Древній міръ не обладалъ еще тою массою познаній и наблюденій, которая составляетъ богатство современныхъ ученыхъ, а всегда, чѣмъ менѣе извѣстны дѣйствительныя чудеса природы, тѣмъ болѣе чудесъ измышляетъ умъ человѣческій; но эти мишурныя декораціи падаютъ, когда поднимается завѣса на эти жалкія, скрывающія истину заблужденія и истина появляется во всемъ своемъ свѣтѣ.

Наука о животныихъ, въ томъ числѣ и о человѣкѣ, по ихъ существу и способностямъ, кромѣ спеціального интереса, который она возбуждаетъ, получить впоследствии огромное социальное значеніе. Она займетъ не малую роль въ политикѣ, когда политика будетъ управляться тѣми же началами, которыя составляютъ силу и прочность другихъ наукъ; она будетъ для нея источникомъ тѣхъ данныхъ, отсутствіе которыхъ и теперь даетъ себя чувствовать; мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы всякій физиологъ былъ непременно государственнымъ человѣкомъ, но придетъ время, когда государствен-

ные люди должны будутъ основательно изучать существенныя условія человѣческой природы, такъ какъ всякое стремленіе хорошо управлять обществомъ, безъ точнаго знакомства съ упомянутыми условіями — бесплодная попытка придти къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, попытка, разбивающаяся предъ непобѣдимыми препятствіями, представляемыми самою жизнью.

Сверхъ того постоянныя наблюденія и изученіе психической стороны животныихъ и человѣка имѣютъ весьма благотворное вліяніе на мысли и чувства человѣка. Нельзя проникать мыслью въ эту область, не обращаясь невольно къ самому себѣ, не сознавая какъ тщетны и несостоятельны стремленія идущія дальше законныхъ границъ умственныхъ силъ. Какъ ни могущественъ и ни обширенъ умъ человѣческій, не слѣдуетъ забывать что онъ существуетъ при извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя необходимо узнать. Онъ связанъ близкимъ родствомъ съ умомъ животныихъ, онъ побуждается извѣстными потребностями, которыя составляютъ его существенную часть; онъ зависитъ отъ цѣлости весьма хрупкаго органа плохо защищаемаго костяной оболочкой отъ всѣхъ внѣшнихъ толчковъ, и вовсе не ограждаемаго отъ вліянія внутреннихъ болѣзней; онъ приходитъ въ разстройство отъ нѣсколькихъ капель опиума, алкоголя и т. п. веществъ, которыя имѣютъ опасное сродство съ нервной системой. Къ какому заключенію слѣдуетъ придти, развернувъ передъ глазами эту правдивую картину, когда силою мысли мы поднимемся надъ волненіемъ и работой этой жизни, которая не сознаетъ себя, и которая преслѣдуетъ тщетныя надежды, тревожится тщетнымъ страхомъ и борется за нищету и суету. Все, что заставляетъ насъ войти въ самихъ себя, научаетъ насъ терпимости, добротѣ, человѣчности и что можетъ болѣе способствовать этому углубленію въ самихъ себя, какъ не изученіе естественныхъ условій нашего существованія?

Астрономъ насчитываетъ одну за другой миллионы звѣздъ, которыя на столько отдалены отъ него, что невидимы простому глазу натуралистъ самымъ тщательнымъ образомъ описываетъ органы малѣйшихъ червячковъ, чуть замѣтныхъ въ пыли; физикъ, слѣдя за паденіемъ луча свѣта, разлагаетъ его на всевозможныя отбѣнки химикъ беретъ каплю воды и разлагаетъ ее на два газообразныя вещества; археологъ, разрывая развалины жилищъ народовъ уже не существующихъ, нападаетъ на письма давно нѣмыхъ языковъ,

и воспроизводитъ цѣлыя стертныя страницы исторіи. Каждый изъ названныхъ тружениковъ гордится своимъ трудомъ, находитъ въ немъ удовлетвореніе, если только удастся ему дойти до какихъ нибудь окончательныхъ результатовъ. Какое самоотверженное стремленіе къ истинѣ! Не то же ли самое побужденіе заставляеть натуралиста, поборовъ естественное отвращеніе къ трупу животнаго организма, въ изслѣдованіи его искать отвѣта на любопытные вопросы, касающіеся условій духовной жизни въ животномъ царствѣ.

Кто хочетъ вырвать отъ смерти тайны организма, быстро разлагающагося, говоритъ знаменитый врачъ, тотъ не долженъ бояться запачкать себѣ руки.

«Изученіе высшихъ позвоночныхъ, продолжаетъ Лере, указываетъ намъ на то, что маленькимъ нервнымъ узламъ этихъ животныхъ соотвѣтствуютъ столько же ограниченныя умственныя способности, не позволяющія имъ возвыситься надъ матеріальнымъ міромъ. Взбираясь выше по лѣстницѣ животнаго царства, мы вмѣстѣ съ большимъ развитіемъ упомянутыхъ узловъ, встрѣчаемъ большее развитіе инстинктовъ и проявленіе способностей высшаго разряда. Случайное совпаденіе заставляеть ли оба разряда явленій столь различныхъ по своей сущности идти объ руку, или между обоими существуютъ необходимыя отношенія. Небольшая доля нервного вещества—и инстинкты не поднимающіеся надъ потребностями питанія и воспроизведенія; нѣсколько большая доля его — и къ тѣмъ же инстинктамъ присоединяется хитрость и жестокость; еще большая—и является стремленіе къ общественной, сильныя страсти, умъ, нравственныя качества. Непонятный союзъ, вѣчная загадка, которую каждое поколѣніе стремится разрѣшить, которую, несмотря на всѣ усилія, передаетъ послѣдующему поколѣнію, такъ же неразгаданною, какъ и получило ее. Непонятный союзъ для человѣческаго ума, который никогда не представилъ бы его себѣ, еслибы ему не пришлось сознать его. Вѣчная загадка, которая какъ и все безконечное притягиваетъ къ себѣ созерцаніе мысли и которая по словамъ италіанскаго поэта:

E'l naufragar in questo mar m'e dolce:

(Любить подвергаться крушеніямъ на этомъ обширномъ морѣ.)

АНАТОМІЯ*).

Библиографіи не часто приходится сообщать о выходѣ въ свѣтъ сочиненій столь интересныхъ, полезныхъ и заслуживающихъ успѣха, какъ «Полный трактатъ анатоміи человѣка». Авторы этого сочиненія гг. Буржери и Жакобъ, одинъ анатомъ, другой художникъ, рѣшили соединить въ одномъ изданіи описаніе и изображеніе всего что входитъ въ кругъ анатоміи человѣческаго тѣла. Планъ задуманный ими обширенъ и требуетъ, какъ всѣ великія произведенія, терпѣнія не отступающаго передъ медлительностью работы, усердія не охладѣвающаго съ теченіемъ времени, ясности зрѣнія, не теряющей среди множества подробностей и развитаго ума, умѣющаго обхватить предметъ въ цѣломъ. Взгляните, дѣйствительно, какою задачей задались авторы: въ первой части они даютъ подробную описательную анатомію съ примѣненіями ея къ исторіи органическихъ отравленій и болѣзней. Во второй, они разсматриваютъ хирургическую анатомію, т. е. съ одной стороны анатомическое расположеніе, съ другой расположеніе устанавливающее между ними связь; они описываютъ различныя части тѣла и операціи производимыя надъ ними хирургами. Третья и послѣдняя часть обнимаетъ общую анатомію или исторію тканей, безъ отно-

*) *Traité complet de l'anatomie de l'homme comprenant la medecine opératoire, par le docteur Bourgerly; avec planches lithographiées d'après nature par N. H. Jacob.*

шенія къ органамъ, и анатомію философическую или трансцендентальную, съ которой соединяется изслѣдованіе законовъ образованія, разсматриваніе различныхъ человѣческихъ расъ и сравненіе организаціи человѣка съ организаціей позвоночныхъ животныхъ. Задача эта обширна, и сочиненіе это послужитъ руководствомъ при изученіи анатоміи и въ мелкихъ подробностяхъ и въ цѣломъ; какъ докторъ такъ и хирургъ найдутъ въ ней необходимыя для себя указанія; анатомъ найдетъ картину современнаго положенія науки; философъ свѣдѣнія необходимыя для человѣка занимающагося вопросами жизни и мысли; и даже свѣтскій человѣкъ почерпнетъ въ ней понятія объ организаціи, рѣдко извѣстныя даже образованнымъ людямъ.

При своемъ возникновеніи анатомія была окружена предрасудками, которые не позволяли бросать святотатственные взгляды на внутренность человѣческаго тѣла и заставляли предавать землѣ тѣла немедленно послѣ смерти. Кромѣ того, требовалась немалая доля мужественной любви къ наукѣ, чтобы побѣдить отвращеніе внушаемое первымъ знакомствомъ съ анатоміей; не безъ сильнаго колебанія рѣшались ученые касаться скальпелемъ останковъ заключенныхъ въ могилахъ, останковъ превращаемыхъ смертію въ нѣчто неизбѣжное, по словамъ Боссюэта, имени ни на одномъ языкѣ.

Религіозныя идеи всего древняго міра противились разсѣченію труповъ. Всѣмъ извѣстно какъ аѳиняне приговорили къ смерти шестерыхъ полководцевъ, одержавшихъ побѣду, за то что они оставили безъ погребенія тѣла солдатъ павшихъ въ битвѣ. Трудно было заниматься анатоміей въ виду подобныхъ убѣжденій народа. Въ средніе вѣка католичество долго преслѣдовало эту науку своимъ осужденіемъ; предрасудокъ этотъ сохранился до нашего времени въ нѣкоторыхъ странахъ.

Въ Англии, напр., дозволялось производить разсѣченія исключительно надъ одними трупами казенныхъ преступниковъ; это порождало множества злоупотребленій: люди извѣстные подъ именемъ «воскресителей» вырывали тѣла съ кладбищъ; такимъ образомъ работы надъ трупами, запрещенныя вслѣдствіе смѣшнаго предрасудка, производились втайнѣ, сопровождаясь разными непріятными и отвратительными случайностями, вызываемыми необходимостью входить въ сдѣлки съ людьми посвятившими себя торговлѣ тѣ-

лами. Только въ недавнее время изданы въ Англии постановленія узаконивающія занятія анатоміей.

Древнѣйшіе анатомы Демокритъ, Гиппократъ, Діоклесь, даже Аристотель никогда не дѣлали разсѣченій человѣческаго тѣла. Анатомія обязана своими первыми успѣхами александрійской школѣ, въ правленіе Птолемеевъ. Александрійскіе врачи Эразистратъ и Гіерофилъ отличились наибольшимъ числомъ открытій. Цельзій рассказываетъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ древней медицины, что этихъ ученыхъ обвиняли въ разсѣченіи живыхъ преступниковъ, предоставляемыхъ въ ихъ распоряженіе царемъ египетскимъ. «Разрѣзаніе внутренностей живаго человѣка, говоритъ онъ, вовсе не входитъ въ область искусства занимающагося спасеніемъ больныхъ; лишь врачъ превратившійся въ разбойника (*latrocinantis medici*) можетъ подобною цѣною покупать возможность заглянуть во внутренность человѣка». Древніе часто обвиняли въ этихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ Гіерофила и Эразистрата; Галіенъ упоминаетъ о нихъ, а Тертуліанъ говоритъ въ своей книгѣ «О душѣ»: «Гіерофилъ, этотъ врачъ, или лучше сказать, этотъ палачъ, зарѣзавшій столько людей, для произведенія изслѣдованій надъ ихъ организаціей, этотъ человѣкъ ставшій врагомъ людей, съ цѣлью ближе ознакомиться съ ними, развѣ онъ получилъ достойные результаты своихъ изслѣдованій, развѣ смерть нанесенная со всею медленностью и изобрѣтательностью искусства разсѣченія не измѣнила всегда живыхъ органовъ?»

Произведенія Гіерофила и Эразистрата погибли; вся древняя александрійская школа со своими амфитеатрами, бібліотеками и учеными, своими царями, жестокими и порочными, но покровителями наукъ и искусствъ, все это исчезло и не даетъ намъ возможности опровергнуть клевету, если дѣйствительно, обвиненіе взводимое на александрійскихъ врачей — клевета. Все зависитъ отъ нравовъ извѣстнаго народа; въ тѣ времена жизнь людей мало цѣнилась; нѣсколько позднѣе сотни гладиаторовъ убивались въ циркахъ для развлечения римскаго народа; а Ведій Палліонъ, другъ Августа кормилъ мурень своими рабами. Что же удивительнаго, если при существованіи подобныхъ нравовъ, Гіерофилъ разсѣкалъ живыхъ преступниковъ приговоренныхъ къ казни.

Впрочемъ вотъ достовѣрный фактъ, случившійся въ позднѣйшее

время и почти неуступающій въ жестокости тому въ чемъ обвиняють Гіерофила.

«Великій герцогъ Тосканскій, рассказываетъ Фаллопъ, въ IV главѣ своей книги «Объ опухоляхъ», приказалъ магистрату Пизы предоставить въ наше распоряженіе человѣка, котораго мы могли убить какъ хотѣли, съ тѣмъ чтобы разсѣчь трупъ его... Я далъ человѣку, предоставленному такимъ образомъ въ мое распоряженіе, два грана опиума; онъ страдалъ четырехдневною лихорадкою, и наступившій припадокъ помѣшалъ дѣйствию яда. Несчастный, радуясь своему спасенію просилъ меня дать ему второй приемъ и, въ случаѣ если онъ останется живъ, выхлопотать ему помилованіе у герцога. Я второй разъ далъ ему два грана опиума, не во время припадка, и онъ умеръ». Фаллопъ былъ христіанинъ и жилъ въ XVI вѣкѣ. Но каковы были господствующіе нравы того времени? Судъ напр. подвергалъ пыткѣ какъ невинныхъ такъ и виновныхъ, жегъ на медленномъ огнѣ, ломалъ члены на колесѣ, изобрѣталъ самыя утонченныя мученія и относился безъ малѣйшаго уваженія къ жизни людей, безъ малѣйшей жалости къ страданіямъ ихъ. Жестокость господствовала всюду, какъ и во времена Гіерофила; судья подвергающій пыткѣ и врачъ убивающій преступника для диссекціи дѣти—одного вѣка и одного общества.

Анатомія сдѣлалась въ послѣднее время гораздо болѣе обширною и важною наукою, чѣмъ обыкновенно воображаютъ. Сначала она была чисто описательною и ограничивалась открытіемъ и изслѣдованіемъ частей составляющихъ тѣло животнаго; потомъ, по мѣрѣ того какъ описанія ея изъ царства животныхъ становились точнѣе, она начала сравнивать между собой различныя организмы. Она изучала послѣдовательность съ какою постепенно образуются органы ребенка и изъ этого изученія извлекла интересныя законы примѣненныя ею къ уродствамъ; эти уроды, пугавшіе въ прежнія времена воображеніе народовъ, эта игра природы, казавшееся случайною неправильностію, подведена подъ одинъ уровень съ фактами объяснимыми и вполне правильными. Наконецъ, анатомія занялась объясненіемъ измѣненій вызываемыхъ въ нашихъ органахъ болѣзнію и постаралась повяты отношеніе между этими измѣненіями и ихъ наружными признаками. Лучи свѣта соединяемые въ одинъ фокусъ помощью стекла даютъ необыкновенно сильный жаръ

и свѣтъ. Точно также и анатомія, направляя къ одному центру разсѣянныя лучи исходящіе изъ многихъ отдѣльныхъ фактовъ, пытается создать общее ученіе и найти нѣкоторые изъ законовъ управляющихъ міромъ животныхъ. Эти-то изслѣдованія и положили начало трансцендентальной анатоміи; результатомъ ихъ явилось доказательство того, что всѣ позвоночныя (не исключая и человѣка) созданы по одному общему плану и что различныя органы лишь измѣняются, приспособляясь къ отправленіямъ животнаго, къ его образу жизни, его пищѣ.

Въ трансцендентальной анатоміи различныя части организма теряютъ свое отдѣльное значеніе и пріобрѣтаютъ значеніе болѣе общее. Плечевая кость перестаетъ быть отдѣльною костью и становится частью тѣла, которой мы даемъ условное названіе и которая играетъ роль руки у человѣка, передней ноги у лошади, крыла у голубя, плавника у кита. Чтобы выяснить какъ измѣнилась точка зрѣнія на различныя части тѣла, всего лучше сравните ихъ съ алгебраическими знаками, представляющими не то или другое число, а вообще количества въ самой отвлеченной формѣ.

Трансцендентальная анатомія есть настоящая алгебра, гдѣ различныя части организма разсматриваются съ новой точки зрѣнія; но подобно тому какъ мы при математическомъ анализѣ, употребляя сначала алгебраическіе знаки исключительно для удобства, подъ конецъ нашли въ нихъ особенныя свойства и новую науку, такъ и трансцендентальная анатомія, разсматривая эти обобщенныя ея элементы, выводитъ изъ нихъ формулы, которыя помогаютъ ей понимать болѣе сложныя отношенія, болѣе высокія истины.

Одинъ изъ величайшихъ анатомовъ древности Галіенъ сказалъ: «Пракситель и Фидій могутъ отдѣлывать мраморъ лишь съ наружной стороны, тамъ куда проникаютъ ихъ руки; но внутренность статуи ихъ остается уродливою и грубою, умъ и искусства ничего въ ней не измѣнили, они не могутъ проникнуть глубже поверхности и отдѣлывать части лежащія подъ нею. Другое дѣло природа; внутри тѣла вѣтъ ни одной части, которую бы она не распредѣлила, не отдѣлала, не закончила съ полнѣйшимъ совершенствомъ (кн. II «О физическихъ качествахъ»). Дѣйствительно, особенности организаціи замѣчаемыя на поверхности тѣла не менѣе ясно видны и внутри его; нечего удивляться, когда анатомъ

восхищается формою кости, развитіемъ мускуль, расположеніемъ артерій. Все это приобретаетъ значеніе и своеобразную красоту для человѣка умѣющаго смотрѣть.

Аристотель, желая подвинуть своихъ современниковъ къ изученію анатоміи, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Чужестранцы пришедшіе посѣтить Гераклита, найдя его въ булочной, гдѣ онъ грѣлся, колебались войти туда. Идите, не стыдитесь, сказалъ имъ философъ, боги присутствуютъ и въ этихъ мѣстахъ. Точно также при изученіи животныхъ необходимо приступать къ каждому изслѣдованію безъ всякаго отвращенія, такъ какъ всюду проявляется природа и красота. Природа творитъ не случайно а съ опредѣленною цѣлью; а цѣль эта, къ которой стремится все созданное, и есть то что мы называемъ красотой».

Такимъ образомъ, по словамъ Аристотеля красота, или говоря точнѣе чтобы не отклоняться отъ предмета, анатомическая красота, есть соотвѣтствіе цѣли, для которой существуетъ органъ. Древній философъ считалъ свое опредѣленіе вполне точнымъ и вѣрнымъ, но это несправедливо. Каждый органъ способенъ не только исполнять ту работу, для которой онъ приспособленъ, ему предназначено и другое болѣе высокое и общее значеніе—приспособленіе къ типу общаго плана. Такимъ образомъ, чтобы поддержать мысль Аристотеля, нужно дополнить нѣсколько его опредѣленіе и сказать: прекраснымъ мы называемъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли, въ то же время полнѣе представляетъ форму типа. И мнѣ кажется, что мы должны принять это опредѣленіе, не потому что на немъ можно основать понятіе о пластической красотѣ, но потому что представленіе цѣлесообразности и общаго плана, ограничивающихъ другъ друга, составляетъ ступень въ пониманіи красоты интеллектуальной, играющей столь важную роль въ нашемъ идеалѣ.

Идеаль, равнымъ образомъ, есть планъ, типъ стоящій обыкновенно нѣсколько выше, нежели соединеніе всѣхъ частныхъ красотъ, когда-либо видѣнныхъ и изображенныхъ человѣкомъ.

Non delicata res est vivere, сказалъ Сенека, говоря о психической работѣ, которую требуетъ отъ насъ нравственная жизнь; это можетъ быть примѣнено съ одинаковою вѣрностью и къ жизни физиологической. Дѣйствительно, ходъ нашихъ отправленій под-

держивается постоянною работою, громадною тратою силъ. Когда здоровый человѣкъ чувствуетъ себя бодрымъ и веселымъ, онъ и не подозреваетъ, если не изучалъ строенія человѣческаго тѣла, какимъ сильнымъ двигателямъ, какому постоянному напряженію обязанъ онъ своею бодростью. Посмотрите, что происходитъ въ немъ во всякую данную минуту жизни. Два обширныхъ потока одинъ артеріальный, другой венозной крови идутъ въ противоположныхъ направленіяхъ и быстро безостановочно проходятъ черезъ всѣ части тѣла. Это движеніе, ни на минуту не прекращающееся, начинается въ моментъ нашего рожденія и кончается только со смертью. Двѣ другія жидкости вливаются въ кровеносный потокъ и приносятъ ему тѣ элементы, изъ которыхъ онъ состоитъ: лимфу, собирающуюся отовсюду и вливающуюся въ венозную кровь черезъ посредство своихъ собственныхъ сосудовъ, и млечный сокъ, жидкость составляющуюся изъ продуктовъ питанія, для образованія которой мы принуждены принимать пищу и которая, пройдя черезъ систему сосудовъ, вливается посредствомъ широкаго канала въ вену сосѣдную съ сердцемъ. Этого мало: венозная кровь, собирающаяся со всѣхъ частей тѣла и принявшая въ себя послѣ каждой ѣды струю млечнаго сока становится совершенно неспособною поддерживать жизнь, такъ что во избѣжаніе немедленной смерти, она непремѣнно должна подвергнуться измѣненію. Она доходитъ до легкихъ и тамъ, соприкасаясь съ атмосфернымъ воздухомъ, поглощаетъ кислородъ. Вслѣдъ за тѣмъ она изъ темнокрасной превращается въ ярко красную и возвращается къ сердцу отсылающему ее обратно для распространенія жизни во всѣхъ органахъ; такимъ образомъ, для поддержанія жизни въ теченіе одной минуты необходимо чтобы сердце билось безостановочно, грудь расширялась и сжималась, кровь приливала къ легкимъ и поглощала кислородъ.

Въ механикѣ существуетъ законъ, по которому сила не можетъ потерять свое дѣйствіе, пока сопротивленіе не уничтожитъ ее; такъ напр. пуля вылетѣвшая изъ пушки вѣчно продолжала бы свое движеніе и никогда не остановилась бы, если бы она могла двигаться въ безвоздушномъ пространствѣ и если бы скорость ея не уменьшалась вслѣдствіе сопротивленія окружающей среды. Жизненное начало, составляющее отличіе животныхъ, такъ же какъ и сила полета ядра, было бы безконечно и никогда не истощилось бы,

если бы ему не приходилось бороться со средой, въ которой оно съ трудомъ удерживается, и если бы борьба эта не истощала его подобно тому, какъ сопротивленіе воздуха истощаетъ силу толчка даннаго пулѣ. Каждому существу отмѣрено лишь опредѣленное количество этой жизненной силы, количество весьма ограниченное, которое дѣйствіе органовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, расходуетъ въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Какъ внезапный толчокъ оказываетъ наиболѣе сильное дѣйствіе тотчасъ послѣ того какъ былъ данъ, такъ и жизнь при началѣ бываетъ особенно дѣятельною. Въ это время она съ наибольшею быстротою усваиваетъ тѣ элементы, которые должны принадлежать ей; она неудержимо стремится впередъ и увлекаетъ съ собою подчиненные ей матеріалы. Отъ едва замѣтнаго зародыша до ребенка рождающагося на свѣтъ, какое значительное увеличеніе объема, во сколько разъ увеличилось микроскопическое тѣльце, чтобы превратиться въ фетуса. Во сколько разъ ростъ его шелъ быстрѣе въ утробѣ матери нежели пойдетъ послѣ рожденія! Въ девять мѣсяцевъ онъ увеличился въ нѣсколько тысячъ разъ; въ 20 лѣтъ онъ увеличится разъ на 20.

Платонъ, который по своимъ счастливымъ выраженіямъ и остроумнымъ мыслямъ можетъ быть названъ величайшимъ прозаикомъ греческой литературы, сравниваетъ человѣческое тѣло «съ рѣкою непрерывно утекающею». Дѣйствительно, съ самого момента своего появленія на свѣтъ и до момента распадения, тѣло постоянно занято работой образованія и разложенія; и подобно тому какъ ложе рѣки представляется намъ постоянно наполненнымъ водою, хотя она течетъ безостановочно, такъ и организмъ сохраняется среди этихъ двухъ быстрыхъ движеній, изъ которыхъ одно восстанавливаетъ его по мѣрѣ того, какъ другое разрушаетъ. Съ одной стороны всѣ выдѣленія безостановочно уносятъ частицы, утратившія способность жить; съ другой пищевареніе и дыханіе приносятъ, одно—питательныя вещества, другое—кислородъ, которые вознаграждаютъ за убыль; равновѣсіе это настолько необходимо, что еслибы матеріалы, ставшіе бесполезными, не уносились выдѣленіями, человѣкъ погибъ бы также неизбѣжно, какъ погибъ бы отъ недостатка пищи или воздуха.

Эта непрестанно производительная дѣятельность жизни на-

водитъ насъ на глубокія мысли. Что можетъ быть удивительнѣе этихъ муравейниковъ существъ всевозможныхъ формъ и объемовъ, этого неумолкаемаго гула поколѣній нарождающихся и вымирающихъ, этого огня называемаго жизнью, блуждающаго по поверхности земнаго шара, то разгораясь, то погасая? Корабль уносимый силою вѣтра движется менѣе быстро нежели улетающіе дни наши; борозда проводимая имъ среди волнъ исчезаетъ менѣе быстро, нежели слѣдъ нашего существованія, поглощаемый безбрежнымъ океаномъ бытія. Но среди этого глухаго движенія, среди этого безпопачнаго вихря нѣтъ ли возможности, такъ сказать, остановиться и отрѣшиться отъ жизни чтобы бросить бѣглый взглядъ на самую жизнь?

По латыни человѣкъ называется homo — слово производное отъ humus—земля. По этому понятію человѣкъ является сыномъ земли, соединеніемъ элементовъ земли, подобно лѣсному дубу; новѣйшая химія доказала справедливость этого воззрѣнія. По нѣмецки человѣкъ называется «Mensch», т. е. существо разумное, такъ какъ слово это вмѣстѣ съ латинскимъ «mens» происходитъ отъ санскритскаго «manas»—разумъ. Эти два простыя представленія двухъ древнихъ народовъ даютъ намъ полную идею о человѣчествѣ: земля и духъ. Упомянувъ о древнихъ языкахъ, бросимъ взглядъ и на древность рода человѣческаго. Говорятъ, что настоящее служить предвѣстіемъ будущаго; можно съ такимъ же точно правомъ сказать, что оно до нѣкоторой степени помогаетъ намъ понимать прошедшее. Слѣды существовавшаго не на столько изглажены теченіемъ времени и древностью міра, чтобы невозможно было открыть смутный отпечатокъ ихъ. Извѣстно, что дикарямъ американскихъ лѣсовъ достаточно малѣйшаго признака чтобы, выслѣдить врага на пространствѣ сотенъ верстъ; точно также и наука, помощью терпѣнья и проницательности, можетъ черезъ пространство вѣковъ прослѣдить и узнать личности и факты, котормъ не суждено никогда больше появляться на свѣтъ.

Новѣйшая анатомія своими изысканіями подновила нѣсколько страницъ исторіи земли, истребляемая временемъ. Неизвѣстныя доселѣ, флоры и фауны вышли изъ подъ верхнихъ слоевъ почвы, впрочемъ не на столько неизвѣстныя, что бы нельзя было классифицировать ихъ и отыскать въ нихъ типъ и законы, управляющіе

существующими формами. Какъ въ историческія времена одни индивиды смѣняють другіхъ, такъ въ болѣе отдаленныя эпохи въ теченіе несравненно болѣе продолжительнаго періода времени, одни виды смѣняли другіе; и приложивъ къ нимъ эту мѣру, мы видимъ, что они то же имѣли свой предѣлъ.

Въ этой исторіи земли, исторія человѣка можетъ быть въ короткихъ словахъ изложена такъ: онъ есть продуктъ одного изъ переломовъ измѣнившихъ на землѣ видъ живыхъ существъ. Происхожденіе человѣка не одновременно съ происхожденіемъ земнаго шара; было время когда его не существовало на землѣ и время это сравнительно не особенно отдаленно, если мы станемъ измѣрять его фазисами пережитыми нашею планетой. Человѣкъ представляется намъ совершеннѣйшимъ изъ животныхъ, такъ какъ его нервная система достигла наибольшей степени развитія; и такъ какъ система эта органъ разума, обуславливаетъ въ свою очередь составъ и форму живыхъ существъ, то оказывается, что формы эти совершеннѣе тамъ, гдѣ она совершеннѣе. Такимъ образомъ, уже по одному строенію своему человѣкъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ животныхъ. Къ этому выводу неизбѣжно приводитъ насъ анатомія.

Эти отрывочныя но реальныя понятія позитивной космогоніи наводятъ насъ на воспоминанія о вымышленныхъ космогоніяхъ древнихъ народовъ. Космогоніи эти представляютъ необыкновенный интересъ для историка, изучающаго попытки человѣческаго ума проникнуть въ тайну начала міра. Мудрецы Этрурии допускали существованіе восьми расъ, отличавшихся другъ отъ друга продолжительностью жизни и нравами, и говорили, что для существованія каждой изъ нихъ, божество опредѣлило извѣстный періодъ, составлявшій одинъ длинный годъ. Греческій мифъ объ Уранѣ или Небѣ изображалъ самопроизвольное зарожденіе различныхъ существъ въ различныя времена: по словамъ этого мифа, земля есть жена Неба и въ молодости они народили многочисленное потомство растеній и животныхъ лишенныхъ зародышей; но когда эта творческая сила исчезла, то Небо кастрировалось и все стало родиться только посредствомъ сѣмянъ и обработки.

Овидій, толкователь греческой философіи, говоритъ, что человѣкъ созданъ по образу божества. Какъ это мнѣніе, такъ и предположе-

ніе, будто все—и земля и солнце, и отдаленнѣйшія звѣзды были созданы для этого слабаго, ничтожнаго существа, служатъ доказательствомъ гордости человѣческаго рода, гордости являющейся плодомъ невѣжества. Рядъ позвоночныхъ животныхъ представляетъ собраніе существъ построенныхъ по одному и тому же плану, снабженныхъ одинаковыми органами, служащихъ выраженіямъ одной идеи. Собраніе позвоночныхъ составляетъ одно цѣлое. Черепъ человѣка и черепъ слона, или лошади созданы по одинаковому образцу; они дѣланы одной силы, вылиты по одной и той же формѣ. Изученіе отношеній между живыми существами приводитъ насъ къ пониманію законовъ дѣйствующихъ неизмѣнно. Общность плана анатомическаго строенія заставляеть насъ предполагать общность въ физиологическомъ устройствѣ и мы видимъ, что въ умственномъ отношеніи человѣкъ занимаетъ самую высокую ступень въ ряду всѣхъ земныхъ существъ.

«Причина испорченности нравовъ, сказалъ Лактанцій, заключается въ незнаніи себя (*hinc pravitalis est causa, ignoratio sui*). Это нравственное правило легко перенести въ область анатоміи и доказать, что анатомія разсѣяла много заблужденій, излечила много болѣзней и значительнымъ образомъ содѣйствовала составленію болѣе вѣрныхъ понятій, послужившихъ къ поднятію нравственнаго уровня, такъ какъ она составляетъ необходимое условіе знанія самаго себя, рекомендуемаго Лактанціемъ. Окружающій насъ міръ устроенъ такъ, что мы видимъ большинство вещей не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; и намъ необходимо безпрестанно, по счастливому выраженію Лафонтена: «Раскрывать истинное скрытое подъ наружною оболочкой». Въ дѣйствительности, нигдѣ истина не была такъ глубоко скрыта подъ оболочкой, какъ въ организаціи живыхъ существъ; черезъ какую массу заблужденій долженъ былъ пройти человѣческій умъ, прежде чѣмъ усвоить себѣ положительныя понятія! Узнать человѣка съ физической и умственной стороны, а это знаніе необходимо какъ для медика, такъ для моралиста и для политика—невозможно безъ предварительнаго знанія анатоміи. Это безъ сомнѣнія, косвенная польза приносимая анатоміей; непосредственную пользу приноситъ она неотразимыми фактами показывая намъ, какое мѣсто долженъ занимать человѣкъ въ общемъ планѣ позвоночныхъ. Открытіе этого плана, сдѣлавшееся однимъ изъ ве-

личайшихъ приобрѣтеній современной науки, занимаетъ въ ученіи о жизни то же мѣсто, какое въ ученіи о космосѣ занимаетъ открытіе факта подчиненности земнаго шара планетнымъ законамъ.

Какъ система сосудовъ представляется намъ резервуаромъ, все въ себя принимающимъ и все разносящимъ, такъ и нервная система занимаетъ мѣсто посредствующей цѣпи между органами чувствъ, сообщающими ей внѣшнія впечатлѣнія и мускульною системой, которой она передаетъ повелѣнія воли. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе вправѣ сдѣлать это сравненіе, что нервная и мускульная система тѣсно связаны другъ съ другомъ и что тамъ, гдѣ развита первая изъ нихъ, мы замѣчаемъ и значительное развитіе второй. Сдѣлаемъ скачекъ по лѣстницѣ организованныхъ существъ и перейдемъ отъ человѣка къ рыбѣ. У человѣка мы видимъ значительную массу головного мозга весьма сложнаго по своему составу и весьма объемистаго сравнительно со спиннымъ мозгомъ; у рыбы, напротивъ, головной мозгъ сравнительно со спиннымъ малъ, лишень множества органовъ находящихся въ человѣческомъ мозгу. Теперь посмотримъ рядомъ съ этимъ совершеннымъ измѣненіемъ нервной системы, какою оказывается у рыбъ сосудистая система? Приобрѣла ли она болѣе полное развитіе, подобно нѣкоторымъ органамъ развитымъ у животныхъ болѣе нежели у человѣка? Ни мало. Въмѣсто четырехъ полостей сердца, двойнаго кровообращенія и громадной массы крови, характеризующихъ человѣка, мы видимъ у рыбы сердце съ двумя полостями, простое кровообращеніе, и весьма небольшое количество кровяной жидкости соотвѣтствующее небольшому объему заключающихъ его сосудовъ. Точно также можно сказать, что чѣмъ выше стоитъ существо въ ряду животныхъ, тѣмъ болѣе жизнь его зависитъ отъ неприкосновенности его сосудистой системы: угорь, у котораго вырвутъ сердце, живетъ долго послѣ того; человѣкъ, сердце котораго получаетъ рану или само собой разрывается, умираетъ внезапно, болѣе внезапно нежели отъ поврежденія мозга.

Изображеніе на рисункахъ развѣтвленій венъ и артерій представляли всегда большое затрудненіе для анатомовъ. Для хирургическихъ операцій необходимо самое точное опредѣленіе взаимныхъ отношеній различныхъ сосудовъ. Если мы представимъ открытымъ весь путь сосудовъ проходящихъ часто подъ мускулами, подъ су-

хожильями, подъ перепонками, отношенія эти останутся для насъ непонятными; если напротивъ мы представимъ части тѣла прикрывающія сосуды, эти послѣднія будутъ изображены не на всемъ своемъ протяженіи; части ихъ прикрытыя сосудами можно будетъ, правда, изобразить пунктиромъ, но тогда нельзя будетъ составить себѣ понятія о томъ, на какой глубинѣ онѣ находятся, а это понятіе необходимо. Г. Буржери и Жакобъ вышли изъ этого затрудненія и достигли цѣли остроумнымъ способомъ, которое они описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Единственное средство состоитъ въ томъ, чтобы изобразивъ мускулы и органы въ томъ положеніи, какое они занимаютъ прорѣзать или разсѣчь ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сквозь нихъ проходятъ сосуды. Этотъ способъ соединяетъ всѣ преимущества: 1) онъ даетъ возможность показывать всѣ сколько нибудь значительные сосуды; 2) онъ показываетъ ихъ настоящее мѣсто съ обозначеніемъ сравнительной глубины различныхъ точекъ ихъ пути; 3) онъ даетъ возможность однимъ взглядомъ обозрѣть всѣ главныя развѣтвленія сосудовъ каждаго члена, каждой части тѣла и, такимъ образомъ, указываетъ хирургу на тѣ средства, которыя онъ можетъ употребить для возстановленія кровообращенія въ данномъ случаѣ; 4) онъ не измѣняетъ общей формы и сохраняетъ всѣ отношенія частныхъ.

Предположимъ, что какой нибудь древній анатомъ сталъ бы вмѣстѣ съ нами разсматривать атласъ гг. Буржери и Жакоба, предположимъ что Праксагоръ этотъ древній Асклепадъ Косской школы, первый примѣнившій выслушиванье пульса къ изученію болѣзней, сталъ бы перевертывать вмѣстѣ съ нами листы этой книги и внимательнымъ, удивленнымъ взоромъ разсматривать изображенные на нихъ знакомые и незнакомые предметы; знаменитый учитель Пьерофила, современникъ Аристотеля, привыкшій къ правильному стилю и строгости рисунка греческихъ художниковъ, похвалилъ бы рисунки г. Жакоба и, если бы онъ не удивился тому, что къ книгѣ естественной исторіи приложена книга рисунковъ,—ему уже приходилось видѣть это въ свое время,—то онъ безъ сомнѣнія удивился той легкости, съ какою новѣйшее искусство перепечатываетъ во множествѣ экземпляровъ одни и тѣ же изображенія. Но вскорѣ, забывая правильность и изящество рисунковъ и обращая вниманіе на самую

суть интересующих его фактовъ, онъ постарался бы разсмотрѣть, всѣ эти вены, артеріи и лимфатическіе сосуды. Одного взгляда достаточно будетъ, чтобы убѣдить его въ его сравнительномъ невѣжествѣ. Ему придется во-первыхъ согласиться, что артеріи содержатъ кровь, хотя онъ думалъ и училъ что въ нихъ заключался воздухъ; ему покажутъ, что вены сообщаются съ артеріями; онъ замѣтитъ заслонки, которыя не даютъ венозной крови возвращаться вслѣдствіе своей собственной тяжести къ началу венъ, и заслонки, расположенныя въ различныхъ частяхъ сердца и своимъ отпираниемъ и запираніемъ способствующія дѣйствию этого чуднаго насоса; онъ прослѣдитъ кровь до легкихъ, увидитъ какъ она возвращается въ сердце и, такъ сказать, онъ осязаетъ весь ходъ кровообращенія, который такъ трудно было понять. Слѣдя за всѣми мелкими развѣтвленіями артерій, онъ безъ труда пойметъ, какимъ образомъ сдѣлать хирургическія операціи вѣрными и безопасными; одинъ взглядъ на картины г. Буржери и Жакоба покажетъ ему, что перевязка берцевой артерій, путь которой изображенъ такъ ясно, должна вылечить рану или аневризмъ подкожной артеріи; онъ, такъ смѣло предлагавшій вскрыть животъ въ случаѣ ущемленія кишекъ, съ восторгомъ встрѣтитъ эту точную и разумную анатомію, дающую возможность безошибочно отыскать внутри живота столь важный сосудъ, какъ подвздошная артерія. Когда ему объяснятъ обращеніе соковъ въ лимфатическихъ сосудахъ, онъ узнаетъ что эти сосуды, въ первый разъ угаданные ученикомъ Праксагора Гіерофиломъ, были открыты только черезъ девятьсотъ лѣтъ послѣ него; онъ проститъ наше научное превосходство, увидѣвъ, какой долгій промежутокъ времени былъ нуженъ для послѣдующихъ поколѣній, чтобы доставить намъ это превосходство.

Придетъ день когда предположеніе, которое я сдѣлалъ для Праксагора, осуществится и для современной науки; придетъ время, когда внуки наши настолько же обгонятъ насъ, насколько мы обогнали нашихъ предковъ, и когда пройдетъ еще девятьсотъ лѣтъ, когда наука созрѣетъ на эти вѣка, тогда все то, что мы открыли покажется очень несовершеннымъ. Большая прочность книгъ въ наше время подаетъ намъ надежду, что наши статьи переживутъ этотъ долгій промежутокъ времени, и если тогда какой нибудь

любопытный библіофилъ, стряхнувъ пыль съ старыхъ книгъ девятнадцатаго вѣка, откроетъ книгу гг. Буржери и Жакоба, онъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ разсмотритъ древніе рисунки и отдастъ справедливость совершенству древняго искусства; но онъ много разъ будетъ удивляться, какъ могли мы не знать столькихъ вещей, и будетъ говорить о насъ какъ мы говоримъ о Праксагорѣ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ ФИЗИОЛОГИИ И ТЕРАПИИ ¹⁾.

Примѣненіе электричества, сдѣланное докторомъ Дюшеномъ, интересно какъ для физиологовъ такъ и для терапевтовъ; физиологамъ оно предоставляет возможность дѣлать болѣе точныя и вѣрныя наблюденія надъ мускульными сокращеніями, терапевтамъ она даетъ средство легко пользоваться могучимъ дѣятелемъ, извлекая изъ него новыя невѣдомыя до сихъ поръ силы.

Электричество представляетъ одно изъ общихъ свойствъ матеріи; каждое тѣло обладаетъ имъ; тамъ, гдѣ оно находится въ скрытомъ состояніи, достаточно самой незначительной причины, чтобы заставить его проявиться. Трение, ударъ, измѣненіе температуры, испареніе, сгущеніе, химическое соединеніе, все это вызываетъ появленіе электричества.

И не смотря на все это, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что это сила сдѣлалась предметомъ научныхъ изслѣдованій лишь въ самое послѣднее время. Древній міръ совсѣмъ не зналъ её; быть можетъ, этрусскіе гадатели умѣли посредствомъ заостренныхъ палокъ низводить громъ съ облаковъ; по крайней мѣрѣ такимъ образомъ объясняютъ богослуженіе Юпитера громовержца, хотя трудно повѣрить, чтобы ничто, исключая названія царя бо-

¹⁾ De l'Electrisation localisée et de son application à la physiologie et à la thérapeutique; par le docteur Duchenne de Boulogne. Un vol. in-8°, Paris 1855.

говъ, не указывало на такой интересный фактъ. Во всякомъ случаѣ человѣчество древняго міра не подозрѣвало, что сила притяженія сообщаемая янтарю посредствомъ тренія и громъ грохочущій въ небесахъ явленія однородныя; такимъ образомъ, человѣкъ, который не можетъ сдѣлать шагу, не можетъ исполнить ни малѣйшей работы, не разъединяя или не приводя въ дѣйствіе разнородныя электричества, цѣлые вѣка ходилъ какъ слѣпецъ среди силы сокрытой отъ глазъ его, недоступной его рукамъ, непрестанно дѣйствовавшей во вселенной и не приносившей ему болѣе пользы чѣмъ остальному міру.

Наконецъ, настало время, когда она должна было приносить ему болѣшую пользу. Онъ заключилъ ее въ свои машины, собралъ ее въ свои резервуары, заставилъ ее идти по искусственнымъ путямъ, заставилъ ее оказывать себѣ разнообразныя услуги. Медицина съ раннихъ поръ стремилась съ своей стороны воспользоваться этою новою силою. Извѣстно было, что ударъ молніи можетъ сжечь ту или другую часть тѣла, произвести ослабленіе и параличъ мускуловъ. Извѣстно было, что природа одарила нѣкоторыхъ рыбъ чѣмъ-то въ родѣ электрическаго аппарата, помощью котораго онѣ приводятъ въ оцѣпленіе и останавливаютъ свою добычу; здѣсь природа явилась страшнымъ физикомъ, какъ она явилась страшнымъ химикомъ въ составленіи змѣинаго яда. Наконецъ, что всего важнѣе, открыто было дѣйствіе электричества на мускулы и нервы: трупъ казненнаго преступника подъ вліяніемъ электрической машины открылъ глаза, задвигалъ руками и ногами, произвелъ движенія вдыханія и выдыханія, однимъ словомъ послѣ смерти выказалъ внѣшнія признаки жизни.

Послѣ этого можно было надѣяться, что сила оказывавшая такое могучіе вліяніе на нервы, лишеныя жизни, будетъ дѣйствовать и на больныя или разбитыя параличемъ части живаго тѣла; но съ одной стороны параличъ вызывается различными причинами; съ другой, электричество является подъ разными формами и оказываетъ разнообразное дѣйствіе. Это открывало широкое поле для изслѣдованій и остроумныхъ изысканій.

Электричество, не то которое даетъ намъ природа въ тучахъ, а то которое готовится въ лабораторіяхъ, является въ трехъ видахъ: въ состояніи статическомъ; въ электрическихъ машинахъ

и лейденскихъ банкахъ; въ состояніи динамическомъ въ вольтовомъ столбѣ и въ состояніи индукціи въ аппаратахъ, гдѣ электрическій токъ является при всякомъ отмыканьи и замыканьи наружной спирали столба. Это индуктивное электричество, открытое знаменитымъ английскимъ физикомъ Фареедемъ, примѣняется врачами при леченіи болѣзней. Первый изъ трехъ видовъ электричества причиняетъ сотрясенія; второй производитъ теплоту, которая можетъ доходить до сжиганія, и ни тотъ не другой не подлежатъ точному измѣренію, дѣленію на правильныя дозы. Оба вида были испробованы нѣсколько разъ и при нѣкоторыхъ случаяхъ оказали пользу, какой не оказывали при другихъ, но употребленіе ихъ невозможно было подвести подъ опредѣленныя правила.

Третій видъ электричества, напротивъ, не согрѣваетъ и не дезорганизуетъ ткани; но онъ можетъ производить весьма сильныя дѣйствія и даже, въ случаѣ надобности, рѣзкую боль, не оставляя никакихъ слѣдовъ на кожѣ, черезъ которую проходитъ токъ.

Чтобы дѣйствовать съ полною силою, электричество этого рода непременно должно быть локализовано, т. е. дѣйствовать отдѣльно или на кожу, или на нервъ, или на мускулъ. Но какъ направить на извѣстной органъ путь силы, дѣйствующей съ такою быстротою какъ электричество? Какъ опредѣлить предѣлы, которые оно не должна преступить? Эту то важную и любопытную задачу разрѣшилъ г. Дюшенъ. Вотъ тѣ наблюденія на которыхъ онъ основалъ это разрѣшеніе: 1) Если кожа и разрядники индуктивнаго аппарата совершенно сухи и кожа достаточно толста, электрическіе токи соединяются вновь на поверхности кожицы, не проходя черезъ кожу (derme): они производятъ искры отличающіяся своеобразнымъ трескомъ, но не возбуждаютъ ощущенія. 2) Если положить на какія-нибудь двѣ точки кожи одинъ сухой и другой влажный разрядникъ, субъектъ, надъ которымъ производится опытъ, чувствуетъ поверхностное ощущеніе, имѣющее мѣсто въ кожѣ. Въ этомъ случаѣ противоположныя электричества вновь соединяются на сухомъ пунктѣ кожицы не проникая сквозь кожу. 3) Если слегка смочить кожу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кожа имѣетъ значительное утолщеніе, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся сухіе металлическіе разрядники, произойдетъ поверхностное ощущеніе, сравнительно болѣе сильное чѣмъ при предшествующемъ опытѣ, безъ искръ и безъ треска.

Здѣсь соединеніе электрическихъ токовъ происходитъ въ толщѣ кожи. 4) Если кожа и разрядники очень влажны, то не замѣтно ни искръ, ни треска, ни ощущеній обжога, но за то получается сокращеніе или возбужденіе чувствительности, смотря по тому дѣйствуетъ ли токъ на мускулъ или на нервъ. Въ этомъ случаѣ можно сказать что электричество произвело мѣстное дѣйствіе на мускулъ или на нервъ.

Такого рода приспособленія даютъ возможность ограничить индуктивное электричество, направить его на кожу или сосредоточить его дѣйствіе на подкожныхъ органахъ. Извѣстно, что у животныхъ всѣ движенія производятся посредствомъ мускуловъ, одаренныхъ способностью сокращаться или сжиматься, подъ вліяніемъ воли и другихъ причинъ внѣшнихъ или внутреннихъ. Весь механизмъ чело-вѣческаго тѣла заключается въ соотношеніи этихъ мускуловъ. Вотъ почему изученіе ихъ движеній составляетъ значительную часть физиологіи и анатоміи; онѣ постоянно стремились уяснить себѣ значеніе каждаго изъ нихъ. Но изученіе это сопряжено съ большими трудностями: выводы, дѣлаемые изъ наблюденія надъ безжизненнымъ мускуломъ для опредѣленія состоянія мускула живаго, сокращающагося и приводящаго въ движеніе другія части тѣла, часто бываютъ сомнительны и не ясны. Теперь, благодаря мѣстному примѣненію электричества, большая часть этихъ сомнѣній будетъ устранена. Подъ вліяніемъ новаго способа примѣненія этой силы, анатомія перестаетъ быть мертвою; она пріобрѣтаетъ жизнь. Теперь намъ не нуженъ скальпель, чтобы обнажить мускулы и показать ихъ дѣятельность и ихъ значеніе; намъ не нужно посредствомъ жестокихъ опытовъ обнажать у живаго животнаго органъ, который мы желаемъ изучать. Мы можемъ просто, ни причиняя страданій, прикасаться разрядниками къ кожѣ наблюдаемаго субъекта; и по мѣрѣ движенія разрядниковъ мускулъ, повинувъсь вліяющей на него силѣ, устраненный на время отъ господства воли производитъ свойственныя ему движенія. Необыкновенно интересно слѣдить за тѣмъ, какъ подушечки заканчивающія проволоки аппарата поочередно изображаютъ на лицѣ, сохраняющемъ въ цѣломъ спокойный видъ, черты, выражающія самыя противоположныя страсти. Подобный способъ наблюденія имѣетъ то преимущество, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ и даетъ прямыя отвѣты. Помощью его

можно проверить все, что писали ученые об игре мускуловъ. Г. Дюшенъ воспользовался случаемъ первымъ сдѣлать эту проверку и, такимъ образомъ, внесъ много поправокъ, много открытій въ область считавшуюся исключительною собственностью анатоміи.

Примѣненіе индуктивнаго электричества (faradisation) дало возможность узнать путемъ опыта и на живомъ организмѣ функціи каждаго мускула. Въ сущности, дѣятельность отдѣльнаго мускула является, по крайней мѣрѣ, въ здоровомъ тѣлѣ чѣмъ-то абстрактнымъ, что до сихъ поръ возможно было только представлять себѣ въ умѣ и что электричество въ первый разъ ясно открываетъ глазамъ нашимъ.

Каждое движеніе требуетъ ассоціаціи нѣсколькихъ мускуловъ. Существуетъ древняя аксіома Гипократа о томъ, что въ нашемъ тѣлѣ все имѣетъ связь и соотношеніе. Правило это, справедливое относительно каждой функціи, справедливо и относительно мускульныхъ отправленій; въ настоящую минуту, когда я пишу, когда я быстро двигаю рукою и пальцами, не сознавая ни одного изъ моихъ движеній, ни одного изъ совершающихся во мнѣ мускульныхъ сокращеній, параличъ малѣйшаго мускульнаго пучка могъ бы затруднить или сдѣлать совершенно невозможнымъ для меня этотъ актъ писанья, являющійся результатомъ одновременнаго дѣйствія нѣсколькихъ мускуловъ. Путемъ взаимнаго уравновѣшенія и соподчиненія, мускулы сообщаютъ нашимъ членамъ то или другое положеніе; но когда это равновѣсіе исчезаетъ, когда вслѣдствіе какой-либо причины это соотношеніе уничтожается, мускуль представленный самому себѣ сохраняетъ исключительно собственное движеніе, совершенно отличное отъ его совмѣстнаго движенія. Въ верхней части плеча находится сильный мускуль, называемый анатомами дельтовиднымъ; онъ имѣетъ назначеніе удалять руку отъ туловища и поднимать ее. Но вотъ что происходитъ если этотъ дельтовидный мускуль дѣйствуетъ особнякомъ, безъ инстинктивной помощи другихъ мускуловъ (уединеніе его достигается путемъ фарадизаціи): плечо, дѣйствуя всей своею тяжестью на наружный уголъ лопатки, заставляетъ ее измѣнить свое положеніе такъ, что нижній уголъ этой кости возвышается, а край лежащій къ позвоночнику удаляется отъ этого послѣдняго и выступаетъ подъ кожей. Явленія эти, происходящія вслѣдствіе искусственнаго сокращенія дель-

товиднаго мускула, не могутъ быть произведены произвольно такъ какъ невозможно сокращать одинъ этотъ мускуль независимо отъ другихъ. Дѣйствительно, если мы прикажемъ субъекту, надъ которымъ произведенъ былъ предшествовавшій опытъ, поднять руку такъ, какъ она была поднята за минуту передъ тѣмъ дѣйствіемъ электричества, то мы замѣтимъ, что въ моментъ удаленія плеча отъ груди не происходитъ никакого поворота въ лопаткѣ, которая крѣпко прилежитъ къ ребрамъ. Хотя, въ сущности, для поднятія руки достаточно одного дельтовиднаго мускула, но на самомъ дѣлѣ движеніе это требуетъ содѣйствія нѣсколькихъ другихъ мускуловъ. Безъ этого содѣйствія движеніе лишится своей силы и произведетъ неудобное положеніе плечевой кости. Такимъ образомъ и въ дельтовидномъ, какъ и во всякомъ другомъ мускулѣ, нужно умѣть отличать объединенное дѣйствіе его отъ той функціи, какую ему предназначено исполнять вмѣстѣ съ другими.

Я сказалъ выше, что эта ассоціація различныхъ мускуловъ инстинктивна; справедливѣе было бы сказать, что она становится инстинктивною. Стоитъ только наблюдать что происходитъ при обученіи какому нибудь искусству, танцамъ, плаванию, игрѣ на фортепіано, фехтованью и проч. Сначала движенія, требуемыя учителемъ, кажутся невозможными, они производятся съ большимъ трудомъ, медленно, неловко; дѣло въ томъ, что приходится разобщать мускулы дѣйствовавшіе прежде за одно и ассоціировать другіе, не находившіеся во взаимодѣйствіи. Мало по малу приобрѣтается навыкъ, ловкость возрастаетъ и движенія производятся съ такою легкостью, что дѣлаются какъ бы инстинктивными. То же происходитъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе болѣзни или раны одинъ изъ мускуловъ остается безъ употребленія. Въ первое время человекъ не умѣетъ обходиться помощью остальныхъ мускуловъ и чувствуетъ сильное неудобство. Но вскорѣ посредствомъ упражненія образуются новыя ассоціаціи мускуловъ и хотя движенія никогда не могутъ приобрѣсти прежней полноты,—одна струна все таки порвана,—но другіе мускулы вступаютъ въ новыя комбинаціи и приспособляются къ новымъ отправленіямъ, для которыхъ они первоначально не были предназначены. Наконецъ, идя далѣе, мы можемъ сказать, что неловкость движеній замѣчаемая нами у новорожденныхъ дѣтей, зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ неумѣнія asso-

цировать свои мускулы. Употреблять руки, ходить, говорить—все это упражнения, можно сказать, искусства, которымъ ребенокъ научается постепенно. Поднять руку не совершенно простое движение, какъ мы сейчасъ видѣли; волѣ не достаточно сократить одинъ дельтовидный мускулъ, она должна сокращать и другіе мускулы, которые удерживаютъ членъ на мѣстѣ и не даютъ плечевой кости склоняться на бокъ. Послѣ того какъ мы вполне выучимся всему этому, движения наши станутъ казаться инстинктивными и вполне подчиненными волѣ.

Физиологическія изслѣдованія мускуловъ, произведенные г. Дюшеномъ, составляютъ пріобрѣтеніе для чистой науки, независимо отъ практическихъ примѣненій ихъ (впрочемъ и практическія примѣненія вѣроятно не заставятъ себя ждать). Нечего заботиться о томъ къ чему послужитъ истина неизвѣстная доселѣ и открытая путемъ остроумнаго изслѣдованія, нечего хлопотать о томъ можно ли будетъ когда нибудь извлечь изъ нее пользу, надо думать только объ одномъ дѣйствительно ли она истина. Человѣчество обладаетъ способностью стремиться къ истинѣ ради ея самой, способностью гораздо менѣ сильной, нежели стремленіе къ удовлетворенію физическихъ и нравственныхъ потребностей, но которая тѣмъ не менѣ во все время была на столько сильна, что подвигала на продолжительные труды, вызвала могучія усилія, давала прочные результаты. Она создала науку. Дѣйствительно чѣмъ другимъ можемъ мы объяснить все системы умозрительной философіи, имѣвшія, повидимому, сначала одну цѣль—плѣнить умъ истиной, какъ произведенія искусства плѣняютъ его красотой? Безъ сомнѣнія, въ настоящее время научныя истины имѣютъ такъ много столь плодотворныхъ примѣненій, что мы часто забываемъ ихъ первоначальное назначеніе. Это назначеніе есть истина; полезность является уже впоследствии. Не должно превращать лучезарную богиню въ смиренную прислужницу.

Живой организмъ не есть ничто подчиненное исключительно внутреннимъ силамъ, приводящимъ его въ движеніе—не одна воля заставляетъ мускулы сокращаться. Электричество, замѣняя собою нервную силу, вызываетъ движеніе независимо отъ воли и даже противъ воли. Нѣкоторыя болѣзни имѣютъ свойство уничтожать это дѣйствіе электричества. Люди работающіе на свинцовыхъ за-

водахъ или случайно подвергнутые влиянію этого металла, заболѣваютъ очень неприятной болѣзью, извѣстной подъ названіемъ свинцовой колики; это первая степень отравленія, вторая проявляется въ параличѣ мускуловъ служащихъ для разжиманія кулака. Если направить дѣйствіе электрическаго тока на парализованные мускулы, они останутся неподвижными подъ влияніемъ этой силы, какъ и подъ влияніемъ нервной силы. Но вотъ путемъ леченія параличъ устраняется; мускулы снова повинуются волѣ и больной можетъ свободно шевелить рукой. Подвергнете эти излеченные мускулы дѣйствію электричества: они по прежнему не подчинятся влиянію его; они лишились способности сокращаться отъ дѣйствія силы электричества; они такъ же недоступны влиянію электричества, какъ недоступенъ влиянію оспенной матеріи человекъ уже имѣвшій разъ натуральную оспу.

Съ другой стороны, возьмемъ одинъ примѣръ изъ тысячи: человекъ долго простоялъ въ холодный день въ проходѣ, гдѣ вѣтеръ дулъ ему на правую сторону лица; онъ не чувствуетъ боли; но съ чертами лица его произошло странное явленіе—мускулы правой стороны лица парализованы; и такъ какъ они не представляютъ болѣ сопротивления мускуламъ расположеннымъ на другой сторонѣ, то эти послѣдніе стягиваютъ кожу и вызываютъ гримасы. Такимъ образомъ, болѣзненное влияніе совершенно устраняетъ дѣйствіе нервовъ на нѣсколько пучковъ мускуловъ; никакое усиліе воли не можетъ привести ихъ въ сокращеніе. Но поднесите къ нимъ разрядники электрическаго аппарата: мускулы тотчасъ выходятъ изъ своего параличнаго состоянія и правильность лица восстанавливается. Здѣсь мы имѣемъ случай противоположный предъидущему: мускулы не подчиняются волѣ, а повинуются электричеству.

Факты эти вполне могутъ доказать, что не слѣдуетъ смѣшивать нервную силу съ силою электричества. Нѣсколько времени тому назадъ существовало весьма распространенное убѣжденіе, что жизненныя явленія могутъ быть объяснены одною изъ силъ управляющихъ неорганическимъ міромъ.

Слѣдя за исторіей науки о явленіяхъ жизни, мы встрѣчаемъ отъ времени до времени различныя системы, созданныя для объясненія ихъ, попытки, т. е. примѣненія къ нимъ ряда понятій пріобрѣтенныхъ при изученіи безжизненныхъ тѣлъ. Чѣмъ болѣе фак-

товъ открывали физика и химія, чѣмъ болѣе законовъ создавали онѣ, тѣмъ болѣе усиливалась надежда, что системы столь вѣрныя для тѣхъ отношеній, которыя породили ихъ, освѣтять отношенія и силы болѣе и болѣе сложныя, откроютъ наконецъ тайну жизни. Надежды эти, если можно называть надеждами до сихъ поръ существующія заблужденія, были разрушены дальнѣйшимъ ходомъ знанія. Наука о жизни, освободившись наконецъ отъ системъ, которыми прикрывала ее полу-развитая философія, явилась съ своей собственной системой, недозволяющей смѣшивать ея факты, ея свойства, ея законы ни съ какими другими. Безъ сомнѣнія электричество вызываетъ сокращеніе мускульныхъ волоконъ; но тщательное изученіе легко показываетъ разницу между нимъ и нервною силой: гдѣ дѣйствуетъ оно, тамъ она безсильна, и наоборотъ.

Въ книгѣ г. Дюшена, приведенъ одинъ случай, о которомъ я упомяну по поводу занимающаго насъ вопроса, потому что случай этотъ касается неосновательнаго желанія—дать полное объясненіе явленіямъ жизни. Наука о жизни не открываетъ и не должна открывать причину жизни. Каждая наука останавливается на какомъ-нибудь данномъ первичномъ фактѣ, остающемся безъ объясненія и служащемъ къ объясненію остальныхъ.

Жизнь, электричество, теплородъ, притяженіе и проч., являются съ этой точки зрѣнія фактами первичными. Вотъ случай приведенный г. Дюшеномъ: одинъ больной страдалъ двойнымъ зрѣніемъ, т. е. всѣ предметы двоились у него въ глазахъ; вылеченный внезапно г. Дюшеномъ, онъ доказалъ успѣхъ леченія воскликнувъ: «У васъ теперь всего одна голова». Болѣзнь имѣла для него одно неприятное послѣдствіе, о которомъ читатель быть можетъ не догадывается, она мѣшала ему ходить. Когда онъ стоялъ на совершенно ровной поверхности, какъ напр. на улицѣ или на полу комнаты, его путь всегда представлялся ему раздѣленнымъ на двѣ части, лѣвая шла въ гору, а правая напротивъ спускалась внизъ. Вслѣдствіе этого, шагая, онъ высоко поднималъ лѣвую ногу и она опускалась у него ниже, чѣмъ онъ ожидалъ. Правую ногою, напротивъ, онъ дѣлалъ движеніе какъ-бы спускаясь внизъ; поверхность, по которой онъ шелъ, задерживала это движеніе и онъ испытывалъ неприятный толчокъ. Ничто не могло избавить его отъ этой иллюзіи, ни

усилія воли, ни ежедневный опытъ, и въ концѣ концовъ онъ пересталъ ходить. Воспользуемся этимъ патологическимъ случаемъ при обсужденіи явленій зрѣнія вообще. Геометрически неопровержимо, что на глазной ретинѣ предметы изображаются въ обратномъ положеніи: то, что въ дѣйствительности находится на верху представляется внизу, что въ дѣйствительности находится на лѣво представляется на право и наоборотъ. Между тѣмъ мы несомнѣнно видимъ предметы въ ихъ настоящемъ положеніи. Много сдѣлано было попытокъ для объясненія этой странности. Одно изъ этихъ объясненій заключается въ томъ, что мы сначала видимъ предметы въ обратномъ положеніи, и что, впослѣдствіи, осязаніе уничтожаетъ эту иллюзію и мы начинаемъ видѣть ихъ въ настоящемъ положеніи. Выше мы привели примѣръ человѣка видѣвшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ предметы вдвойнѣ, лишившагося вслѣдствіе этого недостатка возможности ходить и употреблявшаго усилія воли для устраненія этого обмана зрѣнія. И между тѣмъ онъ никакъ не могъ устранить его. Изъ этого мы должны заключить, что тоже бываетъ и съ обыкновеннымъ зрѣніемъ; никакая привычка не могла бы заставить насъ сознать предметы въ настоящемъ положеніи если бы мы видѣли ихъ въ обратномъ положеніи, какими они отражаются на ретинѣ; напрасно физики стараются физическими законами объяснить явленіе, которое до поры до времени должно оставаться въ области неизвѣстнаго.

Благодаря г. Дюшену, электричество стало силой легко управляемой, легко соразмѣряемой, легко прилагаемой къ данному пункту и, такимъ образомъ, заняло опредѣленное мѣсто въ ряду средствъ употребляемыхъ для излеченія или ослабленія болѣзней. Средство это является дѣйствительнымъ во многихъ случаяхъ, силу его не слѣдуетъ ограничивать, но главнымъ образомъ оно примѣнимо для исцѣленія паралича. Она дѣйствуетъ на него во-первыхъ, непосредственно, во-вторыхъ, косвеннымъ образомъ. Непосредственное дѣйствіе его состоитъ въ возбуждательномъ вліяніи его на мускулы; оно восстанавливаетъ возбуждаемость мускуловъ и въ концѣ концовъ подчиняетъ ихъ снова волѣ. Косвенное дѣйствіе его проявляется въ томъ, что оно устраняетъ атрофію члена или прекращаетъ ее, когда она уже началась. Атрофіей называется уменьшеніе въ объемъ, засыханіе члена вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни. Му-

мускуль пораженный параличемъ и вслѣдствіе этого неподвижный начинаетъ очень скоро уменьшатся въ объемѣ; мало по малу волокна его обезцвѣчиваются, утоняются, исчезаютъ и если время бездѣйствія будетъ продолжительно, мускуль можетъ совершенно уничтожиться. Тогда человѣкъ безвозвратно теряетъ способность всѣхъ движеній зависѣвшихъ отъ него. Но электричество, дѣйствуя на этотъ мускуль, вызываетъ въ немъ сокращенія, устраняетъ его неподвижность и способствуетъ питацію совершаться въ немъ обыкновеннымъ порядкомъ. Или, если атрофія уже значительно развилась, не успѣвъ еще уничтожить органа, электричество, возбуждая къ движенію здоровья его части, разовьетъ въ нихъ посредствомъ упражненія болѣе дѣятельное питаніе, которое не замедлитъ выполнить потери понесенныя органомъ. Въ книгѣ г. Дюшена приведено много замѣчательныхъ примѣровъ подобнаго постепеннаго возстановленія.

Слово параличъ имѣетъ общій смыслъ, обозначая потерю движенія. Но параличъ можетъ происходить отъ весьма различныхъ причинъ. Одинъ родъ паралича происходитъ вслѣдствіе пораженія головного мозга, другой вслѣдствіе болѣзни спиннаго мозга, третій вслѣдствіе нервного расстройства; нѣкоторые роды паралича являются слѣдствіемъ отравленія свинцомъ, другіе слѣдствіемъ ревматизма или истерикъ; наконецъ неправильно называютъ параличемъ и тѣ случаи, когда мускульныя волокна перерождаются и замѣняются какою-либо неспособною къ сокращенію тканью. Электричество распредѣляетъ всѣ эти различные роды паралича на два отдѣла: параличъ, при которомъ сокращаемость мускуловъ подъ вліяніемъ электричества исчезла и параличъ, при которомъ она сохранилась.

Къ первому разряду принадлежатъ параличи происшедшіе вслѣдствіе отравленія свинцомъ, вслѣдствіе нервного расстройства, вслѣдствіе расстройства спиннаго мозга; ко второму параличи вызванныя поражениемъ головного мозга, ревматизмомъ, истериками и прогрессивной атрофіей до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не уничтожила мускульныхъ волоконъ. Фактъ этотъ весьма важный съ точки зрѣнія физиолога или вообще имѣетъ еще болѣе важное значеніе для медицинскаго діагноза.

Усовершенствованіе діагноза доказываетъ главнымъ образомъ

усовершенствованіе медицины; первое правило врачебнаго искусства не вредить пациентамъ, правило данное Гиппократомъ и которому Галліенъ тѣмъ болѣе удивлялся, чѣмъ болѣе онъ о немъ размышлялъ. Одинъ только діагнозъ, т. е. точное опредѣленіе болѣзней, даетъ возможность вполне слѣдовать ему. И при діагнозѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе средствамъ постояннымъ, неоспоримымъ, которыя, помогая такту и опытности врача, позволяютъ ему составлять опредѣленныя мнѣнія. Въ электричествѣ мы имѣемъ силу изслѣдующую органы находящіеся внутри тѣла и заставляющую ихъ разрѣшать наши сомнѣнія. Діагнозъ есть истинная основа рациональной медицины.

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ описаніе болѣзни, которую долго смѣшивали на общепринятомъ языкѣ съ параличемъ, такъ какъ она вызываетъ потерю движенія. Она не лишаетъ мускулы способности движенія, но она уничтожаетъ ихъ и замѣняетъ веществомъ неспособнымъ сокращаться; она распространяется на нихъ поочередно и постепенно лишаетъ больного всякаго движенія, пока наконецъ, дойдя до діафрагмы и уничтоживъ возможность дыханья, не причинитъ ему смерти. Я совѣтую внимательно слѣдить за первыми проявленіями этой болѣзни; многіе изъ замѣчаній г. Дюшена доказываютъ, что электричество даетъ въ этомъ случаѣ весьма удачныя результаты, если врачъ во время примѣнитъ его. Онъ можетъ путемъ упражненія увеличить объемъ и силу мускуловъ еще не перерожденныхъ; но если его примѣнитъ слишкомъ поздно, если превращеніе уже совершилось, для погибшаго мускула нѣтъ болѣе спасенія и можно стараться объ одномъ только: сохранить движеніе еще существующимъ мускуламъ. Противъ этой болѣзни можно дѣйствовать и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ успѣхомъ, благодаря тому, что пока мускульныя волокна не исчезли, они сохраняютъ способность сокращаться подъ вліяніемъ электричества. Такимъ образомъ остается надежда къ спасенію; упражненіе вызываемое электричествомъ противодѣйствуетъ атрофіи; и можно по справедливости сказать вмѣстѣ съ г. Дюшеномъ, что мѣстное дѣйствіе электричества возстановляетъ мускульныя волокна.

Иногда случается, что движенія парализуются безъ уничтоженія чувствительности, въ другой разъ наоборотъ чувствительность

уничтожается, а движенія не парализуются. Въ этомъ случаѣ электричество опять даетъ намъ урокъ и оказываетъ услугу. Хотя мы во время движенія не ощущаемъ нашихъ мускуловъ, но не должно считать ихъ безчувственными и думать, что они могутъ безнаказанно лишиться чувствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствительность ихъ исчезаетъ мы замѣчаемъ странное явленіе. Нѣкоторые больные (если имъ закрыть глаза или оставить ихъ въ темнотѣ) теряютъ сознаніе силы своихъ движеній, тяжести, сопротивленія; другіе совершенно лишаются способности двигать членъ, который они не видятъ; не смотря на всѣ усилія воли, употребляемыя ими, мускулъ, который долженъ бы сокращаться, остается неподвижнымъ; но какъ только возвращается возможность видѣть, они получаютъ способность производить движенія. Изъ этого мы заключаемъ, что мускулы обладаютъ особенною имъ свойственною чувствительностью, необходимою для полноты отправленія ихъ, но замѣняемою иногда чувствомъ зрѣнія.

Немногіе примѣры приведенные мною далеко не исчерпываютъ всей книги г. Дюшена. И медикъ, и фізіологъ найдутъ въ ней много полезнаго для себя. Г. Дюшень принадлежитъ къ разряду людей, умѣющихъ схватывать новые факты и, благодаря своему зрѣлому уму, съ достовѣрностью дѣлать изъ нихъ главнѣйшіе выводы.

ЖИЛЬ-БЛАЗЪ И АРХІЕПИСКОПЪ ГРЕНАДСКІЙ.

Заглавіе это приводитъ на память одинъ изъ остроумнѣйшихъ эпизодовъ романа, изобилующаго остроумными разсказами и тонкими очерками характеровъ. Лесаажъ хотѣлъ изобразить въ немъ смѣшное тщеславіе автора, который, разъ заслуживъ большой или малый успѣхъ, такъ слѣпо увѣровалъ въ свой талантъ, что не въ силахъ уже и представить себѣ, чтобы онъ могъ когда нибудь произвестъ что нибудь недостойное удивленія. Случается даже, что чѣмъ слабѣе его послѣдніе труды, тѣмъ больше они ему внушаютъ нѣжности; такъ часто мать привязывается нѣжнѣе и исключительнѣе къ болѣзненному или уродливому ребенку. Но если трогательно подобное пристрастіе,—плодъ нѣжности къ тому, что наиболѣе нуждается въ ней, за то пристрастіе другаго рода вырастающее на общей почвѣ нашихъ эгоистическихъ чувствъ, возбуждаетъ заслуженную насмѣшку.

Архіепископъ Гренадскій сочинялъ проповѣди Господомъ благословенныя; онѣ трогали сердца грѣшниковъ, заставляя ихъ обратиться внутрь себя и покаяться. Но святой отецъ не скрывалъ, что у него была еще и другая цѣль, въ которой совѣсть бесплодно его упрекала,—это литературный успѣхъ его произведеній. Мало того, онъ зналъ, что даже и самые даровитые авторы, продолжая писать до глубокой старости, подъ конецъ, исписываются и такъ какъ онъ желалъ (говоря словами Лесажа) спастись со всею своею

знаменитостью, то онъ и заставилъ Жиль-Блаза дать ему слово, предупредить его тотчасъ, какъ только упадокъ таланта начнетъ обнаруживаться. Онъ увѣрялъ, что онъ приметъ предостереженіе этого рода за доказательство искренней преданности, прибавивъ, что если ему случится узнать черезъ кого нибудь другого, что его проповѣди не имѣютъ уже обыкновенной силы и что ему пора на покой, то онъ—Жиль-Блазъ—лишится вмѣстѣ съ его расположеніемъ и вещественной награды обѣщанной ему.

Все шло отлично. Архіепископъ проповѣдывалъ съ обыкновеннымъ успѣхомъ; Жиль-Блазъ платилъ ему дань удивленія, добросовѣстно подносимую и милостиво принимаемую, какъ внезапно всему положилъ конецъ ударъ. «Въ ту пору когда я пользовался наибольшею милостью, у насъ въ епископскомъ дворцѣ случился страшный переполохъ; архіепископъ упалъ, пораженный апоплексіей. Помощь была такъ быстра и леченіе такъ успѣшно, что черезъ нѣсколько дней, послѣ этого случая не осталось и слѣда; но умъ его пострадалъ. Я это замѣтилъ съ первой же проповѣди, которая впрочемъ еще не такъ чувствительно отличалась отъ прежнихъ, чтобы привести меня къ несомнѣнному заключенію объ упадкѣ ораторскаго таланта и я подождалъ слѣдующей, чтобы знать ужъ навѣрное что мнѣ дѣлать. О! на счетъ этой ошибиться было невозможно; бѣднѣйшій владыка, то повторялся, то слишкомъ высоко парилъ, то былъ не въ мѣру уже тривиаленъ. Это было безсвязное разглагольствованіе, пошлое, риторическое фразерство, капуцинада».

Жиль-Блазу, въ эту эпоху его исторіи, не доставало еще житейской опытности, чтобы смекнуть, что весь стоицизмъ архіепископа былъ не иное что какъ ширма, за которой скрывалось трусливое, авторское тщеславіе. Онъ дался, неоглядываясь въ ловушку, въ которую его же желали поймать и опасаясь быть вычеркнутымъ изъ завѣщанія, если не сдержитъ слово, позволилъ себѣ намекнуть, что послѣдняя проповѣдь показала ему немного слабѣе прежнихъ. Владыка отъ этихъ словъ поблѣднѣлъ. Напрасно пытался Жиль-Блазъ исправить свой промахъ и какъ нибудь замазать дѣло. «Довольно объ этомъ мой сынъ,—сказалъ архіепископъ,—вы слишкомъ молоды чтобы различать ложь отъ истины. Знайте, что мнѣ никогда еще не удавалось сочинять проповѣди лучше этой, имѣвшей несчастіе заслужить ваше неодобреніе. Мой умъ, благодареніе

Господу не утратилъ еще ни на волосъ прежней силы. Но я буду впередъ осматрительнѣе выбирая себѣ повѣренныхъ. Мнѣ нужны люди болѣе васъ способные вѣрно судить. Ступайте, продолжалъ онъ, взявъ меня за плечи и выпихывая изъ кабинета, ступайте, скажите моему казначею, чтобы онъ выдалъ вамъ сто дукатовъ. И да направитъ Господь ваши стопы ко благу съ этими деньгами. Прощайте, господинъ Жиль-Блазъ, желаю вамъ всякаго благополучія и немножко поболѣе вкуса».

Урокъ очень милъ и пригоденъ для всякаго времени; но мы считаемъ не лишнимъ обсудить его еще съ одной стороны, о которой Лесаажъ и не догадывался, со стороны медицинской. Когда статуя поражаетъ насъ граціей или благородствомъ характера, величіемъ или глубиною идеи въ ней выраженными, то я полагаю никто не запретитъ анатому взглянуть въ нее внимательно чтобы рѣшить: есть ли въ этомъ мраморномъ или бронзовомъ тѣлѣ необходимый скелетъ для поддержки частей его, точно ли въ этихъ членахъ и этомъ торсѣ, фиктивные мускулы передаютъ реальный ихъ прототипъ, и наконецъ въ этомъ смѣющемся, озабоченномъ, или тревожномъ, или проникнутомъ страстью лицѣ, вѣрно ли уловилъ художникъ черты, какія должны на немъ отпечатлѣвать каждый пучекъ мускуловъ въ его естественной связи съ ощущеніями, испытываемыми въ мозгу. Хотя, конечно, есть вещи прекрасныя, не взирая на ихъ неправильность, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ основаніи всякой красоты лежитъ реальная правда и что тѣмъ ближе геній къ идеалу, чѣмъ ближе онъ къ правильности. Подъ правильностью, я разумѣю здѣсь вѣрную передачу природы.

Затѣмъ, въ разсказѣ Лесаажа есть крупный промахъ. Для него какъ и для всѣхъ, человѣкъ пораженный апоплексіей, послѣ удара, въ нравственномъ отношеніи тотъ же, какимъ онъ и прежде былъ. Но для медика это не такъ. Апоплексія—поражаетъ непосредственно органы мысли и чувствъ, и тѣмъ отличается отъ воспалительныхъ процессовъ, могущихъ пройти безслѣдно, что всегда оставляетъ за собой неизгладимые слѣды. Вслѣдствіе нарушенія питанія и измѣненій въ капиллярномъ кровообращеніи, въ мозгу происходитъ кровоизліаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть наступаетъ немедленно, въ другихъ немного позже. Наконецъ, въ случаяхъ благопріятнаго исхода, начинается процессъ восстановленія: кровь частью вса-

сывается, частью сгущается въ свертокъ, который затѣмъ постепенно сжимается въ меньшій объемъ, образуется рубцовая ткань. Эта послѣдняя, однако, не можетъ вполне замѣнить разрушенное въ этомъ мѣстѣ нервное вещество, отправление котораго по этому всегда болѣе или менѣе нарушается, что имѣетъ всегда послѣдствіемъ болѣе или менѣе важный недостатокъ самаго отправления.

Все соотвѣтствуетъ этой анатомической картинѣ. Больной пошатнулся и упалъ. У него отнялась одна сторона. Когда его привели въ чувство, языкъ его плохо дѣйствовалъ; онъ произносилъ съ трудомъ и невнятно, мысли его неясны, онъ едва сознавалъ то что съ нимъ случилось. Выздоровленіе несовершенно: человѣкъ остается немощенъ и поврежденъ въ которой нибудь изъ его способностей умственныхъ или нравственныхъ. Даже въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ, если апоплексія была не сильна и больной сохранилъ возможность принимать дѣятельное участіе въ жизни и заниматься своими дѣлами, въ немъ обнаруживается болѣзненная чувствительность; то онъ раздражителенъ и угрюмъ, то онъ волнуется по такимъ поводамъ, которые прежде не волновали бы его и при малѣйшемъ впечатлѣніи, голосъ его дрожитъ, и на глазахъ выступаютъ слезы.

Двадцать два вѣка тому назадъ, процессъ этотъ былъ буквально тѣмъ же. Гиппократъ говорилъ объ апоплексіи тоже, что говоримъ и мы. Тогда какъ и теперь, маленькіе сосуды мозгового вещества склонны были къ разрыву, тогда какъ и теперь этотъ разрывъ вредилъ равновѣсію умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, тогда какъ и теперь возстановленіе было невѣрно, медленно, несовершенно. Различіе только въ сравнительномъ знаніи двухъ эпохъ, Гиппократъ зналъ только симптомы болѣзни и онъ изучилъ ихъ съ тѣмъ совершенствомъ, которое заслужило ему имя отца медицины; но онъ вовсе не зналъ совершавшагося внутри, за этими симптомами, и въ особенности совершавшагося въ мозгу людей пораженныхъ ударомъ, что собственно и выражается въ словѣ апоплексія. Въ наше время, благодаря диссекціи мозга въ трупахъ людей, пострадавшихъ отъ этой болѣзни, диссекціи, произведенной во всѣхъ степеняхъ поврежденія, наука успѣла выяснитъ все сочетаніе фактовъ, начиная отъ кровоизліянія въ мозговомъ веществѣ до заживленія сосудовъ, такъ что и діагнозъ и прогнозъ приобрѣли

большую опредѣленность. Но въ тоже время, мы можемъ прикоснуться руками къ границамъ науки, опредѣленными границами самой природы; разрывъ будетъ всегда разрывомъ; кровоизліяніе будетъ всегда угнетать мозгъ, замѣнутый въ нерастяжимомъ, костяномъ ящикѣ, рубецъ никогда не возстановитъ разрушеннаго. Единственное, что остается доступнымъ для медицины, это второстепенныя и вспомогательныя работы, клонящіяся къ тому чтобы способствовать къ заживленію, или чтобы отвратить рецидивъ. Судите же послѣ того о невѣжествѣ общества, воображавшаго что апоплектиковъ можно поднять на ноги всевластнымъ словомъ, манипуляціями магнитезеровъ или тайнами колдуновъ.

И нечего удивляться тому, что Лесаажъ не подумалъ о возраженіи, которое медицина могла бы сдѣлать на его остроумный рассказъ. Въ ту пору когда онъ писалъ, мнѣніе богослововъ, опиравшееся на ихъ вѣрованія и мнѣніе философовъ, психологія которыхъ не отличалась въ сущности отъ богословской, и наконецъ мнѣніе медиковъ еще колебавшихся между изслѣдованіями своего искусства и приговорами католическаго духовенства, все сходилось къ тому, что причина мысли кроется въ «невещественной сущности», отличной отъ органовъ, служащихъ ей временной темницею. Какимъ же путемъ литераторъ того времени, стараясь олицетворить въ рассказѣ своемъ нѣкоторыя черты человѣческаго характера, могъ-бы придти къ догадкѣ, что какое нибудь поврежденіе мозга должно было имѣть значительное вліяніе на нравственный и умственный характеръ этой «не вещественной сущности» и измѣнить сразу, какъ она измѣняетъ въ глазахъ фізіолога, нравственную вмѣняемость поступка. А между тѣмъ онъ зналъ, что апоплексія понижаетъ умственныя способности, но онъ не зналъ, что она ослабляетъ тоже и нравственность, и вотъ почему его книга не лишена была одной изъ самыхъ лучшихъ главъ.

Архіепискомъ Гренадскій проповѣдникъ не безъ таланта, по мнѣнію своихъ прихожанъ, человѣкъ набожный, утѣшающійся добрымъ плодомъ своихъ проповѣдей, тщеславный конечно, но такого рода тщеславіемъ, которое едва сознаетъ себя и смягчено нѣкоторыми упреками совѣсти. О человѣкѣ, изображенномъ такими чертами, если бы онъ и опустился ниже своего уровня вслѣдствіе той безпечности, которую иногда внушаетъ успѣхъ, или какъ мы нерѣдко

видимъ вслѣдствіе доведенія до крайности избраннаго рода литературы,—о такомъ человѣкѣ никакъ нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ не выслушалъ бы Жиль-Блаза съ большою умѣренностью. Онъ вспомнилъ бы обѣщаніе полной искренности, которое онъ самъ потребовалъ; онъ не упустилъ бы совершенно изъ вида жестокаго затрудненія, въ которомъ бѣдный его секретарь поставленъ былъ противъ воли, между двумя опасностями: сказать или умолчать. Онъ вспомнилъ бы о случайностяхъ творчества, онъ допросилъ бы самъ себя, или справился бы у постороннихъ. Словомъ, у человѣка здороваго, авторское тщеславіе еще не совсѣмъ безнадежный недугъ; но онъ безнадеженъ у апоплектика, и если бы въ наше время какой нибудь Лесаажъ взялся опять за подобную тему, пріятель его фізіологъ сказалъ бы ему: остерегитесь, выпустите совсѣмъ апоплексію и упирайте единственно на самонадѣянное дурачество, ослѣпляющее иныхъ писателей, иначе вы не самолюбію ихъ прочтете урокъ, а безразсудству Жиль-Блаза, который дѣйствуетъ такъ, какъ будто апоплексіа оставляла все въ прежнемъ видѣ.

Между тысячами другихъ примѣровъ разрушенія, производимаго неумолимымъ недугомъ въ сферѣ умственныхъ силъ, вотъ одинъ рѣдкій и любопытный, о которомъ упоминаетъ знаменитый ученый, Бруссоне. «Всѣ мысли больного были, правда вѣрны и здравы; всѣ свѣдѣнія которыя онъ имѣлъ, когда либо, припомнились имъ безъ особой трудности, всѣ люди, которыхъ онъ зналъ, были живы у него въ памяти; языкъ его, хотя дѣйствовавшій съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, выговаривалъ однакоже довольно вѣрно всѣ звуки; но по какой-то роковой странности, онъ не могъ назвать ни одного имени существительнаго и, слѣдовательно, ни одного имени собственнаго. Имена эти впрочемъ, также какъ прилагательныя и какъ глаголы, существовали у него въ памяти, потому что онъ узнавалъ ихъ легко, когда ихъ произносили въ его присутствіи. Онъ могъ читать свободно и понималъ безъ труда книги на всѣхъ, когда нибудь знакомыхъ ему языкахъ; но когда онъ пробовалъ самъ писать, буквы, составляющія слова, не приходили больше ему на память и онъ бросалъ перо съ какимъ-то отчаяніемъ. Больной создалъ себѣ родъ особаго языка. Такъ взамѣнъ именъ собственныхъ, которыя онъ не могъ ни выговаривать, ни написать, онъ

скучивалъ эпитеты: онъ называлъ одного изъ своихъ друзей г. Боска, тотъ котораго я очень люблю; Дефонтана большой добрый скромный» (Де-Кандоль. Похвальное слово о Бруссоне). Требуйте же отъ человѣка въ такомъ положеніи, чтобы онъ отвѣчалъ добродушно Жиль-Блазу, осуждавшему его проповѣди.

Но спрашивается, что-жъ мы выигрываемъ отъ прогресса науки и отъ этого точнаго знанія перемѣнъ, происходящихъ въ мозгу человѣка, котораго поразила апоплексіа. Если Жиль-Блязъ скажетъ, что онъ жестокъ, если смолчить, — то онъ угодникъ и льстецъ, что же онъ сдѣлаетъ? Онъ смолчитъ и не станетъ отъ этого ни угодникомъ ни льстецомъ; умудренный медициною онъ долженъ понять, что онъ имѣетъ дѣло съ неизлечимымъ недугомъ, а не съ неодолимымъ тщеславіемъ.

Не надъ Жиль-Блязами хотѣлъ насъ заставить смѣяться Лесаажъ, а надъ архіепископами Гренадскими. Онъ зналъ ихъ не мало.

Только надо оставить въ покоѣ апоплексію; она извиняетъ заранѣе всякій упадокъ, всякую раздражительность и упрямство, нравственныя поврежденія, которыя дѣлаетъ неизлечимыми неизлечимость поврежденія анатомическаго. И безъ апоплексіи человѣкъ можетъ опуститься нравственно вообще или сдѣлать промахъ въ частномъ случаѣ, и тогда всякій въ правѣ потѣшаться забавнымъ зрѣлищемъ слѣпаго самолюбія, неспособнаго оглянуться на самаго себя, всегда готоваго взять за плечи и выпихать изъ кабинета того докучливаго Жиль-Блаза, который зовется общественнымъ мнѣніемъ.

Лесаажъ хотѣлъ заставить смѣяться и онъ успѣлъ въ томъ; хотѣлъ исправлять и тоже успѣлъ, потому что послѣ него, архіепископъ Гренадскій остался типомъ незабываемымъ. Исправимость и неисправимость суть нравственныя условія, зависящія отъ природы лица и въ особенности отъ возраста его. Свѣтъ — большой исправительный домъ, гдѣ ежедневные случаи жизни наши учителя. И мы на хорошемъ пути къ самоусовершенствованію, если мы допускаемъ рядомъ съ необходимостью жить и дѣйствовать, которая увлекаетъ насъ всѣхъ, идею о поученіи, извлекаемомъ изъ явленій жизни и объ известной степени исправимости, которою мы одарены. Самообольщеніе не есть исключительный грѣхъ сочинителей или писателей; мы можемъ очень удобно изучать его съ психологической точки, въ послѣдніе годы правленія императора Наполеона I, который, по

выраженію Сегюра, подавлялъ своимъ презрѣніемъ военныя и политическія событія, которыя становились поперегъ его дороги и шагаль отъ ослѣпленія къ ослѣпленію до Москвы, не извлекая урока, изъ 1812 г. для 1813 г. изъ 1813 г. для 1814 г. изъ 1814 г. для 1815 г. Страшный Жиль-Блазъ—событія, годъ отъ году выталкиваются за двери императорствующимъ архіепископомъ гренадскимъ и это, замѣтимъ, безъ апоплексіи или какого-либо другого равносильнаго оправданія, кромѣ гордыни опьяненной счастіемъ и деспотической властью.

Сатирическій урокъ Лесажа неприложимъ ко всѣмъ. Есть люди, подобно Корнелю слѣпыя самымъ невиннымъ изъ ослѣпленій, несоставляющимъ недостатка душевнаго. Этотъ великій человѣкъ написалъ съ совершеннымъ и, прибавлю, трогательнымъ простодушіемъ, разборъ своихъ собственныхъ пьесъ; но также какъ онъ никогда не умѣлъ отличить Виргилія отъ Лукана, также въ его глазахъ не существовало различія между Сидомъ и Пертаритомъ, между Гораціями и Агезилаемъ. Для него всѣ эти произведенія были равноцѣнны. Въ одномъ посланіи, адресованномъ имъ въ глубокой старости къ Людовику XIV, посланіи, въ которомъ, сказать мимоходомъ есть превосходные стихи, онъ говоритъ, «что достаточно было бы одного взгляда королевской милости, чтобы вновь поставить его на ряду съ его счастливымъ соперникомъ, котораго публика опьяняетъ своимъ одобреніемъ, и чтобы заставить эту послѣднюю апплодировать какому-нибудь Оттону или Аттилѣ не менѣ чѣмъ Британнику или Митридату». Дальше мы видимъ его пораженнаго смущеніемъ какой-нибудь Беремикой, изъ которой вся грація, нѣжность и вкусъ Расина не въ состояніи были сдѣлать ничего кромѣ растянutoй идилліи. Чѣмъ далѣе онъ идетъ, тѣмъ ниже падаетъ; чтобы вновь подняться ему нужна была бы вся зоркость, которая заставила Расина въ своей Геоліи создать новаго рода драматическія произведенія. Но Корнель не могъ никогда похвалиться такою зоркостью; онъ до конца остался замкнутъ въ кругъ типовъ, соединявшихъ испанскую спѣсь, римскую гордость и монархическую славу, соединеніе, которое было отраженіемъ жизни того вѣка и привилось обществу послѣдняго времени царствованія Людовика XIII-го и регенства Анны Австрійской; понятно, что типы эти, не обновляясь, выдохлись подъ дряхлѣющей рукой Корнеля. Отъ этихъ

геніальныхъ слѣпцовъ не требуйте ничего, кромѣ того что они могутъ дать подъ вліяніемъ порыва вдохновенія.

Но геніальные слѣпцы рѣдки: массѣ людей нужны уроки и она не отказывается отъ нихъ. Желчный Вольтеръ переправлялъ и передѣлывалъ свои трагедіи, по малѣйшему замѣчанію своего вѣрнаго д'Арженталя; два знаменитыхъ пріятели Расинъ и Буало, оказывали другъ другу цензорскія услуги. Однако, и этого оказывалось порой недостаточно. Когда Буало предпринялъ оду, родъ наиболѣе несвойственный генію, то онъ просилъ у Расина критическихъ совѣтовъ и получалъ ихъ; но эти совѣты не измѣнили къ лучшему жалкую работу. Буало сказалъ:

«Влюбленный въ себя и обольщенный собою геній.

Часто не понимаетъ себя, ни своего назначенья.

При всей своей пронизательности, онъ тяжело погрѣшилъ противъ правила имъ самимъ преподаннаго. Онъ столько же неспособенъ былъ сочинять оду, какъ неспособенъ былъ создать эпическую поэму тотъ стихотворецъ, который по собственному его забавному выраженію:

Преслѣдуя Моисея въ степи,

Тонетъ въ морскихъ волнахъ съ Фараономъ.

Дворъ, правда, требовалъ отъ поэта этой оды, которую англійскій бардъ такъ жестоко обратилъ противъ него же самого, впоследствии, когда союзники взяли обратно Намюръ въ виду французской арміи, равно черезъ три года послѣ того, какъ полководцы Людовика XIV-го взяли его въ присутствіи англо-голландскихъ силъ. Буало слѣдовало бы отказаться отъ чести навязанной ему и уступить ее Расину, который, судя по хорамъ своихъ трагедій, былъ истинный и великій лирикъ. Неужели-жъ Буало не угадывалъ къ какому могущественному полету способенъ былъ другъ его въ случаѣ, если бы слава Малерба искусила его или, вѣрнѣе сказать, если бы онъ опередилъ свой вѣкъ, выбился изъ атмосферы двора и узкаго классицизма, чтобы искать вдохновенія въ глубинахъ природы или души. Но можно ли опередить свой вѣкъ?

Чтобы не обмануться въ себѣ и своемъ назначеніи необходимо устроить себѣ родъ термометра и избрать мѣрой сравненія какой-

нибудь образец, наиболее подходящий къ роду нашего ума, нашего вкуса и нашихъ занятій. Вольтеръ, какъ поэтъ драматическій, чтобы не обмануться въ себѣ, избралъ себѣ такой мѣрой Расина, гармонія, нѣжность, правильность и красота котораго имѣли въ его глазахъ безконечное обаяніе; и какъ ни живо было его самолюбіе, а мѣра эта внушила ему искреннее смиреніе. Онъ признается въ этомъ открыто, и передъ этой поэзіей, неутомимо имъ восхваляемой, ему не приходится и въ голову величаться тѣмъ восторгомъ, который его собственные труды возбуждали на сценѣ. Его современники цѣнили очень высоко его драматическій геній; нашъ вѣкъ понизилъ эту оцѣнку значительно; но надо отдать ему справедливость: онъ не увлекался восхваленіями и никогда не терялъ изъ виду того разстоянія, которое отдѣляло его отъ Расина. Онъ далъ собой рѣдкій примѣръ ума, способнаго судить ясно въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ собственная оцѣнка, примѣръ совершенно противоположный архіепископу Гренадскому. Но Вольтеръ не имѣлъ апоплексическаго припадка, не имѣлъ и припадковъ самообольщенія; онъ до конца сохранилъ ясную голову и полное обладаніе своими силами, которыя, чѣмъ болѣе онъ приближался къ концу своей жизни, тѣмъ усерднѣе посвящалъ дѣлу общественному, и которыми онъ распоряжался съ такимъ же рѣдкимъ благоразуміемъ какъ и успѣхомъ.

Мудрость предписываетъ слѣдовать добрымъ примѣрамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя философіи, и я тоже избралъ себѣ образецъ, служащій мнѣ мѣрой сравненія; это великое твореніе Огюста Конта, не на счетъ стиля, — хотя я не одобряю строгости, съ которою судятъ о немъ люди запуганные философическими нововведеніями и вымѣщающіе свой страхъ на его фразѣ, подѣ часть слишкомъ многосложной, но никогда не праздной. Я выбралъ его, какъ учителя положительной мысли, перваго, подчинившаго ей весь міръ человѣческихъ знаній. Здѣсь я нахожу обширный кругозоръ, могущество комбинацій, связь выводовъ, плодотворность идей; здѣсь я доволенъ, чувствуя себя ученикомъ, во второмъ поколѣніи возрождающимъ ученіе его. Въ чтеніи этого образца, я каждый разъ почерпаю себѣ урокъ недоувѣрія и вмѣстѣ, увѣренности, — недоувѣріе когда я усматриваю въ его величіи, все чего требуетъ новая философическая работа, увѣренности, — когда

я замѣчаю до какой степени устойчива и надежна приготовленная имъ для насъ почва.

Есть и еще термометръ, второстепенный терминъ сравненія которымъ не должно пренебрегать — это перечитывать себя. Дѣло это, конечно, если мы имъ занимаемся не ради самоуслажденія, весьма поучительно. Мы узнаемъ изъ него, до какой степени сильно, хотя и незамѣтно, мы измѣняемся. Идеи не представляются уже намъ въ ихъ прежней связи; здѣсь мы желали бы кое-что прибавить, тамъ вычеркнуть: здѣсь мы согласны съ собой, тамъ нѣтъ; здѣсь мы дивимся, что нами избранъ былъ этотъ способъ развитія идеи, такъ что мы не замѣтили пути къ обширнымъ соображеніямъ, короче, человѣкъ видитъ себя кругомъ измѣнившимся, хотя и тождественнымъ. Остаться вѣрнымъ себѣ въ развитіи — это великое дѣло. Какъ тяжело и горько должно быть на сердцѣ у человѣка, когда сжигая нѣкогда обожаемые и обожая однажды сожженное, онъ разбиваетъ себя самаго и свою интеллектуальную личность, какъ-то сдѣлалъ на нашей памяти знаменитый Ламенэ; и напротивъ, какая отрада, какая ясность, какое глубокое счастье, если въ порядкѣ идей, къ которымъ насъ привели, какъ изученіе общества такъ и наше личное изученіе, мы видимъ родственное движеніе впередъ, которое все расширяетъ, все укрѣпляетъ и дѣлаетъ изъ простаго, свободнаго мыслителя, какимъ я былъ — философа-позитивиста. Сравнивая себя прилежно съ самими собой, мы узнаемъ въ чемъ мы потеряли, въ чемъ выиграли, мы держимъ въ рукахъ и хранимъ непрерывную нить собственнаго развитія; мы не безъ пользы для себя изучаемъ себя и въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ, если это даетъ намъ возможность не ошибиться въ себѣ подъ старость.

Старость!.. Г-жа де-Севиньэ смотрѣла на приближеніе ея съ ужасомъ, естественнымъ для такой хорошенькой женщины, жаловалась на законъ природы, осудившей ее, помимо согласія ея, родиться, стариться, умереть и наконецъ, убѣгая отъ этихъ мрачныхъ мыслей, взывала къ волѣ Божіей тономъ, въ которомъ не рѣдко слышны отголоски ученій св. Августина и Янсена¹⁾. Въ сущности,

¹⁾ «Мнѣ кажется, что я насильственно привлечена къ роковой грани, на которой мы вынуждены переносить старость; я вижу ее, она здѣсь и мнѣ бы хо-

старость, какъ впрочемъ и другія явленія жизни ясно доказываютъ, что одни неутомимые законы природы, управляютъ нашей судьбою. Если бы вмѣсто нихъ управляла какая-нибудь благодѣтельная волшебная сила, то еслибы она захотѣла, чтобы мы умирали, она навѣрно въ тоже время устроила бы, чтобы мы не старились, чтобы мужчины хранили въ себѣ до конца всю полноту своей возмужалости, а женщины всю полноту своихъ прелестей. И пусть намъ не возражаютъ, что законы природы проявляются благодѣтельно когда заставляютъ насъ стариться, чтобы приучившись утрачивать, постепенно жизнь, мы наконецъ способны были разстаться съ нею безъ сожалѣній. Аргументъ имѣлъ бы еще какой-нибудь вѣсь, такъ какъ дѣйствительно смерть для человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, тяжелѣе чѣмъ для старика, если бы всѣ достигали до крайнихъ границъ долгодѣтія, т. е. до возраста, о которомъ Фонтенель говоритъ переживъ сто лѣтъ, что въ немъ чувствуешь трудность существовать, угасая безъ муки и безъ сожалѣнія. Но старость подобнаго рода есть удѣлъ немногихъ, избранныхъ; массы людей не достигаютъ ея, и говоря словами Малерба: «сколько свѣтлокудрой молодости скошенной преждевременно, теряетъ въ мукахъ быстро или медленнаго угасанія ту жизнь, которая, какъ надѣялись окружающіе, дана была не на столь краткій срокъ и не на столь скудное пользование».

Оставимъ мечты и взглянемъ на старость дѣйствительную, съ короткимъ срокомъ жизни передъ собою и съ близкой развязкой въ виду. Фенелонъ восхищается старостью и вкладываетъ въ уста своихъ молодыхъ людей желаніе перейти какъ можно скорѣе опасный промежутокъ жизни, чтобы достигнуть сразу того великаго возраста, когда угасли страсти и мудрость невозмутимо владычествуетъ надъ человѣкомъ. Ж. Ж. Руссо напротивъ, въ восторгѣ отъ молодости съ ея щедрыми обѣщаніями и въ виду ея цѣнить низко тотъ возрастъ, когда все сжимается и убываетъ. Пусть же

тѣлось, по крайней мѣрѣ, устроиться такъ, чтобы не идти далѣе по пути недуговъ, страданій, потери памяти, искаженій, грозящихъ меня оскорбить; и вотъ я слышу голосъ, который мнѣ говоритъ: «надо идти противъ воли, или если не хочешь или умереть—крайность противная природѣ. Вотъ участь всего что заходитъ слишкомъ далеко впередъ, но возвратъ къ волѣ Божіей и ко всеобщему закону, насъ осуждающему, смиряетъ разумъ и внушаетъ терпѣніе».

старикъ не обольщается Фенелономъ и не отчаявается съ Жанъ-Жакомъ. Онъ никогда не стоить молодаго, но если разрушительная рука времени не слишкомъ жестоко съ нимъ обошлась, онъ можетъ еще имѣть свою цѣну и для себя и для другихъ. И въ сущности, только цѣною своей для другихъ, старость еще имѣетъ цѣну и для себя. Въ области мысли и чувства, сфера безличнаго одна остается доступна для ней. Тогда, если намъ посчастливилось заинтересоваться какою-нибудь философскою работою, ученою, или соціальною, мы отдаемъ ей свою старость тѣмъ беззавѣтнѣе и полнѣе, чѣмъ меньше осталость вещей способныхъ насъ отвлекать отъ нея, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что не большой остатокъ времени, оставшійся намъ можетъ быть употребленъ только на такого рода цѣли. Нужно много усилія и нужна бдительность, чтобы поддерживать себя, насколько то возможно для организма вступившаго въ фазисъ упадка и разрушенія. Нѣкто г. Гераръ изъ Монпелье доказывалъ, называя это живучестью (буквально нестарѣніе) интеллектуальной силы, что разумъ, неподчиненный законамъ тѣла, не долженъ старѣться. Онъ былъ спиритуалистъ и я понимаю, что это старѣніе интеллектуальной силы всегда должно было покоить людей, считающихъ умъ атрибутомъ невещественныхъ силъ. Но живучесть чего бы то нибыло въ живомъ существѣ есть физиологическое заблужденіе. Все общее наблюденіе убѣждаетъ насъ, что старикъ постоянно утрачиваетъ не только не приобретаемая, но даже не вознаграждая потери. Съ своей стороны патологическая анатомія доказываетъ, что съ накопленіемъ лѣтъ, въ мозгу совершаются неизбѣжныя перемѣны, которымъ соотвѣтствуютъ и старческія измѣненія въ объемѣ. Правда, что мозгъ какъ органъ позже другихъ достигающей зрѣлости, позже и начинается стариться.

И нѣкоторымъ привилегированнымъ натурамъ дѣйствительно удается сберечь до глубокой старости рѣдкую силу. Такъ очень недавно еще мы видѣли съ удивленіемъ г. Біо: въ глубокой старости онъ трудился, писалъ, сочинялъ, разсыпая щедро своею столь дряхлой уже рукой сокровища своего глубокаго знанія, своей любви къ наукѣ и своего высоко выработаннаго изящества. Но исключенія эти, къ тому же нерѣдко встрѣчаемыя и въ отношеніи тѣла въ крѣпкихъ здоровыхъ старцахъ, скорѣй подтверждаютъ, нежели нарушаютъ правило. Самъ г. Біо подъ старость, не былъ бы

уже способенъ къ великимъ математическимъ и физическимъ работамъ, составившимъ его славу. По этому онъ и отказался отъ подобнаго рода трудовъ: онъ популяризовалъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ, критиковалъ, — короче онъ освѣщалъ науку, но уже не расширялъ ее. Способность къ зачатію и созданію, вотъ что отличаетъ человѣка въ полномъ зрѣлости отъ старика въ упадкѣ. Но за отсутствіемъ этого, ему остается еще, если судьба благосклонно помогала ему, и онъ самъ помогалъ судьбѣ, — ему остается миръ душевный, ясность идей, богатство знанія, широта сужденій и иногда, въ счастливыя минуты, кое-какія прощальныя улыбки молодости. Если-жь, напротивъ, судьба и организація не благопріятствовали ему, то, по привычкѣ наблюдать за собой онъ это чувствуетъ, видитъ и поступить какъ знаменитый физикъ Фаредей, просившій у своихъ слушателей отставки. «Постепенное ослабленіе памяти и другихъ способностей даетъ тяжело себя чувствовать, и я долженъ былъ помнить вашу благосклонность, чтобы довести дѣло мое до конца. Если случится, что я засижусь въ роли преподавателя, или неудовлетворю ожиданіямъ, то забудьте, что вы удержали меня на моемъ мѣстѣ. Я желалъ сойти со сцены, какъ долженъ сдѣлать каждый чувствующій, что силы его слабѣютъ; но признаюсь, привязанность къ этой залѣ и къ посѣщающимъ ее такъ велика во мнѣ, что мнѣ трудно сознаться, что часть удаленія на покой пробилъ». И вотъ такимъ образомъ, старикъ, вмѣсто того чтобы быть смѣшнымъ, представляетъ трогательное зрѣлище.

Вольтеръ рассказывалъ, что онъ водилъ на представленіе «Ворчуна» своего отца, который былъ самъ очень ворчливаго нрава, и тотъ сталъ послѣ этого нѣсколько менѣе ворчать. Подобнымъ же образомъ, благодаря Лесажу, Гренадскій архіепископъ на сценѣ и заставляетъ задумываться самолюбивыхъ. Апоплексія здѣсь лишняя, но урокъ не лишній, и онъ въ ходу, вошелъ въ поговорку. Авторы получали предостереженіе и публика тоже.

ХОЛЕРА ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1832 ГОДУ.

Появленіе холеры было бѣдствіемъ слишкомъ ужаснымъ для тѣхъ странъ, въ которыхъ она разразилась; она не могла не привести въ недоумѣніе медицину и не овладѣть всецѣло, хотя и на время, вниманіемъ людей.

Начиная отъ береговъ Индійскаго Океана, гдѣ болѣзнь эта впервые появилась, вплоть до самой Америки, которой также не было отъ нея пощады, вездѣ она наводила страшную тревогу на тѣ народы, которымъ угрожала, и безпредѣльный ужасъ на тѣхъ, среди которыхъ разражалась. Въ Парижѣ, такъ давно уже избалованномъ благодатнымъ своимъ климатомъ, изгладилось уже всякое воспоминаніе о тѣхъ мрачныхъ временахъ, когда чума свирѣпствовала среди населенія его, и мы, гордясь нашей цивилизаціей, забыли и думать о тѣхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя, отъ времени до времени, ниспосылаетъ природа человѣческимъ поколѣніямъ. Эти ужасныя эпидеміи, появляющіяся внезапно и неизвѣстно по какой причинѣ, эти массы умирающихъ людей, падающихъ жертвами зловреднаго дуновенія болѣзни, эти тысячи непостижимыхъ смертей, предметъ бессильныхъ гипотезъ для ученыхъ и зловѣщихъ истолкованій для темнаго люда, все это вмѣстѣ представляетъ одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя навсегда запечатлѣваются въ памяти и въ исторіи народовъ. *Sunt lacrymae rerum et mentem mortalia tangunt.*

Невѣжество всегда склонно къ фатализму, — не такова наука.

Медицина тотчасъ принялась за дѣло, чтобъ уяснить себѣ сущность этой болѣзни, и если возможно, умѣрить ея опустошенія. Изученія эти продолжаются уже 17 лѣтъ; каковъ былъ ходъ и успѣхи ихъ, мы увидимъ ниже. При первомъ появленіи недуга въ 1817 г., англійскіе и французскіе врачи въ Индіи прежде всего принялись за описаніе симптомовъ этой болѣзни и старались отыскать какіе нибудь раціональныя основы для леченія. Но работы ихъ, какъ ни достойны онѣ уваженія, оказались слишкомъ неполными; и только въ Россіи, въ Москвѣ, можемъ мы замѣтить первый шагъ науки впередъ. Здѣсь принимаются за анализъ крови и находятъ въ ней разные существенныя измѣненія. Химія принимаетъ участіе въ этомъ разъясненіи болѣзни. Второстепенныя пораженія начинаютъ обращать на себя большое вниманіе. Въ Германіи патологическіе наблюденія пріобрѣтаютъ большую точность. Вѣнскіе и берлинскіе доктора открываютъ присутствіе фоликулярной сыпки на кишкахъ, и съ большой отчетливостью описываютъ тѣ болѣзненные явленія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за холерными припадками. Они пробуютъ множество разнообразнѣйшихъ способовъ леченія, между прочимъ прибѣгаютъ даже къ введенію новой крови въ организмъ больного, но безуспѣшно. За то они возстановляютъ методъ холодныхъ обливаній, принятый у персіанъ, и изучаютъ дѣйствіе рвотныхъ въ холерныхъ случаяхъ.

Въ Англии снова принимаются за химическія работы. Находятъ что русскіе медики ошибочно приписывали кислотныя свойства крови холерныхъ больныхъ, но за то наблюденіе ихъ относительно уменьшенія кровяной сыворотки оказывается вполне справедливымъ. Кроме того находятъ въ крови недостатокъ нѣкоторыхъ солей, существенно необходимыхъ для ея нормальнаго состоянія. Всѣ эти изслѣдованія бросаютъ свѣтъ на физиологическій механизмъ болѣзни, и отсюда является у англичанъ мысль испробовать новое средство. Они пытаются возвратить крови утраченныя ею соли, давая больному приемы внутрь разныхъ растворовъ солей, или дѣлая вспрыскиваніе изъ подобныхъ же составовъ. Средства эти нерѣдко, имѣли успѣхъ.

Во Франціи снова провѣряютъ и подтверждаютъ эти химическіе анализы; къ этому прибавляютъ изслѣдованіе дыханія больныхъ

и находятъ, что воздухъ выдыхаемый холерными больными содержитъ болѣе кислорода чѣмъ тотъ, который выдыхается здоровыми людьми,—слѣдовательно у больныхъ происходитъ меньшее поглощеніе кислорода и дыханіе ихъ такимъ образомъ неполно. Пробуютъ поэтому искусственное вдыханіе кислорода, но результаты получаютъ лишь самые кратковременныя. Затѣмъ наука обогащается еще нѣсколькими фактами изъ области патологической анатоміи.

Таковы, вкратцѣ очерченные, главные успѣхи по части изученія холеры. Въ настоящее время болѣзнь эта извѣстна не менѣе всякой другой относительно своихъ симптомовъ и тѣхъ поврежденій, которыя она оставляетъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Если леченіе ея далеко еще не такъ удовлетворительно, какъ можно было бы желать, то никакъ нельзя приписывать это недостаточному количеству опытовъ. Все, что только могутъ доставить эмпиризмъ, изученіе симптомовъ, данныя патологической анатоміи, химическія изслѣдованія—все было принято въ соображеніе. И что же оказалось въ результатѣ? Во всѣхъ странахъ списки умершихъ даютъ отвѣтъ, что тотъ медикъ, который потерялъ хотя немного менѣе половины своихъ больныхъ, не долженъ еще считать свое леченіе особенно неудачнымъ.

Холера, опустошавшая Парижъ и оказавшая такое губительное вліяніе на его населеніе, представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изслѣдованія. Можно разсматривать ее съ двухъ точекъ зрѣнія: или изучать самую болѣзнь, ея анатомическій характеръ, симптомы и разные способы леченія, или же, отбросивъ въ сторону все, что касается собственно такъ называемой патологіи, заняться только вопросами медицинской статистики. Комиссія задалась этой послѣдней цѣлью и разработала именно эти вопросы въ томъ сочиненіи, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Она собрала всевозможныя статистическія свѣдѣнія относительно движенія холерной эпидеміи въ сенскомъ департаментѣ. И эти изслѣдованія столь же полезны сколько и любопытны. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно было опредѣлить, какіе именно классы населенія подвергаются всего болѣе губительному вліянію эпидемій вообще, или, по крайней мѣрѣ, собственно холерной эпидеміи; подвергаются ли болѣе богатые люди или бѣдные, мужчины или женщины, старики или дѣти, люди профессій требующихъ усидчивости или напротивъ такихъ, которыя тре-

буютъ движенія на свѣжѣмъ воздухѣ; страдаютъ ли отъ нея болѣе улицы и жилища здоровыя, хорошо вентилированныя или, напротивъ, узкія и грязныя? Всѣ эти вопросы имѣютъ весьма существенный интересъ какъ для науки, такъ и для общественнаго здоровья: для науки въ томъ отношеніи, что узнавъ хорошо условія распространения зла, можно легче доискаться причинъ происхожденія его; для общественнаго здоровья потому, что изъ каждыхъ вѣрныхъ статистическихъ данныхъ всегда можно извлечь полезныя практическіе выводы.

Работы комиссіи отличались большой добросовѣстностью и точностью. Она ничѣмъ не пренебрегала чтобы собрать всевозможныя свѣдѣнія и сообщить читателямъ результаты своихъ вычисленій. Краткій очеркъ этихъ работъ мы здѣсь представляемъ нашимъ читателямъ. Нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ холеры, относительно которыхъ и сами медики еще колебались высказаться положительно, появилось уже въ февралѣ и мартѣ 1832 г. Но, начиная съ 26 числа этого послѣдняго мѣсяца, появленіе болѣзни, принявшаея угрожающій характеръ, вслѣдствіе безпрестанныхъ сношеній съ Англійей, уже зараженной, не подлежало болѣе никакому сомнѣнію. Четыре человѣка занемогли внезапно и умерли черезъ нѣсколько часовъ; первой жертвой былъ поваръ маршала Лоббъ жившій въ улицѣ Мазаринъ; затѣмъ умерла маленькая дѣвочка изъ улицы Haut Moulin (Cité) потомъ уличная торговка изъ улицы des Jardins st. Paul, въ арсенальномъ кварталѣ, и наконецъ торговецъ яицами изъ улицы Mortelleue въ кварталѣ Ратуши. Съ 31-го марта по 1 апрѣля эпидемія распространилась уже по всему городу; 3 апрѣля число смертныхъ случаевъ доходило уже до ста; девятого умерло 814 человѣкъ; наконецъ 14-го апрѣля, т. е. черезъ 18 дней послѣ появленія этого ужаснаго бича насчитывали уже отъ 12 до 13,000 больныхъ и до 7,000 умершихъ. Тогда-то распространились въ народѣ тѣ странныя подозрѣнія въ отравленіи, которымъ какъ нарочно благоприятствовала еще нелѣпѣйшая прокламація полицейской префектуры, и вслѣдствіе этого въ Парижѣ разыгрались точь въ точь такія же сцены, какъ въ Петербургѣ и въ Венгріи. Странное и роковое слѣдствіе человѣческаго невѣжества и того помраченія умовъ, которымъ всегда сопровождаются всѣ великія общественныя бѣдствія!

Холерная эпидемія въ Парижѣ продолжалась всего 189 дней или 27 недѣль, съ 26-го марта по 30-е сентября. Періодъ усиленія или возрастанія болѣзни продолжался 15 дней, періодъ ослабленія—62 дня. Замѣчательно, что въ тѣхъ кварталахъ города, гдѣ эпидемія появилась позднѣе, какъ на примѣръ во 2 и 3 округахъ, эпоха самой сильной смертности запоздала на столько-же, на сколько запоздала и самая болѣзнь. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный округъ представляетъ какъ бы отдѣльную полную картину хода болѣзни и даже въ сельскихъ общинахъ мы находимъ тоже самое. 18-го іюня холера вдругъ приобрѣла новую силу; однакоже этотъ вторичный приступъ ея, уже существенно отличавшійся отъ перваго своими безпрестанными переходами отъ усиленія къ ослабленію, кромѣ того различался еще и другими характеристичными чертами. Такъ въ первое свое появленіе эпидемія употребила 15 дней на достиженіе максимума своей напряженности; при вторичномъ же приступѣ ея, на достиженіе этого максимума потребовалось болѣе мѣсяца (съ 17 іюня по 18-е іюля), и самый этотъ максимумъ, обозначенный 206 смертными случаями, далеко уступалъ въ силѣ первому, гдѣ число жертвъ доходило до 814. Такимъ образомъ, этотъ вторичный періодъ, при сравненіи его съ первымъ, различается отъ него и большей продолжительностью и меньшей силой.

Холера похитила у столицы 13,901 жителя, въ первое свое нашествіе и 4,501 во второе; всего 18,402 человѣка. Многіе утверждали въ то время и, можетъ быть, думаютъ до сихъ поръ, что цифра эта и такъ уже довольно значительная, въ сущности была еще больше и всего умерло отъ 30 до 40,000 человѣкъ. Но комиссія употребила всѣ зависящія отъ нея мѣры чтобы провѣрить дѣйствительно ли умерло отъ этой эпидеміи только 18,402 человѣка. Для такой провѣрки существуютъ три источника: гражданскіе регистры, протоколы, посылаемые каждый мѣсяцъ въ префектуру департамента и число погребеній записываемыхъ въ регистрахъ кладбищъ. Въ гражданскихъ спискахъ, съ 1-го апрѣля по 1-е октября, значится 32,240 умершихъ; въ мѣсячныхъ протоколахъ также 32,240; въ регистрахъ же кладбищъ—32,478. Небольшой излишекъ замѣчаемый въ послѣднихъ слѣдуетъ приписать какому-нибудь ошибочнымъ повтореніямъ въ отчетахъ госпиталей и меріи. Изъ этого видно, что всѣ эти три источника провѣрки

даютъ согласныя между собою показанія, и потому можно имѣть довѣріе къ цифрѣ умершихъ отъ холеры. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что обыкновенная смертность не только не уменьшалась, но еще возрасла во время эпидеміи и даже послѣ ея исчезновенія еще долго оставалась усиленной. Всего въ Парижѣ умерло въ 1832 г. 44,199 человекъ. Если исключить изъ этого числа 18,402 умершихъ отъ холеры, остается 25,717 смертныхъ случаевъ. Средняя же годовая смертность за послѣдніе нѣсколько лѣтъ стояла на цифрѣ 25,300. Все народонаселеніе Парижа во время появленія эпидеміи состояло изъ 785,862 жителей — слѣдовательно на каждые 100 человекъ холера унесла 2,35. Но въ сущности пропорція эта еще далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ весьма понятный ужасъ выгналъ изъ Парижа огромное число жителей.

Въ числѣ умершихъ отъ холеры насчитываютъ 9,170 мужчинъ и 9,232 женщины. Съ перваго взгляда пропорція кажется почти равной, но въ сущности такое заключеніе ошибочно, такъ какъ въ общей массѣ народонаселенія состоящаго изъ 782,862 человекъ, считая въ томъ числѣ гарнизонъ, существуетъ излишекъ 10,640 женщинъ. Если затѣмъ исключить гарнизонъ, неизлечимо больныхъ въ госпиталяхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ, оказывается что изъ 368,940 мужчинъ умерло 7,957 т. е. 21,61 изъ тысячи; женщинъ же изъ 390,195 умерло 8,597, т. е. 22,03 изъ тысячи. Слѣдовательно женщины болѣе мужчинъ пострадали отъ эпидеміи.

Отношеніе возрастовъ къ смертности вообще, давно уже определено въ Парижѣ. Вліяніе холерной эпидеміи въ этомъ отношеніи слѣдующее: она увеличила на $\frac{1}{8}$ шансы ежегодно грозящей смерти для дѣтей моложе пяти лѣтъ; на $\frac{4}{10}$ для дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ; на $\frac{2}{3}$ для молодыхъ людей отъ 15 до 30 лѣтъ, и болѣе чѣмъ удвоила смертность особъ между 30-ю и 60-ю годами; смертность стариковъ тоже почти что удвоилась.

Средняя продолжительность холерныхъ припадковъ, у людей умершихъ отъ той болѣзни, была слѣдующая: 49 часовъ у дѣтей отъ одного года до пяти-лѣтнаго возраста; 52 часа отъ 5 до 10-лѣтнаго, 55 часовъ отъ 10 до 15 лѣтнаго и 64 часа для возрастовъ между 15 и 60 года, наконецъ для людей 60 лѣтъ и старше 60 часовъ. Такимъ образомъ сопротивленіе недугу находилось въ прямомъ отношеніи къ зрѣлости и крѣпости возраста.

Коммиссія опредѣлила, что въ Парижѣ измѣненія въ температурѣ и въ направленіи вѣтровъ не имѣли никакого вліянія на ходъ холерной эпидеміи.

Равнымъ образомъ, она посвятила не мало трудовъ изслѣдованіямъ насколько болѣе или менѣе высокое положеніе кварталовъ и болѣе или меньшая близость ихъ къ водѣ повліяютъ на усиленіе холеры. Оказывается, что ни то, ни другое никакого замѣтнаго вліянія не имѣютъ. Кажется, какъ будто низкія улицы пострадали болѣе высокихъ мѣстностей, и улицы сырыя и узкія болѣе сухихъ, но и тутъ разниця не особенно значительна.

Но въ числѣ элементовъ способствующихъ развитію холеры, есть одинъ наиболѣе сильный — это бѣдственное состояніе народонаселенія. Азіятскій бичъ, проникнувъ въ наши страны, не избѣгнулъ подчиненія тѣмъ же законамъ, которые управляютъ и другими болѣзнями: всѣ онѣ наиболѣе смертельны тамъ, гдѣ нищета сильнѣе, гдѣ люди скучены въ болѣе тѣснотѣ, гдѣ воздухъ испорченнѣе, чистота менѣе соблюдается, гдѣ пища малопитательная и одежда недостаточная. Поэтому при составленіи медицинской статистики, или при исчисленіи процента смертности, не стоитъ особенно останавливаться надъ вопросами: каково положеніе той или другой мѣстности относительно солнца или вѣтровъ, относительно зелени и воды, или какъ высоко лежитъ мѣстность надъ уровнемъ рѣкъ. Всѣ эти условія, конечно имѣютъ нѣкоторое значеніе, но лишь самое ограниченное, окончательно блѣднѣютъ и ступшеваются передъ однимъ, самымъ главнымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ все, — передъ болѣе или менѣе благополучіемъ населенія. Довольство, достатокъ уменьшаетъ смертность, даже во время холеры, нищета увеличиваетъ ее. Эта истина выясняется всѣми тѣми драгоценными документами, которые собраны коммиссіей и, чтобъ увидѣть наглядно полное подтвержденіе этой истины, стоитъ представить себѣ Парижъ, состоящій изъ двухъ большихъ городовъ, изъ которыхъ одинъ обнимаетъ шесть первыхъ округовъ, а другой шесть послѣднихъ. Въ первомъ будетъ 383,390 жителей, немного болѣе половины всего народонаселенія Парижа; изъ нихъ умерло 5,196 человекъ, т. е. почти 1,3 на сто. Во второмъ, изъ 375,745 жителей умерло 11,376 человекъ, или 3 на 100, т. е. почти втрое болѣе нежели въ первомъ. Всѣмъ извѣстно что

первые шесть частей заключаютъ въ себѣ кварталы: Шоссе-д'Антенъ, Тюльери, Лувръ, Пале-Рояль и пр., т. е. все такіе кварталы, гдѣ благосостояніе находится на гораздо высшей ступени сравнительно съ кварталами Сень-Марсо, Сень-Жакъ, Ситэ, Отель-Дьё и др. Наблюденіе показало также, что вообще смертность въ первыхъ шести округахъ представляетъ ежегодно мѣньшія цифры чѣмъ въ шести послѣднихъ; здѣсь умираетъ одинъ изъ тридцати, а тамъ только одинъ изъ сорока.

Этотъ же результатъ можно прослѣдить въ Парижѣ во всѣхъ подробностяхъ его. Кварталь Сорбонны, начинающійся отъ набережной С. Мишель, и постепенно возвышающійся вплоть до самого Люксембурга, заключаетъ въ себѣ 11,900 жителей; это почти цѣлый маленькій городокъ. Смертность здѣсь доходила до 288 человекъ, т. е., изъ каждыхъ 100 человекъ умирало почти по два. Распределеніе этой смертности было и здѣсь очень неравномѣрно; въ низкой части квартала, гдѣ улицы узкія, народонаселеніе бѣдное, тѣснота страшная, приходился одинъ смертный случай на 32 человека — пропорція ужасающая; въ болѣе же высокой части города, гдѣ условія совершенно противоположныя, приходился одинъ умершій на 103 и 104 человека. Подобная разница чрезвычайно чоразительна и характеристична. Есть города, гдѣ холера свирѣпствовала исключительно только между бѣднѣйшими классами, и начиналась она положительно вездѣ и всегда съ нихъ.

Расширеніе улицъ, очищеніе воздуха удаленіе источниковъ вредныхъ испареній, все это конечно будетъ всегда весьма полезной мѣрой. Представьте себѣ только, на что былъ похожъ Парижъ въ весьма недавнее еще время. «Не болѣе какъ лѣтъ 60 тому назадъ, говоритъ коммиссія въ своемъ отчетѣ, улицы были вымощены самымъ плохимъ образомъ, едва освѣщены и переполнены грязью, слякотью и всевозможными нечистотами. Дома высокіе, узкіе, мрачные возвышались надъ мостами и набережными. Самыя вредныя и самыя отвратительныя по своимъ процессамъ фабрики или ремесла, какъ-то дубленіе кожъ, выдѣлка кишечныхъ струнъ, литейни, бойни, изъ которыхъ безпрестанно широкими ручьями вытекала кровь, достигая иногда самой середины улицы, все это сосредоточивалось въ самомъ центрѣ города. Даже самая смерть находила тутъ же складочныя мѣста для своихъ труповъ; самое обширное изъ нихъ на-

зывалось «Кладбищемъ Невинныхъ» и находилось въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь рынокъ того же имени. Двадцать приходовъ нагромождали ежедневно своихъ покойниковъ въ этой обширной пропасти, всегда готовой принять ихъ, несмотря на то, что она уже содержала въ себѣ болѣе милліона труповъ. Въ теплые, сырые зимніе дни, изъ этого ужаснаго гнѣзда заразы поднимались испаренія до того зловредныя, что они быстро разлагали въ окрестностяхъ всякіе съѣстные припасы и далеко распространяли самыя опасныя болѣзни. Подъ плитами церковныхъ половъ также всегда устраивались могилы и нерѣдко во время службы можно было чувствовать трупный смрадъ, поднимавшійся изъ глубины склеповъ и распространявшійся по всему храму. Госпитали представляли ужасающее зрѣлище; на каждой кровати лежало по нѣскольکو человекъ больныхъ. Наконецъ внутренность тюремъ была до того отвратительна, что преступники нерѣдко предпочитали смерть пребыванію въ тюрьмѣ». Дѣйствительно Парижъ того времени не представлялъ особенно привлекательной картины.

Еслибы и въ наше время онъ оставался такимъ же какъ тогда, нѣтъ сомнѣнія что дѣйствіе холеры оказалось бы еще болѣе опустошительнымъ. Но нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что всѣ эти мѣры предосторожности, хотя я отнюдь не хочу умалять значенія ихъ, занимаютъ лишь второспенное мѣсто въ сравненіи съ главнымъ вліяніемъ, вліяніемъ нищеты. Холера, вызвавъ столько изслѣдованій, раскрыла множество самыхъ безотраднѣйшихъ картинъ; лишеніе и бѣдность, которымъ нѣтъ названія, открылись въ разныхъ ужаснѣйшихъ трущобахъ города. Все что дѣлаетъ народъ здоровымъ и крѣпкимъ, имѣетъ прямое вліяніе на уменьшеніе смертности; а при современномъ состояніи цивилизаціи чѣмъ народъ бѣднѣе, тѣмъ здоровье и силы его слабѣе, особенно въ городахъ. И въ этомъ отношеніи смертность — періодическое слѣдствіе эпидеміи — подчиняется тѣмъ же самымъ законамъ какъ и смертность постоянная въ обыкновенное время.

Очень не лишнимъ было также прослѣдить вліяніе различнаго рода профессій, что и исполнила коммиссія съ большою обстоятельностью, прида при этомъ къ слѣдующему заключенію: «холера поражала съ наименьшей силой тѣхъ, которымъ профессія ихъ давала возможность защищаться отъ непогоды и разныхъ вліяній воз-

духа, или тѣхъ, которые по своему специальному положенію могли пользоваться нѣкотораго рода комфортомъ, и вообще тѣхъ, кто въ какомъ-нибудь ремеслѣ, въ какомъ-нибудь искусствѣ находилъ средства для безбѣднаго существованія».

Трудъ комиссіи заканчивается наблюденіями надъ движеніемъ холерной эпидеміи въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь результаты оказываются такіе же какъ и въ городѣ. Усердіе съ какимъ комиссія старалась собирать всевозможныя матеріалы для своихъ вычисленій и сгруппировать ихъ въ рядъ самыхъ ясныхъ и разностороннихъ картинъ выше всякихъ похвалъ. Къ книгѣ своей она приложила планы всѣхъ кварталовъ Парижа, съ помощью которыхъ легко слѣдить за малѣйшими подробностями движенія эпидеміи.

Всѣмъ извѣстно что холера до сихъ поръ еще не совсѣмъ оставила насъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ узнать число ея жертвъ въ первое время послѣ великаго ея нашествія. Всего насчитывается смертныхъ случаевъ еще 714; распределены они слѣдующимъ образомъ: въ 1832 г., въ октябрѣ 62; въ ноябрѣ 33; въ декабрѣ 105; въ 1834 г., въ январѣ 33, въ февралѣ 7; въ мартѣ 2; въ апрѣлѣ 1; въ маѣ 2; въ іюнѣ 2; въ іюлѣ 0, въ августѣ 3; въ сентябрѣ 100; въ октябрѣ 225; въ ноябрѣ 73; въ декабрѣ 57; въ 1834 г. въ январѣ 3, въ февралѣ 5, въ мартѣ 1; въ апрѣлѣ 0.

Пораженный тѣмъ непроницаемымъ мракомъ, который окружаетъ первоначальную причину болѣзней, одинъ знаменитый врачъ, Багиви, выразился слѣдующимъ образомъ «Плиній говорить, что причина, по которой мы живемъ, составляетъ для насъ тайну; но, по моему, причина по которой мы болѣемъ, составляетъ еще болѣшую тайну». Дѣйствительно, какъ ни изумительно, какъ ни таинственно начало жизни, простолюдину не приходитъ въ голову удивляться ему; но когда холера напала на него съ такой яростью, онъ невольно пришелъ въ изумленіе и началъ осматриваться и донскиваться, что могло быть причиной столь необыкновенной болѣзни. Нужно сознаться, что медицина не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Причина холеры до сихъ поръ остается неизвѣстной. Болѣзнь совершенно новая, она впервые разражается на нашихъ глазахъ, на берегахъ Ганга. Но кромѣ этой новизны, какъ и мѣста происхожденія ея, нельзя сказать о ней ничего

болѣе достовѣрнаго; и что именно зажгло этотъ ужасный пожаръ— до сихъ поръ остается неразгаданнымъ¹⁾.

Выше мы видѣли, какъ велика была смертность, причиненная холерой въ Парижѣ— смертность дѣйствительно ужасная, но въ сущности она покажется намъ интересной, если мы сравнимъ ее съ той смертностью, которую причинила, напримѣръ, черная чума въ XIV-мъ вѣкѣ. Отъ этой болѣзни погибло во Флоренціи 60,000 человѣкъ; въ Венеціи 100,000; въ Марсели, въ одинъ мѣсяць 16,000; въ Парижѣ 50,000; въ Авиньонѣ 60,000; въ Лондонѣ по крайней мѣрѣ 100,000. И всѣ эти цифры, какъ ни громадны, даютъ еще только слабое понятіе о всѣхъ ужасныхъ опустошеніяхъ, которыя она причинила. Во Франціи, во многихъ мѣстахъ изъ 20-ти жителей уцѣлѣло только два человѣка. Въ Парижскомъ госпиталѣ Отель-Дьё, умирало въ день по 500 больныхъ; вскорѣ кладбища были совершенно переполнены и множество домовъ остались совершенно заброшенными. Въ Авиньонѣ папа принужденъ былъ прочитать заупокойныя молитвы надъ самой Роной, чтобъ можно было безъ замедленія бросать туда трупы, за недостаткомъ кладбищъ. Въ Австріи, въ Вѣнѣ, гдѣ нѣкоторое время умирало по 1,200 человѣкъ въ день, погребенія на кладбищахъ были запрещены и было вырыто за городомъ шесть большихъ ямъ, куда складывались трупы по тысячѣ въ рядъ. Въ Лондонѣ въ одномъ мѣстѣ было зарыто 50,000 труповъ. Италия потеряла до половины своихъ жителей. Холера, какъ бы ни была она ужасна, далеко не можетъ сравниться съ черной чумой XIV столѣтія.

Съ 1832 г. по 1870 годъ, въ который мною перепечатываются здѣсь всѣ эти свѣдѣнія, теорія холеры, хотя нисколько не подвинулась впередъ по части леченія, все еще ограничивающагося тѣмъ, что называется указаніями, съ другой стороны сдѣлала нѣсколько успѣховъ, имѣющихъ довольно важное значеніе.

Дознано теперь окончательно, что холера заразительна подобно

¹⁾ Въ послѣднее время распространилось мнѣніе, что холера въ тѣ времена существовала въ Индіи; это — вещь очень возможная; въ запискахъ Гиппократы встрѣчается описаніе болѣзни, поразительно похожей на индійскую холеру и, можетъ быть, именно эта болѣзнь и появилась на берегахъ Ганга. Безспорнымъ остается одно то, что въ 1817 году, въ первый разъ холера распространилась на такое далекое разстояніе и приобрѣла характеръ эпидемическій.

кори, скарлатинѣ, злокачественной жабѣ, чумѣ и желтой лихорадкѣ. Заразительное начало лежитъ главнымъ образомъ въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ.

До сихъ поръ неизвѣстно ни одной холерной эпидеміи на Западѣ, которой бы не предшествовала подобная же эпидемія въ Индіи.

Это навело на мысль поставить какую-нибудь преграду на пути распространенія холеры изъ Индіи на Западъ. Правда, когда она уже достигнетъ густо населенныхъ странъ, какъ Россія, Польша, Германія, Англія, Франція и др., никакіе мѣры предосторожности не въ состояніи уже пресѣчь зло и оно неудержимо продолжаетъ подвигаться своимъ роковымъ путемъ; но въ томъ промежуткѣ, который насъ отдѣляетъ отъ Индіи, какъ со стороны Чернаго моря и Египта, такъ и со стороны Каспійскаго моря и азіатской Россіи, бдительная и строгая гигиена, подъ наблюденіемъ правительства, могла бы воспрепятствовать злу дѣлать такіе успѣхи, какіе оно дѣлало въ то время, когда всеобщее невѣжество и недостатокъ официальныхъ средствъ, лишали всякой возможности бороться противъ него. Теперь уже начинаютъ производиться опыты и въ близкомъ будущемъ мы увидимъ, насколько сѣмъбѣтъ практика подтвердить справедливость теоріи.

О МЕДИЦИНСКОМЪ УЧЕНІИ

извѣстномъ подъ названіемъ ученія объ организаціяхъ (organicisme)*).

Уже одно слово *органицизмъ*, которымъ озаглавлена книга г. Ростана, возбуждаетъ въ моемъ умѣ мысль о томъ, какъ трудно говорить въ популярной статьѣ объ отвлеченныхъ вопросахъ медицины. Я говорю отвлеченныхъ, но тѣ изъ читателей, которые не затрудняясь техническимъ словомъ, рѣшатся прочесть мою статью до конца, увидятъ что въ ней есть отвлеченнаго и къ какому роду принадлежитъ эта отвлеченность. Вопросъ именно въ томъ, чтобы не увлекаясь воображеніемъ, обобщить факты весьма положительные; это всегда казалось невозможнымъ прежней философіи, а современная признаетъ это своею основною задачею.

Всякая медицинская задача, или, проще сказать, всякая болѣзнь представляетъ двѣ стороны, тѣсно связанныя между собой, физиологическую и патологическую. Рассмотрѣніе органа и его дѣятельности въ здоровомъ состояніи составляетъ физиологическую часть всякой медицинской задачи; рассмотрѣніе того же органа и его дѣятельности въ болѣзненномъ состояніи составляетъ патологическую часть упомянутой задачи.

И такъ какъ, не зная состояніе органа въ нормальномъ состояніи

*) De l'organicisme, précédé de réflexions sur l'inéredulité en matière de médecine, par M. le professeur Rostan. Troisième édition. Paris 1864.

нельзя получить понятія о разстройствѣ его, физиологія имѣетъ первенство надъ патологіей; какъ ни сложны физиологическія данныя, патологическія представляются еще болѣе затрудненія, — въ послѣднемъ случаѣ дѣло усложняется какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ, нарушающимъ правильный ходъ отправленій.

Но надо сказать, что развитіе не шло и не могло идти такимъ путемъ: физиологическія вопросы не предшествовали въ умѣ человѣческомъ патологическимъ вопросамъ. Нѣтъ, болѣзни, страданія натолкнули людей на медицинскую науку; непобѣдимое желаніе помочь страданіямъ ближнихъ, исцѣлить по словамъ стараго Гомера, успокоивающія лекарства, для облегченія черныхъ недуговъ людскихъ. Обогатившись наблюденіями, логичные умы извлекли изъ нихъ правила для практики и науки. Вотъ какимъ образомъ развивалась древняя медицина; знаменитые люди Гиппократъ, Эразистратъ, Герофилъ, Соранусъ, Галенъ первые стали писать о медицинѣ. Всѣ средства и пособія противъ различныхъ болѣзней, изобрѣтенные путемъ опыта и размышленій, заносились въ книги и школы.

По мѣрѣ того какъ изучались болѣзни, физиологическая сторона, тѣсно связанная со патологической, все болѣе и болѣе заявляла о себѣ. Но развитіе ея не шло быстро, она обогащалась медленно, не будучи возведена въ науку, и находясь исключительно въ рукахъ медиковъ, въ глазахъ которыхъ она занимала второстепенное мѣсто. Наконецъ медицина произвела на свѣтъ эту великую науку—науку жизни или біологію, безъ которой патологія не могла идти впередъ.

Умъ человѣскій такъ устроенъ, что можетъ интересоваться чисто абстрактной истиной, даже не предвидя какую пользу она можетъ принести. Упомянутая способность человѣческаго ума породила науки. Исторія учитъ, что искусства, порожденныя нуждами человѣчества, первыя пробудили способность увлекаться науками; время и социальныя преобразованія расчищали путь наукамъ. Самое большее развитіе получила физиологія въ Греціи, тогда какъ въ другихъ странахъ она оставалась на самой первой степени развитія, на которой осталась у нѣкоторыхъ расъ. Драгоценное наследіе науки выпало на долю западныхъ народовъ, которые одни только въ состояніи были обогатить ее новыми свѣдѣніями

и сдѣлать важнымъ достояніемъ человѣческаго рода. Стремленіе къ истинѣ, безкорыстное стремленіе, безъ всякой практической изнанки, давнымъ давно воодушевляетъ людей науки къ труду. Какъ утѣшительно за человѣчество видѣть то высокое безкорыстіе, то стоическое безпристрастіе, съ которымъ ученые стремятся къ познанію природы. И по мѣрѣ развитія этого стремленія, смиренная и пренебрегаемая дѣйствительность, получала большее и большее значеніе. Какъ скоро признали ее не только источникомъ истинъ, но и источникомъ великой пользы—предъ владычествомъ ея преклонились не только ученые, но и практическіе умы; такимъ образомъ въ умственномъ и социальномъ мірѣ современниковъ, стали преобладать тѣ принципы, которые въ прежнее время не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Существенные элементы позитивной науки о жизни ясны. Нѣтъ жизни безъ организованной субстанции, то есть субстанции съ извѣстнымъ правильнымъ устройствомъ сложныхъ частей. Кромѣ того во всѣ извѣстныя намъ субстанции входятъ частицы, изъ которыхъ состоитъ весь шаръ земной. Всѣ органическія тѣла разлагаются на кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и нѣкоторыя другія. Эти составныя части и въ органическихъ тѣлахъ имѣютъ тѣ же физическія и химическія свойства, какъ и въ другихъ тѣлахъ; такимъ образомъ въ каждомъ живомъ тѣлѣ долженъ существовать извѣстный планъ, по которому и дѣйствуютъ свойства упомянутыхъ частицъ; безъ этого условія не можемъ быть жизни. Затѣмъ организованная субстанція проявляетъ извѣстное количество свойствъ, которыхъ она единственный источникъ. Я нарочно употребляю это выраженіе, чтобы произвестъ въ умѣ читателей то убѣжденіе, что всякое отдѣленіе жизни отъ организованной субстанции—есть метафизическое хитросплетеніе, безъ всякаго научнаго значенія.

Много прошло времени прежде чѣмъ дошли до мысли, что жизнь присуща организованной матеріи; въ наукѣ мысль эта стала преобладающей не болѣе 70 лѣтъ, до той поры метафизики искали присутствія жизни въ силахъ внѣшнихъ, сверхъ естественныхъ; люди, ближе стоявшіе къ дѣйствительности, приписывали ее физикѣ и химіи — единственнымъ матеріальнымъ силамъ, извѣстнымъ въ то время. Нѣчто подобное происходило въ астрономіи до появленія Ньютона: движеніе небесныхъ силъ свачала при-

писывали какимъ то духамъ, сверхъестественнымъ силамъ, или полагали, что вихри двигаютъ небесными тѣлами, тогда какъ единственно сила присущая матеріи — тяготѣніе является источникомъ движенія. Какъ скоро остановились на томъ, что жизнь тѣсно связана съ организованной субстанціей, послѣдняя сдѣлалась предметомъ изученія во всѣхъ условіяхъ и проявленіяхъ ея. Изученіе привело къ выводамъ, обобщенію ихъ — тому, что называется биологическими законамъ. Нашъ вѣкъ горячо и плодотворно работаетъ надъ преслѣдованіемъ этой трудной задачи. Упомянемъ кстати о дѣйствительномъ порядкѣ или іерархіи, которая существуетъ между науками: такъ напримѣръ биологія, какъ наука выше химіи и физики, потому что она болѣе сложна, чѣмъ послѣднія. Слѣдовательно іерархія наукъ не есть исключительно логическое построеніе изобрѣтенное ради удобства изученія; она реальное построеніе и именно потому, что она реальное построеніе, она такъ непобѣдимо логична.

Упомянутый переворотъ въ воззрѣніяхъ, поставившій 70 лѣтъ тому назадъ науку жизни на положительныя основанія, отразился и на патологіи. Спустя 30—40 лѣтъ прежнее воззрѣніе на болѣзнь, какъ нѣчто независимое, признано было несостоятельнымъ и на патологію стали смотрѣть, исключительно какъ на видоизмѣненіе физиологіи, то есть стали видѣть въ болѣзненномъ измѣненіи тканей или функций органовъ только нарушеніе анатомическихъ и физиологическихъ законовъ. Съ той поры единственно изъ этого положенія стали выводить патологическіе законы, которые, какъ видно изъ предыдущаго, второстепенны и подчинены физиологическимъ законамъ. Отсюда, само собой очевидно и едва ли нуждается въ подтвержденіи моихъ словъ, происходитъ іерархія, которая ставитъ патологію ниже физиологіи, которая отводитъ животной жизни высшую степень надъ растительной, и вообще жизни, какъ и растительной такъ и животной, высшую надъ условіями физическими и химическими; эта іерархія направляетъ умъ по вѣрному пути, бросаетъ свѣтъ на связь всего существующаго, на философію и даже на исторію.

Можетъ быть, у кого нибудь возникнетъ сомнѣніе, принесутъ ли какою нибудь пользу всѣ эти высокія соображенія, выводы медицины, цѣль и стремленіе которой излечить болѣзнь, уврачевать

раны, облегчить страданія. Scira potestates perbarum ususque mendendi, сказалъ латинскій поэтъ, ставя медицину въ узкія рамки пользованія; contenti febres et ulcere agitare—говоритъ искусный популяризаторъ греческой медицины въ Римѣ. На это сомнѣніе, всего лучше отвѣтитъ вамъ то, что написалъ Ростанъ объ успѣхахъ медицины.

Отъ вопроса о связи существующей между биологіей и медициной—прямой переходъ къ *органицизму*; этимъ словомъ Ростанъ окрестилъ медицинское ученіе, основанное имъ въ началѣ своей карьеры и поддерживаемое имъ до послѣдняго времени; ученіе это все выражается въ своихъ двухъ существенныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ одно физиологическое, другое патологическое: первое, что дѣятельность организма есть слѣдствіе анатомическаго стремленія; второе, что всякая болѣзнь зависитъ матеріально отъ органа и его функций.

Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ логичности Ростава, признавашаго такую тѣсную зависимость патологіи отъ физиологіи; понятно почему онъ, разъ пораженный этою мыслью, никогда не покидалъ принципъ, имѣвшій такія огромныя послѣдствія. Но такъ какъ вышеприведенныя положенія Ростана могутъ быть различно истолкованы, посмотримъ какое истолкованіе даетъ имъ авторъ:

«Всѣ явленія, всѣ акты жизни, говоритъ Ростанъ, должны быть обозначены названіемъ органическихъ свойствъ для того, чтобы показать, что физическія и химическія свойства измѣняются въ организмѣ». Чтобы придать болѣе точное опредѣленіе своей мысли г. Ростанъ продолжаетъ: «настанетъ время, когда усиліями гениевъ физико-химическія науки разъяснятъ до сей поры неразгаданное дѣйствіе организаци». Не придавая значенія надеждамъ автора, я стараюсь развить его мысли; онъ высказываетъ, что жизненные процессы связанные органическими условіями, находятся въ тѣсной зависимости отъ инерваціи и именно благодаря участію этой послѣдней становятся для насъ загадочными;—нервная дѣятельность есть источникъ всѣхъ жизненныхъ свойствъ.

Въ наукѣ я держусь однихъ взглядовъ съ Ростаномъ, но въ данномъ случаѣ я не раздѣляю его взгляда, и не спрашивая его зачѣмъ онъ оставляетъ такой пробѣлъ между инерваціей и остальнымъ, и зачѣмъ онъ не принимаетъ ее за органическое условіе,

которое можетъ въ свое время быть объяснено физико-химическими законами, я передаю; цѣликомъ его мысль, такъ какъ онъ ее даетъ: что въ живомъ организмѣ единственный источникъ жизни—нервная система, а все остальное въ организмѣ принадлежитъ къ условіямъ органическимъ, разрѣшимымъ физико-химическими законами. Но подобное положеніе разбивается слѣдующимъ фактомъ громадной важности: половина живыхъ существъ, я хочу сказать растенія, живутъ безъ нервовъ. Слѣдовательно жизненность есть нѣчто особенное отъ нервной силы.

Точно также не выдерживаетъ критики его стремленіе уподобить жизненные акты—актамъ физико-химическимъ. Это не болѣе какъ гипотеза; ни одинъ опытъ не подтвердитъ того, чтобы всѣ жизненные свойства были ничто иное, какъ видоизмѣненія физическія и химическія. Въ теоріи—это даже не болѣе, какъ идеальная гипотеза—идеальная потому, что стремятся разрѣшить посредствомъ нея условія неразрѣшимыя для человѣческаго ума, задаются вопросамъ: почему? вмѣсто того, чтобы удовлетвориться вопросомъ: какъ? Мало того, гипотеза эта ошибочна, такъ какъ она пытается связать положенія наукъ менѣе сложныхъ съ наукой болѣе сложной—разрѣшить путемъ физико-химическихъ законовъ задачи біологическія, примѣнить къ живому—неживое.

Но несмотря на нѣкоторыя ошибочныя данныя, принципъ Ростана вѣренъ въ своемъ существѣ. Хотя опять скажемъ *организмизмъ* или ученіе объ отношеніи органа къ его отправленію не представляетъ достаточно обширнаго основанія для того, чтобы построить на немъ цѣлое ученіе о жизни здоровой и больной. Анализъ строенія или отправленія органа вообще долженъ проникать глубже и тогда, рассматривая органы, мы встрѣтимъ въ нихъ элементы или части не разлагаемыя анатомически, а въ отправленіяхъ органа найдемъ первичныя свойства присущія этимъ элементамъ. Только путемъ такого анализа можно дойти до основанія, до почвы.

Свойства живой субстанціи, то есть тѣ, которыя не могутъ быть выведены изъ другихъ равно какъ и физико-химическія свойства, слѣдующія: первое—питаніе, присущее столько же животнымъ сколько и растеніямъ, присущее каждой живой частицѣ и составляющее основаніе другихъ свойствъ. Питаніе состоитъ въ молекулярномъ

обмѣнѣ, посредствомъ котораго организмъ принимаетъ въ себя то, что годно для него, и выбрасываетъ то что бесполезно; въ связи съ питаніемъ стоитъ размноженіе, служащее къ продолженію породы. Второе свойство—сократимость принадлежащее мускуламъ. Третье—нервная сила источникъ всѣхъ явленій психической жизни: чувствительности, ума, страсти и воли.

Послѣднія два свойства присущи только животнымъ. Такимъ образомъ, при болѣе глубокомъ анализѣ невозможно выдѣлить дѣятельность нервовъ изъ общихъ свойствъ организма, а въ этомъ собственно и грѣшно ученіе объ организаціяхъ.

Короче сказать, все ученіе о жизни заключается въ понятіи объ извѣстномъ количествѣ существенныхъ свойствъ, соединенныхъ съ извѣстнымъ состояніемъ матеріи, которое мы называемъ организаціей; причемъ не слѣдуетъ забывать, что свойства органическихъ тѣлъ подчинены общимъ законамъ управляющимъ свойствами неорганическихъ нѣтъ. Все ученіе о болѣзни состоитъ въ знакомствѣ съ разстройствомъ этихъ свойствъ и этой организаціи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, вызывающихъ болѣзненные явленія. Болѣзненное разстройство не порождаетъ ни новыхъ свойствъ, ни новыхъ органическихъ элементовъ.

На пути къ этому ученію организмизмъ составилъ только ступень, ступень, впрочемъ, очень важную, которой мы обязаны превосходной статьей Ростана о размягченіи мозга, которую можно счесть однимъ изъ лучшихъ произведеній Парижской медицинской школы. Въ началѣ своей карьеры г. Ростанъ заслужилъ извѣстность одной работой на трудномъ полѣ патологіи мозга. Эта гибельная болѣзнь размягченіе мозга не составляетъ страданіе какой либо спеціальной дѣятельности нашихъ умственныхъ способностей; она въ особенности поражаетъ людей приближающихся къ старости. Она часто обрываетъ старинныя привязанности, предостерегая тѣхъ, которые уцѣлѣютъ отъ нея, готовится встрѣтить ее и не оставлять безъ вниманія ослабленіе и изнашиваніе своихъ органовъ.

Ученіе объ организаціяхъ способствовало подвинуть медицину на полезный путь діагностики и потому ученый, создавшій его, нашелъ нужнымъ предпослать ему нѣсколько строкъ въ защиту дѣятельности медицинскихъ средствъ. Сомнѣнія противъ медицины возникаютъ и весьма естественно, что они возникаютъ: не всѣ боль-

ные, которых лечат медики, выздоравливают и, на оборотъ, многие выздоравливаютъ безъ медицинской помощи. Чѣмъ же докажутъ дѣйствительность медицины? спрашиваютъ скептики. Въ виду такого возраженія, или сомнѣнія въ медицинѣ, которымъ задавался Мольеръ, Жанъ-Жакъ Руссо, должно принять одно изъ двухъ положеній: или все то, что дѣлаетъ природа, хорошо и не надо мѣшать дѣйствіямъ ея, или, того хуже, что медицина безсилна надъ ходомъ болѣзни, которой предназначено окончиться выздоровленіемъ или смертью.

Первое изъ приведенныхъ положеній не выдерживаетъ критики. два, три припадка губельной лихорадки унесли бы въ могилу человека и природа распорядилась бы такимъ образомъ, если бы извѣстная доля цѣлебнаго хирина не предотвратила приговоръ ея. Вотъ другой случай такого рода: артерія бедра у извѣстнаго субъекта поражена аневризмомъ. Природа имѣетъ въ своей власти только слабое средство—сгущенія крови, чтобы противопоставить разрыву артеріи, который ведетъ за собой губельное кровозліяніе и смерть, если во время не положить на ткани больного сосуда лигатуру и тѣмъ предупредить губельный исходъ болѣзни. Третій случай: въ организмъ появляется какое нибудь препятствіе истеченію урины; природа зажигаетъ въ больномъ изнурительную лихорадку, которая мучитъ больного самыми острыми страданіями или, что весьма рѣдко случается, она даетъ исходъ для скопившейся жидкости образованіемъ нарывовъ, которые произведутъ фистулы и оставятъ по себѣ значительныя поврежденія или даже изъяны. Я прошу не дѣлать крайнихъ выводовъ изъ моихъ словъ и не придавать имъ такого значенія, что природа всегда такъ поступаетъ съ человекомъ; было бы слишкомъ долго проводить черту между тѣмъ, что природа можетъ и чего она не можетъ сдѣлать, что она дѣлаетъ хорошаго и что дурнаго. Достаточно знать, что иногда она безсилна безъ медицинской помощи.

Уже тотъ фактъ, что не всякая болѣзнь можетъ быть представлена ходу природы, доказываетъ дѣйствительность медицины. Разсмотримъ подробнѣе высказанное нами положеніе. Въ самой глубокой древности Гиппократъ старался рѣшить вопросъ: дѣйствительна ли медицина или нѣтъ, и рѣшилъ его тѣмъ же путемъ, какимъ мы рѣшаемъ его; не смотря на то, что у него не было тѣхъ научныхъ данныхъ, которыя накапливаются вѣками; и кто бы ни читалъ

Гиппократа, всякій убѣждается въ справедливости и основательности выводовъ его. Изъ греческихъ медицинскихъ школъ вышли знаменитые практики и нѣтъ человека, который бы, читая сочиненія Гиппократа, не почувствовалъ довѣрія отдать свое здоровье въ такія опыты и осторожныя руки. Однако, есть существенная разница между древней и современной медициной: первая могла судить о болѣзни только по симптомамъ; вторая знаетъ въ чемъ состоитъ болѣзненное измѣненіе. Это пріобрѣтеніе науки, имѣетъ громадную важность; оно дало другое направленіе исторіи медицины и особенно благотворно отразилось на діагностикѣ, то есть на распознаваніи болѣзни.

Первое условіе для успѣшнаго леченія — всестороннее знаніе медицины, и кто же будетъ спорить, что современная медицина лучше знаетъ болѣзни, нежели древняя. Въ наше время при консультаціи врачей не могутъ возникать тѣ разногласія, поводъ которымъ подавали различныя истолкованія симптомовъ болѣзней, безъ знанія свойствъ послѣднихъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ случаевъ, представляющихъ особенныя затрудненія—случаи, которые представляютъ практическія занятія каждой наукой, менѣе сложныхъ нежели патологія—послѣ внимательнаго осмотра тотчасъ восстанавливается согласіе въ мнѣніяхъ консультантовъ о характерѣ болѣзни.

Тотъ же прогрессъ замѣтенъ и въ самомъ способѣ леченія; точное знаніе свойствъ лекарствъ, умѣніе употреблять ихъ во время—все совершенствуется. Чтобы наглядно показать читателю до чего дошла современная діагностика, я расскажу ему слѣдующій фактъ: одна молодая женщина, вставая утромъ съ постели, почувствовала слабость въ ногахъ и когда пошла, то стала покачиваться; ее особенно тревожило то, что она не могла идти по прямой линіи, ее противъ воли все тянуло влѣво. Глаза у ней стали коситься и вообще зрѣніе ослабло; но ни умъ, ни чувство не подверглись никакимъ болѣзненнымъ явленіямъ. Эти симптомы удивляли всѣхъ, но врачъ на основаніи точнаго знанія физиологіи и патологіи рѣшилъ, что это болѣзнь мозжечка, кровозліяніе въ него, и высказалъ возможность выздоровленія. Больная дѣйствительно вылѣчилась настолько вѣрна была діагностика.

Такимъ образомъ медицина, обогащенная познаніями и на-

блюденіями, успѣшно борется съ болѣзнями, предоставляя природѣ справиться съ ними самой, когда она можетъ, и помогая тамъ, гдѣ медицинская помощь можетъ быть дѣйствительна. Она предлагаетъ палліативныя средства тамъ, гдѣ полное излеченіе невозможно, и дѣйствуетъ энергично тамъ, гдѣ искусство ея можетъ справиться со зломъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ сознательно выполняя свою задачу, современная медицина съ каждымъ днемъ подвигается впередъ.

На ряду съ тѣми, которые совершенно не вѣрятъ въ медицину—такихъ не много, встрѣчаются люди чрезмѣрно вѣрующіе въ нее; я говорю о тѣхъ, которые, не довольствуясь научными предѣлами медицины, ищутъ воображаемыя средства въ шарлатанствѣ и разной сверхестественной помощи. Суевѣріе вездѣ царствуетъ, какъ въ послѣдней деревнѣ, такъ и въ богатыхъ хоромахъ.

«Я знавалъ, говоритъ Ростанъ, умныхъ людей, которые однако твердо вѣрили, что красный шелковый поясъ предохранительное средство отъ холеры; знавалъ и такихъ, которые отъ всѣхъ напастей и болѣзней постоянно носили три каштана въ карманѣ. И нѣкто г. М. не вѣритъ въ науку, но вѣритъ въ бѣлую горчицу; г. X. точно также скептически относится къ медицинѣ, но вѣритъ какому-то Леруа; наконецъ третій вѣритъ въ гомеопатію, отвергая медицину». Все это безспорно вѣрно. Предоставивъ времени и образованію уничтожить мракъ суевѣрія, рассмотримъ тѣ случаи, гдѣ медицина все-сила, безъ всякаго вмѣшательства шарлатанства и суевѣрія; я разумѣю общественную гигиену. Здѣсь нѣтъ мѣста ни гомеопатіи, ни сомнамбулизму, ни доктору черному или красному, ни спиритизму, однимъ словомъ нѣтъ мѣста иллюзіи; здѣсь нужны дѣйствительныя знанія для оцѣнки мѣръ и условій необходимыхъ для общественнаго здравія. Подобно тому какъ правительства въ войнахъ употребляютъ артиллерію и пѣхоту, а не прибѣгаютъ къ таинственнымъ силамъ, такъ и для поддержанія здоровья управляемаго имъ народа оно обращается къ точной наукѣ, къ медицинѣ. То или другое изъ частныхъ или правительственныхъ лицъ можетъ вѣрить въ сверхестественныя силы, въ значеніе гомеопатіи и пр.; но правительство не должно придавать значенія подобному вздору.

Между тѣмъ, какъ въ прежнее время теорія медицины была настолько несостоятельна, что почти каждый фактъ изъ практики

уничтожалъ ее, въ настоящее время она въ силу своего подчиненія физиологическимъ законамъ, сдѣлалась дѣйствительнымъ орудіемъ изысканій и вѣрнымъ руководствомъ для практики. Она во многихъ случаяхъ приучила умъ къ синтезу; а, какъ извѣстно, синтезъ — есть мать пространныхъ обобщеній, всегда опасныхъ, когда дѣло касается метафизики и, напротивъ, плодотворныхъ въ положительной наукѣ. Этимъ путемъ діагностика, столь важная сторона медицины, болѣе и болѣе выясняется. Прежде, окончательной цѣлью медицины считали опредѣленіе больнаго органа и самаго болѣзненнаго измѣненія, въ этомъ отношеніи ученіе объ организаціяхъ, вѣрное своему имени, оказало услугу медицинѣ. Но теперь очевидно, что невозможно остановиться на немъ, что органы составлены изъ элементовъ и что болѣзненныя измѣненія элементовъ занимаютъ первое мѣсто передъ такими же измѣненіями органовъ. Выше говорилось о пользѣ создать министерство общественнаго здравія. Позже та же мысль встрѣтилась мнѣ на страницахъ одного англійскаго сочиненія. Я вспоминаю объ этомъ совпаденіи, потому что оно подтверждаетъ мою идею.

И дѣйствительно, уже появляются въ наукѣ медицины и въ практикѣ ея драгоценныя указанія, порожденныя болѣе глубокимъ анализомъ.

О ТОКСИКОЛОГИИ ВЪ ИСТОРИИ. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА.

Есть основаніе полагать, что уже съ давнихъ поръ мысль подвергать изслѣдованію трупы жертвъ, при подозрѣніяхъ въ отравленіи и въ нихъ искать ядъ, не была чужда правосудію. «Ядовитое вещество было введено, говорило обвиненіе: что могло быть проще, какъ изслѣдовать, было ли это дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ, или чрезъ извлечение яда доказать защитѣ, что она не права, или же уничтожить обвиненіе, доказавъ, что смерть была естественна?»

А между тѣмъ, мысль эта только повидимому такъ проста, въ сущности же она весьма сложна.

Безъ сомнѣнія возможно, хотя и не всегда навѣрно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поступали на разсмотрѣніе дѣла объ отравленіяхъ, приходила мысль искать ядовитое вещество въ тѣлахъ умершихъ; но въ теченіи долгаго времени для разрѣшенія этого вопроса недоставало средствъ.

Напрасно, въ древнія времена, желали бы при обвиненіи въ отравленіи дѣйствовать научнымъ путемъ, равно и представить, какъ-то дѣлается въ наше время, въ очію судьямъ вещественное доказательство преступленія, т. е. то обвинительное поличное, добытое изъ внутренностей умершаго, которое или уличить убійцу, или опровергнетъ слѣпыя и порожденныя ненавистью обвиненія, отыскавъ въ симптомахъ и поврежденіяхъ организма неопровержимое доказательство внезапной болѣзни.

Но такое изслѣдованіе значительно выступаетъ за предѣлы науч-

наго знанія древнихъ временъ и предполагаетъ развитіе химіи и патологіи, безъ которыхъ задача положительно неразрѣшима.

Все въ историческихъ явленіяхъ имѣетъ связь: для того, чтобы съ достаточною увѣренностью отвѣтить на вопросы, предлагаемые правосудіемъ, необходимо съ одной стороны, химически изолировать ядъ, а для этого нужны самыя точныя химическія познанія; съ другой стороны необходимо знать ходъ естественныхъ болѣзней и тѣхъ, которыя происходятъ отъ отравленія, а для этого требуются самыя обширныя патологическія свѣдѣнія. Между тѣмъ, безъ физики немыслима химія; не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи ея, чѣмъ была бы химія безъ предварительныхъ понятій о теплотѣ, объ электричествѣ, о магнетизмѣ, звукѣ, свѣтѣ и тяжести? И патологія не могла бы стать на твердую почву, прежде чѣмъ химическіе законы не легли въ основаніе законовъ жизни: чѣмъ было бы ученіе о живыхъ существахъ при незнакомствѣ съ элементарными началами составовъ и разложеній? Ясно, для того, чтобы судья могъ предложить вопросъ, для того, чтобы врачъ отвѣтилъ на него, наука должна сдѣлать громадныя успѣхи, обнимающіе собою всю сумму человѣческаго развитія или исторіи; а между тѣмъ только къ концу послѣдняго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго разработка химіи и науки о жизни подвинулись до нѣкоторой степени удовлетворительности.

Именемъ токсикологіи называютъ сумму познаній, имѣющихъ своимъ предметомъ яды, включая сюда ихъ химическія свойства, дѣйствіе ихъ на живые организмы, средства, которыми можно имъ противодѣйствовать и, наконецъ, тѣ способы, посредствомъ которыхъ распознаютъ ихъ въ тѣлахъ отравленныхъ. Самый терминъ—токсикологія, представляетъ собою замѣчательный примѣръ того, какимъ превращеніямъ подвергаются слова. Не говоря объ окончаніи—синонимъ слова ученіе, происходящемъ отъ греческаго корня, которое означаетъ «срывать, собирать», что служитъ яснымъ указаніемъ, какъ изъ чисто физической идеи образовалась идея чисто абстрактная; не говоря уже,—повторяю, объ этомъ окончаніи, другая часть «токсико», которое въ греческомъ языкѣ значитъ ядъ, имѣетъ корнемъ греческое же слово, обозначающее лукъ для стрѣльбы *).

*) Logos — ученіе, отъ корня — *Legō* собираю. *Tōginor* — ядъ, которымъ называли стрѣлы; корень — *Tōgoi* стрѣломѣтный лукъ. *Прим. перевод.*

Слѣдовательно мы переносимся въ тѣ времена, когда народы Греціи, находясь въ состояніи относительно первобытномъ, какъ и нѣкоторыя изъ дикихъ племенъ настоящаго времени, отравляли свои стрѣлы, чтобы убивать дичь или непріятеля. Затѣмъ этотъ ядъ, исключительно предназначенный для охоты и войны, сталъ общимъ названіемъ всѣхъ ядовъ. Наконецъ, перенесенное въ англійскій языкъ слово intoxication получило значеніе опьяненія.

Въ этомъ этимологическомъ образчикѣ, отправляясь отъ идеи, заключающейся въ словѣ лукъ, мы доходимъ до понятія отравленія, и такимъ образомъ, можемъ безъ особаго труда прослѣдить всѣ фазисы преобразования первоначальнаго значенія слова. Такимъ-то процессомъ различныя слова дошли до выраженія одной и той же вещи, или однозначущія слова возвысились до представленія совершенно различныхъ понятій.

Ядомъ можно назвать все то, что оказываясь непригоднымъ для пищи, будучи какимъ бы то ни было путемъ введено въ организмъ, производитъ болѣе или менѣе опасную болѣзнь. Для отравленія необходимо, чтобы ядовитое вещество проникло въ кровь и соединилось тѣмъ или другимъ способомъ съ однимъ или съ многими элементами, составляющими живое тѣло. Этого одного достаточно, чтобы показать, какаѣ тѣсная граница, по сущности вещей, отдѣляетъ яды отъ лекарствъ. И дѣйствительно, взятое въ своей общности, лекарство заключаетъ въ себѣ множество веществъ весьма разнообразныхъ, связанныхъ между собою общимъ свойствомъ измѣнять больной организмъ къ лучшему; но въ болѣе частномъ смыслѣ, какъ вещества, вводимыя въ тѣло и предназначенныя производить въ немъ определенное дѣйствіе, лекарства и яды смѣшиваются до такой степени между собою, что ихъ можно различать развѣ только по дозѣ. А нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ ядовъ принадлежатъ къ числу сильно дѣйствительныхъ лекарствъ. Составимъ себѣ ясное понятіе о положеніи живыхъ существъ среди окружающаго ихъ міра. Невозможно представить ихъ себѣ изолированными; всякое органическое и живое существо (эти два термина синонимы: нѣтъ жизни безъ организаціи) предполагаетъ среду его окружающую, которая снабжаетъ его питательными веществами, въ которую выбрасываются вещества испорченныя кругообращеніемъ жизни и которая своей реакціе поддерживаетъ ходъ отправленій нашихъ. Такъ

земля, воздухъ, вода и свойства имъ присущія: теплота, электричество, свѣтъ, химическое сродство доставляютъ почву для всего живущаго. Съ другой стороны, развивая до конца эту основную идею, прогрессирующая цивилизація образуетъ еще искусственную среду, все болѣе и болѣе могущественную, создающую для обществъ и индивидуумовъ условія развитія, здоровья, болѣзни, которыя имѣютъ въ ней всѣ свои корни. Въ этой общей средѣ находятся особыя вещества, оказывающія также особыя дѣйствія на живые организмы: это лекарства и яды. Здѣсь ничто не могло быть отгадано; свойства, которыя, по справедливости, мы можемъ назвать тайными, были открыты опытомъ; до него никакія данныя не могли навести на мысль, что опиумъ усыпляетъ, что іодъ дѣйствуетъ на шейныя желѣзы, что ртути производитъ трясеніе, а свинецъ причиняетъ невыносимыя колики и параличъ членовъ, что белладонна расширяетъ зрачки, и на много другихъ замѣчательныхъ и особенныхъ явленій, которыя въ началѣ были открыты какъ бы ощупью, а потомъ приведены въ систему.

И такъ, для того чтобы дать себѣ ясный отчетъ о положеніи живаго существа и особенно человѣка, необходимо представить себѣ его въ соотношеніи не только со всею суммою вещей и съ космическимъ цѣлымъ, среди которыхъ онъ поставленъ, но и съ множествомъ веществъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, непосредственно дѣйствующихъ на него. Это-то именно и даетъ человѣку возможность такъ много вліять на свое здоровье, на свое самосохраненіе. Общія вліянія не въ его распоряженіи: онъ не управляетъ ни теплотою, ни солнцемъ, ни землею. Метеорологическія измѣненія, такъ же какъ и бури океана ему не подчинены. Самое большее, что онъ можетъ сдѣлать — это съ помощью разумнаго труда расчищать лѣса, осушать болота, улучшать земледѣліе, и такимъ образомъ ослаблять разрушительно дѣйствующія причины. Но эти особыя вещества, о которыхъ я говорилъ, и число ихъ, благодаря химіи, постоянно возрастаетъ — полезныя или вредныя, смотря по ихъ употребленію, отданы, какъ орудія, въ его распоряженіе — на судъ его ума и знанія. Знаменитый врачъ древности, Гіерофилъ Александрийскій, называлъ лекарства «руками врача».

Всѣ эти вещества съ своимъ определеннымъ и спеціальнымъ дѣйствіемъ, можно сказать, тѣ же руки, съ помощью которыхъ до-

стигаютъ при здоровьи его сохраненія, при болѣзненномъ состоянїи — его излеченія.

Съ другой стороны, ядъ очень близко подходитъ къ лекарствамъ, это по особенной дѣйствительности, въ силу которой, какъ ядъ, такъ и лекарства, видоизмѣняютъ живыя части. Мы бы составили себѣ ложное понятіе объ этомъ дѣйствиіи, еслибъ представили его себѣ въ видѣ сильно дѣйствующихъ кислотъ и щелочныхъ солей. Это, такъ сказать, дѣйствіе грубое и уничтожающее; кислота и соль, въ силу своихъ свойствъ, уничтожаютъ связь между элементами живыхъ тканей, усваиваютъ себѣ нѣкоторые изъ нихъ, и такимъ образомъ, дѣйствуя на нихъ разрушительно, подвергаютъ гангренѣ и смерти. Отсюда ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смертоносная сила вещества разѣла желудокъ и кишки, жизнь болѣе невозможна: это уже настоящія раны,—это желѣзо и свинецъ, разрывающіе органы. Но во многихъ случаяхъ бываетъ иначе, бываетъ, что мѣстное поврежденіе ничтожно или весьма незначительно, а между тѣмъ въ организмѣ обнаруживаются самыя серьезныя явленія: во всѣхъ отравленіяхъ наступаетъ крайнее разстройство, главнѣйшіе жизненные механизмы или прекратили свое дѣйствіе или разстроены, и все клонится къ катастрофѣ.

Откуда же эти грозныя явленія? Отъ двухъ, взаимно связанныхъ между собою, причинъ: во-первыхъ отъ того, что ядъ своимъ прикосновеніемъ и соединеніемъ производитъ опредѣленное дѣйствіе на извѣстную часть живаго тѣла; во-вторыхъ, отъ того, что такимъ образомъ видоизмѣненный элементъ, въ свою очередь неизбежно видоизмѣняетъ тотъ, съ которымъ имѣетъ физиологическое соотношеніе, и такъ далѣе, пока весь организмъ не будетъ охваченъ возрастающимъ рядомъ разстройствъ. Какъ только одинъ анатомическій элементъ тѣла подвергся какому бы то ни было измѣненію — тотчасъ же измѣняются и его свойства, и онъ реагируетъ на другіе элементы уже иначе, чѣмъ прежде, а эти въ свою очередь также измѣняются, и такимъ образомъ, вслѣдствіе этого роковаго сцѣпленія, потому что оно происходитъ отъ присущихъ организму свойствъ, болѣзнь въ такихъ случаяхъ принимаетъ общій характеръ и открывается на всемъ тѣлѣ.

Дѣйствіе лекарства въ сущности того же рода. Измѣняя свойства того или другого элемента, оно точно также порождаетъ цѣ-

лый рядъ измѣненій, польза которыхъ, смотря по болѣзни, признана опытомъ. Поэтому надо отрѣшиться отъ того туманнаго представленія болѣзни, противопоставившаго весь организмъ извѣстному веществу и подчинившаго его, такъ сказать, ея власти. Всѣ посредствующія отношенія были опущены; тѣло представлялось какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ яда и лекарства, какъ обладающими свойствами, непосредственно дѣйствующими на самую жизнь. Почему одинъ оказывалъ свое дѣйствіе, а другой подчинялся этому дѣйствию? На эти вопросы не было отвѣта, или вѣрнѣе сказать дѣлалось множество самыхъ пустыхъ отвѣтовъ, исторія которыхъ составила бы добрую часть медицинскихъ системъ. И тогда только это крайне ненаучное положеніе было оставлено, когда исходною точкою общаго разстройства организма признали химическія свойства дѣйствующихъ веществъ и жизненные свойства анатомическихъ элементовъ. Словомъ, между дѣйствіемъ лекарства или яда и тѣмъ измѣненіемъ, какое оно производило въ тѣлѣ, не знали никакого посредствующаго звена; все представлялось непосредственнымъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности все происходитъ посредственно, и только путемъ послѣдовательныхъ, правда, иногда очень быстрыхъ сцѣпленій, обобщаются дѣйствія.

Тутъ является на помощь важное открытіе давнее токсикологическимъ изысканіямъ характеръ утилитарности теоретической и вмѣстѣ практической. Имъ обязаны мы Орфилѣ. Между прикосновеніемъ яда къ поверхности пищеварительныхъ органовъ, черезъ которые онъ преимущественно туда проникаетъ, и ихъ смертоноснымъ дѣйствіемъ на всю систему, находится большое разстояніе, пробѣлъ, который предстояло восполнить. Первымъ шагомъ къ тому было признаніе того факта, что ядъ не остается неподвижно въ томъ мѣстѣ, куда его впускаютъ, но всасывается безчисленными малыми венами, находящимися во внутренностяхъ, и отсюда разносится повсюду, куда проникаетъ кровь. Второй шагъ былъ сдѣланъ Орфилою, когда опредѣлилось яснѣе это общее всасываніе тѣмъ его открытіемъ, что ядовитое вещество не только уносится потокомъ крови, но и во многихъ случаяхъ избираетъ себѣ опредѣленное мѣсто и скопляется въ извѣстныхъ органахъ. Тамъ оно остается до наступленія смерти или до тѣхъ поръ, пока силы и леченіе не извлекутъ оттуда послѣднихъ частицъ его. Исцѣленіе наступаетъ, когда весь ядъ

окончательно изгнанъ путемъ обратнымъ тому, которымъ онъ проникнулъ въ экономію организма. И такъ, въ отравленіи, разсматриваемомъ во всѣхъ его совокупныхъ явленіяхъ, мы различаемъ во первыхъ, введеніе посторонняго вещества въ организмъ, во вторыхъ, извлеченіе его оттуда, произведенное разлагающею силою этихъ самыхъ тканей. Этихъ двухъ фактовъ, тѣсно связанныхъ между собой, достаточно, чтобы отбросить такъ давно господствовавшія идеи о конечности процессовъ, происходящихъ въ живомъ тѣлѣ. Дѣло совершенно ясное — это очевидно слѣпая, или другими словами, необходимая сила, которая гонитъ внутрь ядовитыя вещества. Потому что, еслибъ она не была слѣпа и необходима, еслибъ ей былъ предоставленъ малѣйшій просторъ выбора, она отбросила бы далеко отъ себя то, что черезъ нѣсколько мгновений ввергнетъ цѣлую систему въ самыя страшныя и ужасныя разстройства. Природа, — употребляя это слово въ томъ ложномъ, метафизическомъ значеніи, какое такъ часто придаютъ ему, — природа попадаетъ во всѣ ловушки которыя ставятъ ей. Пусть ей подадутъ самое ядовитое, самое смертоносное вещество, — все равно, она поглотитъ его точно также какъ и самое безвредное или самое здоровое, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ она тотчасъ же заявляетъ свое возмущеніе болѣзненнымъ разстройствомъ, страшными судорогами, посинѣlostью, блѣдностью, кровотеченіями, различными симптомами, еще усиливающими болѣзнь. Но, — оставляя этотъ языкъ философіи, которая никогда не оказывается болѣе несостоятельною, какъ въ созерцаніи живыхъ существъ, — возмущеніе въ этомъ случаѣ ничто иное, какъ проявленіе новыхъ дѣйствующихъ силъ, точно также слѣпыхъ и необходимыхъ.

Было время въ исторіи научнаго развитія человѣчества, когда господствовала телеологія, или ученіе о конечныхъ причинахъ, заключавшее въ себѣ идею о высшемъ порядкѣ, въ которомъ соединялись всѣ наличныя положительныя знанія тогдашняго времени, и который утвердило за ними тотъ характеръ рационализма, какого не доставало имъ при ихъ зарожденіи. Сочиненія Галена представляють самое замѣчательное и разумное примѣненіе этой идеи; онъ придавъ физиологическимъ изслѣдованіямъ основательность и истинную прелесть, оставивъ далеко позади себя грубыя и несвязныя

понятія тѣхъ, которые, не желая слѣдовать по открытому въ то время пути конечныхъ причинъ, не имѣли ни точки опоры, ни плана для своего руководства. Позднѣе, въ эпоху ближайшую къ намъ дѣло Галена продолжалось, но чѣмъ дальше, тѣмъ съ меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ по мѣрѣ того какъ накопились факты, они болѣе и болѣе становились несомвѣстными съ ученіемъ, возникшимъ не на реальной почвѣ. Оно уступаетъ теперь окончательно мѣсто болѣе простому ученію объ условіяхъ существованія, открывающее для науки обширную и твердую реальную почву. Теорія, построенная на этой почвѣ вполне основательна, такъ какъ она опирается единственно только на опытъ, и вполне рациональна, такъ какъ она непрерывно систематизируетъ факты, бесконечно добываемые опытомъ.

Вопросъ о томъ, можетъ ли медицина исцѣлять болѣзни, во всѣ времена былъ предметомъ спора; и хотя на практикѣ, пользованіе медициною никогда не прекращалось между людьми по многимъ причинамъ; однако, это еще не могло служить достаточнымъ аргументомъ къ разрѣшенію вопроса. Основаніемъ къ сомнѣнію были тѣ случаи, когда больные умирали, хотя ихъ лечили по правиламъ медицины, или когда они выздоравливали, безъ всякихъ медицинскіхъ пособій. Такъ какъ каждая болѣзнь, по справедливости, можетъ быть названа опытомъ, котораго нельзя повторить, съ цѣлью узнать, не будетъ ли она имѣть другого исхода при иномъ способѣ леченія, то съ этой стороны вопросъ остается открытымъ, представляя невозможность доказать дѣйствительность медицины. Но если мы захотимъ, разбирая понятіе о ядахъ, удалить изъ нихъ все что соединяется въ нихъ вреднаго и разрушительнаго, то поймемъ, что ядовитыя вещества служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ цѣлебной силы тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ можно дѣйствовать на животную экономію. Слѣдуетъ только сдѣлать самое широкое обобщеніе этого понятія, и тогда мы увидимъ въ нихъ не одно то, что имѣетъ вредное дѣйствіе, но и то, что производитъ какое либо дѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія ядъ и лекарство одно и то же. Да и какое можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различныя вещества способны произвести въ тѣлахъ самыя разнообразныя и важныя измѣненія? Скептицизмъ немислимъ относительно возможности видоизмѣнять въ значительной степени организмъ; онъ мо-

жетъ только подвергнуть вопросу возможность производить разумно и своевременно эти измѣненія. Дѣйствительность этихъ средствъ обладаетъ скорѣе слишкомъ большой, нежели слишкомъ малою силой, доказательство чего мы видимъ на столькихъ ядахъ, самые ничтожные приемы которыхъ такъ быстро убиваютъ. Нѣтъ ничего легче, какъ произвести какое угодно разстройство въ живомъ существѣ; но иногда дѣйствительно очень трудно обратять эти перемѣны въ пользу больного человѣка. Въ этомъ случаѣ въ рукахъ врача должны быть два свѣточа, озаряющіе его путь и указывающіе ему на тѣ полезныя средства, какія находятся въ его распоряженіи: это опытъ изслѣдовавшій эти вещества и указавшій случаи, приемы и причины; во вторыхъ, это знаніе больного тѣла основанное на твердомъ знаніи здороваго тѣла. Вооруженный имъ врачъ дѣлается необыкновенно проникательнымъ, во многихъ случаяхъ какъ бы прозрѣваетъ во внутренность органовъ и видитъ то, что скрыто для прѣстаго глаза. Когда онъ опредѣлилъ болѣзнь, съ которою имѣетъ дѣло, тогда онъ смѣло и сознательно употребляетъ мѣры, видоизмѣняющія состояніе тканей и органовъ.

Въ практическомъ отношеніи, открытіе Орфила имѣло непосредственно тотъ результатъ, что расширились въ значительной степени средства распознаванія ядовъ и констатированія преступленій. Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока еще было неизвѣстно, что нѣкоторыя ядовитыя вещества осаждаются внутри нѣкоторыхъ тканей, даже самый опытный химикъ снабженный всѣми орудіями анализа, могъ незамѣтить случаи дѣйствительнаго отравленія. Жертва, погибшая отъ яда, уже предана землѣ, тѣ сосуды, въ которыхъ онъ былъ приготовленъ исчезли, даже внутренность и желудокъ не содержатъ болѣе въ себѣ слѣдовъ его, однакожъ, несмотря на все это еще возможно представить свидѣтелей — обвинителей, могущихъ уличить тайнаго преступника. Кромѣ того сосуда, гдѣ находился ядъ, за оболочками, въ которыя онъ проникъ, мы знаемъ, что онъ осадился въ извѣстные приемники и что онъ явится, какъ только его вызоветъ сила химическаго средства.

Это одно изъ лучшихъ доказательствъ превосходства новѣйшей медицины надъ древней, и я говорю это не для возвеличенія одного поколѣнія людей на счетъ другого, вовсе нѣтъ: никто болѣе меня не убѣжденъ, что если мы значимъ что нибудь, то только

благодаря работамъ нашихъ предковъ, что умершія поколѣнія имѣютъ полное право на нашу признательность. Я хочу этимъ только сказать, что все на свѣтѣ, благодаря прогрессу цивилизаціи, улучшается и развивается; отмѣтить успѣхъ и на этомъ спеціальному поприщѣ, свидѣтельствующій о законѣ общаго развитія и наконецъ измѣнить ту точку зрѣнія, съ которой всегда смотрятъ на древность. Она — пора юности человѣчества, а мы стары сравнительно съ нею, но и мы, въ свою очередь, будемъ казаться юными для нашихъ правнуковъ, которые будутъ обязаны намъ частью своего усовершенствованія и своей цивилизаціей. Еслибъ самому искусному врачу Греціи или Рима предложили разрѣшить вопросъ, было ли въ данномъ случаѣ отравленіе, или нѣтъ, то онъ могъ бы отвѣтить на него самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ какъ въ его рукахъ вмѣсто фактовъ, какъ и въ рукахъ большинства людей, были одни только нравственныя доказательства. Въ то время ничего не было извѣстно ему о вскрытіи труповъ, ни объ анатомическихъ поврежденіяхъ причиняемыхъ болѣзнями, никто не былъ знакомъ ни съ симптомами отравленій различнаго рода, ни съ діагностикой, ни съ химическимъ опредѣленіемъ ядовитыхъ веществъ. А въ этомъ именно и заключается вопросъ отравленія. Какъ было рѣшить его, не имѣя необходимыхъ свѣдѣній. Отравленіе составляло для нашихъ предшественниковъ неразрѣшимую задачу. Необходимо было распутать множество предварительныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію ея. Умственное могущество коллективнаго человѣка растетъ вмѣстѣ съ его матеріальной силою, и то что не дается ему въ извѣстную эпоху, дѣлается доступнымъ, когда онъ запасся логическими орудіями лучшаго качества сравнительно съ тѣми, которыя онъ имѣлъ прежде въ своемъ распоряженіи.

Орфила, своими спеціальными изысканіями о частныхъ ядахъ и своимъ сочиненіемъ о токсикологіи, далъ сильный толчокъ изслѣдованіямъ, которыми занимались съ соревнованіемъ врачи и химики. Сильная борьба закипѣла въ ихъ средѣ, поднялся споръ усложнившій это ученіе до такой степени, что одно время его готовы были считать бесполезнымъ, по крайней мѣрѣ, въ его судебныхъ примѣненіяхъ. Это было въ то время, когда сдѣлали открытіе, что человѣческое тѣло, въ которомъ, какъ извѣстно, находится значительное количество желѣза, содержитъ или можетъ содержать въ себѣ нѣ-

которые металлическія ядовитыя вещества. Какимъ же образомъ въ данномъ случаѣ отличить, находится ли это вещество въ тѣлѣ вслѣдствіе преступленія, или въ его нормальномъ составѣ? Орфила употребилъ всѣ усилія, чтобы разсѣять сомнѣнія, возникшія отъ этого неожиданнаго усложненія вопроса. Затѣмъ, нужно было изслѣдовать почву кладбища, которая сама была нерѣдко пропитана ядовитыми металлами. А эти металлы могутъ проникать въ тѣла, въ ней погребенныя и потомъ вырытыя. Отмѣтивъ всѣ эти случаи дающіе поводъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ и разяснивъ ихъ, Орфила оставилъ токсикологію на болѣе прочныхъ основаніяхъ чѣмъ тѣ, при какихъ онъ засталъ ее. Познанія древнихъ были только въ своемъ зародышѣ, а потому и причины, которыми они объясняли это явленіе, были самыя химерическія. Такъ они придавали большое значеніе пятнамъ и посинѣlostямъ; они предполагали, что сердце, этотъ существенный органъ, должно было сохранять слѣды насилія разрушившаго жизнь, въ той увѣренности, что на немъ или выступятъ пятна, или что онъ сдѣлается несгораемымъ въ пламени костра. Что сказать о такихъ доводахъ? Какое значеніе могли бы они имѣть передъ судомъ? И если имъ давали какую нибудь вѣру, то сколько породили они заблужденій! На этой степени развитія медицина была совершенно бессильна освѣтить путь правосудію; теперь она служить ему этимъ свѣтомъ и это различіе свидѣлствуетъ, какой значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ съ тѣхъ поръ. Нѣсколько примѣровъ того, что дѣлалось и говорилось по этому поводу въ древніе времена выставить этотъ фактъ еще ярче.

Послѣ смерти Александра разнеслись, какъ извѣстно, слухи объ отравленіи его. Тѣ, которые думали, что смерть его была естественная, приводили въ доказательство что на тѣлѣ его, оставленномъ по случаю раздоровъ между полководцами его нѣсколько дней безъ всякаго попеченія, не было никакихъ слѣдовъ отравленія, хотя оно и было выставлено въ тепломъ и удушливомъ мѣстѣ. Это доказываетъ только, что историки, выражающіе подобныя мнѣнія, были подъ вліяніемъ предразсудка, заставившаго долгое время людей вѣрить, что отравленное тѣло подвергается скорѣе гниенію. Наука въ своихъ наблюденіяхъ опровергла подобныя предвзятыя мнѣнія. Разложеніе, неизбѣжно совершающееся во всякомъ организмѣ пораженномъ смертію и подвергнутомъ дѣйствію химическихъ процес-

совъ, можетъ наступить очень быстро въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакой отравы и, наоборотъ, она можетъ наступить, смотря по обстоятельствамъ, гораздо позже, даже тогда, когда смерть была причинена ядомъ. Впрочемъ сказать, что тѣло Александра осталось безъ порчи, среди жары и сырости, можно только раздѣляя тѣ химерическія понятія, которые поднимали великихъ людей выше чело-вѣчества и даже надѣляли ихъ остатки свойствомъ неразлагаемости. Мнѣнія древнихъ историковъ раздѣлились на счетъ того, былъ ли Александръ жертвою тайныхъ козней. Когда этотъ царь, побѣдитель Азіи, скончался въ Вавилонѣ на тридцать третьемъ году жизни, то неудивительно, что начались толки на счетъ такой преждевременной смерти. Грандіозныя планы занимали этого дѣятельнаго и честолюбиваго чело-вѣка, едва переступившаго возрастъ молодости. Депутации изъ далекихъ странъ явились ему представиться въ древнемъ городѣ Вела; онъ собирался объѣхать Аравію и никто не можетъ сказать, гдѣ бы онъ остановился, еслибъ смерть внезапно не прервала эту кипучую дѣятельность. Трудно вѣрилось чтобы одна случайность смерти похитила чело-вѣка, отъ котораго зависѣла такая великая будущность. Впрочемъ, были и поводы къ подозрѣніямъ, были и факты наводившіе мысль на эту дорогу. Въ продолженіи своихъ походовъ, которые привели Александра до Инда въ средѣ самыхъ приближенныхъ ему офицеровъ, зародилось много ненависти, потому ли, что онъ слишкомъ легко поддавался подозрѣніямъ, или потому что дѣйствительно существовали противъ него заговоры: дѣло въ томъ что Александръ нѣсколько разъ поступилъ жестоко. Вслѣдствіе этихъ причинъ придворные его были люди, на которыхъ нельзя было положиться. Дворъ его былъ усѣянъ подводными камнями и ничего не было бы удивительнаго въ томъ, если бы долго тлѣвшій вокругъ него огонь ненависти вспыхнулъ.

Когда разразилась катастрофа, одинъ чело-вѣкъ въ особенности находился въ опасномъ положеніи и, слѣдовательно самъ могъ быть ему опаснымъ,—то былъ Антипатеръ комендантъ въ Македоніи. Большая побѣда одержанная имъ надъ Лакедомонянами, которые сдѣлали опасную диверсію въ то время, когда Александръ былъ въ глубинѣ Азіи, возвысила его славу и могущество. Полагали, что его заслуги навлекли на него, вмѣсто милости, ненависть и подозрѣніе; къ тому же, мать короля, которая постоянно враждовала съ Антипатромъ,

не переставала возстановлять своего сына противъ этого полководца; понятно послѣ того, что народная молва обвинила его въ смерти Александра.

Къ этимъ общимъ предположеніямъ, прибавлены были болѣе точныя подробности. На первыхъ порахъ, говоритъ Плутархъ, мысль объ отравленіи никому не приходила на умъ. Но рассказываютъ, что на шестомъ году послѣ него, Олимпія умертвила много народа, что она велѣла вырыть тѣло Юла, который умеръ послѣ смерти Александра, какъ отравителя царя. Лица утверждающія, что Аристотель посовѣтовалъ Антипатеру совершить это преступленіе, что Антипатеръ велѣлъ подать ядъ Александру, опираются на слова нѣкоего Агнотемиса, который говорилъ, что онъ это слышалъ отъ царя Антигона, а Антигонъ былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ полководцевъ, оспаривавшихъ другъ у друга государство и впоследствии раздѣлившихъ его между собою. Есть даже основаніе полагать, что въ Аѳинахъ многіе повѣрили отравленію, потому что, когда послѣ смерти Александра, городъ этотъ пытался освободиться изъ подъ власти Македонянъ, и эту послѣднюю борьбу свою за свободу, увѣнчалъ нѣсколькими славными подвигами, Гиперидъ, который вмѣстѣ съ Демосѳеномъ былъ противникомъ македонской партіи, предложилъ, говорятъ, декретъ о томъ, чтобы почести были отданы Юлѣ освободившему Грецію отъ ея страшнаго притѣснителя. Эта вѣра въ отравленіе проникла глубоко въ общественное мнѣніе. Сивилинныя книги апокрифическія и древнія, представляя какъ имѣющія совершиться въ будущемъ событія, происшедшія въ давнія времена, говорятъ, что Пелійскій Марсъ преданный своими невѣрными сотоварищами, найдетъ конецъ своей судьбы и по возвращеніи его изъ Индіи жестокая смерть поразитъ его въ Вавилонѣ, среди пиршествъ.

На этомъ не остановились, но указали и средства, посредствомъ которыхъ отравленіе было исполнено. Мы здѣсь имѣемъ дѣло, какъ увидимъ сейчасъ, и съ народнымъ сказаніемъ и съ легендою. Въ Аркадіи, возлѣ мѣстности, названной Нонакрисъ, находится очень холодный источникъ, гдѣ, по мнѣнію аркадцевъ, текла вода Стикса. Нѣтъ основанія полагать, чтобы во времена Геродота этой водѣ приписывали ядовитыя свойства, такъ какъ говоря о ней, онъ называетъ ее струей воды, падающей со скалы въ бассейнъ, обложенный камнемъ. Но, впоследствии странные слухи стали ходить

объ этой таинственной водѣ: полагали, что, лишенная запаха и вкуса, она тѣмъ не менѣе составляла очень тонкій ядъ, производящій на внутренности свертывающее дѣйствіе. Говорили еще, что вода эта не можетъ быть заключена въ какомъ бы то ни было сосудѣ; что будто бы она разбиваетъ стекло, кристалъ, металлы и чтобы переносить ее, не нашли другого средства кромѣ лошадиного копыта. О такихъ, очевидно баснословныхъ, свойствахъ рассказываютъ Витрувій, Сенека, Плиній, Павзаній. Это та чудесная вода, была выбрана для отравленія Александра, и намъ понятно теперь, какимъ образомъ Аристотель тутъ замѣшанъ: по словамъ народной легенды, только философъ, знаніе котораго доставило ему такую же громкую славу какъ побѣды ученику его, могъ указать на этотъ тонкій и вѣрно дѣйствующій ядъ.

Ядъ, такимъ образомъ изготовленный, былъ переданъ Кассандромъ сыномъ Антипатра, двумъ братьямъ своимъ Филиппу и Юлу, которые были виночерпїями царя. Но спрашивается, если они обязаны были пробовать кушанья и напитки царя, то какимъ образомъ случилось, что сами они не были отравлены?

Юстинъ, который вѣритъ въ отравленіе рассказываетъ, что дѣло было устроено слѣдующимъ образомъ: Филиппъ и Юла дѣйствительно отвѣдали напитокъ, предназначенный Александру и затѣмъ только прибавили къ нему ядъ, который они держали въ холодной водѣ. Та же самая хитрость, какъ мы увидимъ дальше, была пущена въ ходъ для отравленія Британика.

Все это, очевидно, безсвязныя сказки. Но могло бы случиться, что, хотя средства, которыми было совершено преступленіе, принадлежали къ вымысламъ народной фантазіи, но отравленіе оставалось бы все-таки фактомъ. Лица, вѣрившіе въ это отравленіе замѣтили, что Кассандръ, даже своими поступками, обнаружилъ свою ненависть къ Александру и, такимъ образомъ, самъ выдалъ себя за убійцу царя. Впоследствии, когда верховная власть перешла въ его руки, онъ выказалъ свои враждебныя чувства ко всему что относилось къ его прежнему властелину тѣмъ, что задушилъ Олимпію, оставилъ тѣло ея безъ погребенія и вновь выстроилъ городъ Эивы, разрушенный Александромъ.

Подробности эти доказываютъ то, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуется исторія этихъ смутныхъ временъ, что правила нравствен-

ности не удержали бы отъ преступленій всѣхъ этихъ могущественныхъ людей, оспаривавшихъ другъ у друга власть. Имъ ничего не стоило убить или отравить. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти вѣроятности не даютъ намъ никакого права утверждать, что Александръ умеръ не отъ болѣзни, но отъ яда, и потому многіе прибавляютъ, что въ ту минуту, когда онъ осушилъ чашу, поданную ему Иоломъ, онъ почувствовалъ острую боль. Внезапно, говоритъ Діодоръ, какъ бы отъ сильнаго нанесеннаго ему удара, онъ застоналъ, и сталъ громко кричать, такъ что друзья его перенесли его на рукахъ. Юстинъ прибавляетъ, что боли его были такъ сильны, что онъ просилъ чтобы ему дали мечъ, которымъ онъ бы могъ лишить себя жизни и что онъ боялся малѣйшаго прикосновенія окружающихъ его лицъ. Однако рассказы Діодора и Юстина нисколько не подтверждаются официальнымъ описаніемъ болѣзни Александра, находящемся у насъ въ рукахъ. При Александрѣ было два исторіографа: Евменій изъ Кордіи и Діодотъ изъ Эристрии, записывавшіе день за день событія того времени. Записки эти были напечатаны въ видѣ сборника и въ древности были извѣстны подъ названіемъ «Царскихъ Эфемеридъ». Въ нихъ, между прочимъ, находили подробности, лишенныя всякаго серьезнаго значенія, такъ напр. о томъ, что не разъ царь Македонскій, будучи пьянъ спалъ два дня и двѣ ночи сряду. Последняя болѣзнь его была также описана въ Эфемеридахъ, а выписки изъ нея сохранены Арріаномъ и Плутархомъ, согласны между собой. Вотъ, что они говорятъ:

«Александръ пилъ у Медіуса, гдѣ онъ игралъ: затѣмъ онъ всталъ изъ-за стола, взялъ ванну и заснулъ, вечеромъ онъ ужиналъ у Медіуса и снова пилъ далеко за полночь. Это было 17 числа мѣсяца doesius.

«Выйдя оттуда (это было 18 числа), онъ взялъ ванну, послѣ ванны онъ поѣлъ немного и тутъ же заснулъ, такъ какъ у него была уже лихорадка. Онъ велѣлъ перенести себя на кровати для жертвоприношенія, — обрядъ который онъ, согласно обычаю, ежедневно исполнялъ.

«Послѣ жертвоприношенія онъ легъ на мужской половинѣ. Здѣсь онъ отдалъ офицерамъ приказаніе относительно предстоящей сухопутной и морской экспедиціи; велѣлъ тѣмъ, которые должны были отправиться сушею, быть готовыми къ четвертому дню, а тѣмъ,

которые должны были сѣсть съ нимъ на корабль—къ пятому. Отсюда онъ приказалъ перенести себя на кровати къ рѣкѣ, гдѣ онъ сѣлъ на лодку и отправился въ царскій садъ, находившійся на другомъ берегу. Тамъ онъ снова взялъ ванну и отдыхалъ.

«На другой день онъ опять взялъ ванну и исполнилъ предписанный обрядъ жертвоприношенія. Придя въ свою комнату, онъ, лежа весь день игралъ съ Медіемъ въ кости. Онъ приказалъ офицерамъ явиться къ нему на другой день, рано утромъ; затѣмъ вечеромъ, онъ взялъ ванну, принесъ жертвоприношеніе богамъ, поѣлъ немного и велѣлъ перенести себя въ свою комнату; всю эту ночь, безъ перерыва, его уже била лихорадка.

«На другой день, онъ взялъ ванну и затѣмъ исполнилъ обрядъ жертвоприношенія. Лежа въ комнатѣ, гдѣ стояли воины, онъ провелъ время съ офицерами, пріѣхавшими изъ Неарка, слушая ихъ рассказы о мореплаваніи и о великомъ морѣ.

«На слѣдующій день онъ опять взялъ ванну и исполнилъ обрядъ жертвоприношенія. Лихорадка не оставляла его болѣе и лихорадочный жаръ усилился. Не смотря на это, онъ позвалъ къ себѣ офицеровъ и велѣлъ имъ быть на готовѣ къ морской экспедиціи. Къ вечеру онъ взялъ ванну, но послѣ нея, ему стало уже очень плохо и ночь была мучительна.

«На слѣдующій день его перенесли въ домъ, находившійся около большого бассейна; исполняя, по обыкновенію, обрядъ жертвоприношенія, онъ былъ въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Онъ не вставалъ съ постели, но это не помѣшало ему говорить съ своими полководцами о тѣхъ войскахъ, которые были лишены своихъ начальниковъ, о чемъ онъ приказалъ имъ позаботиться.

«На слѣдующій день, его съ трудомъ перенесли на мѣсто жертвоприношенія. Не смотря на это, онъ исполнилъ обычный обрядъ, но уже никакихъ приказаній своимъ генераламъ относительно мореплаванія не отдавалъ.

«На слѣдующій день онъ, въ сильной лихорадкѣ, всталъ для жертвоприношенія. Онъ велѣлъ главнымъ изъ своихъ полководцевъ провести ночь на дворѣ, а низшимъ офицерамъ — передъ воротами. На слѣдующій затѣмъ день его перенесли изъ царскаго сада во дворецъ, онъ спалъ немного, но лихорадка не уменьшалась: когда вошли полководцы, онъ узналъ ихъ, но не сказалъ имъ

ничего; онъ не могъ говорить и ночь пролежалъ въ сильной лихорадкѣ.

«На слѣдующій день лихорадка усилилась еще болѣе. Македоняне считали его умершимъ: они пришли, громко крича, къ воротамъ и своими угрозами, заставили теперь открыть ихъ. Когда ворота были открыты, они, въ простыхъ туникахъ, окружили кровать.

«На слѣдующій день царь былъ въ томъ же положеніи, а на другой день, къ вечеру, умеръ».

Вотъ подлинный рассказъ. Есть ли кака-либо возможность объяснить его съ точки зрѣнія медицины?

Прежде всего замѣтимъ, что во всемъ этомъ рассказѣ, идетъ рѣчь только о лихорадочномъ состояніи царя, и кромѣ лихорадки, ни о какомъ другомъ симптомѣ не упоминается. Ничего не сказано ни о какой-нибудь боли въ той или другой части тѣла, ни о затрудненномъ дыханіи, ни о кашлѣ, однимъ словомъ, ни о чемъ, чтобы могло указать на мѣстное воспаленіе. Слѣдовательно, у Александра была лихорадка. Въ приведенномъ нами описаніи сохранилось достаточно данныхъ, по которымъ можно хотя ретроспективно, сдѣлать діагнозъ болѣзни, погубившей Александра. Здѣсь характерично ея перемежающееся состояніе въ началѣ. Лихорадка, которая длится 11 дней, въ первомъ своемъ періодѣ является перемежающеюся, а въ послѣднемъ становится непрерывною; есть болѣзнь очень обыкновенная въ жаркихъ странахъ: многіе врачи Алжира называли ее ложно-непрерывной.

Два врача сдѣлали уже попытку опредѣлить болѣзнь Александра; но, опираясь на дурно истолкованномъ мѣстѣ Юстіана, они полагали, что болѣзнь царя длилась всего только шесть дней; къ тому же они не составили себѣ точнаго отчета о ея продолжительности по «Царскимъ Эфемеридамъ»; тѣмъ не менѣе этотъ перемежающійся характеръ поразилъ ихъ. И такъ, Александръ умеръ отъ одной изъ тѣхъ лихорадокъ, которыя такъ обыкновенны въ Алжирѣ, въ Греціи, въ Индіи, которыя и въ настоящее время свирѣпствуютъ вѣроятно, на берегахъ Ефрата. Такимъ образомъ разрѣшается вопросъ объ отравленіи: если доказано, что болѣзнь Александра была лихорадка, то этимъ самымъ доказывается и то, что ядъ, и еще менѣе вода Стикса, могли быть причиной его смерти.

Эфиопъ, въ своей книгѣ о погребеніи Александра и Эфестіона

приписываетъ смерть Александра излишеству въ употребленіи вина. «Протей, македонянинъ, говоритъ онъ, былъ большой пьяница; не смотря на это, онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ привыкъ пить. Александръ, потребовалъ большую чашу, осушилъ ее прежде Протея; этотъ послѣдній взявъ чашу, въ громкихъ выраженіяхъ похвалилъ короля и желая заслужить одобреніе всѣхъ гостей, въ свою очередь, выпилъ изъ нея. Немного спустя, Протей, потребовалъ ту самую чашу, снова осушилъ ее. Александръ смѣло послѣдовалъ его примѣру; но это излишество оказалось ему не по силамъ: онъ упалъ на подушку и чаша выскользнула изъ его рукъ. Этимъ началась его болѣзнь, отъ которой онъ умеръ,— болѣзнь ниспосланная ему гнѣвомъ Бахуса за то, что онъ завладелъ городомъ Фивы, мѣстомъ родины этого бога».

Но мы должны сложить съ Бахуса всякую вину въ болѣзни царя. Дѣйствительно, излишества въ употребленіи вина, нарушая экономію, могутъ сдѣлать организмъ болѣе воспримчивымъ къ болѣзненнымъ вліяніямъ; но Александръ жилъ въ мѣстности, гдѣ очень могущественны причины, обусловливающія появленіе перемежающихся лихорадокъ. Онъ только что совершилъ съ нѣсколькими судьями экспедицію по болотамъ, образуемымъ Ефратомъ, ниже Вавилона и тамъ-то онъ встрѣтилъ врага, противъ котораго оказались бессильными его непобѣдимая фаланга и его побѣды, но отъ котораго спасъ бы его, можетъ быть, искусный и энергическій врачъ.

Какія мѣры были приняты, чтобы уничтожить болѣзнь? Въ «Царскихъ Эфемеридахъ», по крайней мѣрѣ въ выпискахъ, сохраненныхъ Арріеномъ и Плутархомъ, ничего не упоминается о врачахъ и о врачебной помощи; въ нихъ говорится только объ обрядахъ жертвоприношенія, которые аккуратно исполнялъ Александръ и о ваннахъ, которыя онъ бралъ, пока силы ему это позволяли, съ небольшою аккуратностью. Религіозные обряды имѣютъ нравственное вліяніе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть благотворно. Но на многія болѣзни и между прочимъ на лихорадку, они не могутъ оказать никакого дѣйствія. Отъ всѣхъ жертвоприношеній у Александра осталась только физическая усталость; всякая же усталость, всякое движеніе, всякое напряженіе влечетъ за собою увеличеніе болѣзни; отдыхъ и спокойствіе,—вотъ

по мнѣнію медиковъ, писавшихъ объ этихъ лихорадкахъ, необходимыя условія для успѣшнаго леченія ихъ. Александръ исполнилъ обрядъ жертвоприношенія въ первый, во второй, въ третій, даже въ четвертый день своей болѣзни, когда положеніе его было уже опасно; въ пятый день его съ трудомъ принесли на мѣсто жертвоприношенія, въ шестой, онъ еще разъ исполнилъ этотъ обрядъ, не смотря на то, что чувствовалъ себя очень плохо, и тогда только прекратилъ эти жертвоприношенія, когда силы его были до послѣдней крайности истощены. Можно сказать съ увѣренностью, что при его лихорадочномъ состояніи, это ежедневное напряженіе силъ не могло остаться безнаказаннымъ и что, исполняя предписанные обряды, онъ этимъ еще болѣе усиливалъ ту опасность, которою грозила ему сама болѣзнь. Не меньшему осужденію подлежатъ тѣ ванны, которыя онъ съ такимъ постоянствомъ бралъ въ теченіе первыхъ шести дней своей болѣзни; ванны не принадлежатъ къ числу средствъ, употребляемыхъ современными врачами въ лихорадкахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь; есть основаніе полагать, что въ подобныхъ случаяхъ ихъ не употребляли и древніе врачи. Гиппократъ, по крѣпней мѣрѣ, не совѣтуетъ прибѣгать къ нимъ въ опасныхъ лихорадкахъ.

Одинъ Диодоръ Сицилійскій упоминаетъ о врачахъ, но онъ говоритъ только, что они были призваны къ царю, но не могли оказать ему никакой помощи. Намъ извѣстно, какія средства они употребили, но не подлежитъ сомнѣнію, что образъ жизни, который велъ Александръ въ послѣдней своей болѣзни, способствовалъ увеличенію дурныхъ шансовъ и дѣлалъ болѣе неизбежною роковую развязку ея. Острая болѣзнь всегда очень опасна; необходимо, чтобы больной не ухудшалъ своего состоянія ошибками и чтобы врачъ искусно пользовался бы такими данными и средствами, которыя доставляетъ ему искусство. Хорошій англійскій или французскій докторъ, привыкшій лечить болѣзни жаркихъ странъ, предписалъ бы въ началѣ кровопусканіе, если только того бы потребовало общее состояніе больного, или затѣмъ онъ бы прибѣгнулъ къ слабительнымъ и къ сѣрнокислому хинину и легко могъ бы вылечить своего пациента. Хорошій врачъ временъ Гиппократа, употребилъ бы тѣ же самыя лекарства, кромѣ сѣрнокислаго хинина, и принесъ бы также пользу, хотя не въ такой степени, какъ

современный медикъ. Царь же македонскій, исключительно руководимый, въ своей опасной болѣзни, совѣтами, въ основѣ которыхъ лежало суевѣріе, умеръ, не смотря на свою молодость и свой крѣпкій организмъ.

Подозрѣнія, возбужденныя смертью Александра — подозрѣнія, опровергнутыя, впрочемъ, патологіею, не выходили никогда за предѣлы народной молвы и не послужили поводомъ къ какому бы то ни было разслѣдованію. Тоже самое нельзя сказать о другой, преждевременной смерти, которую общественное мнѣніе приписало яду, — я говорю о смерти Германика. Дѣло разбиралось въ сенатѣ Обвиненный, прежде чѣмъ былъ произнесенъ приговоръ, лишилъ себя жизни. Германикъ былъ посланъ на востокъ. Въ то же время Пизонъ получилъ управленіе Сиріей. Поведеніе этого губернатора въ отношеніи къ Германику отличалось грубостью и неповиновеніемъ, доходившими до послѣдней крайности. Жена его, Планцина не отставала отъ своего мужа и когда Германикъ палъ, Пизонъ и Планцина выказали самую гнусную радость; первый приказалъ своимъ ликторамъ выбросить вонъ изъ Антиохійскаго храма всѣ жертвы, принесенныя для спасенія жизни молодого царя, а вторая при первомъ извѣстіи о случившейся катастрофѣ, поспѣшила снять трауръ, который носила по сестрѣ. Немудрено, что въ виду подобнаго поведенія, столь же страннаго, сколько и преступнаго, весь Римъ заговорилъ объ отравленіи Германика, и конечно при этомъ не останавливались на Пизонѣ, а заходили далѣе, предполагая, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ лишь по наущеніямъ Тиверія, завидовавшаго тому особенному расположенію, которымъ Германикъ пользовался среди римлянъ. Дѣйствительно, послѣдствія показали, до чего доходила ненависть Тиверія. Гордая и добродѣтельная супруга Германика, Агриппина, погибла въ заточеніи на островѣ, предварительно лишившись глаза, который вышибъ ей ударомъ палки центуріонъ. Изъ двухъ старшихъ сыновей ея, одинъ, Неронъ, погибъ также на островѣ, едва ли не голодной смертью, и въ своей гибели увлекъ за собой не только многихъ знатныхъ лицъ, но даже и невольниковъ ихъ. Такимъ образомъ былъ казненъ Титъ Сабиній вмѣстѣ со всей своей свитой; тѣла казненныхъ были брошены на самомъ мѣстѣ казни и на этотъ разъ взорамъ собравшейся толпы представилось столь же оригинальное, сколько

трогательное зрѣлище: собака одного изъ невольниковъ, погибшихъ лишь за то, что господинъ ихъ былъ другомъ сына Германика, не захотѣла разстаться съ трупомъ своего несчастнаго господина и вмѣстѣ съ нимъ исчезла въ волнахъ Тибра, когда волны эти понесли безжизненное тѣло. Каково было то общество, въ которомъ трупы несчастныхъ казненныхъ бросались въ ту самую рѣку, которая протекаетъ въ самой срединѣ славнаго и многолюднѣйшаго города міра. Второй сынъ, Друзій, умеръ также отъ голода въ одномъ изъ тайниковъ дворца. Прибавимъ къ этому, что когда Пизонъ, уже послѣ своей смерти, былъ приговоренъ сенатомъ, Тиверій постарался на сколько возможно смягчить приговоръ, а Плацину и совершенно избавилъ отъ всѣхъ послѣдствій этого приговора.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти жестокости, направленные противъ несчастнаго семейства, не доказывали еще неизбежно, что глава его погибъ по повелѣнію Тиверія. Вникая въ подробности дѣла находимъ, что дворецъ, гдѣ лежалъ больной Германикъ, былъ наполненъ разнаго рода орудіями колдовства, которымъ суевѣріе того времени приписывало силу сокращать жизнь. Все это доказывало большую ненависть со стороны враговъ Германика; колдовство, при всей безвредности своихъ средствъ, дѣйствуетъ на воображеніе и, кажется, что именно такимъ образомъ, здоровье Германика пострадало отъ враговъ. Одинъ изъ его лейтенантовъ отправилъ въ Римъ, для показаній при процессѣ, одну знаменитую колдунью, извѣстную своими злодѣйствами и своими отравленіями; женщина эта дорогой умерла и на Пизона пало обвиненіе, что онъ постарался отдѣлаться отъ нея. Вителлій, одинъ изъ обвинителей, приводилъ въ доказательство отравленіе Германика тотъ фактъ, что сердце его осталось не сгорѣвшимъ среди пламени костра. Справедливости этого факта вѣрить трудно; притомъ если и дѣйствительно сердце не сгорѣло, то приписать это можно лишь какой нибудь случайности въ направленіи пламени, а самый вопросъ объ отравленіи отъ этого ничуть не разъясняется. Ко довершенію всего никто изъ обвинителей не могъ сказать, когда именно и какимъ образомъ было совершено отравленіе. Правда они утверждали, что во время одного изъ обѣдовъ, Пизонъ, возлежавшій возлѣ Германика (извѣстно, что римляне обѣдали лёжа) собственноручно под-

мѣшалъ ядъ въ кушанье принца; но подобный поступокъ казался всѣмъ слишкомъ невѣроятнымъ, при такомъ множествѣ чужихъ слугъ и въ присутствіи самого Германика и столькихъ гостей. Защита приводила въ оправданіе характеръ болѣзни, отъ которой погибъ молодой Германикъ; по всѣмъ вѣроятіямъ она указывала на продолжительность болѣзни, на временно-наставшее улучшение и на всѣ тѣ несходства, какія можно было замѣтить между ея симптомами и обыкновенными признаками отравленія. Но въ этомъ случаѣ достойно вниманія то, что сенатъ не нашелъ нужнымъ призвать ни одного доктора для выраженія своего мнѣнія по этому предмету. Какъ бы то ни было, самъ Германикъ, въ продолженіи своей болѣзни, и жена, какъ и всѣ друзья его были убѣждены что онъ погибаетъ жертвою отравленія. Онъ потребовалъ отъ нихъ обѣщанія преслѣдовать виновниковъ его смерти и отмстить за нее; но когда дѣло это дошло до сената, то оказался недостатокъ въ положительныхъ доказательствахъ. Обвиненному удалось опровергнуть показаніе и въ настоящее время, такъ какъ до насъ не дошло никакихъ подробностей о самой болѣзни, невозможно произнести какое-либо сужденіе по этому предмету и сколько нибудь разсѣять, или подтвердить подозрѣнія, павшія на Пизона и его жену.

Все то, что доходитъ до насъ изъ жизни этого древняго общества, отдѣленнаго отъ насъ такимъ громаднымъ промежуткомъ времени, приводитъ къ заключенію, что тамъ существовали особенныя лабораторіи для приготовленія ядовъ, впрочемъ, тѣсно связанныя съ колдовствомъ и магіей, которымъ такъ усердно предавалось втайнѣ римское суевѣріе. Несомнѣнно также что, несмотря на полное незнакомство съ химіей, мастерскія эти умѣли производить чрезвычайно дѣйствительныя яды. Сенека, въ одномъ изъ своихъ весьма ѣдкихъ отзывовъ о нравахъ того времени, называетъ этихъ приготовителей ядовъ великими артистами и говорить, что ихъ микстуры не чувствительны ни для обонянія, ни для вкуса. Сила же ихъ дѣйствія доказывается извѣстнымъ отравленіемъ, не подверженнымъ уже никакому сомнѣнію, именно отравленіемъ Британика.

Римляне имѣли обыкновеніе пить отъ времени до времени стаканъ теплой воды. Обычай этотъ, составлявшій непремѣнную при-

надлежность ихъ діѣты, показываетъ намъ, насколько измѣняются вкусы и обычаи переходя изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного народа къ другому. Довести эту воду до той степени теплоты, которая была бы пріятна для питья, составляло немаловажную задачу для слугъ, и Арріенъ, въ своихъ правилахъ нравственности, между прочимъ ставитъ въ обязанность хозяину не предаваться порывамъ гнѣва противъ невольниковъ, которымъ случится подать воду для питья слишкомъ теплой или слишкомъ холодной. Благодаря этому обычаю удалось отравить Британника, не повредивъ въ тоже время тому, кто былъ обязанъ пробовать питье. Дѣти императорскаго дома вмѣстѣ съ другими дѣтьми нѣкоторыхъ знатныхъ римскихъ семействъ обѣдали всегда сидя, за отдѣльнымъ маленькимъ столомъ; родители ихъ обѣдали лежа, за большимъ столомъ. Слуга подносилъ Британику воду, которая оказалась слишкомъ согрѣтой; тотъ оттолкнулъ сосудъ, и когда ему подлили холодной, заранѣе уже отравленной воды, несчастный, при первомъ глоткѣ, упалъ безъ голоса и безъ дыханья. Зрѣлище это поразило ужасомъ Агриппину также какъ и Октавію, сестру несчастной жертвы. Неронъ произнесъ тѣ самыя слова, которыя и Расинъ вложилъ въ его уста; но что всего трагичнѣе во всей этой трагедіи, что обрисовываетъ всего ярче весь упадокъ этого глубоко испорченнаго двора, такъ это именно то, что послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обѣдъ продолжался съ прежнею, повидимому, веселостью и все пошло своимъ чередомъ, какъ будто ничего и не случилось. Разумѣется, Британикъ былъ немедленно унесенъ и пока другіе кончали обѣдать, онъ кончилъ свою жизнь. Изъ этого видно, какъ страшно быстро было дѣйствіе яда, если юноша немедленно потерялъ сознание. Но изъ чего состояли эти ядовитыя снадобья, которыя съ такою быстротою подтачивали всѣ пружины жизни? Уже въ царствованіе Тиверія имѣли случай видѣть, какъ одинъ римскій всадникъ, обвиненный въ оскорбленіи величества, посреди самаго сената принялъ ядъ и тутъ же упалъ въ смертельныхъ судорогахъ къ ногамъ сенаторовъ. Ликторы успѣли захватить его и унести въ тюрьму; но когда хотѣли приступить къ казни, въ рукахъ ихъ оказался уже одинъ безжизненный трупъ. Изъ числа извѣстныхъ нынѣ ядовъ только весьма немногіе способны причинять такую быструю смерть; притомъ большинство ихъ получается изъ

странъ, неимѣвшихъ тогда никакихъ сношеній съ римскою имперіей, такъ что остается одна синильная кислота, на которую могло пасть подозрѣніе. Весьма многія ядра фруктовъ содержатъ ее, такъ что великимъ артистамъ, о которыхъ говоритъ Сенека, не трудно было, при ихъ разнообразныхъ манипуляціяхъ напасть на нѣкоторыя изъ смертоносныхъ соединеній этой кислоты. Такимъ же точно случайнымъ образомъ и алхимики среди своихъ поисковъ, плавленій и различныхъ комбинацій, напали на открытіе многихъ дѣйствительно полезныхъ и даже драгоценныхъ веществъ, какъ - то спиртъ, нѣкоторыя сильныя кислоты, фосфоръ и т. п. Наконецъ стоитъ припомнить и всѣ находки дикихъ племенъ по части ядовъ.

Но это только еще одна изъ сторонъ римскаго общества во времена первыхъ императоровъ. Рядомъ съ такой привычкою прибѣгать къ ядамъ, и съ легкостью ихъ употребленія, мы видимъ полнѣйшую невозможность открыть какіе-либо слѣды присутствія яда, и тѣмъ обличить преступленіе. И эти два явленія связаны между собой не простою случайностью—одновременность ихъ существованія имѣетъ основу болѣе глубокую,—она есть слѣдствіе необходимости, слѣдствіе самихъ законовъ исторіи; другими словами каждая ступень человѣческаго развитія имѣетъ соотвѣтствующую ей, опредѣленную ступень, на которой неизбѣжно должно стоять и административное правосудіе.

Въ нѣкоторыя эпохи, отмѣченныя дурно переваренной эрудиціей, въ большомъ ходу были теоріи, состоявшія въ томъ, что народы древняго міра обладали самыми обширными научными познаніями, которыя теперь новѣйшія поколѣнія стремятся только мало по малу возвратить. Разсматривая этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, безъ всякой провѣрки, конечно, не трудно вообразить себѣ существованіе такихъ древнихъ народовъ, которые настоячивыми трудами, подобными нашимъ, достигли той же, если еще не высшей ступени образованія, и затѣмъ какіе нибудь перевороты въ природѣ въ родѣ потоповъ, катаклизмовъ, погруженія материковъ и перемѣщенія морей, или что нибудь въ родѣ чумы, несравненно болѣе свирѣпой, чѣмъ нынѣшняя холера, или даже чѣмъ средневѣковая черная смерть, уничтожили до тла эту цивилизацію и снова низвели родъ человѣческій до состоянія дикарей но мы не находимъ рѣшительно ничего въ исторіи для подтвер-

жденія подобнаго предположенія—все это оказывается одной игрой воображенія, а какъ только обращаемся къ фактамъ, то рѣшительно ничего не встрѣчаемъ, кромѣ общеизвѣстной исторической постепенности, начиная отъ древнѣйшихъ эпохъ египетской исторіи вплоть до нашихъ временъ. Теперь если бы кто нибудь вздумалъ на какой нибудь точкѣ этого развитія помѣстить подобное высокое состояніе науки, сейчасъ же является препятствіе именно въ томъ, что такое состояніе науки непременно требуетъ совсѣмъ другого порядка вещей, нежели тотъ, среди котораго думаютъ дать ему мѣсто. Пусть принисываютъ сколько угодно египтянамъ временъпастушескихъ или даже еще болѣе древнихъ временъ фараоновъ, полное знаніе системы мірозданія, тяготѣнія вселенной и формы земли—стоитъ только задать себѣ вопросъ при какихъ условіяхъ возможны были такіа знанія и окажется, что для этого необходимы были и всѣ успѣхи математики, включая и интегральное и дифференціальное счисленіе, всѣ работы, относящіяся до силы притяженія и наблюденія маятника подъ экваторомъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что послѣ такихъ работъ, умы достаточно любознательные и достаточно проникательные, чтобы зайти уже такъ далеко въ открытіяхъ тайнъ мірозданія, распространили бы навѣрно свои изысканія и въ области химіи и біологіи, равно и соціальной науки; на всемъ бы отозвалось это общее движеніе впередъ различныхъ знаній, и что нибудь подобное нынѣшней нашей цивилизаціи непременно возникло бы въ эти древнія времена. Но такъ какъ ничего подобнаго мы тамъ не встрѣчаемъ, то и остается, перебирая звено за звеномъ цѣпи различныхъ знаній, придти къ заключенію, что и состояніе познаній по части астрономіи и математики, не могло перейти той границы, которая опредѣляется общимъ состояніемъ общественнаго строя.

Подобныя соотношенія—результаты тѣхъ самыхъ условій, которыя изъ общества образуютъ одно великое цѣлое и не допускаютъ развитія какой нибудь одной его части, безъ совмѣстнаго развитія и всѣхъ остальныхъ. Чѣмъ болѣе все это будетъ приниматься во вниманіе, тѣмъ прочнѣе и плодотворнѣе будетъ знаніе. Исторія сдѣлала значительный шагъ впередъ, включивъ въ число своихъ доктринъ это великое понятіе о соотношеніяхъ и совмѣстномъ существованіи. И вслѣдствіе весьма естественной связи, то, что при-

нано справедливымъ въ отношеніи науки, не менѣе справедливо и въ отношеніи нравственнаго міра. Въ этой области есть также свои необходимыя соотношенія, свои постепенные уровни; конечно, здѣсь рѣчь идетъ не объ индивидуальнымъ дѣйствіяхъ—безъ сомнѣнія по всюду и во всѣ времена встрѣчались поступки и самые геройскіе и самые преступные — тутъ нужно принимать въ расчетъ, такъ сказать, коллективную нравственность, то общественное мнѣніе, которое запрещаетъ или разрѣшаетъ. Эта-то общественная нравственность и находится въ несомнѣнной зависимости отъ совокупности соціальныхъ явленій; она не можетъ быть одна и та же и во времена греко-римскаго паганизма и въ тѣ вѣка, когда господствовали церковь и феодализмъ и, наконецъ, въ періодъ революціонныхъ переворотовъ, которые потрясли зданіе среднихъ вѣковъ. Подобно тому, какъ развивающаяся наука усиливаетъ преобладаніе общихъ идей, такъ и развивающаяся нравственность ведетъ къ преобладанію общихъ интересовъ, и кто захочетъ прослѣдить всѣ переходы отъ древняго міра къ міру римско-католическому и наконецъ къ новѣйшимъ временамъ, тотъ увидитъ, что таковъ дѣйствительно ходъ историческаго развитія.

Природа — мать столькихъ полезныхъ вещей, производитъ въ то же время не мало и вредныхъ; такъ напримѣръ, въ жестокомъ изобиліи распространены въ ней яды всѣхъ родовъ. Царство минеральное доставляетъ громадное количество ихъ; множество растеній ядовиты; даже нѣкоторыя изъ животныхъ снабжены весьма опаснымъ ядовитымъ веществомъ; во многихъ болѣзняхъ извѣстные соки обращаются въ средства производить сильнѣйшее отравленіе; наконецъ, и самое броженіе и гніеніе, дѣйствующія въ природѣ непрерывно, составляютъ источники самыхъ смертоносныхъ испареній. Тоже самое мы видимъ и въ нравственномъ мірѣ—здѣсь такое же обиліе вредныхъ вліяній, какъ-то дурныя наклонности, пороки и преступления. Но подобно тому, какъ разумная изобрѣтательность стремится обуздать вредныя силы, изобилующія въ природѣ, такъ точно и разумная нравственность старается подавить личныя наклонности и усилить преобладаніе общественныхъ интересовъ. Нечего и прибавлять что успѣхи, какъ той такъ и другой, зависятъ отъ одной главной работницы—науки.

Медицина, составляющая нынѣ такое могущественное оружіе въ рукахъ правосудія, достигла своего настоящаго положенія лишь

вслѣдствіе громаднѣхъ работъ и самыхъ труднѣхъ открытій, и эти работы, эти открытія были долгое время запрещаемы ей общественнымъ мнѣніемъ. Въ древности она была лишена самого главнаго пособія—возможности разсѣкать мертвыя тѣла и дѣлать изслѣдованія тѣхъ поврежденій, которыя причинили смерть. Бдительные и строгіе предразсудки ревниво оберегали бранные останки и защищали ихъ отъ научныхъ изслѣдованій, которыя казались однимъ пустымъ и преступнымъ любопытствомъ. Правда, династія греческихъ королей въ Египтѣ рѣшилась дать дозволеніе, замѣчательной по своей дѣятельности, Александрійской школѣ наложить руку на трупы умершихъ людей; но эта аномалія, это возмущеніе противъ общественнаго мнѣнія удержались не долго, такъ что знаменитый Галліенъ, оставившій по анатоміи замѣчательный сводъ всего, что было въ древнемъ мірѣ извѣстно по этому предмету, долженъ былъ всю жизнь ограничиваться работами на трупахъ обезьянъ. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о томъ чтобы отыскать слѣды введеннаго яда, и потому послѣ смерти Германика, тѣ самыя личности, которыя были всего болѣе увѣрены въ его отравленіи, жена и друзья его распорядились сами съжечь тѣло молодаго вождя и тѣмъ уничтожили всякіе слѣды преступления. Но кому же и могло тогда придти въ голову чтобы могла существовать такая наука, такое искусство, которыя были бы въ состояніи отыскать въ организмѣ мельчайшія частицы ядовитаго вещества? И кто же въ настоящее время, можетъ не видѣть той замѣчательной тѣсной связи, которая существуетъ между различными частями соціальной жизни. Пока теологическія доктрины паганства запрещали прикасаться къ мертвымъ тѣламъ, до тѣхъ поръ и наука не была въ состояніи извлечь какую либо пользу изъ подобныхъ изслѣдованій, будь онѣ даже разрѣшены; такъ что въ сущности и подобное запрещеніе и безсиліе науки были не только одновременными фактами, но и слѣдствіями одного и того же порядка вещей.

Не далѣе какъ въ средніе вѣка, въ XIV столѣтіи, наконецъ папы пренебрегли древними предразсудками и разрѣшили диссекцію труповъ. Такимъ образомъ средніе вѣка, во второй своей половинѣ, приобрѣли наконецъ то, чего такъ недоставало языческой древности, именно возможность изучать, безъ угрызеній совѣсти и безъ опасности для изслѣдователя, человѣческое строеніе самомъ

человѣкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ эти же времена развилось страстное увлеченіе алхиміей, той алхиміей, которой несмотря на всю химеричность ея погони за разными всеисцѣляющими элексирами и превращеніями матеріи, мы обязаны столькими замѣчательными открытіями, столькими полезными веществами. Алхимія, рассматриваемая съ философской точки зрѣнія, есть одно изъ самыхъ характеристичныхъ явленій среднихъ вѣковъ—одно изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ выразилась вся сила прогрессивнаго движенія.

XVI столѣтія, съ Безалиемъ во главѣ, снова принимается за анатомію и, такимъ образомъ, медицина мало по малу подвигается къ тому моменту, когда ей возможно будетъ приняться за великую задачу токсикологіи (наука о ядахъ). Въ самомъ дѣлѣ вслѣдъ за настоящей анатоміей развивается такъ называемая анатомія патологическая, т. е. изученіе тѣхъ слѣдовъ, которые оставляетъ въ организмѣ болѣзнь и тѣхъ поврежденій, которыя сдѣлали органы неспособными къ дальнѣйшему отправленію своихъ функций. Въ ряду этихъ изслѣдованій заняло свое мѣсто и изслѣдованіе дѣйствія ядовъ; оказалось, что большинство ихъ измѣняетъ во всѣхъ отношеніяхъ свойства живыхъ тканей. Еслибъ затѣмъ въ этихъ измѣненіяхъ удалось подмѣтить какую-нибудь особенную характеристичность, задача была бы совершенно рѣшена; медицина тогда не имѣла бы надобности прибѣгать ни къ какой посторонней помощи, чтобы объявить, было ли въ томъ или другомъ случаѣ отравленіе или нѣтъ. Къ сожалѣнію, дѣло оказывается не такъ просто; существуетъ много внутреннихъ болѣзней производящихъ въ органахъ измѣненія до того сходныя съ тѣми, которыя причиняютъ дѣйствіе яда, что медицина не имѣетъ возможности различить ихъ и это обстоятельство дѣлаетъ заключенія ея настолько шаткими, что мы не имѣемъ достаточно права, основать на нихъ приговоръ жизни или смерти.

Пока медицина шла такимъ образомъ своей дорогой, алхимія, рядомъ постепенныхъ преобразованій, описывать которыя здѣсь не мѣсто, превратилась мало по малу въ химію, доказавшую нагляднымъ и неоспоримымъ образомъ, что ни одинъ атомъ матеріи въ природѣ не исчезаетъ и что въ каждомъ составномъ тѣлѣ можно отыскать всѣ элементы его составляющіе. Не лишнее и здѣсь обратить вниманіе на тѣ необходимыя совпаденія, которыя постоянно представляетъ намъ историческое развитіе; въ теченіе XVII, а

главнымъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка организовалась вполне химія; къ тому же самому времени и медицина настолько подвинулась, что оказалась въ состояніи воспользоваться неожиданной помощью, которую она встрѣтила въ новой наукѣ. Можно сказать, что еще ни разу въ теченіе всего своего постепеннаго развитія, она не встрѣчала ничего, до такой степени облегчающаго ея собственныя изысканія, и этой новой помощью она успѣшила воспользоваться для того, чтобъ прослѣдить путь, которымъ ядъ проходитъ въ организмѣ. Такимъ образомъ то, что въ древности считалось до такой степени невозможнымъ, что и самая мысль о такихъ изысканіяхъ не могла зародиться въ умахъ того времени, теперь стало представляться какъ весьма разрѣшимая задача, за которую немедленно и принялись.

Рѣшеніе этой задачи уже достигнуто, и оно вполне удовлетворительно, относительно минеральныхъ ядовъ. Металлы, не будучи способны къ дальнѣйшему разложенію, отыскиваются и находятся въ организмѣ, въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ онъ былъ введенъ въ него, несмотря на то, что ему пришлось перемѣшиваться и съ пищею и съ питьемъ и съ жидкостями самого тѣла, и циркулируя вмѣстѣ съ кровью проникать въ самую глубь организма. Не то бываетъ съ ядами органическими, т. е. такими, которые доставляются растеніями и животными; эти яды обыкновенно вещества составныя и иногда до чрезвычайности сложныя, элементы ихъ весьма легко разлагаются — отсюда недостатокъ той устойчивости, той прочности, которая въ металлическихъ ядахъ такъ облегчаетъ работу изслѣдователя. Но химія не остановилась въ бездѣйствіи и передъ этой новой трудностью, и въ настоящее время способъ открытія нѣкоторыхъ растительныхъ ядовъ уже найденъ, но конечно еще далеко до открытія всѣхъ ядовъ и во многихъ еще случаяхъ вмѣсто достовѣрныхъ указаній, она можетъ представить судьбѣ лишь одни догадки и предположенія свои.

Здѣсь мы прослѣдили постепенное развитіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей медицины, нарочно останавливаясь при этомъ на нѣкоторыхъ эпизодахъ, оставляемыхъ обыкновенно безъ вниманія учеными историками. Въ древнія времена, когда наука была еще, въ самомъ младенческомъ состояніи, въ глазахъ ея ядъ имѣлъ какое-то непосредственное дѣйствіе на жизненную силу организма, а разъ принятый онъ убивалъ человѣка всей совокупностью сво-

ихъ свойствъ, прекращая разомъ все жизненные процессы. Позднѣе когда изслѣдованія сдѣлали уже шагъ впередъ, стали замѣчать что во многихъ случаяхъ ткани, воспринявшія ядъ, потерпѣли значительныя измѣненія въ своемъ строеніи. Еще позднѣе нашли, что смертоносное вещество поглощается и проникаетъ въ кровь. Наконецъ, на послѣдней ступени, на которой стоитъ современное знаніе, уже найдено средство прослѣдить ядъ на всемъ пути его дотѣхъ самыхъ сокровенныхъ уголковъ, гдѣ онъ гнѣздится по преимуществу, или залегаетъ окончательно. Таковы плоды медицинскіхъ трудовъ: причины, симптомы, измѣненіе тканей, лечение въ границахъ возможности, все изслѣдовано, изучено, опредѣлено. Какъ только все эти медицинскія работы приведутъ къ положительнымъ результатамъ, тотчасъ же вліяніе ихъ распространяется и на отрасль, съ виду имъ совершенно чуждую, въ дѣлахъ существенной важности они сдѣлаются источникомъ свѣта для правосудія. Отдавая всю должную справедливость заслугамъ физиологовъ и медиковъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что на этомъ поприщѣ они ничего не могли бы сдѣлать безъ помощи другой науки — химіи, такъ какъ она одна дала средство прослѣдить весь путь вводимыхъ веществъ и выдѣлить ихъ изъ соединений. Уже одинъ этотъ фактъ, почерпнутый изъ исторіи науки, окончательно подрываетъ всякую вѣру въ обширныя познанія древнихъ вѣковъ по части токсикологіи и особенно въ дѣлѣ открытія ядовъ; такимъ образомъ, въ то время какъ съ одной стороны анализируютъ кислоты и щелочи, собираютъ газы, взвѣшиваютъ убыль и прибыль, вырабатывая такимъ путемъ понятіе о соединеніяхъ и разложеніяхъ, этой вѣчной молекулярной работѣ природы, какъ съ другой стороны любопытнымъ глазомъ погружаются въ изслѣдованіе труповъ, разрѣзываютъ жилы, слѣдятъ за движеніемъ жидкостей, стремясь вывести изъ всего этого систему понятій относительно условій жизни — въ то же самое время эти изслѣдованія, чисто спекулятивныя, являются яркимъ свѣтильникомъ въ рукахъ правосудія. Таково могучее и характеристичное свойство отвлеченной истины. Стоитъ начать искать ее ради ея самой, и нѣтъ числа тѣмъ ожидаемымъ и неожиданнымъ практическимъ результатамъ, которые повлечетъ за собой подобная работа.

БЫЛА ЛИ ОТРАВЛЕНА ГЕРЦОГИНЯ ОРЛЕАНСКАЯ НЕВѢСТКА ЛЮДОВИКА XIV.

Слѣдуетъ ли дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Первымъ побужденіемъ къ труду, заглавіе котораго вы здѣсь читаете, было внушено мнѣ любовью къ литературнымъ занятіямъ и желаніемъ вполнѣ насладиться прекраснымъ произведеніемъ. Всякому извѣстны тѣ подозрѣнія, которыя возбудила внезапная смерть герцогини; всякій тоже помнитъ печальное и трогательное восклицаніе Боссюэта: «О бѣдственная ночь! о ужасная ночь! въ которую вдругъ, подобно громовому удару, раздалось это поражающее извѣстіе: герцогиня умираетъ, герцогиня умерла! Кто изъ насъ не былъ пораженъ этимъ ударомъ такъ же сильно, какъ будто ужасное несчастіе разразилось надъ его собственною семьей!» Каждый разъ, перечитывая погребальную рѣчь на смерть Генріетты - Анны английской, герцогини орлеанской, я останавливался на томъ мѣстѣ, которое вызвало столько рыданій подъ сводами церкви Сенъ-Дени и которое даже теперь мы не можемъ читать безъ волненія, и чувствовалъ, какъ во мнѣ возникалъ глухой ропотъ, примѣшивавшійся къ этому торжественному плачу, что - то несогласное съ нимъ. Я думалъ, вотъ очаровательная женщина, еще молодая, исполненная прелести и кротости, пользующаяся полнымъ расположеніемъ своего брата и зятя, двухъ могущественныхъ королей Великобританіи и Франціи, подвергается, вслѣдствіе печальнаго оборота медали, оскорбленіямъ, ругательствамъ и, быть можетъ, рукамъ убійцъ

любимцевъ своего мужа; вотъ она умираетъ отъ болѣзни столь же внезапной, какъ и неизвѣстной; всѣ говорятъ объ ядѣ; называютъ даже отравителя, кавалера де-Лоррена, недавно сосланнаго королемъ по просьбѣ герцогини, къ сильному неудовольствію герцога. Невозможно, чтобъ Боссюэтъ не зналъ этихъ слуховъ. Они были слишкомъ распространены въ обществѣ; но онъ, не обращая вниманія справедливы ли они или нѣтъ, съ презрѣніемъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и отдается своему удивительному краснорѣчію, изливающемуся въ трогательныхъ выраженіяхъ печали, покорности и вѣры; это родъ христіанской элегіи, свободной отъ всякой мрачной тѣни. Но мы, читающіе эту рѣчь, не можемъ оставить безъ вниманія ни слуховъ, ни мрачныхъ тѣней. Кажется, что холодъ отравы проникаетъ въ наше сердце; что-то ядовитое, оскорбляющее насъ, кроется въ ней; и мы невольно задумываемся передъ этимъ образцовымъ произведеніемъ: прекрасный слогъ, великолѣпные образы, безконечное искусство; но, принимая за текстъ своей рѣчи, суета суеть и все суета, великій ораторъ взялъ изъ предмета, о которомъ онъ хотѣлъ говорить, только то, что въ немъ было суетнаго и поверхностнаго. Все же серьезное, глубокое заключается въ мрачной драмѣ преступленія, совершеннаго на ступеняхъ трона; и если Боссюэтъ не могъ, не долженъ былъ касаться подобныхъ тайнъ, то ужасающая дѣйствительность, встававшая возлѣ него, бросаетъ тѣнь на его краснорѣчіе, которое кажется намъ только звучной риторикой.

Напротивъ, предположимъ, что мнѣніе объ отравленіи не имѣетъ основанія; предположимъ, что эта столь скоропостижная и таинственная для современниковъ смерть, естественна; въ такомъ случаѣ краснорѣчіе Боссюэта, очищенное отъ вѣковаго подозрѣнія, вновь принимаетъ все свое величественное спокойствіе. Онъ не могъ сказать ничего другого, какъ только то, что онъ сказалъ: «Оплакивая въ одномъ несчастіи всѣ бѣдствія человѣческаго рода и показывая въ одной смерти смерть и ничтожество земнаго величія». Моя душа свободно предается увлеченію этой рѣчи, говорящей о плачевной кончинѣ, а не о гнусномъ преступленіи; величіе христіанскаго міра открывается въ этихъ страницахъ, подобно тому, какъ величіе азыческаго міра открывалось въ пѣсняхъ Гомера.

Подъ этими-то впечатлѣніями я совершилъ послѣднія изслѣдо-

ванія по предмету, о которомъ очень долго размышлялъ и разрѣшеніе котораго я уже давно, какъ мнѣ казалось, предвидѣлъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я заранѣе, съ предвзятой цѣлью искалъ только то, что мнѣ нужно было и въ то же время желалъ снять съ двора Людовика XIV обвиненіе въ преступленіи, а съ краснорѣчія Боссюэта обвиненіе въ неискренности. Напротивъ, я твердо рѣшился, въ случаѣ если бы изслѣдованія не удовлетворили бы меня, оставить во всей его силѣ страшное обвиненіе, заключающееся въ мемуарахъ Сенъ-Симона, или же ждать, пока чья нибудь болѣе счастливая рука найдетъ доказательства, ускользнувшія отъ меня. Но если читатель найдетъ достаточно убѣдительными мои доводы о ненасильственности смерти герцогини, то я буду вдвойнѣ доволенъ, что рѣшеніе, которое я сперва искалъ только изъ уваженія къ красотамъ погребальной рѣчи, изглаживаетъ изъ исторіи подозрѣніе въ преступленіи. Гомеръ и Боссюэтъ! я назвалъ ихъ одного рядомъ съ другимъ и не отрекаюсь отъ этого. Великая проза не уступаетъ великой поэзіи въ красотѣ, прелести и могуществѣ. Никогда не испытывалъ я этого такъ сильно, какъ читая произведенія Боссюэта. Подобно поэзіи, которая, по счастливой аллегоріи Греціи, обитаетъ на гордыхъ возвышенностяхъ Парнаса и Геликона, орелъ любитъ парить въ теологическихъ высотахъ, съ которыхъ онъ созерцаетъ ничтожество человѣка и двойственное дѣло рукъ Божіихъ, исполненныхъ одна гнѣвомъ, другая милосердіемъ. Тогда, чтобы каждый, способный только на это, могъ раздѣлить восторгъ и содроганіе, испытываемые имъ при видѣ этого сверхъестественнаго міра, онъ раздражается въ выраженіяхъ, равняющихся по своему совершенству самому совершенному въ области умственной красоты. Для его величественнаго языка достаточно самыхъ простыхъ словъ: онъ призываетъ ихъ и они принимаютъ подъ его рукою необыкновенный свѣтъ; онъ располагаетъ ихъ и выходятъ картины величественныхъ и чудесныхъ образовъ; онъ ударяетъ по нимъ и они издають глубокую и величавую гармонію. Этими строками, такъ несовершенно выражающими мои чувства, я пытаюсь по крайней мѣрѣ заплатить старый долгъ благодарности великому писателю. Сколько часовъ моей молодости были очарованы имъ; сколько разъ возносился я съ нимъ къ идеалу, правда чуждому для меня, но къ

которому легко присоединяются величіе исторіи и прелесть прошедшаго.

Погребальная рѣчь говоритъ о смерти, а смерть о трупѣ. Это отвратительное слово Боссюэтъ вставилъ въ свою рѣчь; я привожу здѣсь этотъ отрывокъ, не смотря на его всеобщую извѣстность: «Она спустится въ эти мрачныя страны, въ эти, подземныя жилища, чтобы почить тамъ въ прахѣ съ великими міра сего, съ умершими королями и князьями, между которыми, какъ говоритъ Іовъ, съ трудомъ можно помѣстить ее, такъ густы ихъ ряды, такъ быстро смерть наполняетъ эти мѣста! Но здѣсь опять наше воображеніе обманываетъ насъ; смерть не оставляетъ намъ тѣла, способнаго занимать извѣстное пространство, остаются лишь гроба. Скоро самый характеръ нашей плоти измѣняется, наше тѣло принимаетъ новое названіе—трупа; но и это названіе, какъ говоритъ Тертуліанъ, не долго остается за нимъ, такъ какъ трупъ сохраняетъ еще нѣкоторыя человѣческія формы; скоро тѣло дѣлается чѣмъ-то не имѣющимъ названія ни на какомъ языкѣ, все въ немъ умираетъ даже печальныя названія его несчастныхъ останковъ!»

Въ свою очередь въ слѣдующихъ страницахъ, я представлю читателямъ трупъ, но не тотъ, который подъ досками гроба опускается въ нѣдро земли, а другой, не успѣвшій еще похолодѣть и лежащій на постели, на которой онъ испустилъ послѣднее дыханіе. Медицина, дѣло которой изученіе и помощь, разсматриваетъ и прикасается къ тому, что оскорбляетъ зрѣніе и осязаніе. *Inquinandoe sunt manus*, сказалъ одинъ знаменитый докторъ, должно осквернять себѣ руки и не бояться покупать такую цѣною полезныя и точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ гнѣздятся болѣзни, и о способахъ распознавать ихъ, угадывать ихъ исходъ и успѣшно лечить ихъ. Подъ прикрытіемъ медицины, я опишу здѣсь болѣзнь, случившуюся около двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ специальныхъ сочиненіяхъ; при этомъ я буду оцѣнивать всѣ признаки болѣзни, вскрывать тѣло, замѣчать внутреннія поврежденія и только на основаніи всего этого произнесу приговоръ о болѣзни, похитившей въ девять часовъ милую женщину и въ то же время принцессу могущественнаго государства у величія міра, «въ который она, по выраженію Боссюэта, была бы низвергнута». Но это еще не все; Боссюэтъ католикъ, а я послѣдователь положитель-

ной философіи. Изъ того, что я могу смиренно преклоняться предъ великимъ ораторомъ, не слѣдуетъ, чтобъ я смирялся передъ философомъ; въ послѣдствіе я приведу ученіе, которое онъ не могъ предвидѣть даже въ то время, когда предугадывалъ существованіе людей, которые «не будучи въ состояніи сознать величіе католицизма раздраемаго столькими сектами, будутъ искать гибельнаго покоя и совершенной независимости въ религіозномъ индифферентизмѣ или въ атеизмѣ». (Погребальная рѣчь на смерть англійской королевы).

Но приступимъ къ дѣлу и начнемъ съ указанія фактовъ, возбудившихъ подозрѣнія въ отравленіи; прежде всего они возникли у самой больной. Вскорѣ послѣ того, какъ ей сдѣлалось дурно, она подумала, что ее отравили. Вотъ что говоритъ госпожа Лафайетъ, другъ принцессы, неоставлявшая ее ни на минуту послѣ выпитаго ею стакана цикорной воды до самой печальной кончины ея: «Вдругъ, т. е. около полу-часа послѣ первыхъ припадковъ, герцогиня велѣла осмотрѣть воду, которую она пила, говоря, что должно быть по ошибкѣ взяли одну бутылку вмѣсто другой, что она отравлена, что она увѣрена въ этомъ и чтобъ ей дали противоядіе. Я стояла въ проходѣ подлѣ герцога и хотя считала его неспособнымъ на такое преступленіе, но любопытство и злоба, свойственныя человѣческой природѣ заставили меня внимательно наблюдать за нимъ: онъ не былъ ни взволнованъ, ни смущенъ мнѣніемъ, высказаннымъ герцогиней; онъ приказалъ только дать выпить этой воды собакамъ *), и

*) Мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ Боссюэта: «Вскрытіе тѣла было явнымъ доказательствомъ противнаго, т. е. того, что принцесса не была отравлена, такъ какъ только желудокъ и сердце, были найдены здоровыми, а эти части бываютъ прежде всего поражены ядомъ. Къ этому должно прибавить, что герцогъ, для успокоенія герцогини, давалъ пить воду изъ бутылки госпожѣ Меккельбургъ, а остальную самъ выпилъ; герцогиня совершенно успокоилась и упомянула о ядѣ только въ разговорѣ съ маршаломъ де-Граммонемъ, которому сказала, что ей сначала казалось, что ее отравили». Письмо Боссюэта и показанія госпожи Лафайетъ представляютъ разногласіе относительно лицъ, которыя пили цикорную воду для того, чтобъ убѣдить герцогиню въ невозможности отравленія. Въ этомъ случаѣ Боссюэтъ заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ госпожа Лафайетъ, ни на минуту не покидавшая принцессу. Къ тому же изъ словъ госпожи Лафайетъ и англійскаго посланника видно, что мысль объ ядѣ не покинула совершенно герцогиню, какъ утверждаетъ Боссюэтъ. Что касается до мнѣнія, что ядъ преимущественно поражаетъ сердце, какъ будто бы существовалъ одинъ только ядъ, а не множество различныхъ, то оно достойно только вниманія, какъ старинное медицинское суевѣріе и какъ свидѣтельство о неспособности докторовъ и неосвященныхъ въ медицину произнести сужденіе о случаѣ дѣйствительнаго или мнимаго отравленія.

согласился, по желанію герцогини, послать за масломъ и противоядіемъ, чтобъ избавить ее отъ этихъ мучительныхъ подозрѣній. Дебордъ, первая горничная герцогини, совершенно преданная ей увѣрила герцогиню, что она сама приготовляла воду и пробовала ее, но герцогиня настоятельно требовала, чтобъ ей принесли масло и противоядіе; ей дали и того и другого. Сень-Фуа, первый камердинеръ герцога, принесъ порошокъ эхидны; герцогиня сказала, что принимаетъ порошокъ изъ его рукъ, потому что довѣряетъ ему. Герцогиню заставили принять еще нѣсколько противоядій, которыя быть можетъ, принесли ей больше вреда чѣмъ пользы. Казалось, она была совершенно убѣждена въ предстоявшей ей смерти и рѣшилась спокойно покориться ей. По всѣмъ вѣроятіямъ мысль объ отравленіи утвердилась въ ея умѣ, и, видя, что всѣ средства напрасны, она не думала болѣе о жизни, а старалась только терпѣливо выносить страданія. Гесленъ, за которымъ послали въ Парижъ, пріѣхалъ съ Г. Валъ, за которымъ послали въ Версаль. Какъ только герцогиня увидѣла Геслена, пользовавшагося полнымъ ея довѣріемъ, она сказала ему, что рада видѣть его, что ее отравили и просила лечить ее сообразно съ этимъ. Маршалъ де-Граммонъ подошелъ къ ея кровати; герцогиня сказала ему, что онъ теряетъ въ ней вѣрнаго друга, что она умираетъ и что ей казалось сначала, что ее отравили, по ошибкѣ. Она имѣла спокойный видъ, несмотря на увѣренность въ неизбежной смерти, на подозрѣнія въ отравленіи и жестокия страданія.

Пріѣхалъ англійскій посланникъ. Онъ спросилъ герцогиню отравлена ли она; не знаю, отвѣтила ли она ему утвердительно, но я хорошо слышала какъ она говорила ему, что не слѣдуетъ увѣдомлять объ этомъ короля, ея брата, чтобъ не усилить его горя, и въ особенности, чтобъ не заставить его мстить за ея смерть, что король Франціи не виноватъ и потому не должно обвинять его. Все это она говорила она по англійски, а такъ какъ слова

преимущественно поражаетъ сердце, какъ будто бы существовалъ одинъ только ядъ, а не множество различныхъ, то оно достойно только вниманія, какъ старинное медицинское суевѣріе и какъ свидѣтельство о неспособности докторовъ и неосвященныхъ въ медицину произнести сужденіе о случаѣ дѣйствительнаго или мнимаго отравленія.

«ядъ» одинаково произнесется во французскомъ и англійскомъ языкахъ, то Фелье ея духовникъ, услышавъ его, прекратилъ разговоръ, говоря, что «нужно жертвовать Богу своей жизнью и не думать о постороннихъ предметахъ».

Историки, вѣрившіе въ отравленіе, принимали слова г. Фелье за выраженіе человѣка, чувствовавшего всю опасность откровеній для того, чтобъ угодить другимъ, или изъ желанія уничтожить бѣдствія, которыя могло бы произойти отъ этого: онъ прерываетъ жалобы и заглушаетъ ихъ. Дѣло въ томъ, что слово ядъ раздавалось въ его ушахъ и положеніе дѣлалось неловкимъ. Должно объяснять въ хорошую сторону то, чего не имѣешь основанія объяснить въ дурную, и видѣть въ повелѣніи г. Фелье герцогинѣ только призывъ къ безграничной и не допускающей исключенія покорности; но тѣмъ не менѣе повелѣніе его было жестоко¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ подозрѣнія соотечественниковъ герцогини, англичанъ. Графъ Арлингтонъ министръ Карла II, написалъ кавалеру дю Танпль, англійскому посланнику въ Гагъ, слѣдующее письмо, напечатанное въ книгѣ дела-Файетъ: «Я скоростипжная смерть и сплетни прислуги заставили насъ сначала подумать, что герцогиня была отравлена; но наши подозрѣнія были совершенно уничтожены, когда мы узнали съ какою заботливостью было освидѣтельствовано тѣло и какъ относится къ этому дѣлу его величество, въ интересъ котораго основательно разобрать его: онъ совершенно убѣжденъ, что герцогиня умерла естественною смертию. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. маршалъ де Беллефонъ, который, какъ я узнаю, пріѣхалъ съ порученіемъ представить королю особый отчетъ объ этомъ несчастномъ происшествіи и привезъ письменное донесеніе о смерти принцессы и вскрытіи тѣла ея, подпи-

¹⁾ Дѣйствительно, его жестокость была чрезвычайна. Когда герцогиня, измученная страданіями, воскликнула: «Господи, скоро ли будетъ конецъ этимъ сильнымъ страданіямъ?» Г. Фелье сказалъ: «Что! Герцогиня, вы забываетесь. Сколько лѣтъ вы оскорбляете Бога и только еще шесть часовъ приносите за нихъ покаяніе воскликните лучше со святымъ Августиномъ: Господи! рѣжь, руби, разсѣбай.» Не будучи католикомъ, я никогда не порицаю то что имъ кажется хорошимъ, но высокая и человѣчная мораль, которой держатся теперь люди не отнеслась бы такъ безжалостно къ страданіямъ и не стала бы призывать таиннымъ образомъ къ покорности.

санное главными докторами и хирургами Парижа, совершенно убѣдить насъ въ томъ, что должно оплакивать только потерю этой удивительной принцессы, не сопровождавшуюся никакими гнусными обстоятельствами, которыя могли бы еще болѣе усилить наше горе.»

Та же книга г-жи де ла-Файетъ содержитъ еще по этому предмету письмо г. Монтегю, бывшаго въ то время англійскимъ посланникомъ въ Парижъ. Слѣдующее письмо, адресованное графу Арлингтону, согласуется съ показаніями г-жи де ла-Файетъ: «Я думаю, что маршалъ де Беллефонъ уже пріѣхалъ въ Лондонъ. Мнѣ кажется, что его пріѣздъ, кромѣ передачи королю обычныхъ соболѣзнованій, имѣетъ еще цѣлью уничтожить подозрѣнія двора въ отравленіи герцогини; но ему не удастся разубѣдить въ этомъ ни дворъ, ни народъ. Такъ какъ принцесса во время сильныхъ страданій нѣсколько разъ жаловалась, что ее отравили, то это обстоятельство, понятно, еще болѣе укрѣпляло народъ въ его убѣжденіи. Всякій разъ, когда я позволялъ себѣ спросить герцогиню не отравили ли ее, она не отвѣчала, должно быть изъ боязни усилить горе короля, нашего господина. По этой же причинѣ я не упоминалъ о своихъ подозрѣніяхъ въ первомъ письмѣ; къ тому же мои свѣдѣнія въ медицинѣ недостаточны, чтобъ самому опредѣлить, была ли принцесса отравлена. Здѣсь меня хотятъ выдать за причину распространившихся слуховъ, вѣрнѣе сказать этого желаетъ герцогъ; онъ не доволенъ мною и обвиняетъ меня въ желаніи уничтожить согласіе, установившееся между двумя державами.»

Слѣдующее письмо, написанное г. Монтегю королю Карлу II, содержитъ рассказъ о г. Фелье: «Я имѣлъ честь довольно долго разговаривать съ герцогиней въ субботу, наканунѣ ея смерти; она мнѣ сказала, что ей невозможно быть счастливой съ герцогомъ, который два дня тому назадъ въ Версалѣ разсердился на нее сильнѣе чѣмъ когда либо за то, что нашелъ ее въ тайномъ совѣщаніи съ королемъ о дѣлахъ, которыя не сочли нужнымъ сообщить ему, дѣло шло о союзѣ противъ Голландіи. Я позволилъ себѣ спросить герцогиню, предполагаетъ ли она, что ее отравили; ея духовникъ, присутствовавшій при этомъ, услышавъ слово ядъ, сказалъ ей: герцогиня, не обвиняйте никого и принесите вашу смерть въ жертву Богу. Это помѣшало ей отвѣтить и несмотря на то, что я повто-

риль нѣсколько разъ свой вопросъ, она отвѣчала мнѣ только поднятiемъ плечъ».

Вотъ другое письмо г. Монтегю къ лорду Арлингтону, относящееся къ слухамъ объ отравленіи. «Послѣ смерти герцогини, какъ это часто бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ распространились различные слухи. Наиболѣе общее мнѣніе то, что она была отравлена; это въ высшей степени беспокоитъ короля и министровъ. Я былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что долго не могъ выходить; слухъ объ отравленіи въ соединеніи съ распространившимися по городу слухами, что король, нашъ господинъ, до такой степени раздраженъ гнуснымъ преступленіемъ, что не хотѣлъ принять письма герцога и велѣлъ мнѣ удалиться, приводить ихъ къ заключенію, что король, нашъ господинъ не доволенъ французскимъ дворомъ».

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ къ лорду Арлингтону, Монтегю жалуется на то, что кавалера де Лоррена возвратили изъ ссылки: «Я пишу теперь только для того чтобъ извѣдомить ваше сіятельство о томъ, что должно быть уже извѣстно вамъ».

«Кавалеру Лоррену позволили вернуться ко двору служить при арміи въ чинѣ генералъ-маіора.

«Если герцогиня была дѣйствительно отравлена, какъ думаетъ большинство, то вся Франція считаетъ его отравителемъ и справедливо удивляется недостатку уваженія, который король Франціи выказалъ королю, нашему господину, позволивъ кавалеру вернуться ко двору, въ особенности, если принять во вниманіе обычную наглость его поведенія по отношенію къ принцессѣ во время ея жизни».

Если рассказъ Сень-Симона, справедливъ, то достовѣрно также, что король зналъ объ отравленіи герцогини кавалеромъ де Лорреномъ. Въ такомъ случаѣ милость, оказанная такому преступнику, болѣе чѣмъ капризь со стороны Людовика XIV; это былъ бы гнусный поступокъ, соучастіе въ преступленіи, тѣмъ болѣе достойное осужденія, что во время краткой болѣзни герцогини, король, какъ извѣстно, выказывалъ ей самое нѣжное участіе. И такъ Боссюэтъ дѣйствительно ничего не преувеличилъ говоря: «Король, королева, герцогъ, весь дворъ, весь народъ, всѣ приведены въ уныніе, всѣ въ отчаяніи; мнѣ кажется, что я вижу исполненіе словъ пророка:

«Король заплачетъ, князь будетъ въ отчаяніи, руки народа опустятся отъ горя и изумленія.»

Но тщетно стонали князья и народъ; тщетно герцогъ, тщетно даже самъ король сжимали герцогиню въ своихъ объятіяхъ. Они могли сказать тогда другъ другу, подобно св. Амбросію: «Я все еще сжималъ объятія, но ужъ потерялъ то, что держалъ въ нихъ. Среди этихъ нѣжныхъ объятій принцесса оставляла ихъ; могущественная смерть похищала ее изъ царскихъ рукъ».

Изъ этого отрывка рѣчи Боссюэта должно бы отбросить то, что говорится о печали герцога: она была очень незначительна; приписывая ей такую силу, ораторъ болѣе держится приличій чѣмъ истины. Но въ особенности я не могу пропустить этихъ словъ: «Тщетно герцогъ; тщетно даже самъ король...» О! великій епископъ, какъ могло попасться эта *даже* подъ ваше перо? Какимъ образомъ король имѣлъ больше власти удержать погасающую жизнь, чѣмъ герцогъ или всякій другой? Какая надежда на спасеніе заключалась въ томъ, что король нѣжно, но тщетно склонялся надъ неизлѣчимыми страданіями? Онѣмъ, который со всѣхъ сторонъ курился передъ версальскимъ идоломъ, ослѣпилъ васъ самихъ; предаваясь вашему суетному обожанію, вы, такъ сказать, удивились, когда смерть грубо отстранила королевскія руки. Боссюэтъ льстець, не стыдящійся самого себя, такъ омерзительна атмосфера двора.

Что несогласія герцога и герцогини вспоминались въ эти грустныя минуты, видно изъ слѣдующихъ строкъ г-жи де ла-Файетъ: «Около половины десятаго г. Валье уѣхалъ въ Версаль, а мы остались разговаривать у кровати больной, предполагая, что она въ опасности. Надѣясь, что болѣзнь послужитъ къ ея примиренію съ герцогомъ, мы на половину утѣшились, въ вынесенныхъ ею страданіяхъ; казалось, герцогъ былъ тронутъ; г-жа д'Эпернонъ и я, слышавшія все сказанное герцогиней, старались обратить его вниманіе на значеніе ея словъ». Надо привести здѣсь нѣсколько словъ второй жены герцога, не какъ свидѣтельство о фактахъ, происшедшихъ за нѣсколько лѣтъ до пріѣзда ея ко двору Людовика XVI, а какъ отголосокъ слуховъ, неутихавшихъ еще долго послѣ самыхъ событій.

Въ письмѣ отъ 26 августа, 1639 года она пишетъ: «Вы, должно

быть, знаете, что г. д'Эффи обвиняютъ въ томъ, что онъ далъ покойной герцогинѣ ядъ, присланный ему, какъ говорятъ, изъ Рима кавалеромъ де-Лорреномъ черезъ Мореля». Этотъ Морель принадлежалъ къ шайкѣ д'Эффи и кавалера де-Лоррена, которой общественная молва приписывала самыя отвратительныя нравы.

Семнадцать лѣтъ спустя 13 июля, 1706 года принцесса опять возвращается къ этому предмету: «Она (герцогиня) хотѣла удалить кавалера де-Лоррена и достигла своей цѣли; но онъ не пропустилъ ей этого даромъ. Онъ прислалъ изъ Италіи ядъ черезъ провансальскаго дворянина Мореля, котораго въ награду сдѣлалъ своимъ первымъ дворецкимъ. Д'Эффи отравилъ чашку герцогини, а не цикорную воду; это было хорошо придумано, такъ какъ другіе пили цикорную воду, но никто не могъ пить изъ этой чашки».

Эти слова не лишены значенія въ разбирательствѣ, которое мы начнемъ. Дѣйствительно было извѣстно, что одна особа, г-жа Дезбордъ, а можетъ быть и двѣ, пили ту же цикорную воду и остались здоровы. Это свидѣтельствовало противъ отравленія. Въ письмѣ же, отрывокъ котораго я приводилъ, и говорится, что была отравлена не самая вода, а чашка, изъ которой герцогиня пила ее; и такъ должно предположить, или что особа, наливавшая воду для герцогини, не замѣтила порошка на днѣ чашки, или же, что стѣнки и края чашки были намазаны какимъ нибудь ядомъ.

Еслибъ Гриньянъ, въ минуту смерти герцогини орлеанской, былъ въ Провансѣ, а не въ Парижѣ, то письма госпожи Севинье доставили бы намъ много свѣденій. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, они заключаются только въ слѣдующемъ: «Эта бѣдная испанская королева (дочь герцогини) умерла, однимъ только годомъ старше матери, подобно ей, страннымъ образомъ; 10 числа этого мѣсяца съ ней сдѣлалась такая сильная и жестокая рвота, что никакія средства не могли спасти ее; у ней не было ни минуты отдыха до самой смерти; она умерла 12 числа въ полдень... Умирая, она говорила королю что не жаждетъ жизни, что умираетъ естественною смертію; но при началѣ болѣзни, подобно матери, говорила другое, а потомъ, подобно ей раскаялась. Вообще не говорятъ объ ядѣ; это слово запрещено въ Версали и во всей Франціи; не бѣдная принцесса умерла... (Письмо къ г-жѣ Гриньянъ 23 февраля 1689 года).

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобъ дочь герцогини умерла отъ той же болѣзни, какъ и мать; по моему мнѣнію, болѣзнь эта, потому должно наконецъ сказать настоящее слово, ни что иное, какъ то, что доктора называютъ простой *) язвой желудка или разѣдающей. Дѣйствительно, форма этой болѣзни, сопровождаемая, какъ у испанской королевы, сильнѣйшей рвотой, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ та, образецъ которой мы найдемъ въ описаніи болѣзни герцогини; но она также существуетъ. Внезапное начало болѣзни, скоростипжная смерть, подозрѣнія въ отравленіи, быть можетъ наслѣдственность, все это заставляетъ меня предполагать, что въ обоихъ случаяхъ поврежденіе одно и то же. Нельзя сказать ничего болѣе о дочери, о болѣзни же матери существуетъ множество документовъ.

Понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстной обстановкѣ, эти внезапныя припадки, когда особа повидимому была совершенно здорова, ужасныя страданія и скоростипжная смерть возбуждали мысль объ отравленіи; это случалось не только при дворѣ Людовика XIV, но и въ другихъ мѣстахъ. Я заимствовалъ слѣдующій простодушный разговоръ о подобномъ случаѣ отъ нѣмецкаго доктора, писавшаго о болѣзни, о которой здѣсь идетъ дѣло (Ludwig Mueller, das corrosive Geschwür im Magen).

Онъ былъ призванъ къ больному, который быстро скончался отъ сильнаго воспаленія брюшины, происшедшаго вслѣдствіе прободенія желудка язвой. «Родственники умершаго, говоритъ онъ, и все окружающіе, какъ люди мало образованные, не могли объяснить себѣ этой болѣзни, такъ быстро кончившейся, и приписывали ее отравленію. Когда я пришелъ осмотрѣть тѣло, меня встрѣтили ругательствами, то же самое повторилось при моемъ уходѣ. На этомъ еще не кончилась моя исторія. Имъ казалось, и это въ дѣйствительности было, что послѣ каждаго приѣма бѣлыхъ порошковъ (сѣрноокислаго морфина), страданія усиливались, больнои вскрикивалъ, метался и кромѣ того съ нимъ дѣлалась рвота. Post

*) Тѣ, которые не знаютъ медицины могутъ спросить, почему болѣзни этого рода называютъ простой язвой: для того, чтобы отличить ее отъ рака въ желудкѣ, болѣзни, имѣющей совершенно другіе признаки, другой ходъ и совершенно другую патологическую анатомію.

hoc, ergo propter hoc—преступление было доказано. На слѣдующій день я получилъ письмо отъ санитарнаго начальства, въ которомъ мнѣ объявлялось, что доктору округа поручено допросить меня о случившемся. Этотъ допросъ объяснилъ и покончилъ дѣло. Моя практика не пострадала; но что было бы, еслибъ это случилось при началѣ моей карьеры? Къ чему послужило бы мнѣ, что я вѣрно опредѣлилъ болѣзнь и употребилъ тѣ средства, которыя слѣдовало? Санитарное начальство было бы удовлетворено, но я безъ сомнѣнія, принужденъ былъ бы взяться за посохъ странника».

Чтобъ закончить рядъ подозрѣній въ отравленіи и обвиненій противъ кавалера де-Лоррена и г. д'Эффіа, я приведу рассказъ Сень-Симона. (Мемуары, глава XCIV). Онъ явился позднѣе другихъ свидѣтельствъ объ отравленіи, но несмотря на то, онъ едва ли не самый важный изъ всѣхъ. Это очень подробный и точный рассказъ о томъ, какимъ образомъ ядъ, присланный изъ Италіи, былъ данъ герцогинѣ; всѣ дѣйствующія лица этой трагедіи названы и все это утверждается человѣкомъ, которому они довѣряли свои тайны и который открылъ свою самому Людовику XIV.

«Я не могу покончить съ герцогомъ не рассказавъ анекдота, извѣстнаго очень немногимъ, о смерти герцогини; она, какъ никто въ этомъ не сомнѣвался, была отравлена и притомъ самымъ грубымъ образомъ. Ея легкомысленное поведеніе возбуждало ревность герцога. Совершенно противоположныя склонности герцога приводили герцогиню въ негодованіе. Кавалеръ де-Лорренъ былъ тогда во всей силѣ молодости и красоты, онъ родился въ 1643 году, имѣлъ очень сильное вліяніе на герцога и давалъ чувствовать свою власть герцогинѣ и всему дому. Герцогиня, которая была прелестна и только годомъ моложе его, не могла по многимъ причинамъ выносить этого господства; она пользовалась полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ короля и потому ей удалось убѣдить его сослать кавалера де-Лоррена. Узнавъ объ этомъ, герцогъ упалъ въ обморокъ, а потомъ сталъ рыдать. Главный шталмейстеръ короля, д'Эффіа, человѣкъ очень смѣлый, и графъ де-Бѣвронъ находились въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ кавалеромъ де-Лорреномъ, отсутствіе котораго очень вредило ихъ дѣламъ; графъ де-Бѣвронъ былъ человѣкъ очень кроткій и податливый, но хотѣлъ

непремѣнно приобрести значеніе въ глазахъ герцога, при которомъ онъ служилъ капитаномъ гвардіи, а въ особенности желалъ разбогатѣть, такъ какъ подобно всѣмъ младшимъ сыновьямъ въ Нормандіи былъ очень бѣденъ. Герцогиня обладала очень хорошимъ здоровьемъ и потому они не могли надѣяться на скорое возвращеніе кавалера де-Лоррена; этотъ послѣдній отправился въ Римъ и въ Италію разсѣивать свою досаду. Не знаю кому изъ трехъ первому пришла мысль объ отравленіи, мнѣ извѣстно только, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ своимъ двумъ друзьямъ черезъ нарочнаго, который, быть можетъ, самъ не зналъ что везъ, вѣрно и быстро дѣйствующій ядъ.

«Герцогиня жила въ Сень-Клу и съ нѣкотораго времени пила для подкрѣпленія каждый день, въ семь часовъ вечера, стаканъ цикорной воды. Одному изъ ея лакеевъ было поручено приготовить воду; онъ ставитъ ее вмѣстѣ съ чашкой въ шкафъ одной изъ прихожихъ герцогини. Цикорную воду держали въ фаянсовой или фарфоровой вазѣ, возлѣ которой всегда стояла чистая вода, чтобъ разбавлять цикорную, въ случаѣ если герцогиня найдетъ ее слишкомъ горькою. Эта передняя служила общимъ проходомъ къ герцогинѣ, но такъ какъ было нѣсколько переднихъ, то въ ней рѣдко находился ктонибудь. Все это было вывѣдано маркизомъ д'Эффіа. 29 іюня, 1670 года, когда онъ проходилъ черезъ переднюю, ему представился удобный случай, въ ней никого не было и никто не слѣдовалъ за нимъ, чтобъ пройти къ герцогинѣ; онъ оборачивается идетъ къ шкафу, открываетъ его и вливаетъ ядъ; потомъ, слыша, что кто-то идетъ, беретъ другой сосудъ съ обыкновенной водой и ставитъ его опять на мѣсто какъ разъ въ ту минуту, когда входитъ слуга, приготовлявшій цикорную воду. Слуга бросается къ нему и грубо спрашиваетъ, что ему надо въ шкафѣ. Д'Эффіа, нисколько не смущаясь, отвѣчаетъ, что онъ умираетъ отъ жажды и зная, что въ шкафѣ есть вода, при этомъ онъ показалъ на сосудъ съ обыкновенною водой, не могъ противиться искушенію выпить ее. Лакей все еще ворчалъ, а д'Эффіа, успокоивая его и извиняясь, вошелъ къ герцогинѣ и, не выказывая ни малѣйшаго волненія, вступилъ въ разговоръ подобно другимъ придворнымъ. То, что случилось часъ спустя, не относится къ предмету моего сочиненія и уже безъ того надѣлало довольно шума по всей Европѣ.

«Герцогиня умерла на слѣдующій день 30 іюня, въ три часа утра. Король былъ глубоко огорченъ ея смертью. Должно быть лажей не скрывалъ случившагося, такъ что въ этотъ же день до короля дошли нѣкоторые слухи; ему также стало извѣстно, что Пюрнонь, первый дворецкій герцогини, участвовалъ въ заговорѣ, такъ какъ, не смотря на свое невысокое положеніе, находился въ очень короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффиа. Король, который ужъ легъ, всталъ, послалъ за Бриссакомъ, служившимъ тогда въ гвардіи короля и пользовавшимся его довѣріемъ, приказалъ ему выбрать изъ гвардіи шесть вѣрныхъ и молчаливыхъ солдатъ, взять Пюрнона и привести его въ кабинетъ черезъ задній ходъ. Все это было исполнено до утра. Какъ только король увидѣлъ Пюрнона, онъ тотъ часъ же велѣлъ удалиться Бриссаку и своему первому камердинеру, принялъ самое грозное выраженіе лица и сказалъ, осматривая Пюрнона съ ногъ до головы: «Выслушайте меня внимательно: если вы сознаетесь мнѣ во всемъ и будете откровенно отвѣчать на всѣ мои вопросы, то, что бы вы тамъ ни сдѣлали, я прошу васъ и никогда объ этомъ не будетъ болѣе и помину; но берегитесь, если скроете отъ меня даже малѣйшее, въ такомъ случаѣ вы будете убиты прежде нежели оставите эту комнату. Была ли отравлена герцогиня?»—Да, ваше величество, отвѣчалъ Пюрнонь. «А кто отравилъ ее, спросилъ король, и какъ это было сдѣлано?» Онъ отвѣчалъ, что кавалеръ де-Лорренъ послалъ ядъ Беврону и д'Эффиа и рассказалъ все уже написанное мною. Тогда король, удваивая обѣщанія помилованія и угрозы предать смерти, спросилъ: «А зналъ ли объ этомъ мой братъ?»—Нѣтъ, ваше величество, никто изъ насъ троицхъ не былъ такъ глупъ сказать ему: герцогъ не умѣетъ хранить тайны и погубилъ бы всѣхъ насъ. При этомъ извѣстіи король вздохнулъ, подобно человѣку, который вдругъ избавляется отъ большой тяжести, давившей его. «Вотъ все, что мнѣ надо знать, сказалъ онъ, но дѣйствительно ли это такъ?» Онъ позвалъ Бриссака и велѣлъ ему увести Пюрнона и тотчасъ же отпустить его на свободу. Самъ Пюрнонь рассказалъ это генеральному прокурору парламента г. Жоли-де-Флери, который въ свою очередь передалъ мнѣ этотъ анекдотъ.

«Когда мнѣ снова случилось говорить съ тѣмъ же сановникомъ объ этомъ предметѣ, онъ рассказалъ мнѣ то, чего не говорилъ въ

первый разъ, а именно: нѣсколько дней послѣ второй свадьбы герцога, король, оставшись наединѣ съ герцогинею, рассказалъ ей объ этомъ происшествіи съ тѣмъ, чтобъ совершенно успокоить ее насчетъ герцога и самого себя; онъ былъ настолько честенъ, что не допустилъ бы ея свадьбы съ герцогомъ, еслибъ тотъ былъ способенъ на такое преступленіе. Герцогиня извлекла пользу изъ этого объясненія. Пюрнонь оставался ея первымъ дворецкимъ. Мало по малу она стала дѣлать видъ, что желаетъ сама заниматься расходами по дому, заставила согласиться на это герцога и стала такъ придираться къ Пюрнону, что тотъ принужденъ былъ удалиться; онъ продалъ свою должность Морелю-де-Волону въ концѣ 1677 года».

Замѣтимъ сперва, что отравленіе герцогини, такъ, какъ оно передано потомству, не представляетъ ничего нравственно невозможнаго. Въ дѣйствительности существовали, выражаясь словами Боссюэта (погребальная рѣчь на смерть Леттелье), «дерзновенные, несчастная сила которыхъ и чрезвычайный умъ отваживались на все и умѣли для всего находить исполнителей». Самъ Сень-Симонъ говорилъ, что дворъ Людовика XIV самый опасный изъ всѣхъ дворовъ. Развѣ мы не имѣемъ передъ глазами примѣра арестанта въ желѣзной маскѣ, котораго держали въ тюрьмѣ и который умеръ, окруженный непроницаемой тайной. Развѣ мы не видѣли мрачныхъ исторій отравленія, въ которыхъ были замѣшаны самые знатные мужчины и женщины. Развѣ мы не знаемъ, что герцогъ Бурбонскій, котораго считали наслѣдникомъ престола, едва не сдѣлался жертвой интригъ безчеловѣчнаго заговора? Наконецъ, въ болѣе близкую къ намъ эпоху, заговоры, умышленные противъ королевы Маріи-Антуанетты, причинили ей неизгладимое зло и предали ее совершенно компрометированную революціоннымъ страстямъ. Итакъ, мы не имѣемъ никакого основанія отвергать этотъ рассказъ во имя нравственныхъ предубѣжденій.

Онъ можетъ быть отвергнуть только во имя основательныхъ медицинскихъ доказательствъ. Мнѣ кажется, что я нашелъ ихъ; въ такомъ случаѣ ложность рассказа докажется уже тѣмъ, что будетъ устраненъ самый фактъ отравленія. Однако, развѣ за неимѣніемъ этихъ доказательствъ, которыхъ не существовало до настоящаго времени, рассказъ самъ по себѣ заслуживалъ то довѣріе, которое

онъ ввухалъ нѣкоторымъ историкамъ; не заключалъ ли онъ несообразностей, побуждающихъ приостановить свой приговоръ и разсматривать его просто, какъ одинъ изъ документовъ процесса, а не какъ рѣшительное доказательство отравленія? Мы не имѣемъ возможности допросить г. Жоли-де-Флери или Пюрнона и получить отъ нихъ желаемыя объясненія; приходится принимать рассказъ такъ, какъ онъ есть, ничего не измѣняя въ немъ. Согласно съ нимъ самъ д'Эффиа влилъ ядъ въ цикорную воду, а Пюрнонъ былъ совершенно чуждъ матеріальной сторонѣ отравленія. Какимъ же образомъ Людовикъ XIV призываетъ Пюрнона, чтобъ разъяснить свои мучительныя сомнѣнія? Предвидя это возраженіе и желая предупредить его, въ рассказѣ говорится, что лакей должно быть рассказалъ о сценѣ при шкафѣ и назвалъ д'Эффиа, а что отъ д'Эффиа дошли до Пюрнона, который, не смотря на свое низкое положеніе находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ д'Эффиа. Замѣтьте это: должно быть; не знаютъ даже говорили ли лакей о случившемся.

Судя по рассказу, цѣль короля не въ томъ, чтобъ справедливо наказать преступниковъ, онъ желаетъ только узнать, участвовалъ ли его братъ въ преступленіи. До сихъ поръ ему извѣстно только то, что д'Эффиа отворялъ шкафъ. Значитъ онъ будетъ допрашивать д'Эффиа? Нисколько, онъ призываетъ Пюрнона, хотя легко могло случиться, что тотъ ничего не зналъ объ этомъ, а еслибъ и зналъ что нибудь, то, не совершивъ ничего предосудительнаго, могъ бы не пожелать дѣлать такого признанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ Пюрнонъ говорить такъ увѣренно о фактѣ отравленія. Не прошло еще полныхъ сутокъ послѣ смерти герцогини, когда онъ былъ приведенъ къ королю, слѣдовательно д'Эффиа долженъ былъ, или рассказать ему до преступленія, какъ онъ его совершилъ, или же послѣ преступленія какимъ образомъ онъ его совершилъ. Д'Эффиа не могъ этого сдѣлать до преступленія, такъ какъ все зависѣло отъ обстоятельствъ, онъ даже самъ чуть не попался на мѣстѣ преступленія; но невѣроятно также, чтобъ тотчасъ же послѣ преступленія, ничѣмъ непринуждаемый къ этому, д'Эффиа сталъ повѣрять эту опасную тайну подчиненному.

Если д'Эффиа дѣйствительно отворялъ шкафъ, содержавшій цикорную воду, и былъ замѣченъ лакеемъ, то этотъ послѣдній, уз-

навъ о подозрѣніяхъ герцогини, что она отравлена этой водой, весьма естественно былъ бы пораженъ ужасомъ и подъ этимъ впечатлѣніемъ или сохранилъ случившееся въ глубокой тайнѣ изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ сообщничествѣ, или же все рассказалъ бы и назвалъ д'Эффиа. Въ первомъ предположеніи Людовикъ XIV ничего бы не узналъ и не призвалъ бы ни д'Эффиа, ни Пюрнона; во второмъ онъ призвалъ бы д'Эффиа, единственнаго виновнаго, единственнаго человѣка, который могъ бы представить вѣрныя свѣдѣнія о соучастіи его брата въ преступленіи.

Наконецъ, непостижимо, какимъ образомъ Людовикъ XIV призвалъ Пюрнона, если одинъ д'Эффиа влилъ ядъ въ цикорную воду. Прибавимъ еще, что въ этомъ рассказѣ Людовикъ XIV играетъ роль недостойную короля. Я согласенъ, что онъ долженъ былъ сдержатъ слово, данное Пюрнону, но вѣдь онъ ничего не обѣщаль д'Эффиа; и если изъ уваженія къ брату онъ заглушилъ дѣло своимъ королевскимъ полномочіемъ, то въ силу того же полномочія онъ могъ заключить виновнаго въ одну изъ тѣхъ крѣпостей, которыя ужъ поглотили Желѣзную Маску.

Вы видите, что вся обстановка чрезвычайно подозрительна. Но кромѣ того: рассказъ не согласуется съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о фактѣ, чрезвычайно важномъ въ подобномъ случаѣ. Цикорную воду приготавливалъ не лакей, а госпожа Дебордъ, первая горничная герцогини.

Въ рассказѣ говорится, что король сообщилъ второй жепѣ герцога всѣ подробности отравленія. Но мы видѣли выше, какъ процесса выражается объ этомъ предметѣ въ письмахъ, которыя будучи секретными, избавляли ее отъ всякой необходимости скрывать чтобы то ни было: «обвиняютъ... какъ говорятъ...» Она не выражалась бы съ такимъ сомнѣніемъ, если бы этотъ фактъ былъ извѣстенъ ей изъ устъ самого короля. Очевидно, она говоритъ подобно всѣмъ; а она не говорила бы такъ, еслибъ рассказъ былъ справедливъ. Другая странность: положимъ, что г. Жоли-де-Флери обладалъ довѣріемъ Пюрнона; но для того, чтобъ знать то, что Людовикъ XIV сообщилъ герцогинѣ объ отравленіи, онъ долженъ былъ бы пользоваться довѣріемъ короля или герцогини. Но какимъ образомъ? по какому праву? и что за странная случайность, быть съ одной стороны повѣреннымъ дворецкаго, а съ другой царскихъ особъ.

Наконецъ, самое рѣшительное опроверженіе то, что по разска-
зу ядъ былъ влитъ въ цикорную воду, а это очевидно ложно, такъ
какъ, по крайней мѣрѣ, еще одна особа пила эту воду и осталась
здорова. Ниже, послѣ описанія болѣзни герцогини, я замѣчу, что
никакой ядъ не могъ произвести указанныхъ припадковъ. И такъ
весь разсказъ, который Сень-Симонъ, по увѣренію г. Жоли-де-Фле-
ри, помѣстилъ въ свои мемуары, остается легендою, возникшею
подъ вліяніемъ общественной вѣры въ преступленіе заговорщи-
ковъ.

Ядъ, привезенный изъ Италіи, классической страны ядовъ, по
мнѣнію XVI и XVII вѣковъ, роль трехъ сообщниковъ, появленіе
лакея, который показывается только для того, чтобъ составить зве-
но къ королю, вмѣшательство Людовика XIV, угрожающаго сво-
имъ гнѣвомъ несчастному дворецкому и оставляющаго въ то же
время всѣхъ другихъ виновныхъ безнаказанными, потому что ни-
кого не преслѣдовали; наконецъ самая насмѣшка надъ болтли-
востью герцога, котораго называли самой несносной женщиной при
дворѣ, обо всемъ этомъ не говорится въ исторіи.

Если достовѣрно, что г. Жоли-де-Флери, какъ говоритъ Сень-
Симонъ, узналъ этотъ разсказъ отъ самого Пюрнона, то должно
предположить, что Пюрнонъ воспользовался этой легендой, чтобъ
похвастаться, при помощи неопаснаго обмана, ролью, которой онъ
никогда не игралъ.

Хотя большинство обвиняло въ отравленіи герцогини кавалера
де-Лоррена и д'Эффіа, но были и другіе слухи; вотъ что пишетъ
г-жа де-Севинье 26 іюня 1674 года: «Г-жа де-Фьеннъ говорила
мнѣ, что ее извѣстили о томъ, что ла-Бренвилль обвиняетъ мно-
гихъ въ отравленіи герцогини и называетъ между прочими кавалера
Б., госпожу С. и госпожу Г.; мнѣ кажется, что все это не-
справедливо, но неприятно даже оправдываться въ подобныхъ об-
виненіяхъ».

«Женщина въ цвѣтущемъ возрастѣ, говоритъ М. Мюллеръ жа-
луется, что съ нѣкотораго времени аппетитъ ея испортился, что
иногда, большею частью, послѣ обѣда, она чувствуетъ тяжесть или
даже боли въ желудкѣ, къ чему по временамъ присоединяются от-
рыжка и тошнота. Но такъ какъ больная, повидимому, здорова и
за исключеніемъ этихъ припадковъ, чувствуетъ себя совершенно

хорошо, то на жалобы ея не обращаютъ особеннаго вниманія ни
ея близкіе, ни докторъ, ни она сама; ея припадки объясняютъ дур-
нымъ пищевареніемъ, и для подкрѣпленія желудка, ей предписы-
ваютъ лекарства, которыя, однако, нисколько не помогаютъ. Однаж-
ды, послѣ обѣда, больная наклонившись случайно или сдѣлавъ ка-
кое-то сильное движеніе, вдругъ вскрикиваетъ, падаетъ отъ страш-
ной боли въ полости желудка, то не можетъ говорить отъ страда-
ній, то жалуется со стопами, что она почувствовала какъ у ней
что то оборвалось во внутренности. Иногда у нее начинается силь-
ная рвота, иногда же все ограничивается простой, постоянной дур-
нотой съ позывами ко рвотѣ. Боли все усиливаются и распростра-
няются во весь желудкѣ, который начинаетъ пучиться. Ужасное
томленіе и страданіе выражаются на лицѣ больной. Она со сто-
пами молить о помощи, въ которой сама скоро отчаявается. Пред-
чувствіе близкой смерти овладѣваетъ несчастной. Никакое лекарство
не приноситъ ей облегченія, и въ полномъ присутствіи ума, она
умираетъ, протрадавъ отъ восьми до тридцати часовъ послѣ про-
боленія.

Прочтите со вниманіемъ это описаніе и затѣмъ прочтите также
внимательно нижеслѣдующее показаніе, извлеченное изъ книги г-жи
де-Лафайеттъ. «Въ Воскресенье, она (герцогиня орлеанская) куша-
ла какъ всегда; послѣ обѣда она легла на паркетъ, что дѣлала
довольно часто, когда не было никого передъ кѣмъ бы она стѣсня-
лась. Она заставила меня расположиться возлѣ себя, такъ что ея
голова почти лежала на мнѣ... она заснула. Во время ея сна, въ
лицѣ ея произошла значительная перемѣна; я долго глядѣла на нее
и эта перемѣна меня удивила. Я подумала, что должно быть умъ
ея придаетъ много прелести ея лицу, если во время ея бодрство-
ванія въ немъ такъ много пріятности, а такъ мало ея въ то время
когда она спитъ. Но я была неправа, разсуждая такимъ образомъ,
такъ какъ я нѣсколько разъ уже видѣла ее спящею и никогда не
находила менѣе привлекательною.

Проснувшись, она поднялась, но съ лицомъ, до того болѣзненнымъ
что оно поразила герцога орлеанскаго, и онъ обратилъ мое внима-
ніе на ея нездоровый видъ. Она ушла въ гостиную, гдѣ нѣкото-
рое время ходила съ Байфрономъ, казначеемъ герцога, и говоря
съ нимъ, жаловалась нѣсколько разъ на боль въ боку. Герцогиня

оставила Байфрона и подошла къ госпожѣ Мекельбургъ; когда она говорила съ ней, госпожа де-Гамашъ принесла ей какъ и мнѣ стаканъ цикорной воды, о чемъ она просила ее еще раньше. Ея камерфрау госпожа де-Гурдонъ подала ей воду; она выпила ее и поставивъ одной рукой чашку на блюдечко, другою схватилась за бокъ и голосомъ въ которомъ выражалось много страданія сказала: «Ахъ, какое колотье! Какая боль! Это невыносимо!» Она покраснѣла, произнося эти слова, но минуту спустя, лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью, поразившею всѣхъ насъ; она продолжала кричать и просила чтобы ее унесли, такъ какъ она не въ состояннн держаться на ногахъ.

Мы ее взяли подъ руки; она еле шла, вся сгорбившись. Въ одну минуту ее раздѣли. Я ее поддерживала, пока ее расшнуровывали. Она продолжала жаловаться, и я замѣтила, что на глазахъ ея были слезы; это меня удивило и тронуло, такъ какъ я знала, что она была какъ нельзя болѣе терпѣлива. Цѣлуя руку ея, которую я держала, я сказала ей, что должно быть, она сильно страдаетъ; на это она отвѣчала мнѣ, что не понимаетъ, что такое съ ней. Ее уложили въ постель; она стала кричать еще болѣе прежняго и металась съ боку на бокъ какъ бы въ нестерпимыхъ мученіяхъ. Сейчас послали за ея главнымъ докторомъ Еспри; онъ пришелъ, сказалъ, что это желудочные спазмы и предписалъ лекарства, которыя обыкновенно даются въ этихъ случаяхъ. Однако боли были невообразимы. Герцогиня сказала, что болѣзнь ея болѣе серьезна чѣмъ думаютъ, что она умираетъ и просила послать за ея исповѣдникомъ.

Все описанное мною, произошло менѣе чѣмъ въ полчаса; герцогиня продолжала кричать и жаловаться на ужасную боль подъ ложечкою. Лекарство, которое ей дали, вызвало рвоту; она уже передъ тѣмъ нѣсколько разъ чувствовала позывъ къ рвотѣ, но ее еще не рвало ни разу какъ слѣдуетъ; она извергала только мокроту и часть принятой ею пищи. Сильное дѣйствіе лекарствъ и чересчурныя испытываемыя ею боли довели ее до изнеможенія, которое мы приняли за роздыхъ болѣзни: но она намъ сказала, чтобы мы не обманывали себя, что страданія ея все тѣ же, что она не въ силахъ болѣе кричать и что для нее нѣтъ никакого спасенія. Около 9 часовъ вечера, на слова наши, что ей кажется лучше и что мы

съ нетерпѣніемъ ждемъ дѣйствія лекарства, она отвѣчала: улучшение такъ мало возможно, что не будь она христіанка, она бы убила себя—такъ велики ея страданія. «Не слѣдуетъ никому желать зла» прибавила она, но я бы хотѣла чтобы кто нибудь на минуту испыталь то что я терплю, чтобы имѣть понятіе о моихъ страданіяхъ». Ей подали бульону, такъ какъ она съ обѣда ничего не имѣла во рту, но только что она проглотила его, боли удвоились и стали такъ же жестоки какъ и послѣ цикорной воды. Смерть изобразилась на ея лицѣ (около 11 часовъ вечера). Агонія продолжалась одну минуту, и послѣ двухъ или трехъ судорожныхъ движеній рта, она скончалась въ 2½ часа утра и черезъ восемь часовъ послѣ того какъ ей сдѣлалось дурно»...

Этотъ одръ страданій и смерти, на которомъ лежала распростертая герцогиня, внушая Боссюэту слова, тронувшія аудиторію достойную его и которыя и теперь производятъ такое же потрясающее дѣйствіе, какъ въ ту минуту, когда они раздавались подъ сводами большого собора. Надо понять ихъ во всей ихъ красотѣ и слѣдовать за ними покорно къ тому идеалу къ которому они насъ увлекаютъ. Покорно, говорю я, потому что еслибъ мы вздумали противиться, еслибъ мы мысленно не представили себя на мѣстѣ слушателей Боссюэта—людей XVII-го столѣтія, тогда все поблѣднѣло бы и вмѣсто той осязаемой дѣйствительности, какою каждый вѣкъ представляется въ ряду другихъ и стоитъ во главѣ своихъ твореній, осталось бы нѣчто миѳическое, неспособное возбудить въ насъ ни пыла, ни восторга.

Гомеръ, величайшій поэтъ, потому что онъ дальше другихъ отстоитъ отъ насъ и потому что безсмертенъ, не смотря на три тысячи лѣтъ, Гомеръ постигаетъ и изображаетъ міръ не иначе какъ посѣщаемый богами, которые въ своемъ попеченіи о смертныхъ, то спускаются изъ высшей обители, то снова восходятъ въ нее. Когда Ахиллесъ вынимаетъ свой мечъ противъ Агамемнона, Минерва мгновенно является, чтобы удержать его руку. Никакой границы между небомъ и землею, между человѣческимъ и божественнымъ: люди являются сынами боговъ и по словамъ поэта, вдохновеннаго тою же мыслью:

*Ille deum vitam accipiet divesqui videbit
Permixtos heroas, et ipse videbitur illis.*

Все это, проникнутое высокою поэзією и облеченное въ прекрасную форму, полно высокой красоты, но эту красоту мы оцѣнимъ только подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы мы на минуту стали современниками этого героическаго вѣка и побратались съ его богами и героями. Остережемся приблизить это отдаленное время къ настоящему и разсѣять этотъ миражъ. Разрушивъ его, мы не увидѣли бы ничего болѣе кромѣ того, что христіанинъ Лактанцій такъ неуважительно видѣлъ въ великихъ произведеніяхъ Фидія и Праксителя, т. е. большія куклы, и намъ не понравилось бы что Юнона преслѣдуетъ неукротимою ненавистью Пріама и его народъ, и что Юпитеръ хотя и жалѣя о нихъ, не спасаетъ ихъ.

Разумѣется, слушатели Боссюэта гораздо ближе къ нашей эпохѣ и къ нашимъ понятіямъ, но тѣмъ не менѣе намъ нужно перенестись воображеніемъ въ ту эпоху, чтобы понять вполне слова Боссюэта, о томъ, что Богъ собственно для того чтобы научить маленькихъ людей поражаетъ смертью сильныхъ міра. «Обратите вниманіе милостивыя государи, говоритъ Боссюэтъ, на эти могущественныя лица, на которыя мы смотримъ снизу вверхъ. Въ минуту, когда мы трепещемъ передъ ихъ могуществомъ, Богъ, чтобы предостеречь насъ, поражаетъ ихъ. Причиною тому — ихъ высокое положеніе, и Господь, такъ мало ихъ щадить, что не боится принести ихъ въ жертву для поученія остальныхъ людей». Намъ не можетъ нравиться также и то мѣсто проповѣди Боссюэта, гдѣ онъ говоритъ, что Богъ, желая обратить Генриетту англійскую въ католическую вѣру, отдаетъ Англію на жертву революціи. «Какъ эти два главные момента проявленія благости Божіей были славно отмѣчены тѣми чудесами, которыя Богъ совершилъ для вѣчнаго спасенія Генриетты англійской. Чтобы даровать ее церкви, нужно было низвергнуть цѣлое великое государство. Величіе рода, изъ котораго она происходила еще сильнѣе обязывало ее придерживаться ереси ея предковъ,—скажемъ ея ближайшихъ предковъ, такъ какъ всѣ предшествовавшіе имъ начиная отъ самыхъ дальнихъ временъ, были благочестивыми католиками. Но, если законы государства противятся ея вѣчному спасенію, Богъ, чтобы освободить ее отъ этихъ законовъ, сокрушаетъ цѣлое государство. Такою цѣною онъ спасаетъ души». «Ударъ неожиданный и близкій къ чуду освободилъ принцессу изъ рукъ мятежниковъ, не смотря на бури океана и еще бо-

лѣе ужасныя потрясенія земли, Богъ, подобно орлу, который переноситъ на крыльяхъ своихъ дѣтенышей, перенесъ ее на своихъ въ это государство, и самъ передалъ ее на грудь королевы ея матери, или вѣрнѣе сказать, на лоно католической церкви».

Какъ божествененъ этотъ языкъ и какъ достоинъ божественныхъ мыслей! Но для того чтобы мы могли вполне насладиться имъ, нужно чтобы мы усвоили тотъ богословскій духъ VII вѣка, которому, по всему нашему развитію мы стали такъ чужды. Какъ только мы перестанемъ уподобляться тѣмъ образамъ, напечатаннымъ въ памятникахъ прошедшаго, разладъ, дѣйствительно существующій между послѣдовательными вѣками, обнаружится вполне. Пусть тѣ, которые сохранили образъ мыслей временъ Боссюэта признаютъ что необходимо было потрясти Англію, чтобы спасти одну душу; мы же, съ своей стороны, станемъ искать въ созерцаніи законовъ природы и исторіи того свѣта, который расширяетъ знаніе, возвышаетъ чувство. Мы, современные люди, занимающіе болѣе привилегированное мѣсто въ исторіи, мы, собственно говоря, обладаемъ двумя душами, одной обращенной къ прошедшему и наслаждающейся всѣмъ тѣмъ, что создано въ немъ самаго великаго и прекраснаго, другой, обращенной къ будущему и стремящейся увидѣть передъ собою болѣе широкія перспективы и горизонты.

Теперь, имѣя уже въ виду описаніе болѣзни герцогини орлеанской, сдѣланное достовѣрнымъ очевидцемъ, сравнимъ его съ переведеннымъ мною очеркомъ нѣмецкаго врача, прибавляя однако, такъ какъ это очень важно, что по словамъ госпожи де-Лафайетъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ ея смерти, принцесса жаловалась на боль въ боку и на страданія въ желудкѣ, которыми она была подвержена. Эти первыя боли мы находимъ и у знакомой уже нашимъ читателямъ типической больной. Подобно нашей типической больной, принцесса, кромѣ того легкаго, повидимому, разстройства, казалась здоровою, такъ по крайней мѣрѣ полагали ея приближенные, ея друзья и сама она. И вдругъ, въ одинъ день, послѣ обѣда, не вслѣдствіе какого-либо напряженія, но вслѣдствіе простаго глотанія цикорной воды, принцесса подобно типической больной, жалуется на сильнѣйшую боль, дѣлается мертвенно-блѣдною и черезъ минуту она поражена болѣзнию въ такой степени, что ее нужно было нести на рукахъ чтобы уложить въ кровать.

Какъ и типическая больная принцесса испытываетъ ужасную боль подъ ложечкою, ею также овладѣваетъ предчувствіе смерти и черезъ нѣсколько часовъ она умираетъ въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Этого чрезвычайнаго сходства двухъ описанныхъ картинъ, достаточно чтобы доказать, что въ обоихъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ одной и той же болѣзью.

Внимемъ подробно въ діагностику. Чрезвычайная чувствительность, распространенная во всемъ желудкѣ, позывы къ рвотѣ, невыразимыя страданія, пульсъ *скрившійся*, какъ его называли въ то время, охлажденіе оконечностей, все это вмѣстѣ составляетъ неосомнѣнно признаки остраго воспаления брюшины. То же самое скажетъ всякій врачъ имѣющій дѣло съ больнымъ въ этотъ состояніи.

Еслибъ профессоръ Крювелье, первый установившій діагностику и прогностику страшной язвы въ желудкѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, былъ бы призванъ къ герцогинѣ орлеанской, то, вѣроятно, принимая во вниманіе жестокость болей, которыя она почувствовала внезапно, ея прежнее разстройство желудка и обнаружившееся у нея наконецъ воспаленіе брюшины, онъ не колеблясь сказалъ бы, что въ одномъ мѣстѣ желудка уже нѣсколько дней образовалась круглая язва и что вслѣдствіе ея произошло прободеніе желудка. Онъ бы предупредилъ лицъ, окружающихъ принцессу, что язва смертельна.

Въ цѣломъ, діагнозъ резюмируется слѣдующимъ образомъ: обыкновенная язва въ желудкѣ, первые симптомы которой обнаружались въ неправильностяхъ пищеваренія и въ гастрическихъ страданіяхъ, продолжавшихся довольно долго, до 29 іюня, наконецъ, прободеніе желудка язвой послѣ того, какъ принцесса проглотила питье, и какъ слѣдствіе прободенія — острое воспаленіе брюшины. Объ этомъ столь быстромъ разрушеніи Боссюэтъ говоритъ слѣдующее: «Такъ какъ Богъ не хотѣлъ долѣе подвергать мірскимъ заблужденіямъ чувства столь искренняго католицизма, — онъ поспѣшилъ поразить ее». И дѣйствительно, какая поспѣшность. Въ девять часовъ дѣло было сдѣлано. Онъ поспѣшилъ вырвать ее изъ среды беззаконія. Но, увы, при бѣдственныхъ условіяхъ человѣчества, не рѣдкость, чтобы смерть въ нѣсколько минутъ сдѣлала свое дѣло. Холера, апоплексическіе удары, разрывы сердца или большихъ со-

судовъ, злокачественныя лихорадки, припадки разнаго рода и удары, оканчивающіеся смертью также быстро, прерываютъ жизнь и превращаютъ въ одинъ и тотъ же прахъ.

Врачъ, знающій, что воздухъ скрываетъ въ себѣ предательскіе миазмы, или замѣчающій въ запахахъ тканяхъ подготовляющееся разложеніе, видитъ во всемъ этомъ общую связь. Фагонъ—медикъ Людовика XIV, предъугадывалъ эти правильные законы, непрестанно свершающіе свое хорошее и дурное, полезное и вредное, животворящее и смертельное дѣло; удрученный старостью и страданіями онъ говорилъ: «Я слишкомъ хорошій физикъ, чтобы возмущаться противъ природы».

Изложивъ, анализировавъ и обсудивъ всѣ симптомы, испытанные принцессою, я позволяю себѣ, въ подтвержденіе моихъ доводовъ, сказать, что никакой яды не производитъ всѣ вышеописанныя явленія въ совокупности. Въ дѣйствительности для этого нуженъ былъ ядъ, который, причиняя сильнѣйшую боль въ желудкѣ, не оказалъ бы никакого дѣйствія на ротъ и горло и который, поражая мгновенно больного, оставилъ бы его вмѣстѣ съ тѣмъ до тѣхъ поръ живымъ, пока не обнаружилось бы воспаленіе брюшины. Такого яда не существуетъ. Яды, причиняющіе очень сильную желудочную боль, такъ напримѣръ кислоты и концентрированныя щелочи прожгли бы переходя въ желудокъ пищепріемные пути, а ничего подобнаго не случилось. Мышьякъ и фосфоръ, воспаляя и прободая желудокъ, не вызываютъ никакой мгновенной боли, ни того быстрого упадка силъ, который слѣдуетъ за прободеніемъ его отъ круглой язвы. Наконецъ, тѣ быстрые яды, замѣчательный примѣръ которыхъ мы видѣли на смерти Британника, убиваютъ въ нѣсколько минутъ, не производи ни сильныхъ, ни продолжительныхъ страданій, ни воспаленій брюшины. Итакъ, когда положительные доводы—всегда наилучшіе—доказываютъ, что смерть была естественна, отрицательные приносятъ для изслѣдованія пособія своего рода, которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать.

Что сдѣлали доктора? Роль ихъ была довольно жалкая. Положимъ ихъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что они не открыли прободенія желудка; болѣзнь эта не была еще въ то время ни описана, ни изслѣдована на живыхъ и мертвыхъ. Нельзя упрекнуть и въ томъ, что они не обратили вниманія на острое воспаленіе

брюшины; воспаление брюшины не было въ то время извѣстно въ раду болѣзней брюшной полости и только спустя много лѣтъ послѣ ихъ смерти, стали опредѣлять характеръ и симптомы ея. Нельзя тоже приписать роковой исходъ ихъ неумѣлости или небрежности; для излеченія язвы этого рода не было средства въ ихъ искусствѣ: его нѣтъ и въ нашемъ. Тѣмъ не менѣе, на докторѣ лежитъ, даже въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ, обязанность, хотя и второстепенная, но не лишенная значенія и заключающаяся въ томъ, чтобы предвидѣть исходъ болѣзни. Обязанность эту врачи герцогини орлеанской отнюдь не исполнили. Они замѣтили опасность только въ послѣднюю минуту. Это видно изъ слѣдующихъ строкъ госпожи де-Лафайеттѣ. «Геслинъ совѣщался съ Вале и Еспри, и послѣ довольно долгаго совѣщанія они всѣ трое явились къ герцогу и собственной жизнью ручались ему, что нѣтъ никакой опасности... Король отвелъ ихъ въ сторону и спросилъ, что они думаютъ. Тѣ же самые доктора, которые два часа передъ тѣмъ головою ручались за жизнь герцогини и которые находили, что охлажденіе оконечностей есть только слѣдствіе желудочныхъ спазмъ, стали теперь утверждать, что больная безнадежна и что этотъ холодъ, этотъ *скрытый*, какъ они говорили, пульсъ — признаки гангрены, и что принцессу нужно причастить... Явился отличный врачъ Брээръ; онъ сначала не отчаявался въ спасеніи больной и сталъ совѣщаться съ другими докторами. Герцогиня велѣла позвать ихъ къ себѣ, они попросили, чтобы ихъ оставили нѣсколько минутъ однихъ, но она вторично послала за ними. Они подошли къ ея кровати. Говорили о кровопусканіи «Если вы хотите пустить мнѣ кровь, сказала она, то не теряйте времени, мысли мои путаются и желудокъ переполняется». Врачи были удивлены такою великою твердостью; видя, что она настаиваетъ на кровопусканіи, они исполнили ея желаніе, но кровь не пошла и при первомъ кровопусканіи вышло очень мало крови. Герцогиня думала, что умираетъ, когда ноги ея стояли въ водѣ».

Когда діагностика и прогностика не установлены, лечение идетъ на удачу. Правда, въ подобныхъ случаяхъ прободенія, не существуетъ никакихъ средствъ, кромѣ наркотическихъ для облегченія, если то возможно, страданій; но это должно быть извѣстно доктору. Врачи же, лечившіе принцессу, пробовали на удачу разныя

средства, какъ будто бы они знали, что нужно дѣлать или могли бы помочь. Спокойные сначала, они, когда смерть стала приближаться, растерялись совершенно. «Король, говоритъ госпожа де-Лафайеттѣ, нашелъ меня въ отчаяніи, что доктора не даютъ ей (больной) никакихъ лекарствъ, особенно рвотныхъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь сказать, что они растерялись, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, что онъ постарается заставить ихъ опаматоваться. Онъ поговорилъ съ ними, подошелъ къ кровати герцогини и сказалъ ей, что хотя онъ не врачъ, но что предложить докторамъ тридцать средствъ. Они отвѣчали, что нужно подождать. Герцогиня тогда вставила слово и сказала что нужно умереть по формѣ».

Тридцать средствъ! О добродушная благонамѣренность королевскаго невѣжества! Если г. Крювелье, составившій себѣ, какъ я уже сказалъ, имя въ исторіи леченія язвы желудка, и о которомъ я никогда не вспоминаю безъ чувства признательности за то, что сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ меня экзаменовалъ и принималъ въ практическую школу, если — говорю я, — Крювелье присутствовалъ бы при совѣщаніи, онъ избавилъ бы короля отъ подобнаго заявленія, почтительно, но твердо объявивъ ему, что смертельно пораженной принцессѣ ни природа, ни искусство не можетъ оказать никакой помощи.

Доктора объявили, что герцогиня не была отравлена. Общественное мнѣніе того времени опровергло ихъ, а современная медицина оправдала. Но дѣло въ томъ, что по недостаточности своихъ свѣдѣній, они сказали гораздо болѣе чѣмъ знали. Чтобы утверждать, что какой-нибудь человекъ умеръ не отравленнымъ, нужно или доказать, что онъ не умеръ отъ такой-то болѣзни и въ точности опредѣлить родъ ея и ходъ. Этого они не сдѣлали, они не могли этого сдѣлать и когда объявили, что причиною смерти было слишкомъ большое изліяніе желчи, то произнесли въ патологическомъ смыслѣ вздоръ. Они должны были подвергнуть тѣло химическому изслѣдованію и доказать, что ни одинъ реактивъ не обнаруживаетъ въ немъ присутствія какого-нибудь ядовитаго вещества. Въ другомъ трудѣ моемъ, я говорю, что въ древности (подъ этимъ словомъ я подразумѣваю и вѣкъ Людовика XIV) не умѣли юридически доказать фактъ отравленія. Для этого нужно было знать химію, а химія еще не родилась въ то время.

Чтобы окончить наше медицинское изслѣдованіе, намъ остается еще вскрыть тѣло герцогини. Отмѣтимъ сначала все то, что должно бы было найти въ немъ, еслибы діагнозъ былъ вѣренъ: нужно было найти слѣды остраго брюшнаго воспаления и сквозную рану въ желудкѣ. Въ національной бібліотекѣ, въ французскихъ рукописяхъ за № 17052-мъ, находится старая рукопись, носящая слѣдующее заглавіе: «Мемуары хирурга англійскаго короля, который присутствовалъ при вскрытіи тѣла принцессы».

Статья эта имѣетъ важное значеніе въ нашемъ изслѣдованіи. Вотъ она. «Когда былъ сдѣланъ надрѣзъ, чтобы вскрыть животъ, изъ него вышелъ зловонный паръ. Въ разрѣзанномъ животѣ нашли слѣдующее: сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною; кишки очень обезцвѣченныя, начинали также размягчаться и портиться; печень сѣро-желтоватаго цвѣта была вся пережжена, такъ что при прикосновеніи къ ней, она въ мелкихъ крошкахъ распалась между пальцами безъ всякихъ признаковъ крови; желчный пузырь наполненъ яркаго цвѣта желчью, которая изливаясь, придавала, повидимому, такой же цвѣтъ другимъ сосѣднимъ частямъ; селезенка была нормальнаго цвѣта и нормальной величины; лѣвое ребро, снаружи нѣсколько слабѣе и мягче, было въ внутреннемъ составѣ нормально; правое ребро въ очень хорошемъ состояніи; вся полость нижней части желудка была полна сукровичной, гнилой, желтоватой, водянистой и жирной какъ масло жидкостью, животъ судя по паружному виду его, казался въ хорошемъ состояніи, но внутри былъ раздутъ до самаго пищевода окрашенъ прожженою желчью, которую легко было снимать пальцами. Начиная сверху съ зѣва, до самой нижней части желудка, послѣ тщательнаго осмотра, я не нашелъ никакого поврежденія, только въ средней и передней части, замѣтилъ маленькую дыру, которую вѣроятно хирургъ, разрѣзая животъ, нечаянно просверлилъ, на что я одинъ только обратилъ вниманіе; но разсмотрѣвъ животъ тщательнѣе вблизи я не нашелъ ни на одной части его ни ссадины, ни поврежденія, ни затвердѣнія, ни пятна, ни раны; легкое, прилегающее къ ребрамъ лѣвой стороны было наполнено пѣнистою жидкостью; правое легкое въ лучшемъ, но далеко не удовлетворительномъ состояніи; сердце ожирѣлое, было заключено въ жидкости сердечной оболочки, которая имѣла свой естественной видъ; все же, вообще,

части носили признаки полнѣйшаго малокровія. Ни голова, ни кишки не были вскрыты, такъ какъ причина смерти была найдена и заключалась, какъ полагали, въ слишкомъ большомъ изліяніи желчи».

Въ тѣ времена вскрытіе тѣлъ было очень несовершенно; это послѣднее, однако, даетъ намъ, съ помощью нѣкоторыхъ разсужденій, объясненія, которыя намъ необходимы, чтобы кончить наше изслѣдованіе.

У меня въ настоящую минуту передъ глазами множество описаній прободеній желудка и все, что я утверждаю было проверено мною на образцѣ и типѣ этого рода болѣзни. Въ новѣйшихъ наблюденіяхъ, какъ и въ приведенномъ мною описаніи, упоминается о томъ, что при разрѣзѣ, вышелъ зловонный паръ; и здѣсь равнымъ образомъ указано на то, что полость нижней части желудка наполнена значительнымъ количествомъ мутной и вонючей жидкости, признаки воспаления брюшины опредѣлены. Когда же нашъ авторъ говоритъ, что сальникъ былъ размягченъ и зараженъ гангреною, что кишки начинали также разлагаться и портиться, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ описаніи, какъ ни неясно оно, идетъ рѣчь о признакахъ остраго воспаления брюшины. Присоедините къ этому острому воспаленію брюшины мгновенную, жестокую боль и вы скажете, что несомнѣнно произошло прободеніе, хотя собственно говоря, отверстіе образующееся вслѣдствіе прободенія и не является въ описаніи вскрытія. Маленькая дыра, говоритъ нашъ авторъ. И дѣйствительно, «о маленькихъ дырахъ» часто упоминается и въ новѣйшихъ наблюденіяхъ. Но нашъ авторъ прибавляетъ, что замѣченная имъ дыра была нечаянно сдѣлана хирургомъ, который вскрывалъ животъ.

Такъ ли это? Онъ самъ сомнѣвается въ этомъ, потому что говоритъ, что онъ одинъ обратилъ на это вниманіе и самъ убѣдился въ этомъ предположеніи только тогда, когда послѣ тщательнаго изслѣдованія желудка, не нашелъ въ немъ никакого другого поврежденія, кромѣ этой «маленькой дыры». Въ нѣсколькихъ наблюденіяхъ, которыми я руководствуюсь, упоминается, что отверстіе, образующееся послѣ прободенія желудка язвой имѣетъ видъ отверстія сдѣланнаго острымъ орудіемъ, какъ бы ровно и вдругъ выхватывающимъ часть поверхности желудка и, когда язва особенно остраго свойства и

быстро развивается, то случается что внутренняя сторона желудка кажется вполне здоровой и нормальной на всемъ остальномъ своемъ протяженіи. Дѣйствительно, нашъ хирургъ нашелъ внутреннюю сторону желудка нормальною во всѣхъ частяхъ, кромѣ этой маленькой дыры. Итакъ какъ ему хотѣлось отыскать поврежденія, которыя могъ бы произвести ядъ, то не найдя ихъ, онъ объявилъ, что по его мнѣнію, найденное отверстіе произошло совершенно случайно. Но мы съ своей стороны, не можемъ присоединиться къ его мнѣнію: всѣ симптомы при жизни принцессы и слѣды воспаленія брюшины послѣ смерти ея доказываютъ намъ противное.

Наконецъ, если мало логическихъ доказательствъ, а нужно фактическое, чтобы удостовѣриться въ томъ, что отверстіе найденное въ желудкѣ герцогини орлеанской было произведено внезапнымъ прободеніемъ, а не нечаяннымъ надрѣзомъ, то достаточно всѣмъ мнить, что герцогиня пила прованское масло какъ противоядіе; масло это, въ случаѣ прободенія желудка, должно было бы пройти въ нижнюю часть живота. И дѣйствительно хирургъ говоритъ, что жидкость, найденная въ нижней части живота была жирна какъ масло. Въ одномъ изъ наблюдений, служащихъ мнѣ руководствомъ, рассказывается что одинъ больной выпилъ рициновое масло, которое было найдено въ нижней части его живота; это случай пара къ рассматриваемому нами случаю.

Въ интересныхъ мемуарахъ, прибавленіи къ исторіи Франціи Понсе де-Грава, стр. 417 т. IV находится: „Описаніе болѣзни, смерть и вскрытіе тѣла герцогини орлеанской, принадлежащее перу аббата и доктора Бурдело“. Во время разсѣченія трупа, говоритъ онъ, нечаянно случилось, что кончикомъ хирургическаго ножа было сдѣлано отверстіе въ верхней части брюшной полости; отверстіе это возбудило удивленіе многихъ и подняло вопросъ откуда явилось. Хирургъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ его нечаянно, и г. Валло утверждалъ, что онъ видѣлъ какъ это случилось. Бурдело показалъ, что отверстіе это не было ни прижжено, ни воспалено, что вены окружавшей кожи не были налиты, припухши, какъ замѣчается при ранахъ сдѣланныхъ живымъ субъектамъ. Очевидно отверстіе это обратило на себя серьезное вниманіе докторовъ. Не зная, что подобное поврежденіе можетъ произойти безъ дѣйствія яда, они тотчасъ стали внимательно рассматривать отверстіе и замѣтили

что края его не были ни прижжены, ни воспалены, ни утолщены но то что они сочли положительнымъ доказательствомъ, никакъ; не могло имъ быть, потому что мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ встрѣтился одинъ случай подобной болѣзни, когда язва находилась на малой кривизнѣ желудка, имѣла рѣзко обрѣзанные края, безъ утолщеній въ сосѣднихъ частяхъ (Людовигъ Мюллеръ, стр. 241). Предполагаемый нечаянный надрѣзъ не былъ замѣченъ во время вскрытія; если бы хирургъ замѣтилъ неосторожность свою въ ту же минуту, то не могло бы быть повода спорить, или говорить объ отсутствіи прижженности, воспаленія, утолщенія краевъ надрѣза. Прибавимъ ко всему сказанному, что если легко сдѣлать случайно насѣчку бистурею, то это отнюдь не легко сдѣлать ножницами на перепонкахъ, которыя не находятся въ растяженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что нужно было найти причину отверстія и ее нашли: въ противномъ же случаѣ, въ виду этихъ трехъ фактовъ — мгновеннаго развитія болѣзни, воспаленія брюшины и присутствія прованскаго масла въ нижней части желудка живота, всякій споръ былъ бы прекращенъ.

Послѣ вскрытія тѣла, доктора объявили, что больная умерла отъ холеры—choléra morbus—подлинное ихъ выраженіе. Подобное заявленіе, о которомъ не было и рѣчи при жизни принцессы, заставляетъ сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности, или даже въ ихъ относительномъ званіи. Въ самомъ дѣлѣ choléra morbus, холера, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ азиатской холерою, не принадлежитъ къ числу болѣзней неизвѣстныхъ въ медицинѣ того времени, какъ неизвѣстны были мгновенное прободеніе желудка и воспаленіе брюшины. Еще задолго до это времени, съ большой точностью были описаны характеристическіе признаки этой холеры, проявляющіеся по крайней мѣрѣ въ началѣ ея—рвота и непроизвольныя испраженія. Произнося громкое слово холера, доктора или хотѣли этимъ положить конецъ толкамъ, и въ такомъ случаѣ въ душѣ ихъ оставалось нѣкоторое сомнѣніе относительно поразившей ихъ дыры въ желудкѣ, или же, они сдѣлали заявленіе свое совершенно чистосердечно; если это такъ, то они не имѣли понятія о холерѣ, говорили о томъ чего не знали, не были даже знакомы съ описаніями, содержащимися въ ихъ книгахъ.

Легко понять, отчего заявленіе ихъ не положило конецъ подо-

зрѣніямъ. Въ наше время, въ подобномъ случаѣ болѣзни, диагнозы до смерти и поврежденія, найденныя послѣ смерти при вскрытіи обезпечили бы протоколамъ полную достовѣрность. Но что касается до герцогини, въ ея болѣзни былъ одинъ темный пунктъ, который доктора не могли ничѣмъ объяснить, допуская или нѣтъ холеру, а именно, какимъ образомъ, герцогиня, послѣ стакана простой цикорной воды, была поражена какъ громомъ невыносимой болью?

Пока медицина не могла объяснить это странное явленіе, мракъ не былъ разсѣянъ. Но современная медицина даетъ это объясненіе, и оно вполне достаточно, чтобы окончательно уничтожить всякое подозрѣніе въ отравленіи.

Мое изслѣдованіе приближается къ концу. Я резюмирую сказанное выше. Существуетъ болѣзнь, очень точно описанная современной медициной, простая желудочная язва. Больной, страдающій этою болѣзью, мгновенно испытываетъ жестокою боль въ брюшной полости; послѣ какого либо напряженія или послѣ глотанія, онъ совершенно ослабѣваетъ, представляетъ всѣ признаки остраго воспаления брюшины, сохраняетъ полное присутствіе ума и черезъ нѣсколько часовъ умираетъ; послѣ вскрытія тѣла, въ нижней части желудка, замѣчается значительное изліяніе и прободеніе. Герцогиня орлеанская, выпивъ стаканъ цикорной воды, почувствовала вдругъ невыносимую желудочную боль и такъ мгновенно ослабѣла, что ее нужно было взять на руки чтобы уложить въ постель; у нея обнаружилось сильное воспаление брюшины и черезъ девять часовъ она, въ полной памяти, умерла; въ тѣлѣ ея нашли слѣды брюшнаго воспаления, значительное изліяніе и отверстіе въ желудкѣ, — отверстіе, по поводу котораго было много споровъ, но относительно котораго мы болѣе спорить не станемъ, если вспомнимъ, что принцесса выпила какъ противоядіе прованское масло и что при вскрытіи была дѣйствительно найдена жидкость жирная какъ масло. И такъ медицина, съ полнымъ знаніемъ дѣла объявляетъ, что герцогиня не была отравлена. Въ смыслѣ обратнаго доказательства и эквивалента химическихъ изслѣдованій служить извѣстный изъ достовѣрныхъ источниковъ фактъ, что одна особа, а можетъ быть и двѣ, выпили ту же самую цикорную воду безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Нерѣдко приходится, по поводу тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ безсиліе медицины такъ явно обнаруживается, слышать отъ людей свѣтскихъ не имѣющихъ понятія о медицинѣ и исторіи ея, что съ древнихъ временъ она не сдѣлала никакихъ, сколько нибудь значущихъ, успѣховъ и что въ настоящее время люди умираютъ какъ и въ старину. Да, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но я не хочу пропустить этотъ случай, безъ того чтобы на одномъ фактѣ не показать какіе существенные и значительные успѣхи сдѣлала медицина, благодаря методу руководящему въ настоящее время всѣми науками.

Еслибъ самый плохой врачъ, учившійся въ нашихъ школахъ и нашихъ госпиталяхъ былъ бы призванъ къ принцессѣ то для него было бы ясно, что у нея прободеніе желудка, воспаленіе брюшины и что смерть неизбежна; онъ не мучилъ бы больную бесполезными лекарствами и не обманывалъ бы близкихъ ея пустыми фразами. Да, скажутъ мнѣ, пожалуй, въ отвѣтъ, но онъ не спасъ бы ее отъ смерти какъ не спасъ Еспри, Геслинъ и другіе. Не должно спѣшить съ преждевременнымъ рѣшеніемъ: призванный во-время и до роковаго прободенія, онъ послѣ внимательнаго изученія симптомовъ болѣзни предугадалъ, распозналъ бы тайное зло, угрожавшее столь ужасной опасностью жизни герцогини, и правильнымъ леченіемъ—оно въ настоящее время спасаетъ такъ многихъ—быть можетъ, сохранилъ бы жизнь герцогини, по словамъ Боссюэта, для того великаго положенія, которое она такъ хорошо занимала.

Слова эти взяты изъ надгробной рѣчи Боссюэта, красотами котораго я могу теперь восхищаться безъ того, чтобы блѣдный призракъ отравленія не примѣшивалъ къ нему свой тайный ужасъ. Но и на этихъ высяхъ ораторскаго искусства, какъ и въ высокихъ красотахъ Гомера, я вижу только блестящее отраженіе идей, которыя руководили человѣчествомъ вдохновляли и облагороживали его, но которыя человѣчество въ виду новой дѣйствительности начинаетъ забывать, признавая за ними меньшее значеніе.

Въ то время, когда Боссюетъ въ печальной смерти столь любимой принцессы, видитъ только волю, которая сокращаетъ срокъ искушенія вмѣстѣ съ жизнью герцогини, и ищищеніе ея рукой смерти у блеска и славы, или же возмущается противъ нашей гордости и обращаетъ ее въ прахъ, мы въ этомъ событіи видимъ безко-

нечную связь естественныхъ законовъ то благодѣтельныхъ, то разрушительныхъ, но всегда и одинаково очевидныхъ и правильныхъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они способствуютъ или вредятъ нашимъ минутнымъ затѣямъ, такъ и когда двигаютъ солнцами въ безконечномъ пространствѣ.

Привожу здѣсь въ видѣ замѣтки краткое разсужденіе по поводу смерти Генриха I, которая была дѣйствительно странна. Вотъ какъ о ней разсказываетъ Ордерикъ Виталь: Anno ab incarnationis Domini M^o IX, indict. XIII, Henricus, rex Francorum, post multas prohibitates, quibus in regno glorioste vignet, potionem a Johanne medico Carnotensi, qui ex oventu surdus cognominabatur spe, longioris et sanioris vita accepit. Sed quia voto suo magis quam praecepto archiatri obsecundavit, et aquam, dum veneno rimanti interiora nimis angeretur, eum a cubiculario sitiens popociuit, medico que ignorante ante purgationem bibit, pro dolor! in crastinum cum magno multorum moerore obiit».

Вотъ очень гибельное послѣдствіе слабительнаго, даннаго изъ предосторожности. И вотъ архіатръ ¹⁾, который отсутствуетъ очень не кстати! Этотъ Іоаннъ де Шатръ говоритъ лѣтописецъ, былъ послѣ этого событія прозванъ глухимъ, вѣроятно потому что онъ не слышалъ жалобъ своего царскаго пациента и что не пришелъ къ нему на помощь.

Лѣтописецъ приписываетъ смерть короля его неосторожности, а именно тому что, мучимый сильной жаждою, онъ до дѣйствія лекарства и безъ вѣдома своего доктора, выпилъ воду, поданную ему камергеромъ. Эта неосторожность, по мнѣнію лѣтописца, снимаетъ всякую отвѣтственность съ архіатра; очень вѣроятно, что онъ ее не выдумалъ, но что архіатръ заявилъ о ней тотчасъ какъ обнаружались смертельные припадки.

Но можемъ ли мы, подобно Ордеріку Виталю, принять ее за фактъ? Для того чтобы вода, выпитая до дѣйствія слабительнаго могла бы вызвать припадки столь опасные, что они вскорѣ стали смертельными, нужно чтобы слабительное было такого свойства,

¹⁾ Главный врачъ.

что разложившееся, оно отдѣлило бы быстро дѣйствующій ядъ. Такого слабительнаго, заключаетъ ли оно въ себѣ соли или нѣтъ, чистаго или смѣшаннаго съ другими веществами, не существуетъ. И больной въ подобномъ случаѣ, если почувствуетъ жажду, можетъ безъ всякаго вреда для себя, выпить воду. Главный врачъ прикрылъ ложнымъ извиненіемъ сдѣланную имъ неосторожность, жертвою которой вскорѣ палъ король; но виновато ли въ этомъ его невѣжество или его недобросовѣстность, мы не беремся рѣшить.

Хотя это описаніе, неизмѣющее медицинскаго характера не полно, однако въ немъ заключается лучшее объясненіе чѣмъ то, которое намъ даетъ неосторожный и нерадивый главный врачъ. Больной принявъ слабительное, тотчасъ почувствовалъ дѣйствіе его (veneno rimante interiore) и вмѣстѣ съ тѣмъ сильное томленіе (nimias angeretur). Принимая это во вниманіе равно какъ и быстрый роковой исходъ, можно дополнить описаніе; слабительное было сильное и потому жажда и томленіе стали очень мучительны; вышли ли испражнения, — о чемъ лѣтописецъ не говоритъ или нѣтъ — но у короля обнаружилось внутреннее воспаленіе и онъ умеръ отъ дѣйствія слабительнаго. Онъ точно также умеръ бы, еслибъ не выпилъ воду и не сдѣлалъ того, въ чемъ его упрекали. Къ счастью для главнаго врача; эта мнимая неосторожность его пациента, которой всѣ вѣрили, послужила ему оправданіемъ. Спрашивается теперь какого свойства было принятое лекарство? Была ли ошибка въ дозѣ, или король былъ особенно чувствителенъ къ дѣйствію его? На этотъ-то вопросъ и невозможно отвѣчать. Въ собраніи книгъ Гиппократата находится описаніе случаевъ, которые по своему сходству съ болѣзнію Генриха I объясняютъ ее. «Здоровая женщина, говорится въ V книгѣ объ *эпидеміяхъ* т. V стр. 233, вслѣдствіе слабительнаго, которое она приняла, почувствовала боли въ желудкѣ, схватки въ кишкахъ; она опухла и стала дышать съ трудомъ, но не смотря на дурноту и боли, ее не рвало; она пять разъ казалась совершенно мертвою, такъ что думали, что она скончалась. Рвота холодной водой нисколько не облегчила ея удушье, даже въ минуты самаго сильнаго страданія. Ей вылили на тѣло около тридцати амфоръ холодной воды и это, казалось, помогло ей. Она выздоровѣла».

Да, она выздоровѣла, но какъ близко была она къ смерти. Другой не былъ такъ счастливъ. „Антабрь, послѣ слабительнаго не почувствовалъ сначала ничего кромѣ боли въ мочевомъ пузырьѣ; тотчасъ моча вышла въ большомъ количествѣ; въ полдень жестокая боль обнаружилась въ желудкѣ, удушье, тошнота и безпокойный сонъ: все это измучило больного; его начало рвать, но ничего не выходило низомъ; онъ страдалъ всю ночь и провелъ ее безъ сна. На другой день испражненія были значительныя, подѣ конецъ они стали кровавыя и онъ умеръ (т. V *ibid*). Одинъ писатель принадлежащій къ эпохѣ Гипократа говоритъ (т. VI стр. 241), что съ выгоняющими желчь и слизистыми испражненіями начиналась опасность и обвиненія противъ доктора. Дѣло въ томъ что въ древности и, вѣроятно, въ среднія вѣка аптекаря не умѣли хорошо размѣрить количество сильныхъ веществъ, которыя входили въ составъ лекарствъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ САМОУБИЙСТВѢ *).

Чтеніе сочиненія Г. Дезъ-Этанга о политическомъ самоубійствѣ произвело на меня глубокое впечатлѣніе, не считаю нужнымъ скрывать этого. Какимъ бы хладнокровіемъ ни былъ проникнуть чловѣкъ изучающій исторію, но когда историческія событія принимаютъ колоритъ домашней трагедіи и постоянно сливаются въ единый ходъ причинъ и послѣдствій съ величайшими страданіями личной жизни, то трудно оставаться холоднымъ и безстрастнымъ зрителемъ и удержаться отъ щемящаго чувства, которое мало по малу охватываетъ душу читателя, когда подѣ его рукой перевертываются страницы горестной повѣсти. Сколько горя въ революціи и самоубійствѣ, являющихся рука объ руку въ разсказѣ историка, какъ они шли и въ дѣйствительности! Сколько сожалѣній расточено надъ самыми блестящими и надъ самыми невѣстными долями! Какое страшное броженіе должно было произойти, чтобы вызвать эти необычайныя измѣненія въ человѣческихъ отношеніяхъ и чувствахъ, поднимающихъ одну противъ другой партіи, преданныя безъ сомнѣнія великимъ идеямъ, но состоящая изъ людей тѣмъ не менѣе ослѣпленныхъ и жестокихъ.

«Un malheur inconnu glisse parmi les hommes», сказалъ Ма-

*) *Etudes sur la mort volontaire. Du suicide politique en France depuis 1789 jusqu'à nos jours*, par M. A. Des-Etangs, docteur en médecine.

лербъ въ прекрасной строфѣ, посвященной характеристикѣ страшныхъ столкновений его времени, т. е. религиозныхъ войнъ. Поэтъ объятый ужасомъ провидѣлъ то таинственное горе, тотъ роковой обновляющій порывъ, который является въ минуты, когда новыя мнѣнія становятся достаточно сильными, чтобы начать борьбу со старыми понятіями; другими словами, когда великія социальныя перевороты, медленно созрѣвши, вспыхиваютъ наконецъ.

Книга доктора Дезъ-Этана—исторія отраженіе политическихъ волнений на тѣхъ, кого они обрекли искать себѣ смерти. Въ этой книгѣ, какъ и въ книгахъ медицины, описывается рядъ катастрофъ, которыя находятся постоянно въ прямомъ отношеніи съ разстройствомъ общественнаго. Въ подобномъ сочиненіи такъ важномъ по своимъ отношеніямъ, такъ мрачномъ по своимъ подробностямъ—стиль и форма значатъ много. Что же касается меня, то я долженъ сказать, что встрѣтъ я въ немъ фразерство, малѣйшее пристрастіе или увлеченіе словомъ, которое не знаетъ себѣ мѣры, или декламацию дурнаго вкуса, которая нашла бы себѣ такой удобный предлогъ въ такихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ, то книга эта произвела бы на меня несравненно слабѣйшее впечатлѣніе; но чтеніе этой книги расшевелило во мнѣ всѣ впечатлѣнія; ея строгій слогъ, ея сдержанный тонъ, что вовсе не означаетъ холодный тонъ, строгая умѣренность языка, показывающая все уваженіе автора къ своему предмету съ тѣмъ, можно сказать, благоговѣніемъ, которое передается отъ автора читателю. Впечатлѣніе произведено и цѣль книги достигнута; авторъ волнуя сердца читателей картинами страшной повѣсти, врѣзаетъ въ умъ его тѣ уроки, которыя она несетъ съ собой. „Я начинаю, говоритъ Тацитъ, повѣствованіе о времени, богатомъ печальными событіями и ознаменованномъ смутами», желая окончательно охарактеризовать его, онъ съ свойственной ему манерой, прибавляетъ: *Ipsa etiam* расе *socum*, гибельное даже во время мира. Многія черты этой энергической и знаменитой рѣчи, могутъ быть приложены къ революціонной бурѣ: катастрофы были громадны и распри непримиримы; но послѣдняя черта, та, которая составляетъ главную черту мысли Тацита не подходитъ къ этой эпохѣ. Военныя возмущенія, смѣнявшія императоровъ, перемежались лишь кратковременными періодами мира или скорѣе перемирій, лишенныхъ настоящаго бла-

годѣтельнаго спокойствія; это состояніе было схоже съ удушливой и расслабляющей атмосферой, которая не превращаясь въ грозу тяготѣетъ надъ землей и надъ обитателями ея, не освѣжая ихъ. Тацитъ ощущалъ это и сумѣлъ выразить. Но дѣйствительно въ революціонныя эпохи бываетъ наоборотъ—страданія могутъ быть столь же велики, потрясенія столь же жестоки; но слѣдующія за ними мирныя періоды плодотворны, потому что научный и умственный прогрессъ, а слѣдовательно, чтобы о томъ ни говорили, и нравственный прогрессъ не останавливался; это существенное различіе въ непрерывной цѣпи, составляющей исторію, и его нельзя обходить молчаніемъ. Потрясенія римской имперіи не имѣли иныхъ причинъ кромѣ неопредѣленнаго недовольства и другихъ цѣлей кромѣ замѣны Гальбы Оттономъ, Оттона Вителіемъ, или же Вителія Веспасіаномъ, т. е. избранія способнаго вождя взамѣнъ неспособнаго. Потрясенія революціонной эпохи въ своемъ источникѣ были чисты отъ всякихъ личныхъ мотивовъ, причина ихъ лежала въ сознательномъ недовольствѣ, проистекавшемъ отъ неудовлетворительныхъ учрежденій и стремленіе ихъ было осуществить на практикѣ идеалы, уже властвовавшіе надъ умомъ и сердцемъ.

Но гдѣ же тутъ связь между революціей и самоубійствомъ, спросятъ многіе? они увидятъ эту связь и согласятся съ мнѣніемъ г. Дезъ-Этанга, если потрудятся вспомнить, что между самоубійствами существуетъ цѣлая группа, имѣющая основной причиной желаніе избѣгнуть смерти, которую многіе считали позорной.

Докторамъ, завѣдывающимъ домами для умалишенныхъ, нерѣдко приходится видѣть самоубійство своихъ пациентовъ; но въ этихъ случаяхъ самоубійство очевидно представляется результатомъ умопомѣшательства и находится въ связи съ остальными патологическими явленіями, испытываемыми больнымъ, а слѣдовательно самый поступокъ лежитъ внѣ свободной воли субъекта. Бываютъ и другіе случаи, внѣ всякаго умопомѣшательства, когда человѣкъ, находящійся въ полномъ здоровомъ разсудкѣ, чувствуетъ внезапное отвращеніе къ жизни, неодолимое и неоправдываемое никакими внѣшними условіями; это отвращеніе, причина самоубійства, должно быть отнесено къ болѣзненнымъ явленіямъ и принадлежать медицинѣ. Но здѣсь и находится граница области медика. Когда человѣкъ ясно излагаетъ причины мѣшающія ему жить, когда эти

причины реальны, а не вымышлены, на чемъ можно основать право отрицать въ немъ сознание, которое каждый изъ насъ признаетъ въ самомъ себѣ? Что называемъ мы сознательнымъ поступкомъ, какъ не дѣйствіе хорошо понятое самимъ дѣйствующимъ лицомъ и соответствующее съ вызвавшими его обстоятельствами? Слѣдовательно, справедливо будетъ признать, что нѣкоторое количество самоубійствъ не принадлежитъ къ категоріи умопомѣшательства, и должно быть объяснено совершенно другимъ рядомъ вліяній. Съ той минуты когда самоубійство не исключительно патологическое явленіе, онъ уже болѣе не поступокъ исключительно зависящій отъ личности человѣка, который наложилъ на себя руки; съ той минуты когда въ основаніи его лежитъ не исключительно умственное разстройство, оно должно быть приписано внѣшнимъ условіямъ, насильственно повліявшимъ на него и которыя, съ его точки зрѣнія, вынуждаютъ его предпочесть смерть жизни.

Пожалуй возразятъ, что выраженія: *насильственно вліять, вынуждать* доказываютъ подавленную дѣятельность свободной воли и низводятъ самоубійство до разряда автоматическихъ поступковъ умопомѣшательства. Далеко не такъ; если богачъ, потерявши состояніе по своей или по чужой винѣ, хочетъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и *насилуетъ* себя, продавая свои помѣстья, или бываетъ *вынужденъ* измѣнить свои привычки, онъ въ этомъ случаѣ, если хотите, тоже вынужденъ внѣшними условіями; но покоряясь и жертвуя собой онъ не перестаетъ пользоваться какъ свободой воли, такъ и разсудкомъ. Тоже самое повторяется и съ самоубійцами, о которыхъ я веду рѣчь; съ какой бы стороны ни смотрѣли на ихъ поступокъ, онъ совершенъ въ здоровомъ разсудкѣ и подъ руководствомъ того, что называется свободной волею. Очевидно здѣсь есть доля принужденія, но она идетъ отъ внѣшнихъ, а не отъ внутреннихъ причинъ. Гдѣ же искать причину, побуждающую страдательное лицо взвѣшивать и выбирать извѣстный исходъ, какъ не въ окружающихъ его условіяхъ, въ средѣ, въ которой онъ жилъ, въ политическихъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, въ судьбахъ того класса, къ которому онъ принадлежитъ, и еще болѣе въ семейныхъ отношеніяхъ, которыми онъ связанъ? И такъ, всякій разъ когда самоубійство не представляетъ патологическаго явленія, оно будетъ результатомъ или семейныхъ или

соціальныхъ условій, или говоря словами д-ра Дезъ-Этаннга: «личность тутъ не болѣе какъ форма, въ которой проявляются семейныя или общественныя страданія; она служитъ мѣриломъ силы давленія внѣшнихъ вліяній и силы сопротивленія души отдѣльной личности, посреди этихъ колебаній и вспышекъ жажды жизни, которая по трогательному выраженію Ла-Фонтена, составляютъ страданіе умирающихъ и отъ которыхъ не избавляетъ самое безвыходное отчаяніе. Крайній примѣръ насилія внѣшнихъ обстоятельствъ надъ личностью представляютъ намъ случаи самоубійства не по собственному побужденію, т. е., когда человѣкъ приговоренный къ казни убиваетъ себя, чтобы умереть иначе, нежели какъ то предписываютъ ему, побѣдители его—его судьи и палачи. Этотъ видъ самоубійства, во времена первой революціи былъ не раздѣльнымъ спутникомъ смерти, на которую партіи обрекали другъ друга съ невыразимой жестокостью. Ни одна партія не избѣгла этой доли: роялисты, жирондисты, монтаньяры, бабувисты, конспираторы всевозможныхъ оттѣнковъ поочередно налагали сами на себя руки, чтобы не умереть отъ руки врага. И то не было спокойнымъ самоубійствомъ Катона, который положивъ подъ изголовье кинжалъ, перечитывалъ разговоры Платона о безсмертіи души и заставлялъ друзей своихъ уходить; то было самоубійствомъ посреди смертельныхъ мукъ, ожесточенныхъ преслѣдованій, у подножія трибунала, въ толпѣ согладатаевъ жандармовъ; средствомъ къ нему былъ гвоздь, иступившійся ножъ, или капля смертоноснаго яда, заботливо прибереженнаго на крайній случай необходимости. Г. Дезъ-Этангъ не вставляетъ ни единого слова отъ себя въ эти печальныя повѣствованія; онъ уступаетъ рѣчь неопровержимымъ, официальнымъ документамъ того времени; и конечно краснорѣчіе ихъ достаточно сильно; они рисуютъ съ равной ясностью тяжкія условія того времени, ожесточеніе борьбы и рѣшимость тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить даже въ смерти свою свободу и независимость, или считалъ себя обязаннымъ, ради чести своего знамени не предаваться въ окровавленныя руки побѣдителя.

Послѣдніе отдѣлы переписки Вольтера изобилуютъ не только предвѣщаніями, но и сочувствіемъ къ приближавшейся революціи; онъ поздравляетъ друзей своихъ, которые моложе его годами съ тѣмъ, что они доживутъ до временъ, которыхъ онъ не увидитъ, но которыя

онъ встрѣчаетъ надеждой и желаніемъ и наступленію которыхъ онъ не чуждъ. Въ противность оракулу Макбета, который исполнилъ букву даннаго обѣщанія, но измѣнилъ смыслу его и обманулъ ожиданіе, революція исполнила то что обѣщало ожиданіе, исполнила и смыслъ, но обманула ближайшія надежды. Благо заключавшееся въ ней, и ради котораго жертвовали собой, не имѣя другихъ цѣлей кромѣ жажды увидѣть его, предназначалось для будущаго; испытанія же принесенныя ею съ собой были для настоящаго, и они были безмѣрныя. Нужно было пережить ихъ, и слѣдуетъ сказать правду, друзья Вольтера или говоря точнѣе, замѣчательные люди вдохновенные идеями своего вѣка и въ свою очередь вдохновившіе его, не ослабѣли во время бури. Они, не поступились ничѣмъ, ни вѣрой въ свое дѣло, ни преданностью, ни любовью къ наукѣ и литературѣ, ни уваженіемъ ко всѣмъ лучшимъ свойствамъ человѣчества. Это всего яснѣе доказываетъ, насколько эта эпоха, несмотря на все свое легкомысліе и распущенность, почерпнула величія, силы, геройства и добродѣтели въ обновляющемъ потокѣ, поднявшемъ въ своемъ теченіи сначала Францію, а затѣмъ и всю Европу и въ нравственномъ и умственномъ повышеніи общаго уровня, которымъ ознаменовалась эта эпоха. Neque adeo sterile virtutum fuit saeculum, quin et bona exempla prodiderit, сказалъ Тацитъ, выражая недовольство своимъ вѣкомъ и міромъ. Напротивъ того, XIII столѣтіе было до того богато юными силами, что въ то время, какъ оно умѣло встрѣчать смерть съ стоицизмомъ, равнымъ стоицизму древняго Рима, оно было относительно порождаемаго имъ будущаго полно надеждъ и энтузіазма. Впрочемъ, XIII вѣкъ весь вылился въ одинъ идеальный типъ, который издавна возбуждаетъ мое глубочайшее уваженіе: я говорю о Кондорсѣ. Въ немъ воплотились жизнь и духъ вѣка; когда наступилъ канунъ великаго кризиса, онъ встрѣтилъ его съ восторгомъ; когда ему предстоялъ образъ дѣйствій, котораго онъ не могъ одобритъ, онъ вызвалъ противъ себя приговоръ изгнанія; скитаясь изгнанникомъ, скрываясь отъ враговъ, когда смерть ежедневно грозила ему, онъ писалъ свой «Esquisse des progrès de l'esprit humain», какъ писалъ бы у себя, въ кабинетѣ; когда возмутительный законъ приравнялъ къ осужденному cadaго укрывателя, онъ отказался отъ великодушнаго гостепріимства женщины, оберегавшей его

жизнь; и наконецъ открытый, благодаря звѣрскому усердію одного каменьщика, члена революціоннаго комитета Кларара, онъ проглотилъ давно заготовленный имъ ядъ, написавъ въ своемъ завѣщаніи:

«Я не хочу чтобы внушали моей дочери чувство личнаго мщенія; пусть эта просьба будетъ передана ей отъ моего имени; я прошу сообщить ей, что мечь была всегда чужда мнѣ». Свѣтлая и сильная душа его, преданная человѣчеству доказала своимъ чуднымъ примѣромъ всю силу той новой нравственности, которую помимо всякой внѣшней опоры, человѣческая совѣсть находитъ въ самой себѣ.

Въ древности, насколько извѣстно, законодательство не занималось самоубійствомъ; философы порицали его; религія отводила ему мѣсто въ загробной жизни, среднее между елисейскими полями и тартаромъ, мѣсто занимаемое тѣми:

Qui sibi lethum
Inzontes peperere manu, lucemque perosi
Projcere animas...

Католичество усугубило это осужденіе; оно своимъ вліяніемъ вызвало вмѣшательство закона, предписывавшее подвергать поруганію тѣла лицъ окончившихъ жизнь самоубійствомъ, волочить лицомъ по землѣ трупъ и вѣшать за ноги; имена самоубійцъ предавать позору, а состояніе конфисковать, къ печали семьи о потерѣ дорогаго члена присоединять грабежъ и раззореніе. Медицина по этому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, научила людей глядѣть на вещи съ болѣе правильной и гуманной точки зрѣнія. Также какъ ей удалось спасти бѣсноватыхъ отъ пытокъ изгнанія бѣсовъ, волдуновъ отъ костра и сумасшедшихъ отъ истязаній и заключенія, оно вырвала и самоубійцу у карательной системы, которая соотвѣтствовала средневѣковой цивилизаціи, но не идеямъ болѣе просвѣщенной эпохи; медицина указала на путаницу понятій происходившую отъ несовершенства знанія въ области патологии мозга, и объяснила, что значительная часть самоубійствъ должна разсматриваться какъ слѣдствіе умопомѣшательства и слѣдовательно, оно не можетъ быть вмѣняемо личности, и есть поступокъ не подлежащій отвѣтственности. Чтоже касается до другой группы, о

которой говорено выше, тамъ гдѣ невозможно отрицать участіе сознанія, она взглянула на этотъ страшный шагъ съ естественнымъ чувствомъ печали сожалѣнія и осужденія; но вскорѣ увидѣла что имѣетъ дѣло съ весьма сложнымъ явленіемъ. Призывая къ суду жертву самоубійства она увидѣла, что во многихъ случаяхъ, если самоубійца самъ причина своей смерти, то онъ причина не исключительная и что для справедливаго приговора каждое самоубійство должно быть подвергнуто изслѣдованію, какъ и всякое смертоубійство.

Чѣмъ болѣе медицина развивается и обогащается, тѣмъ болѣе цѣнной и необходимой совѣтницей становится для рѣшенія массы административныхъ и общественныхъ вопросовъ.

По одному этому уже можно судить, независимо отъ другихъ доказательствъ, насколько велики и плодотворны успѣхи ея. Въ былыя времена, ея голоса вовсе не спрашивали по всѣмъ этимъ предметамъ, и дѣйствительно она не могла бы дать въ отвѣтъ ничего кромѣ неимѣвшихъ значенія гипотезъ, незаслуживающихъ вниманія правителей. Но, въ настоящее время, когда и въ этой отрасли знанія, равно какъ и въ остальной области умственныхъ пріобрѣтеній, традиція накопила труды замѣчательныхъ людей и сложилась въ доктрину, такъ же твердую по своимъ основамъ закрѣпленнымъ санкціей многолѣтняго опыта, какъ и способную расширяться и совершенствоваться, правительства почерпаютъ изъ нея свѣдѣнія и руководства, и они уступаютъ безъ сожалѣнія теченію, которое всюду вноситъ реальное знаніе вещей, оставляя гипотезы и эмпирическіе взгляды, которые по необходимости, преобладали при основаніи и первоначальномъ развитіи общественныхъ учреждений.

• Когда мы привыкнемъ смотрѣть на исторію какъ на развивающееся движеніе, не позволяя себѣ, прилагать требованія научныя къ понятіямъ зачаточнаго періода общественности, мы, не теряя сочувствія ко всему развивающемуся, будемъ въ состояніи отдать должную справедливость и къ началамъ, которыми жило прошлое. Но это необходимое безпристрастіе, безъ котораго исторія представлялась бы намъ какъ хаосъ, а не непрерывная цѣпь, не должно, однакоже, стѣснять въ данныхъ границахъ дѣйствіе здравой критики, которую требуетъ нравственность, вѣчно присущая и въ то же время развивающаяся послѣдовательно и измѣняющаяся.

Въ особенности, когда мы коснемся границы, на которой то что было въ свое время законнымъ становится жестокимъ, несправедливымъ, дикимъ, чудовищнымъ, выступаетъ множество фактовъ, противъ которыхъ духъ времени возмущается вполне законно, противъ традиціонныхъ постановленій, которыя оскорбляютъ еще немногіе избранные умы. Однимъ изъ такихъ фактовъ, непростительныхъ въ наше время, оказывается старое французское законоположеніе о самоубійцахъ. Не только конфисковали имущество самоубійцъ (по крайней мѣрѣ то былъ законъ, *dura lex, sed lex*), но отобранныя имѣнія раздавались лицамъ, которыхъ желали отличить и, очень чисто, даже весьма высоко-поставленнымъ особамъ. «Нѣкій Вельхъ¹⁾ говоритъ Вольтеръ, съ свойственнымъ ему отвращеніемъ ко всему что подло и дико: какой нибудь Вельхъ вздумаетъ отрѣшнить свою душу отъ узъ брэннаго тѣла; и вотъ въ утѣшеніе сына его, все имущество его отдають королю, который съ своей стороны, почти всегда даруетъ половину изъ него первой попавшейся оперной дѣвкѣ, домекнувшейся подать о томъ прошеніе черезъ одного изъ своихъ любовниковъ; вторая половина по праву достается откупщикамъ».

Въ этомъ отрывкѣ, который д-ръ Дезъ-Этангъ не преминулъ цитировать, «первая оперная дѣвка» является подъ перомъ Вольтера съ исключительной цѣлью заклеить грубою безцеремонностью рѣчи всю гнусность административной мѣры. Въ дѣйствительности, самоубійство было доходной статьей далеко не для однихъ оперныхъ корифеекъ. Данжо въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ: «Сегодня король преподнесъ ея высочеству дофинѣ челоуѣка убившаго самого себя; она надѣется выручить съ него много денегъ» — Слѣдовательно, здѣсь и очень знатная дама, и, какъ то слѣдуетъ по титулу, порядочная женщина, вычисляетъ или предоставляетъ вычислять за себя, сколько она получитъ прибыли отъ наслѣдства, отнятаго у разореннаго семейства, не боясь запачкать себѣ руки о кровавую добычу несчастнаго и о наслѣдство вдовы и сиротъ. Кто же изъ насъ, въ какомъ бы скромномъ достаткѣ онъ ни жилъ, не отвергъ бы съ отвращеніемъ подобный подарокъ и не почелъ

¹⁾ Velche отъ имени народа предковъ Галловъ, употребляется говоря въ сатирическомъ смыслѣ о французахъ.

бы за оскорбленіе, предложеніе положить такіе деньги въ свой кошелекъ? А между тѣмъ, въ тѣ времена, король дарилъ, а наследница престола принимала эту позорную ленту! Конечно, я не намѣренъ писать здѣсь апологію моего времени; но пусть тоже перестанутъ ставить намъ въ примѣръ семнадцатое столѣтіе и колоть имъ намъ глаза. Какъ бы ни были справедливы упреки, которые разумъ нашего времени дѣлаетъ девятнадцатому вѣку; какъ бы ни были справедливо, которое онъ сдѣлаетъ ему въ будущемъ, неоспоримо что уровень нравственности поднялся и, хотя люди остаются въ сущности такими же, какими и всегда были, но совокупность общественныхъ условій ведетъ къ подавленію въ отдѣльной личности вредныхъ побужденій и способствуетъ развитію хорошихъ.

Невѣжественный народъ, выросшій подъ жестокой дисциплиной среднихъ вѣковъ, разумѣется, не могъ получать человѣческое воспитаніе. пытки, истязанія, смертныя казни, звѣрство этихъ послѣднихъ, какъ единичныхъ, такъ и коллективныхъ: напр. эти вѣшанья на деревьяхъ торговцевъ контрабандой солью или поголовныя избиенія несчастныхъ британцевъ, о которыхъ говоритъ г-жа де Севинье, были воспитательными мѣрами народа и бѣдственнымъ предзнаменованіемъ того времени, когда власть перейдетъ въ другія руки и придастъ свою силу грозному смѣшенію самыхъ благородныхъ стремленій и самыхъ бѣшеныхъ страстей. Байронъ въ своемъ Донъ-Жуанѣ изобразилъ разбитый корабль, предоставленный на произволъ морскихъ волнъ, безпощадный какъ и произволъ людей во времена междоусобныхъ войнъ.

At mercy of the waves, whose mercies are
Like human beings during civil war.

Да, междоусобные раздоры были безпощадными и сложили цѣлыя гекатомбы человѣческихъ жертвъ. Не помню у кого изъ английскихъ писателей случилось мнѣ прочесть, что въ числѣ главныхъ злодѣяній совершенныхъ английской націей, которая впрочемъ по словамъ автора насчитываетъ за собой немного подобныхъ поступковъ, должно считать самымъ важнымъ убійство Иоанны-д' Аркъ, женщины, военной плѣнницы. Дѣйствительно эта смерть пятно на чести Англіи; не входя въ разборъ, насколько справедливъ этотъ

отзывъ и дѣйствительно ли въ исторіи англичанъ рѣже встрѣчаются злодѣянія, мы должны признать что въ числѣ ужаснѣйшихъ преступленій французской націи занимаютъ первыя мѣста Варооломеевская ночь и терроръ, включая сопровождавшія и послѣдовавшія за нимъ реакціи. Въ подобныхъ событіяхъ, гдѣ такую важную роль играетъ общественная совѣсть, недостаточно сосредоточивать все негодованіе на нѣсколькихъ лицахъ завѣдомо бывшихъ двигателями или орудіями совершеннаго; справедливость требуетъ сложить всю отвѣтственность на коллективное существо — націю, чтобы имѣть возможность писать, безъ лести, ея истинную біографію, указать на ошибки ея рядомъ заслугами ея, предостеречь ее отъ увлеченій, которые уже не разъ влагали въ ея руку винжалъ или топоръ, ей необходимо выслушивать уроки исторіи.

Къ числу народныхъ преступленій я причисляю, чего обыкновенно не дѣлаютъ, несправедливыя войны; я вовсе не забываю притомъ, что война часто бываетъ затруднительнымъ вопросомъ для національной совѣсти, какъ напримѣръ въ войнѣ вызванной революціей. Здѣсь нельзя не признать съ одной стороны права новой Франціи и нельзя отрицать также что и другой стороны т. е. у роялистской старой Франціи и у Европы были права, за которыя она стояла. За то, когда безъ всякаго сомнѣнія война представляетъ вопіющую несправедливость, чего примѣромъ возьмемъ испанскую войну 1808 г., то приходится признать ее такимъ же позоромъ для націи давшей на нее свое согласіе, какимъ считается Вареоломеевская ночь и терроръ; и что значитъ кровь пролитая въ обѣ эти эпохи въ сравненіи съ шестью годами сраженій, стычекъ, отчаянныхъ нападений, отчаянныхъ и ожесточенныхъ оборонъ, взятыми приступомъ городами, изнасилованными женщинами, зарѣзанными ранеными, подожженными госпиталями. Съ другой стороны какъ ничтожны побудительныя причины всѣхъ этихъ завоевательныхъ хищничествъ, особливо на ряду съ великими общественными движеніями, которыя подъ именемъ католицизма, протестанства или революціи овладѣвали людьми, во имя нравственныхъ интересовъ и общихъ принциповъ. Въ великихъ національныхъ злодѣяніяхъ замѣчательнѣе всего — и это выставляетъ въ истинномъ свѣтѣ это преходящее увлеченіе и преступность — что

они никогда не изменяли никаких убеждений. Измѣнительное и громадное избиеніе варфоломеевской ночи не поколебало вѣры ни въ одномъ католикѣ. Кровь пролитая терроромъ не возвратила на лоно церкви и монархическихъ началъ ни одного революціонера. Ни одна партія не соглашалась признать себя виновной въ этихъ вопіющихъ оскорбленіяхъ челоѣчности и въ сущности это было справедливо; но такъ какъ отвѣтственность всегда должна лежать на дѣйствительно виноватой, то въ этомъ случаѣ она падаетъ на націю. Также нація, которую вожди ея могли направить измѣнительно противъ гугенотовъ на всемъ пространствѣ Франціи, отказалась однакоже отъ признанія Генриха IV королемъ, до тѣхъ поръ пока онъ не принялъ католичества; религіозная совѣсть оказалась тверда и непоколебима въ то время и, когда общественная совѣсть оставалась глуха и нѣма передъ убійствами.

Также нація, которая давала, не колеблясь, свою санкцію режиму террора, заставила реставрированныхъ Бурбоновъ признать и узаконить революцію; политическое сознание болѣе чуткое нежели нравственное не допустило разрушить великія дѣла революціи. Это доказываетъ, что нравственное сознание далеко не имѣетъ той всеобщности и силы, которая составляла принадлежность религіозной совѣсти временъ Карла IX и Генриха IV и политической совѣсти временъ революціи и Бурбоновъ. Обществомъ будетъ сдѣланъ большой шагъ впередъ, когда эта всеобщность и сила перейдутъ на сторону нравственнаго сознанія. Вслѣдствіе печальнаго но естественнаго побужденія, религіозныя и политическія партіи склонны видѣть другъ въ другѣ нарушителей всѣхъ божескихъ и челоѣческихъ законовъ; и когда онѣ въ изступленіи терзаютъ другъ друга, то онѣ дѣлаютъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, что они защищаютъ небо и добродѣтель. Чѣмъ былъ въ глазахъ католика протестантъ? Чѣмъ былъ якобинецъ въ глазахъ роялиста? что видѣлъ монтаньяръ въ жирондистѣ?

Лучше всего можно оцѣнить эту степень пристрастія, познакомившись съ грубо-наивными судебными протоколами, составленными нѣкоторыми муниципальными трибунами, о преслѣдованіи и смерти жирондистовъ, на которыхъ были тогда устроены настоящія облавы. Съ исторической точки зрѣнія общественныя потрясенія, въ которыхъ сказывается прогрессивное движеніе, имѣютъ

сторону выкупающую ихъ, которую не имѣютъ войны; французская революція представляетъ тому самый яркій примѣръ, въ то время когда ее мрачилъ терроръ, надъ ней сіяли самыя чистыя лучи свѣта, ее увлекали самыя высокія стремленія. Но тѣмъ не менѣе истина требуетъ сказать, что біографія націй не состоитъ исключительно изъ перечня того, что онѣ сдѣлали прекраснаго и высокаго.

Г. Дезъ-Этанъ не посѣтуетъ на меня конечно за мои историческія коментаріи; я не теряю изъ виду его труда, и слѣдую за нимъ по нити, по которой и самъ онъ идетъ, изслѣдуя избранный имъ предметъ. Вслѣдъ за самоубійствами, вызванными желаніемъ избавиться отъ руки палача, идутъ другія, болѣе произвольно, но одинаково вытекающія изъ политическихъ событій. Одинъ убиваетъ себя, не желая пережить ниспровергнутую форму правленія, которой онъ былъ преданъ; другой, обманутый въ своихъ надеждахъ на торжество своей партіи, ищетъ въ смерти спасенія отъ отчаянія и мукъ ожиданія. Многие, менѣе глубоко проникнутые политическими идеями, менѣе сильно волнуются пораженіемъ или торжествомъ ихъ, за то болѣе волнуются общественными потрясеніями; они или черезъ мѣру тревожатся, или печалются и ищутъ исхода въ самоубійствѣ. Посреди такого бурнаго столкновенія и такихъ страшныхъ волненій не могутъ не появиться умы пылкіе, робкіе, отчаявающіеся, въ которыхъ подобныя потрясенія отрываютъ всѣ связи съ жизнью.

Предпринимая свой трудъ, г. Дезъ-Этанъ не мало рылся въ хранилищахъ, гдѣ берегаются отчеты полицейскихъ комиссаровъ о самоубійцахъ и документы, когда таковыя находились, писанные рукою самихъ жертвъ, въ которыхъ онѣ излили свои послѣдніе помыслы. Эти печальные документы необходимы. Равно, какъ невозможно написать исторію болѣзни, не собравъ у кровати больныхъ точныхъ показаній касательно каждаго отдѣльнаго случая, съ помощью которыхъ и составляется общая картина, точно также нельзя составить исторію самоубійства, не собравъ и не сравнивъ всего того, что самоубійцы говорили о самихъ себѣ. Слова ихъ служатъ указаніемъ для изысканій; ихъ нельзя игнорировать, какъ было бы неправильно оставить безъ вниманія какую либо группу важныхъ симптомовъ. Въ изученіи самоубійства первымъ вопросомъ являет-

ся: гдѣ слѣдуетъ искать мотива, руководившаго волею и заставившаго пренебрегать чувствомъ самосохраненія? Слѣдовательно прежде всего необходимо разсмотрѣть выраженія этой воли. Ея дѣло просвѣтить насъ, какъ посредствомъ того, что она заявляетъ о самой себѣ, такъ и посредствомъ формы, въ которой она дѣлаетъ свое заявленіе. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, въ какой моментъ рѣшеніе умереть перевѣсило; когда именно кончилась послѣдняя борьба съ жаждой жизни, борьба, описанная съ такимъ мрачнымъ хладнокровіемъ и глубокимъ чувствомъ Карелемъ, въ его знаменитомъ очеркѣ объ одномъ самоубійцѣ; когда одна за одной обрываются всѣ нити жизни; когда тысячи неумышленныхъ мелочей толкаютъ человѣка къ самопроизвольной смерти, и мы видимъ, что никакое чувство, какъ бы сильно оно ни было, не можетъ быть противувѣсомъ роковому стремленію. Ни сыновняя привязанность, ни любовь къ женѣ, дѣтямъ, ни христіанская религія не въ силахъ удержать руки самоубійцы, они молятся о прощеніи у покидаемыхъ ими, у оскорбленнаго божества, и тѣмъ не менѣе приводятъ въ исполненіе надъ собой задуманный и поставленный приговоръ. Изучать какимъ путемъ мысль о самоубійствѣ беретъ преобладаніе надъ другими мыслями—есть задача психологіи, которую нельзя рѣшить съ помощью документовъ, писанныхъ самими покойниками. Сборникъ такихъ документовъ необходимо долженъ находится въ приложеніи ко всякому сочиненію, разрабатывающему вопросъ о самоубійствѣ. Г. Дезъ-Этанъ такъ и поступилъ; всякій мыслящій читатель будетъ ему благодаренъ за это. Читая его книгу, я нѣсколько разъ возвращался къ одному документу, который неотразимо привлекалъ мое вниманіе, такъ что я не могу не привести его цѣликомъ. Дѣло идетъ объ одномъ рабочемъ, у котораго утопилась дочь и который, требуя вещи, оставшіяся послѣ смерти несчастной пишетъ:

«Милостивый Государь!

Вы извините меня, что я беспокою васъ моимъ письмомъ. Нужда заставляетъ меня сдѣлать это. Я долженъ прежде всего сказать вамъ, что я овдовѣлъ девять мѣсяцевъ тому назадъ и на рукахъ моихъ осталась четверо дѣтей, изъ которыхъ меньшій еще у кормилицы, такъ какъ рожденіе его и было причиной смерти матери его. Въ настоящую минуту у меня уже всего трое дѣтей; не ус-

пѣлъ я оправиться отъ перваго, постигнаго меня горя, какъ случилось второе. Старшая дочь моя, едва достигшая шестнадцати лѣтняго возраста, возымѣла преступную мысль лишить себя жизни, бросившись въ каналъ С. Мартень, вслѣдствіе угрозы хозяйки, у которой она находилась въ обученіи, пригрозившей выгнать ее. Она рѣшилась на такое дѣло изъ страха обременить меня, такъ какъ положеніе рабочихъ теперь не завидное, вы это знаете. У меня нѣтъ работы, я получаю только 8 франковъ въ недѣлю отъ правительства, которое настолько милостиво, что пожелало выдавать намъ эту сумму. Надо надѣяться, что это останется безъ послѣдствій. Итакъ, м. г., обращаюсь къ вамъ съ просьбой возвратить мнѣ вещи, найденныя на трупѣ моей дочери, которыя, какъ я слышалъ, находятся въ палатѣ Пале-де-Жюстисъ. При моемъ положеніи приходится хвататься за все, конечно за все, на что имѣешь какое нибудь право. Бездѣлицы, составлявшія собственность моей дочери, слѣдующія: пара серегъ, старый ключъ, отмыкающій мою комнату, и наперстокъ». Сколько слышится грусти подъ этими простыми словами, сколько тяжелой нужды въ этой сдержанности, какъ забота о настоящемъ подавляетъ душевныя страданія и какъ ничтожна просьба при такомъ великомъ горѣ. Сердце замираетъ при мысли о такомъ несчастіи, замираютъ и невольно руки на страницѣ!

Г. Дезъ-Этанъ разсматриваетъ самоубійство не только съ медицинской и нравственной точекъ зрѣнія, но и съ соціальной. И это необходимо. Медицина, очистивши вопросъ отъ всѣхъ примѣсей, освободила самоубійство отъ карательныхъ мѣръ. Нравственность отвлеченно порицаетъ самоубійство, не доходя до корня зла, который какъ и множество другихъ нарушеній порядка, таится въ самой общественной средѣ. Слѣдовательно, надлежитъ изучать эту среду въ связи съ тѣмъ зломъ, которое насъ занимаетъ. Нравственность, чтобы сдѣлать еще шагъ впередъ отъ той точки, на которую поднялась она, обязана положить въ основаніе своихъ принциповъ знаніе соціологическихъ наукъ, съ цѣлью присоединить къ той индивидуальной силѣ, которую имѣетъ она и коллективную силу общественныхъ улучшеній. Это выводъ изъ книги г. Дезъ-Этана, это и мой выводъ.

ЦЕЛЬСІЙ.

Самыя древнія, дошедшія до насъ книги о медицинѣ, носятъ имя Гиппократъ; онѣ относятся къ пятому вѣку до христіанской эры. Послѣ Гиппократъ наступилъ пробѣлъ почти четырехъ столѣтій, въ продолженіи которыхъ мы имѣли только рѣдкіе отрывки. Причиною тому не прекращеніе произведеній по части медицины; напротивъ она приобрѣла необыкновенное развитіе и александрійская школа въ числѣ прочихъ ознаменовалась важными открытіями. Но пропасть, отдѣляющая древнюю эпоху отъ новѣйшей, поглотила, въ числѣ такъ многихъ памятниковъ науки, и литературу медицины гиппократовскихъ временъ; одни имена дошли до насъ. Въ концѣ этого длиннаго пробѣла мы находимъ Цельсія и его книгу. Авторъ—человѣкъ умѣющій распознавать истину, практикъ, не позволяющій себѣ увлечься теоріями, умъ ясный и точный, не способный впасть въ нелѣпости слѣпого эмпиризма, писатель, обладающій тономъ настолько изящнымъ, что онъ не будетъ пятномъ на вѣкѣ Августа. Книга его есть ясный, изящный сводъ наблюденій и познаній, которыя составляли область медицины въ началѣ христіанской эры. Обладать яснымъ умомъ, основательными познаніями и, сверхъ того, быть почти единственнымъ представителемъ цѣлой эпохи—неоспоримыя права на вниманіе потомковъ.

Эти права передаются и переводчику; они заранѣе оправдываютъ его трудъ. Но есть и другія, вполне личныя, которыя онъ

долженъ самъ приобрести и которыя составляютъ его личную заслугу, заслугу трудную, потому что число хорошихъ переводовъ очень невелико. Во первыхъ необходимо полное пониманіе: но понять писателя такой далекой древности, во всѣхъ его частностяхъ и отгѣнкахъ, дѣло далеко не легкое. Во вторыхъ, нужно умѣть передать, т. е. то, что въ оригиналахъ ясно, послѣдовательно, согласно, изящно не должно быть въ переводѣ темно, невѣрно, вяло, и несвязно. Удовлетворилъ ли вполне этимъ требованіямъ г. Дезъ-Этанъ новый переводчикъ Цельсія? Я выскажу на этотъ счетъ свое мнѣніе послѣ нѣсколькихъ цитатъ.

«Человѣкъ,—говоритъ Цельсій,—обладающій здоровьемъ вмѣстѣ съ свободой движеній, не долженъ принуждать себя ни къ какой діетѣ и можетъ обходиться безъ медика, равно какъ и безъ ятрапелта**). Онъ будетъ разнообразить свой образъ жизни, то въ деревнѣ, то въ городѣ и всего чаще въ деревнѣ; онъ долженъ путешествовать по водѣ, охотиться, иногда предаваться отдыху, но постоянно упражнять свои силы; праздность расслабляетъ тѣло, которое укрѣпляетъ работа; одна вызываетъ раннюю дряхлость, другая длить молодость. Онъ можетъ тоже купаться въ теплой или холодной водѣ, употреблять втиранія или пренебрегать ими, не отвергать ни одинъ изъ родовъ пищи, употребляемыхъ народомъ, принимать участіе въ пиршествахъ или воздерживаться отъ нихъ, ѣсть съ излишествомъ или съ умѣренностью, дѣлать двѣ трапезы въ день и даже изобильныя, если только пищевареніе совершается правильно. Этотъ образъ жизни и упражненія силъ столько же необходимо для здоровья, какъ образъ жизни атлетовъ былъ неразуменъ; потому что, когда требованія гражданскихъ дѣлъ нарушаютъ порядокъ ихъ упражненій, здоровье ихъ разстраивается и тѣ, которые держатъ себя на діетѣ атлетовъ, быстро дряхлѣютъ и легко впадаютъ въ болѣзнь... Но для людей нѣжнаго сложенія, въ числѣ которыхъ я считаю большую часть городскихъ жителей и почти всѣхъ литераторовъ, необходимо болѣе беречь себя. Они должны наперстывать заботами о здоровьи то, что слабость сложенія

*) Traité de la médecine. Traduction par Charles Des Etangs en 8 lures.

***) Ятрапелтами назывались люди, профессіей которыхъ было натирать масломъ и мазями больныхъ и атлетовъ.

родъ, занятій, или нездоровость мѣста жительства заставляетъ ихъ утрачивать... Тѣ, которые должны по обязанностямъ гражданскимъ или частнымъ заниматься цѣлый день, должны тѣмъ не менѣе удѣлять нѣсколько минутъ на поддержаніе своего здоровья. На первомъ мѣстѣ должно стоять упражненіе, дѣлаемое постоянно передъ ѣдой; оно будетъ сильнѣе, если занятія были умѣренны и пищевареніе легко, слабѣе, если уже ощущается усталость и пищевареніе не было вполне совершенно. Въ числѣ здоровыхъ упражненій слѣдуетъ считать: чтеніе вслухъ, фехтованіе, игру шарами, бѣгъ и прогулку. Последняя представляетъ болѣе выгоду на неровной мѣстности, нежели на гладкой, потому что вызываетъ больше разнообразія движеній; но необходимо, чтобы субъектъ не былъ слишкомъ слабъ. Они, равнымъ образомъ, полезнѣе на открытомъ воздухѣ нежели подъ портиками, на солнцѣ, нежели въ тѣни, если только голова можетъ перенести его. Лучше гулять въ тѣни стѣнъ и листовъ и идти въ прямомъ направленіи, нежели извилистымъ путемъ. Предѣлъ упражненія будетъ въ общемъ указанъ выступающимъ потомъ, или ощущеніемъ утомленія, которое, однако, не должно переходить въ усталость. Въ этомъ отношеніи мѣра будетъ болѣе или менѣе велика и не должно какъ атлеты, налагать на себя опредѣленные правила, или неумѣренныя усилія. Упражненіе должно быть сопровождаемо, или втираніями на солнцѣ или передъ огнемъ, или ванной, которую должно брать въ высокой, просторной и хорошо освѣщенной комнатѣ. Нѣтъ необходимости постоянно заставлять себя принимать эти предосторожности, но всегда можно прибѣгать къ той или другой, смотря по расположенію тѣла, и затѣмъ отдыхать въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Относительно пищи, излишество никогда не можетъ быть полезнымъ, а чрезмѣрное воздержаніе часто вредно».

Каждый, кто хотя немного размышлялъ объ условіяхъ сохраняющихъ здоровье, увидитъ сколько истины въ совѣтахъ данныхъ Цельлемъ и съумѣетъ воспользоваться ими. Однако читая этотъ отрывокъ, мы видимъ, что онъ принадлежитъ отдаленному времени и говоритъ о привычкахъ, которыя намъ чужды. Во первыхъ насъ поражаетъ совѣтъ не жить по опредѣленной діетѣ, какъ жили древніе атлеты: тѣ были, дѣйствительно принуждены соблюдать очень строгія правила и составляли особый классъ людей,

подобнаго которому мы не найдемъ въ современномъ человѣчествѣ. Атлеты не только предавались упражненіямъ извѣстнаго рода и пріобрѣтали въ нихъ необыкновенную ловкость, какъ то замѣчается и въ наше время у учителей фехтованья, наѣздниковъ, и т. п., но сверхъ того и весь образъ жизни ихъ былъ рассчитанъ на то чтобы развивать въ нихъ наибольшее количество силы. Всего лучше сравнить ихъ съ лошадьми назначаемыми для скачекъ, которыхъ гоняютъ извѣстный срокъ для того чтобы онѣ были въ состояніи выигрывать призы. Атлеты были подвержены постоянной дресировкѣ подобнаго рода и эмпиризмъ научилъ учителей гимнастовъ что посредствомъ рассчитанной комбинаціи пищи и упражненій, человѣкъ могъ достичь изумительной степени силы и выносливости. Равнымъ образомъ эмпиризмъ указалъ и для лошадей искусство выработать въ нихъ быстроту въ требуемый срокъ.

Здѣсь представляется любопытный и вполне неожиданный контрастъ. Въ эпоху, когда солдаты защищали тѣло броней и латами, когда металлические снаряды имѣли мало силы, и сраженія рѣшались въ схваткахъ и битвахъ на мечахъ или пикахъ, казалось бы что атлеты, какъ борцы одаренные невѣроятной силой, необыкновенной прыткостью, должны были играть въ войнѣ важную роль и образовать непобѣдимые баталіоны. Теорія могла бы все это предвидѣть, но практика дала рѣшительное опроверженіе. Атлеты были неспособны къ военной службѣ, они могли сохранять свое превосходство только съ непремѣннымъ условіемъ неизмѣннаго пользованія тѣмъ же родомъ пищи и сохраненія правильности своихъ упражненій; едва они отступали на шагъ отъ своего образа жизни, вся сила ихъ исчезала. Они не могли выносить голодь, жажду, усиленные походы, ночи безъ сна, непогоды, всѣ трудности и лишенія воинской жизни. Эти мощныя тѣла, сила которыхъ была такъ поразительна когда они боролись въ олимпійскомъ циркѣ или на кориноскомъ перешейкѣ при всѣхъ условіяхъ успѣха, быстро слабѣли подъ вліяніемъ разныхъ случайностей. То были, какъ ни покажется страннымъ это выраженіе въ отношеніи атлетовъ, очень нѣжныя натуры, равновѣсіе которыхъ могла нарушить бездѣлица, произведенія искусства, которыхъ одно искусство могло поддержать; такъ полкъ посаженный на лошадей

дресированныхъ для скачекъ, сдѣлаеть, безъ сомнѣнія, очень короткій походъ. Греки, кромѣ того, замѣтили что діета атлетовъ была очень неблагоприятна продолжительности жизни, прочности здоровья и развитію умственныхъ способностей. Очень жаль, что до насъ не дошли выводы познаній древности по этому предмету, равно какъ и по многимъ другимъ. Въ то время производились въ широкихъ размѣрахъ опыты, о которыхъ мы не можемъ имѣть понятія. Какое нибудь сочиненіе объ образѣ жизни атлетовъ, о физическихъ и нравственныхъ послѣдствіяхъ его, было бы очень интереснымъ матеріаломъ для антропологии. Человѣчества древняго міра представляло всѣ элементы для антропологии; практика врачей его существовала въ продолженіи многихъ вѣковъ, но намъ отъ всего опыта ихъ осталось только немного указаній, которыя случайно уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ. Наравнѣ съ исторіей атлетовъ намъ слѣдуетъ сожалѣть и объ исторіи гладиаторовъ людей, обреченныхъ на смерть для потѣхи и въ средѣ которыхъ было развито странное понятіе о чести, заключавшейся въ томъ, чтобы побѣжденный, не смигнувъ, подставлялъ горло подъ ножъ, который долженъ былъ нанести ему смертельный ударъ. Какой гладиаторъ, даже самый посредственный не счумѣетъ умереть съ пріятностію, говоритъ Цицеронъ. И однако, такова особенность нравственныхъ привычекъ, что тѣ же самые люди, которые въ циркѣ въ кровавыхъ битвахъ наносили и принимали смерть съ такимъ хладнокровіемъ, не могли оказывать тѣ же услуги въ открытомъ полѣ, когда дѣло шло о сраженіи съ лекіонами. Гладиаторы, говоритъ Тацитъ, не обладаютъ такою стойкостью (constantia) какъ солдаты. Театръ битвы измѣнился; поле сраженія открытое случаемъ не походило на арену приготовляемую для кровавыхъ лѣтъ; не было публики съ ея кликами и рукоплесканіями. Но когда нужно было дать зарѣзать себя, чтобы задать праздникъ римлянамъ, тогда гладиаторъ выступалъ такимъ, какимъ описалъ его Байронъ; распростертый у ногъ зрителя, опираясь одной рукой на землю, онъ мужественно встрѣчалъ добровольную смерть торжествуя надъ агоніей, когда его ослабѣвшая голова медленно склонялась къ землѣ.

I see before me the gladiator lie.

He leans upon his hand; his manly brow

Consents to death, but conquers agony.

And his droop'd head sinks gradually low.

Все что показываетъ намъ, сколько власти имѣеть надъ человѣкомъ воспитаніе и среда, въ которой онъ живетъ, поучительно въ высшей степени. Не можетъ быть сомнѣнія, что выработывая атлетовъ и гладиаторовъ, производили людей искалеченныхъ какъ нравственно такъ и физически. Но если опыты подобнаго рода уже были дѣланы, то слѣдуетъ сожалѣть, что исторія ихъ утрачена, потому что они, показывая намъ на сколько человѣкъ способенъ примѣняться, учатъ насъ употреблять способность эту для лучшихъ цѣлей; а для насъ, которые все болѣе и болѣе сознаемъ необходимость не предоставлять ходъ вещей произвольному теченію его и исправлять недостатки природы, всегда большая потеря, когда уничтожается возможность полезныхъ наблюдений.

Греки были на столько развиты, что немогли не воспользоваться замѣчательнымъ вліаніемъ которое производила гимнастика на атлетовъ; они ввели какъ въ гигиену такъ и въ леченіе многихъ болѣзней разные приемы, имѣвшіе цѣлью сохранять тѣло здоровымъ и измѣнять къ лучшему болное. Люди древняго міра умѣли, среди всѣхъ своихъ обязанностей, какъ гражданина такъ и частнаго человѣка, удѣлять нѣсколько минутъ на поддержаніе здоровья, какъ говоритъ Цельсій. Можно привести въ дополненіе отрывки изъ латинскаго врача, письмо Плинія младшаго, въ которомъ онъ описываетъ какъ онъ проводитъ время въ деревнѣ. Упомянувъ о томъ, что онъ поутру остается въ постелѣ чтобы сочинить и диктовать, онъ продолжаетъ; и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго срока посвященнаго работѣ, я удаляюсь въ закрытый портикъ и тамъ еще я размышляю или диктую. Потомъ сажусь въ колесницу или на лошадь и во время прогулки, продолжаю дѣлать тоже, что дѣлалъ ходя, или лежа въ постели, умственная работа продолжается освѣженная и возобновленная перемѣной движенія. Я дѣлаю короткій роздыхъ и потомъ снова прогуливаюсь. Вскорѣ потомъ я читаю вслухъ и старательно греческую или латинскую рѣчь, болѣе для того чтобы укрѣпить свой желудокъ, нежели голосъ, однако и послѣдній отъ того выигрываетъ. Я снова прогуливаюсь, дѣлаю втиранія въ тѣло, гимнастическія упражненія и беру ванну». Въ этомъ описаніи я вижу ра-

зумный образъ жизни, указанный искусствомъ. Не случайно и непо личной прихоти соблюдались эти привычки и порядокъ. Врачи и учителя гимнасты опредѣлили, благодаря разумному эмпиризму, правила о полезности гимнастическихъ упражненій, ванны, втираний, равно и мѣру, въ которой слѣдовало употреблять ихъ. Общественныя учрежденія, расположеніе строеній, устройство самыхъ городовъ, все способствовало этимъ обычаямъ и привычкамъ жителей. И дѣйствительно, въ то время какъ люди древняго міра, свободные по своему происхожденію, могли устраивать свои города сообразно съ своимъ вкусомъ и привычками, мы люди послѣдняго вѣка, рабы, вчера освободившіеся, мы еще не успѣли приспособить мѣсто нашего жительства къ требованіямъ удобства и разума. Въ средніе вѣка только одинъ феодальный замокъ и монастырь, принадлежавшіе властелинамъ общества, были устроены сообразно потребностямъ обитавшихъ въ нихъ людей; города, жилища освобожденныхъ, не представляли ничего для общественнаго пользованія, *et adhuc remanent vestigia turis*. Внимательно изслѣдуя цивилизацію древняго міра, мы видимъ въ ней не одно условіе, которое слѣдуетъ снова занести въ современную цивилизацію.

Далѣе Цельсій дѣлая обзоръ преобладавшимъ въ его время медицинскимъ системамъ, говоритъ: «такъ какъ мы встрѣчаемъ при самомъ началѣ различіе мнѣній, изъ которыхъ одни признаютъ только авторитетъ фактовъ, тогда какъ въ глазахъ другихъ опытъ недостаточенъ, если не присоединить къ нему подробное знаніе тѣла и естественныхъ вещей, то мы изложимъ главные доводы, приводимые съ обѣихъ сторонъ, чтобы быть въ состояніи удобнѣе высказать наше личное мнѣніе. Сторонники рациональной медицины ставятъ принципомъ, что врачъ долженъ знать тайныя и ближайшія причины, затѣмъ очевидныя причины болѣзни; далѣе знать естественныя дѣйствія и, наконецъ, устройство внутреннихъ органовъ. Они называютъ тайными причинами, причины ведущія къ изысканію основныхъ законовъ тѣла и того что составляетъ его здоровье или болѣзнь; потому что они считаютъ невозможнымъ опредѣлить родъ леченія сообразный съ болѣзью, источникъ который имъ неизвѣстенъ. Равнымъ образомъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что родъ леченія измѣняется сообразно тому, что причина болѣзни,

какъ то указывали нѣкоторые философы, будетъ недостатокъ или излишество четырехъ элементовъ. Оно будетъ различнымъ, если мы происхожденіе болѣзни припишемъ вмѣстѣ съ Герофиломъ мокротамъ, или жизненному духу какъ Гиппократъ; различно если кровь какъ говоритъ Эразистратъ, изливаясь въ вены назначенныя для принятія духовъ, развиваетъ воспаленіе; наконецъ оно будетъ совершенно инымъ если, по мнѣнію Асклепіада, атомы круговращающіеся въ тѣлѣ остановятся въ невидимыхъ глазу порахъ тѣла и произведутъ завалы. Тотъ больной вѣрнѣе будетъ излеченъ на счетъ происхожденія болѣзни котораго не ошиблись врачи. Необходимость опыта равно признается догматиками, только они утверждаютъ что этого можно достигнуть путемъ умзрѣній... Въ тѣхъ случаяхъ болѣзни, которые они зовутъ очевидными, они хотятъ знать чему именно слѣдуетъ приписать болѣзнь: жару или холоду, излишеству или воздержанію, или какому другому подобному обстоятельству; они утверждаютъ, что если удалось дойти до источника болѣзни, то легко отворотить послѣдствія ея. Они обозначаютъ именемъ естественныхъ дѣйствій тѣла, явленія дыханія, глотанія, питанія. Они желали бы узнать еще по какой причинѣ пульсъ и артеріи поднимаются и опускаются непрерывно и какая причина порождаетъ сонъ и бдѣніе. По незнанію этихъ причинъ, они полагаютъ, что никто не имѣетъ силу отворотить или излечить болѣзни, которыя породили онѣ... Болѣе, такъ какъ страданія и разнаго рода болѣзни могутъ поразить наши внутренніе органы, они не видятъ никакого средства возстановить снова здоровое состояніе ихъ, пока строеніе ихъ неизвѣстно. Необходимо заняться вскрытіемъ труповъ, чтобы изслѣдовать внутренности и кишки. При внутренней боли, невозможно опредѣлить мѣста болѣзни, если неизвѣстно положеніе кишекъ и органовъ находящихся во внутренности тѣла. Какъ же можно лечить больной органъ, если мы не имѣемъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Тѣ, которые зовутъ себя эмпириками, потому что они отираются на опытъ, считаютъ необходимымъ знаніе очевидныхъ причинъ; но они утверждаютъ, что бесполезно поднимать вопросъ о тайныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ тѣла, потому что тайны природы непостижимы; доказательствомъ этой непостижимости служить разногласіе мнѣній, потому что ни философы, ни врачи не могли

никогда придти къ одному мнѣнію по этому вопросу. И дѣйствительно, какой мы имѣемъ поводъ отдать преимущество мнѣнію Гипократа передъ мнѣніемъ Гіерофила, Гіерофила передъ мнѣніемъ Асклепіада. Если мы будемъ смотрѣть со стороны умозрѣній, то всѣ они равно вѣроятны; если смотрѣть со стороны излеченія то всѣ врачи возвращали больнымъ здоровье. Вотъ почему невозможно отвергнуть ни возраженія, ни авторитетъ тѣхъ и другихъ. Если бы искусство разсуждать создавало врачей, то величайшими врачами были бы философы; но они обладаютъ въ излишество только наукой словъ, а не обладаютъ той, которая исцѣляетъ... Лучше не знать какимъ образомъ происходитъ пищевареніе и знать какой родъ пищи удобоваримѣе, какимъ бы способомъ ни отправлялась эта функція, претвореніемъ или простымъ разложеніемъ. вмѣсто того чтобы изучать причины дыханія, разумнѣе искать средства облегчить его стѣсненіе и медленность; вмѣсто того чтобы вопрошать, отъ чего приходитъ біеніе артерій, приличнѣе изучить значеніе признаковъ, обнаруживаемыхъ измѣненіями пульса. Это понятія пріобрѣтаются однимъ опытомъ. Причины того же рода заставляютъ насъ считать бесполезнымъ разсѣченіе труповъ. Это разсѣченіе, безъ сомнѣнія, нельзя назвать жестокимъ, но оно отвратительно, и всего чаще показываетъ намъ органы измѣненные смертью, тогда какъ практика леченія учитъ насъ тому, что возможно узнать въ живомъ тѣлѣ».

Идеи нашего времени настолько созрѣли, что было бы излишнимъ указывать что истинно и что ложно въ этихъ словахъ. Хотя мы сами едва освободились отъ системы созданной съ большимъ шумомъ человѣкомъ сильнаго ума, но тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать, что владычеству системъ положенъ конецъ въ медицинѣ. Это станетъ понятнымъ, лишь только мы обратимъ вниманіе на историческій ходъ вещей. Пока физиологія еще не сложилась совершенно въ науку, оставались пробѣлы, черезъ которые могли найти доступъ гипотезы. Она сложилась теперь, такъ сказать у насъ подъ глазами, и одно это уже заранѣе подрываетъ какую то ни было медицинскую систему. Вообще, въ наукѣ, возможность создавать системы, которая остроумно объясняя все, увлекаютъ умы, доказываетъ что основы этой науки еще не найдены и что воображенію есть просторъ для его роли. Мало по малу всѣ науки

освобождаются отъ этихъ пеленъ, физика послѣ астрономіи, химія послѣ физики и, наконецъ, физиологія послѣ химіи. Теперь одна социальная наука, по крайней мѣрѣ для того, кто не открывалъ книги Августа Конта, остается полемъ для мечтательныхъ дедукцій, которыя, по незнанію дѣйствительности, принимаютъ за точку отправленія какую нибудь идеи а priori. Позитивизмъ осушаетъ источники, которые были такъ изобильны вымыслами и иллюзіями.

Приходится иногда слышать мнѣнія, будто медицина не сдѣлала никакого прогресса съ древнихъ временъ и что въ наше время не болѣе вылечиваютъ людей, нежели во время Гипократа и Галлена. Простаго изложенія фактовъ достаточно, чтобы обратить въ ничто подобныя утвержденія. Въ наше время знаютъ несравненно лучше признаки болѣзней. Одно это уже составляетъ неоцѣнную выгоду и способствуетъ правильности терапевтики даже въ томъ случаѣ, еслибы у насъ не было въ распоряженіи новыхъ и дѣйствительныхъ средствъ. Гіерофилъ говорилъ, что лекарства руки врача; но эти руки значительно размножились въ настоящее время.

Древній міръ не зналъ ни хинина, ни прививную оспу, ни алкоголь, ни іодъ, ни ипекакуану, ни антимонія, ни стрихнина, ни электричества, ни большей части составовъ мышьяка или ртути, ни наконецъ другихъ средствъ, которыя было бы слишкомъ долго исчислять. Прибавьте къ этому всѣ открытія сдѣланныя по части хирургіи. И такъ терапевтическія средства несравненно значительнѣе и въ тоже время умѣютъ прилагать ихъ съ большей осмотрительностью и цѣлесообразностью.

Каждый разъ когда размышляешь о происхожденіи искусствъ, невольно останавливаешься пораженный громадными трудностями, которыя приходилось преодолевать. Возьмемъ медицину въ примѣръ: все было въ ней неизвѣстно, больной субъектъ столько же какъ и средства излеченія его. Когда лихорадочный жаръ иссушалъ кожу, дыханіе становилось затруднительно, ноги дрожали, чему нужно было приписать эти явленія? Какъ отличить что такое то растеніе рвотное, а такое то слабительное? Какъ опредѣлить приемы? Какъ узнать что кровопусканіе помогаетъ, что кубки и банки облегчаютъ боли, что прижиганіе уничтожаетъ скопленія соковъ. Нужда *diris urgens in rebus egestas* была вѣчнымъ стимуломъ, заставлявшимъ все испытывать. Можно встрѣтить у многихъ древ-

нихъ писателей, въ томъ число и у Плинія, невѣроятное собраніе, рецептовъ самыхъ невѣрныхъ, странныхъ, нелѣпныхъ, чудовищныхъ, отвратительныхъ.

Мы видимъ въ немъ, хотя оно, безъ сомнѣнія, далеко не полно, перечень попытокъ, которыя были сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ чтобы опредѣлить свойства различныхъ веществъ въ пользу, которую можно извлечь изъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія это безобразное собраніе нелѣпницъ представляетъ извѣстнаго рода интересъ, какъ указаніе на средства, какими человекъ мало по малу сознаетъ свою природу въ первобытномъ хаосѣ.

Въ то время это блужданье оцупью, когда не было открыто никакого другаго пути, было оправдано; но оно давно уже лишилось всѣхъ правъ на оправданіе, потому что подобныя способы леченія въ наше время—подонки, которые шарлатанства и медицинское суевѣріе приводятъ въ броженіе. Просвѣщеніе еще такъ неравно распространено въ нашемъ обществѣ. Когда врача постигаетъ серьезная или даже неизлечимая болѣзнь, онъ не пойдетъ за излеченіемъ въ лавочки лекарственныхъ снадобьевъ, открытыя повсюду; онъ слишкомъ хорошо знаетъ средства природы и средства искусства медицины, чтобы ожидать помощи отъ нелѣпныхъ средствъ. Фоганъ престарѣлый и больной, говорилъ: я слишкомъ хорошій врачъ, чтобы возмущаться противъ природы; и Труссо, умиравшій отъ неизлечимой болѣзни не шелъ совѣтоваться ни къ ясновидящей, ни къ вертящимся столамъ, ни къ доктору лечашему уриной, ни къ знахарю, ни къ цѣлителю зуаву. Не то бываетъ съ другими; безграничное легковѣріе руководитъ ими. Оно до извѣстной степени еще можетъ быть объяснено у слабыхъ и невѣжественныхъ женщинъ; но даже мужчины, во многихъ отношеніяхъ очень образованные, даютъ примѣры подобнаго легковѣрія настолько частые, что доказываютъ тѣмъ существованіе радикальнаго недостатка въ общемъ воспитаніи. Самыя грубыя средства въ этомъ родѣ имѣютъ большой успѣхъ и не нужно обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы составить себѣ состояніе ими; доказательствомъ тому служитъ намъ тотъ шарлатанъ, о которомъ говоритъ Гизо-Патенъ (я беру примѣръ изъ семнадцатаго столѣтія, хотя и въ нашемъ вѣкѣ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ); онъ продавалъ бутылку сидра, въ которомъ былъ распущенъ александрийскій листъ по

эку за бутылку и въ короткое время разбогатѣлъ, — сидръ былъ въ то время мало извѣстенъ въ Парижѣ.

Цельсій отличается своею сжатостью, изящной простотой, вполне отвѣчающей дидактическому предмету его сочиненій. Однако, когда мѣстами встрѣчается удобный случай дать болѣе живой оборотъ фразѣ, онъ умѣетъ пользоваться имъ и тѣмъ показываетъ, что если онъ не расточителенъ на украшенія, то онъ имѣетъ на то свои основанія. Я приведу отрывокъ его о сознаніи въ ошибкахъ, знаменитый отрывокъ и для латинистовъ и для медиковъ. Гиппократъ съ простотою свойственной великимъ людямъ, сознающимъ что они созданы для великихъ дѣлъ, занесъ въ свои сочиненія рассказъ о той ошибкѣ, въ которую ввели его швы черепа: умы посредственныя, которые не имѣютъ ничего своего, всегда опасаются умалить свое значеніе; но великимъ геніямъ, богатымъ истинами, приличествуетъ простодушно сознаваться въ своихъ ошибкахъ, тѣмъ болѣе когда это сознаніе, переданное потомству, имѣетъ цѣлью предохранить тѣхъ, которые станутъ заниматься тѣмъ же искусствомъ, отъ тѣхъ же ошибокъ». Въ текстѣ: *congenit etions simplex veri erroris confessio*; мнѣ кажется, что *veri erroris* выраженіе недостойное Цельсія и что слѣдуетъ читать: *simplex veri confessio*. Вѣроятно какой нибудь комментаторъ, желая объяснить слово *veri*, поставилъ на поляхъ *erroris*; затѣмъ переписчикъ вписалъ въ текстъ замѣтку на поляхъ. Подобныя вписыванія очень часты въ рукописяхъ.

Стоитъ привести слѣдующее описаніе хирурга по Цельсію: «Нужно чтобы хирургъ былъ молодъ или не далеко отъ молодости; онъ долженъ имѣть привычную твердую руку, никогда дрожащую; онъ долженъ владѣть такъ же свободно лѣвой рукой, какъ и правой. Зрѣніе его должно быть ясно и пронзательно, сердце недоступно страху; жалость его къ больному, должна проявляться въ желаніи излечить его и онъ не долженъ допустить крикамъ больнаго колебать себя до того, чтобы выказать болѣе поспѣшности, нежели сколько того требуетъ болѣзнь, отрѣзать менѣе нежели сколько необходимо; онъ долженъ вести свою операцію, какъ будто крики больнаго не доходили до его слуха». Рядомъ съ этимъ сжатымъ и сильнымъ описаніемъ поставимъ совѣты, которые знаменитый практикъ среднихъ вѣковъ, Гюй де Шолакъ, даетъ хирургу: «Будь

смѣль въ вѣрныхъ случаяхъ, боязливъ въ опасныхъ, избѣгай дурныхъ методовъ или пріемовъ леченія; будь обходителенъ съ больными, привѣтливъ съ товарищами, мудръ въ своихъ предсказаніяхъ; будь цѣломудренъ, воздерженъ, безкорыстенъ, не вымогай деньги, но принимай умѣренную плату сообразно съ трудомъ, состояніемъ больного, родомъ болѣзни и исхода ея, и съ собственнымъ достоинствомъ». Ни разу со временъ Гиппократова медицина не говорила такимъ благороднымъ языкомъ, выразившимъ такъ многое въ такихъ немногихъ словахъ.

Какой-бы обыденный потокъ жизни ни увлекалъ врача, ему необходимо, если онъ хорошо понимаетъ требованія гигиены ума, удѣлять отъ своихъ занятій время для чтенія, такъ для гигиены тѣла необходимо удѣлять время для попеченія о здоровьѣ. Это необходимо если мы не хотимъ остаться чуждыми прогрессу въ наукѣ и искусствѣ; это необходимо еще когда мы захотимъ, по выраженію Цельсія, *non contenti febreset ulcera agitare* размышлять объ исторіи медицины и понять развитіе ея. И дѣйствительно, ничто такъ не просвѣщаетъ и не укрѣпляетъ современную мысль, какъ зрѣлище неудачи и успѣховъ мысли прошедшихъ вѣковъ. Цельсій занимаетъ почетное мѣсто въ этой цѣпи традицій и, слѣдовательно, вполне достоинъ чтобы его переводили и искали въ немъ указаній.

МАЖЕНДИ.

I.

Медицина, физиологія, біологія.

Маженди, докторъ пользовавшійся извѣстностью, гораздо болѣе обязанъ прибрѣтенной имъ славой своимъ работамъ по физиологіи, чѣмъ трудамъ по медицинѣ. Свѣдѣнія, относящіяся до изученія живаго организма, слишкомъ мало распространены даже среди образованной и просвѣщенной части общества, а потому не лишнимъ считаю упомянуть въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу: докторъ, физиологъ и біологъ.

Медицина, теряясь во мракѣ временъ, восходила до періода мифологическаго. Греки, отъ которыхъ мы заимствовали ее, и восточные народы, передавшіе еѣ грекамъ, приписываютъ открытіе медицины богамъ и сынамъ боговъ, изобрѣтателямъ лекарствъ «изцѣляющихъ черные недуги» говоря, языкомъ Гомера. И здѣсь, какъ вездѣ, искусство опередило науку и привело къ ней человечество; лишь долгое время спустя наука, скрывавшаяся въ зародышѣ подъ эмпирическими процессами, въ свою очередь подчинила себѣ искусство и содѣлалась руководительницей его, такъ что наука, должествующая, казалось бы, по законамъ логики, занимать первое мѣсто, по законамъ историческимъ—занимаетъ второе. Это нарушеніе порядка есть общій законъ; однажды признанный онъ бросаетъ яр-

кій свѣтъ на историческое развитіе и на умственные потребности, заставлявшія человечество дѣйствовать такъ, а не иначе. Что же касается, собственно медицины, то страданіе требовавшее облегченія и смѣлость, съ какой люди пробовали всякія средства ведущія къ этой цѣли, подали первую мысль о лекарствахъ: изъ нихъ одни были полезны, другія вредны, третьи наконецъ не приносили ни пользы ни вреда. Мало по малу разумъ, работая надъ этой массой неразобранныхъ фактовъ, опредѣлили отдѣльные случаи съ большей точностью и сообщили первобытному эмпиризму значительную долю увѣренности. Въ такомъ, приблизительно, состояніи оставилъ Гиппократъ медицину за четыре вѣка до христіанской эры. Никто лучше его не понималъ что медицина — искусство; никто живѣе не сознавалъ что вся эта практическая традиція должна быть подвергнута строгому обсужденію; никто искуснѣе его не умѣлъ отсѣвать доброе сѣмя отъ дурнаго. Тѣмъ не менѣе ему никогда не пришло на мысль поискать внѣ медицины какой либо основы могущей еѣ поддержать, теоріи могущей ее оправдать. Научныя условія его времени не позволяли даже такому великому уму провидѣть все то, чему было суждено дальнѣйшее движеніе въ будущемъ этой науки.

И дѣйствительно, когда наступило время этого послѣдующаго развитія представился вопросъ, и каждый просвѣщенный человѣкъ не преминетъ задать его себѣ, имѣетъ ли медицинская практика какую-либо основу кромѣ самой себя? Есть ли медицина болѣе или менѣе осмысленный эмпиризмъ, или же внѣ ея существуютъ правила служащія ей руководствомъ? Неужели докторъ, стоя у постели больнаго, производя діагнозъ той или другой болѣзни, рекомендуя тотъ или другой способъ леченія, лишь перебираетъ въ памяти тождественные съ даннымъ случаи, соображаясь съ одной аналогіей; или же кромѣ этихъ тождественныхъ случаевъ и аналогій есть у него свѣточъ, ученіе исходящее изъ другой области знанія и руководящее его умомъ? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ при помощи примѣра.

Медицина древности полагала, что сердце не подвержено страданіямъ. Она считала сердце средоточіемъ теплоты и думала, что жизненный огонь сообщаетъ органу, служащему ему вмѣстилищемъ, полнѣйшую неизмѣняемость. Она имѣла на то и другія причины:

знакомая съ различными сосудами, составляющими принадлежность сердца и легкихъ, она предполагала что сердце только однимъ этимъ путемъ втягиваетъ въ себя воздухъ поддерживающій жизненный огонь; зная, что артеріи мертваго животнаго не наполнены кровью, она заключала что они не наполнены ею и у животнаго не мертваго, вслѣдствіе чего и приписывала правильное біеніе сердца особой, этому лишь органу свойственной силѣ. Этотъ рядъ гипотезъ, относительно предмета мало извѣстнаго, набрасывалъ покрывало на дѣйствительность, и препятствовалъ всякому знанію болѣзни сердца. Страданія его ничего не говорили медику. Напрасно сердце, съ поврежденными тканями, съ неправильной дѣятельностью обнаруживало совершенно инныя явленія, чѣмъ тѣ, какія наблюдаются въ немъ при здоровомъ состояніи организма; такъ какъ послѣднія были неизвѣстны медикамъ, то и первыя проходили незамѣченными. И тогда какъ теперь люди страдали болѣзнями сердца, но его воображаемая дѣятельность скрывала отъ глазъ дѣятельность дѣйствительную, и мнѣніе, будто сердце не подвержено никакимъ измѣненіямъ, продолжало существовать. Положеніе дѣла совершенно измѣнилось послѣ того, какъ Гарвей открылъ кровообращеніе. Онъ доказалъ, что сердце представляетъ изъ себя двойной насосъ — всасывающій и давящій, что правый насосъ втягиваетъ въ себя венозную кровь и посылаетъ ее въ легкія, гдѣ эта кровь, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, изъ темно-красной превращается въ ярко-красную и возвращается къ сердцу; тогда уже лѣвый насосъ посылаетъ кровь во всѣ части тѣла, біеніе же артерій есть ничто иное какъ передача каждаго удара этого непрерывно дѣйствующаго насоса. Какъ только эти положенія выяснились, страданія сердца перестали быть скрытными, они обнаружились при помощи различныхъ признаковъ, находящихся въ зависимости отъ его дѣятельности. Неправильное біеніе артерій, измѣненіе звуковъ издаваемыхъ сердцемъ при сжатіи его, увеличеніе въ объемѣ, стѣсненіе производимое имъ при дыханіи, замедленіе въ общемъ кровообращеніи и водяная болѣзнь, какъ послѣдствіе этого замедленія, — всѣ эти явленія послужили признаками поврежденія совершенно неизвѣстныхъ древнимъ. Знакомство съ правильной дѣятельностью органа помогаетъ намъ опредѣлять его неправильную дѣятельность т. е. болѣзнь.

И такъ за медициной слѣдуетъ наука руководящая его, эта наука—физиологія. Подъ этимъ же словомъ древне-греческіе философы, введшіе его въ употребленіе разумѣли изученіе природы; въ наше время опредѣленіе ея значительно сѣзусилось — физиологія обнимаетъ собою различныя дѣйствія происходящія въ живыхъ организмахъ. И дѣйствительно, въ организмахъ совершаются дѣйствія многочисленныя, разнообразныя, тѣсно между собою связанныя, когда эти дѣйствія правильны—организмъ здоровъ, когда они нарушены—онъ боленъ, когда они прерваны — онъ умираетъ. Жить значитъ обладать двумя великими способностями: питанія и чувствительности. Первая не обуславливаетъ второй, но вторая естественно предполагаетъ первую. Это подраздѣленіе соотвѣтствуетъ двумъ категоріямъ живыхъ существъ — растеніямъ и животнымъ: растенія только питаются, животныя, сверхъ того, чувствуютъ. Наблюдайте за растеніемъ въ ту минуту, когда оно выходитъ изъ своего зимняго сна, и вы увидите какая дѣятельная лабораторія скрывается подъ покрывающей его оболочкой. Вещества пригодныя для питанія почерпаются имъ изъ нѣдръ земли, въ видѣ жидкостей, и восходятъ въ непрерывномъ приливѣ до вершины, до самыхъ нѣжныхъ листочковъ. Въ свою очередь, и земные органы распространяющіеся подъ небомъ не остаются праздными, они поглощаютъ воздухъ, свѣтъ, теплоту; этимъ путемъ и вырабатывается сокъ растеній, а потому естественно все растетъ, все распускается, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Процессъ этотъ значительно усложняется въ животномъ организмѣ; чтобы питаніе было возможно сокъ (употребляю тоже выраженіе для обозначенія жидкости, питающей животное) долженъ постоянно соприкасаться съ воздухомъ; тутъ дѣйствуютъ нѣсколько аппаратовъ: одинъ растираетъ и перевариваетъ пищу, другой поглощаетъ ее, третій, наконецъ, несетъ ее на встрѣчу воздуху. Другая часть процесса совершается дыханіемъ, которое никогда не приостанавливается. На этомъ кончаются всѣ предварительныя работы, и сильный мускулъ мощнымъ толчкомъ посылаетъ во всѣ стороны кровь; съ ея же помощью все растетъ, все цвѣтетъ, все приноситъ плодъ. Если бы дѣло на этомъ и остановилось, мы имѣли бы передъ собой одно растеніе; животное же, вынуждаемое питаться, чтобы жить питается лишь съ назначеніемъ совершить рядъ болѣе высокихъ

актовъ; его мускулы сокращаются, кости движутся подобно рычагамъ; оно приводится въ соприкосновеніе съ предметами вѣшняго міра при помощи своихъ чувствъ, этого физическаго аппарата поддерживаемаго питаніемъ въ исправномъ состояніи, посредствомъ непрестаннаго возобновленія. Наконецъ, движеніе, прекращающееся лишь при наступленіи сна, передаетъ, при посредствѣ нервовъ, впечатлѣнія мозгу, и дѣйствія воли—мускуламъ, самъ же мозгъ постоянно руководитъ жизнью животнаго, согласно съ законами, свойственными каждой отдѣльной породѣ, пока наконецъ, въ представителяхъ высшей породы, служащей какъ бы вѣнцомъ всѣхъ остальныхъ, эта работа мозга не превратится въ умъ, выходящій изъ узкаго круга личныхъ интересовъ и способный возвыситься до общихъ понятій истины и справедливости. Конечно, рядомъ съ правильной дѣятельностью различныхъ органовъ стоятъ и условія, ея нарушающія. Подобно тому, какъ въ день битвы смерть и раны летаютъ повсюду, такъ точно и въ продолженіи краткаго дня, предназначеннаго для существованія всего живущаго, носятъ повсюду элементы разрушенія и страданія, благополучно минуя одного и безжалостно поражая другого. Вѣтеръ, минутою назадъ легкій и умѣренный, превращается въ рѣзкій сѣверный и распространяетъ повсюду внезапный и до костей пронизывающій холодъ. Тотчасъ же многія жертвы страданія и лихорадки приковываются къ одру болѣзни, и инымъ даже не суждено встать съ него.

Или же тонкія міазмы, возникшіе изъ разложенія и столкновенія живыхъ и мертвыхъ организмовъ, распространяются повсюду подобно пожару, поражая растенія, животныя и родъ человѣческой. Здоровье и болѣзнь — ничто иное, какъ непрерывный рядъ переворотовъ и явленій въ организмѣ совершающихся, и потому, какъ то такъ и другое входитъ въ область физиологіи, причемъ слѣдуетъ только различать въ ней два отдѣла: физиологію явленій нормальныхъ и физиологію болѣзненныхъ признаковъ.

Какъ ни обширна область науки, извѣстной подъ именемъ биологіи, въ ней всего одинъ отдѣлъ. Биологія занимается изученіемъ живыхъ существъ, въ ихъ совокупности и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Существа эти неисчислимы и разнообразны до безконечности. Всякій, желающій классифицировать ихъ по естественной системѣ, долженъ предварительно съ ними ознакомиться. Сколь-

ко попытокъ совершилъ человѣкъ, какое множество искусственныхъ системъ испробовалъ онъ прежде, нежели напалъ на систему естественную, прежде нежели хотя какой нибудь свѣтъ озарилъ кажущійся хаосъ. А хаосъ дѣйствительно былъ только кажущійся; какъ только научный анализъ коснулся его, тотчасъ главнѣйшія группы отдѣлились одна отъ другой, существующія между ними соотношенія обнаружались, и всякому стало ясно, что это безчисленное множество существъ, разбѣянныхъ на поверхности земли, въ водахъ и въ воздухѣ, что эти разнообразнѣйшіе организмы по очереди согрѣваемые лучами общаго солнца, что всѣ эти свойства выражающіяся во многихъ тысячахъ различныхъ дѣйствій, что всѣ эти явленія, говорю я, связанныя между собой тѣсными узами, причемъ величайшимъ заблужденіемъ было бы видѣть въ каждомъ изъ нихъ лишь отдѣльный образецъ безконечно новыхъ элементовъ. Два рѣшающія условія, два высшіе закона, двѣ идеи, которыя можно сравнить съ идеями Платона, если мы захотимъ ввести въ логическія умозрѣнія положительныя данныя опыта — комбинація, которая въ сущности есть истинная философія — двѣ идеи резюмируютъ эту длинную серію изслѣдованій: извѣстный основной типъ преобладаетъ во всемъ живущемъ и проявляется столько же строеніемъ, сколько и дѣйствіемъ; этотъ типъ все болѣе и болѣе усложняется какъ въ строеніи, такъ и въ дѣйствіи отъ растенія до человѣка. Было бы ошибкой предположить, что съ біологической точки зрѣнія, между растеніемъ и животнымъ проведена рѣзкая грань, вполне отдѣляющая ихъ другъ отъ друга.

Три ряда явленій общи всѣмъ: растительная ткань, питаніе и размноженіе.

Въ то время, какъ умъ обнимаетъ въ одну общую систему всю серію живущаго, онъ стремится обнять и весь ходъ развитія каждаго недѣлимаго, начиная отъ его зачаточнаго состоянія—клеточки, до его полнаго развитія и окончательнаго, роковаго разрушенія. Эта двойная исторія общаго и частнаго развитія представляется какъ бы элементарной книгой, изъ которой можно получить понятіе о томъ, что такое развитіе, и научиться постигать громадный и сложный феноменъ, извѣстный подъ именемъ: развитія обществъ. Умственные приобрѣтенія, какъ это всегда бываетъ бросаютъ свѣтъ на прошлое, а въ данномъ случаѣ, что представляетъ это прошлое?

Разрушенныя творенія, уничтоженныя формы, исчезнувшія племена, причемъ послѣднія равно подчиненныя общимъ законамъ типа, равно доступны изученію и классификаціи. Весьма возможно, что земля, въ теченіи вѣковъ, предшествовавшихъ нашему была совсѣмъ не та, что теперь; температура, расположеніе горныхъ хребтовъ, распредѣленіе морской и прѣсной воды—все могло измѣниться. Тѣмъ не менѣе, жизнь животныхъ и растений, какъ только она стала возможна на поверхности земли, проявилась подъ совершенно тѣми же условіями, какія дѣйствуютъ и нынѣ (я говорю о тканяхъ и самой дѣятельности организмовъ). Оно и понятно: жизнь животныхъ и растений не есть ничто изолированное отъ всего остального міра, и независимое отъ среды ее окружающей. Растеніе корнями, животное оконечностями своими касаются этой среды — земли, они почерпаютъ въ ней себѣ пищу, воспринимаютъ ея глубокое вліяніе, и въ свою очередь дѣйствуютъ на среду, которая видоизмѣняясь вполнѣдствіи способствуетъ и ихъ видоизмѣненію, дѣйствія и воздѣйствія, которыя идутъ непрерывнымъ сцѣпленіемъ и тѣмъ сильнѣе представляются, чѣмъ дѣятельнѣе жизнь. Чтобы опредѣлить общія понятія, остается сказать, что біологія не можетъ существовать безъ изученія неорганическаго міра: и точно, возможно ли изучать существо живое, если мы незнакомы съ средой, элементы которой образовали его и поддерживаютъ его существованіе? Съ другой стороны, біологія необходима при изученіи исторіи обществъ, потому что какимъ же образомъ станемъ мы изучать эту исторію, не имѣя понятія о живыхъ существахъ, ея составныхъ частяхъ и дѣятеляхъ. Все сказанное приводитъ къ слѣдующему выводу, что біологія, въ обще-философской системѣ знаній является какъ бы посредницей между явленіями міра органическаго, и явленіями міра соціальнаго.

Изъ этой обширной задачи, изъ этого труда, раздѣляемаго между цѣлымъ поколѣніемъ ученыхъ, на долю Маженди досталась физиологія, а въ физиологій, преимущественно, опытныхъ изслѣдованій—Настоящія опыты науки, собственно говоря, физика и химія; элементы, приводимые тутъ въ соприкосновеніе, будучи неорганическими, подвергаются лишь тѣмъ видоизмѣненіямъ, какія производитъ надъ ними опытъ; тѣмъ и ограничивается дѣло. Въ физиологій же элементы, приводимые въ соприкосновеніе органическіе,

а потому и видоизмѣненія въ нихъ происходящія распространяются въ организмъ, по всѣмъ направленіямъ, и получаемый выводъ не можетъ быть единственный, однородный, какъ въ физикѣ или химіи, но сложный и разнообразный. Тѣмъ не менѣе, не взирая на такія крайнія усложненія, опытное изслѣдованіе всегда оказывало и ежедневно оказываетъ физиологическія величайшія услуги. Въ прошломъ столѣтіи между физиологами возникъ длинный споръ клонившійся къ разрѣшенію вопроса: чувствительны-ли связки? Одни утверждали, и основательно, что нѣтъ; другіе защищали противоположное мнѣніе; реальный же фактъ оставался непонятнымъ, частью вслѣдствіе невозможности для тогдашнихъ физиологовъ не приписывать связкамъ того страданія, какое испытывало животное, во время производимыхъ надъ нимъ опытовъ, въ ту минуту, когда дѣлался подрѣзъ; частью же и потому, что воспаление, быстро развивавшееся въ связкѣ, вызывало въ этомъ органѣ крайнюю чувствительность. Приведенный случай одинъ изъ простѣйшихъ; когда же приходится подвергать изслѣдованію вопросы болѣе сложные, то одно послѣдствіе цѣпляется за другое, такъ что изслѣдователю ежеминутно грозитъ опасность упустить изъ виду главное, погнавшись за второстепеннымъ.

Вопрошаемый живой организмъ не есть машина, между колесами которой нѣтъ иного отношенія, кромѣ толчковъ, передаваемыхъ отъ одного колеса къ другому; здѣсь же, напротивъ, каждое колесо, способствуя общей жизни организма, имѣетъ и свою отдѣльную жизнь, причѣмъ эта жизнь видоизмѣняется вслѣдствіе видоизмѣненій, происшедшихъ въ наиболѣе отдаленномъ изъ всѣхъ колесъ. Парализованный мускулъ мало по малу измѣняетъ положеніе и движенія всей мускульной системы. Булавочный уколъ, воспалившій палецъ, вызываетъ лихорадку, возвышаетъ температуру тѣла, производитъ неприятное чувство усталости, нарушаетъ правильность испражнений. Производитъ надъ организмомъ опытъ, значить искусственно вызывать въ немъ болѣзнь; и наоборотъ, на всякую случайную болѣзнь должно смотрѣть, какъ на опытъ, требующій объясненій. Объясненіе медика заключается въ изслѣдованіи характера самой болѣзни, пораженнаго органа, въ опредѣленіи большей или меньшей вѣроятности того или другого исхода, наконецъ, самаго хода леченія; объясненіе физиолога въ изслѣдованіи нормальной дѣя-

тельности, въ различеніи и вѣрномъ опредѣленіи функций—поврежденіями, нормальной дѣятельности—не нормальной, здоровья—болѣзью. Вотъ почему всѣ сборники, въ которые медики заносятъ свои наблюденія, чтобы выяснитъ практику на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и расширитъ поле наблюденій, усердно и постоянно читаются физиологами, ищущими въ такихъ сборникахъ повѣрки своихъ теорій, а равно и опытовъ производимыхъ въ стѣнахъ ихъ лабораторій.

Байронъ, описывая одно изъ сраженій испанской войны, столкновение трехъ армій французской, англійской и испанской, блескъ стали, огонь пушекъ, развѣвающіеся по вѣтру знамена, все это оживленное движеніе борьбы, побѣды, пораженія, восклицаетъ: «То было чудное зрѣлище для всякаго у кого между воинами, не было ни друга, ни брата!» Тоже самое можно сказать и про битву называемую жизнью; чтобы созерцать ее въ качествѣ зрителя, и чтобы сдѣлать изъ нея предметъ наблюденій, открыть условія и причины ея, наконецъ найти въ этой жизни матеріаль для глубокихъ умозрѣній и ученыхъ теорій—слѣдуетъ умѣть на время отрѣшиться отъ плоти и крови, не видѣть того что есть въ мірѣ жизнь, чувство, удовольствіе, страданіе, страсть, радость, муки. Разумна и здорова та твердость съ какою, не поддаваясь внушеніямъ робкой чувствительности, умъ отдается наукѣ о всемъ что живетъ и умираетъ, о всемъ что чувствуетъ и трепещетъ. Съ перваго взгляда кажется будто человекъ поступаетъ жестко, безчеловѣчно выбирая подобный предметъ для своихъ изслѣдованій. Обманчиво это «повидимому», нашъ умъ безсиленъ найти даже въ своихъ самыхъ отвлеченныхъ стремленіяхъ то безстрастіе, которое ему такъ легко сохранять, когда рѣчь идетъ о движеніи небесныхъ свѣтилъ, объ электричествѣ вырывающемся изъ тучъ, или о свѣтѣ пронизывающемъ пространство. Я полагаю не существуетъ болѣе тяжкаго чувства, нежели чувство овладѣвающее сердцемъ человека, когда онъ, озаренный холоднымъ и неумолимымъ свѣтомъ имъ же открытыхъ законовъ, заранѣе предвидитъ разрушеніе грозящее существованію, сохраненіе котораго драгоцѣнно.

Ignoscenda quidem, seirent si ignoscere manes.

Не существуетъ и болѣе тяжелой пытки какъ быть свидѣтелемъ

роковаго разрушенія жизни, съ которою связана наша собственная; пытка эта еще усиливается, если дѣло касается существа намъ особенно дорогаго. Таковы тяжелыя условія знанія—этой силы издавна порвавшей покровы первобытнаго невѣжества; тяжесть ихъ, впрочемъ искупается и вознаграждается возможностью приносить пользу, познавать истину и сознательно покориться неизбежному.

Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ Маженди занимался опытными изслѣдованіями, научными сочиненіями, профессурою. Рано добившись извѣстности, получивъ доступъ въ академію наукъ, обладая притомъ умомъ независимымъ, не принимавшемъ на вѣру ни словъ учителя, ни даже возрѣній цѣлой школы, смѣлый въ своихъ попыткахъ, способный искусно обставить каждый опытъ, Маженди имѣлъ сильное вліяніе на всю систему преподаванія. Его твердая рука тотчасъ отыскивала сосудъ, нервное волокно, словомъ—органъ подлежащій изслѣдованію; трудности подобнаго рода были въ глазахъ его дѣломъ шуточнымъ, и если только вопросъ былъ вѣрно поставленъ и можно было надѣяться получить точный отвѣтъ, Маженди велъ дѣло такъ успѣшно, что очевидность результата бросалась въ глаза всѣмъ и каждому. Въ продолженіе своихъ многолѣтнихъ опытныхъ изслѣдованій, Маженди коснулся многихъ вопросовъ, какъ крайне важныхъ, такъ и менѣе существенныхъ, то касаясь затруднительныхъ вопросовъ высшей области науки, то наоборотъ, разсыпая щедрой рукой мелкую монету своего неустаннаго труда. Маженди не преслѣдовалъ никакой идеи, торжеству которой онъ посвятилъ бы всѣ свои силы, но онъ неизмѣнно въ своихъ опытахъ руководился однимъ направленіемъ. Хорошо ли оно было или дурно, правильно и законно, или узко и исключительно, (я попытаюсь опредѣлить его) это направленіе породило тѣ изслѣдованія, которыя отличили Маженди, и дали ему по крайней мѣрѣ нѣкоторыя законныя права на извѣстность.

Каждому извѣстно, что если подъ верхнюю кожицу покрывающую тѣло животнаго или человѣка проникнетъ какое-либо вещество, то оно не останется въ той части тѣла, куда его ввели, а распространится по всему организму. Пока перепонка нетронута, никакое всасываніе—такъ называется это явленіе,—не можетъ имѣть мѣста. Но стоитъ удалить эту слабую преграду, всякое вещество приведенное въ соприкосновеніе съ тканью, полезное оно

или вредное, все равно, тотчасъ же проникнетъ во внутрь организма. Предположимъ что на поверхности кожи лежитъ сильнѣйшій ядъ, на примѣръ змѣиный, пожалуй ядъ наиболѣе страшной изъ всѣхъ змѣй; пока онъ находится на поверхности—онъ безвреденъ, какъ только проникнетъ подъ кожу—его смертоносныя свойства не замедлятъ обнаружиться; самосохраненіе организма не идетъ далѣе и оказывается тщетнымъ и такой легкой преградой; какъ скоро она пройдена, организмъ смѣло воспринимаетъ все что бы въ него введено.

Всасыванію открыты два пути: венозная система и система лимфатическихъ сосудовъ; всѣ эти каналы идутъ отъ окружности къ центру, и слѣдовательно могутъ ввести во внутренность организма вещества взятыхъ извнѣ. Не слѣдуетъ также думать, будто вещество попавшее въ желудокъ тѣмъ самымъ проникло въ организмъ, оно въ дѣйствительности не болѣе проникло въ него какъ вещество находящейся на поверхности кожи. Нельзя равнымъ образомъ сказать, что всякое постороннее тѣло проникшее въ наши ткани напр., пуля или заноза перешли въ вещество составляющее живой организмъ; оно только мѣстами порвало ткани, но не проникло въ составъ ихъ. Чтобы проникнуть въ самыя ткани необходимо одно условіе: проникнуть въ кровь и уже при посредствѣ ея придти въ соприкосновеніе съ каждой артеріей, съ каждой молекулой. Вены же содержатъ кровь, а лимфатическіе сосуды сообщаются съ венами. Древняя наука, незнакома съ лимфатической системой, видя какъ питательное вещество проникаетъ въ кровь, полагала, что всасываніе происходитъ въ венахъ; убѣжденіе это было ошибочно именно по отношенію къ этому питательному веществу. Позднѣе, когда ученые открыли существованіе лимфатическихъ сосудовъ, когда узнали что часть ихъ должна была всасывать продукты пищеваренія, то возникло предположеніе, что всасываніе происходитъ исключительно посредствомъ лимфатическихъ сосудовъ. Это было новое заблужденіе, не слѣдовало смѣшивать общее всасываніе съ всасываніемъ частнымъ, ежедневно возстановливающимъ наши силы посредствомъ пищи. Этотъ важный и трудный вопросъ окончательно разрѣшенъ Маженди. При помощи цѣлаго ряда рѣшительныхъ опытовъ, ему удалось доказать, что какъ скоро вена проходящая черезъ какой-либо членъ ската, всякое всасываніе прекращается,

какъ скоро она свободна, всасываніе возобновляется; одной уцѣлѣвшей вены достаточно для исполненія этой обязанности, если же ее уничтожить, то ничто не можетъ замѣнить ее. Съ поры этого открытія доказано, что вены открытъ путь, которымъ все проникаетъ въ организмъ.

Физиологія какъ наука, разъясняющая свойства нашего бытія, возбуждаетъ въ насъ болѣе живой интересъ, нежели другія науки, имѣющія къ намъ болѣе далекія отношенія. Въ настоящую минуту я пишу; перо которое я держу въ рукѣ не только двигается по моей волѣ, но еще производитъ извѣстнаго рода впечатлѣніе порождающее наше понятіе что это перо существуетъ. Въ данномъ случаѣ, мы видимъ передачу импульса воли пальцамъ, ощущенія мозгу. Эта двойная работа находится въ зависимости отъ нерва, соприкасающагося съ рукой и мозгомъ, этотъ же нервъ развѣтвляясь въ мускулахъ и кожѣ, первымъ сообщаетъ движеніе, во второй вызываетъ чувствительность. Если же нервъ, какимъ бы то ни было способомъ, уничтоженъ, двойная дѣятельность его мгновенно прекращается, и я уже болѣе не въ силахъ что-либо чувствовать, чѣмъ либо двинуть. Но все ли этимъ сказано? Можетъ ли одинъ и тотъ же нервъ служить орудіемъ для передачи двухъ силъ центробѣжной и центростремительной, можетъ ли онъ служить проводникомъ особаго дѣйствія идущаго отъ мозга къ поверхности тѣла, и отъ поверхности тѣла къ мозгу? Предположеніе это не представляетъ вѣроятія и въ дѣйствительности ничего подобнаго произойти не можетъ; строеніе нервной системы этого не допускаетъ, ощущеніе передается тѣмъ путемъ, какимъ передается воля? Разъясненіемъ этой плодотворной истины мы обязаны Маженди. Только съ перваго взгляда можетъ показаться будто бы одинъ и тотъ же нервъ служить для передачи ощущенія и импульса воли, въ сущности же онъ прикрѣпленъ къ такъ называемой нервной оси при помощи двухъ корешковъ, которые соединяются вмѣстѣ. Ихъ считали тождественными, но они различны. Помощью этого раздвоенія разъясняется двойная дѣятельность заключающаяся въ нервѣ; задній корешокъ передаетъ впечатлѣнія чувствъ, а передній импульсъ воли. Если уничтоженъ передній корешокъ импульсъ воли не передается мускуламъ; если, наоборотъ, уничтоженъ задній — впечатлѣнія чувствъ не передадутся мозгу. Это открытіе озарило новымъ свѣ-

томъ какъ теорію такъ и практику: теорію—доказавъ что органическая матерія не есть грубая масса приводимая въ движеніе посторонней силой, какъ то предполагали, но тонкая ткань, имѣющая особыя свойства для каждаго отправления; практику—уяснивъ почему въ иныхъ болѣзняхъ больной членъ теряетъ способность движенія, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ ощущенія, или наоборотъ теряетъ способность ощущенія, не теряя способность движенія. Одинъ англійскій ученый пользовавшійся заслуженной извѣстностью — Чарльзъ Бель далъ объясненіе этого факта, съ помощью индуктивнаго метода и опытовъ, но ему не удалось сдѣлать его вполне доказательнымъ. Маженди окончательно разъяснилъ его, и ввелъ его въ кругъ научныхъ истинъ, такъ что, собственно говоря, съ этимъ великимъ открытіемъ, связаны имена двухъ ученыхъ.

II.

Опытъ и теорія.

Въ послѣдующихъ строкахъ я попытаюсь доказать всю несостоятельность метода основаннаго исключительно на опытѣ, а между тѣмъ и въ моихъ глазахъ опытъ — такое орудіе, безъ котораго не можетъ обойтись физиологія. Впрочемъ я и не нападаю на опытъ далеко нѣтъ, напротивъ, стремясь выяснитъ его роль, опредѣлить границы ему назначенныя, я желаю только выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ все значеніе его.

Въ древнія времена возникъ между докторами, тянувшійся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, споръ о томъ: какое мѣсто должно быть отведено теоріи, и какое опыту? Одни, такъ называемые догматики полагали, что одинъ опытъ недостаточенъ, необходимо также ознакомиться съ неизвѣстными и ближайшими причинами болѣзней, съ дѣятельностью организма, наконецъ съ строеніемъ внутреннихъ органовъ. Другіе же, напротивъ, такъ называемые эмпирики придавали значеніе однимъ фактамъ; еслибъ искусство разсуждать, говорили они, создавало докторовъ, то величайшими медиками міра были бы философы; философы же обладаютъ, въ высшей степени, искусствомъ играть словами, но отнюдь не лечить. Чѣмъ доискиваться до причинъ дыханія, говорили они, го-

раздо лучше изыскивать средства помочь тѣмъ, у кого дыханіе медленно и несвободно, чѣмъ задаватья вопросомъ: отъ чего зависить біеніе артерій, гораздо целесообразнѣе изучать измѣненія пульса, и по нимъ судить о значеніи различныхъ признаковъ.

Таковъ былъ споръ между догматиками и эмпириками, между обобщеніемъ и фактомъ. Замѣтимъ, здѣсь насколько измѣнилась самая почва спора. Древніе эмпирики отказывались подвергать изслѣдованію строеніе внутреннѣхъ органовъ, причину дыханія, назначеніе бьющихся артерій, а древніе догматики надѣялись достигнуть рациональныхъ результатовъ лишь съ помощью этихъ знаній. Современные же эмпирики, наоборотъ, занимаются всѣмъ тѣмъ, что составляло предметъ отдаленныхъ стремленій древнихъ догматиковъ, а современные догматики пытаются создать теорію, которая бы разомъ уяснила причину всѣхъ вещей, и причину ума. Понятія обѣихъ партій поднялись на цѣлую ступень. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что въ древнія времена споръ этотъ былъ неразрѣшимъ, уже только потому, что люди, называвшіе и почитавшіе себя догматиками, въ сущности жадно гонялись не за теоріями, а за фактами. Вопросъ былъ невѣрно поставленъ; въ наше время онъ поставленъ вѣрно; можно надѣяться на разрѣшеніе его, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что духъ обобщенія окончательно сталъ выше духа частныхъ изслѣдованій.

Нѣсколько примѣровъ могутъ лучше уяснить намъ дѣло. Жизнь животнаго поддерживается при помощи разнообразныхъ и сложныхъ процессовъ. Оно питается, грудь его поднимается и опускается, втягивая и выгоняя изъ себя воздухъ; кровь обращается въ артеріяхъ и венахъ, мускулы переносятъ его съ мѣста на мѣсто по произволу, схватываютъ или отталкиваютъ предметы, смотря потому нуждается ли оно въ нихъ, или они причиняютъ ему боль; чувства приводятъ его въ соприкосновеніе съ предметами внѣшняго міра; умъ, разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой природа надѣлила имъ животное, стремится удовлетворить требованіямъ собственнаго организма и внѣшняго міра. Ясно, что при изученіи столь тѣсно между собой связанныхъ явленій, совсѣмъ не все равно съ чего начать; на первомъ же шагу возникаетъ вопросъ о выборѣ метода, и пренебречь имъ могутъ одни поверхностные умы, потому что вопросъ о методѣ, какъ вопросъ общій, отличается глубокимъ

и обширнымъ интересомъ. Галленъ, одинъ изъ главныхъ представителей древней науки, написалъ сочиненіе озаглавленное: «О пользѣ частей», въ которомъ излагаетъ почему каждая часть наилучше приспособлена для того назначенія, которое она исполняетъ. Книга эта—обширный и прекрасный трудъ; авторъ изучившій всѣ науки своего времени, обладалъ умомъ философа энциклопедиста, тѣмъ не менѣе въ его трактатѣ нельзя найти и слѣда какого либо метода, все въ немъ построено на искусственной системѣ, ничѣмъ не связанной съ основными данными разрабатываемаго предмета, а потому и небросающей на него даже слабого свѣта. Автора не слѣдуетъ винить въ томъ; должно только признать, что состояніе науки, въ его время, не дозволяло уловить истинное соотношеніе между различными явленіями, происходящими въ животномъ организмѣ. Нельзя того же сказать въ оправданіе Маженди и направленіе его совсѣмъ иное: онъ такой же эмпирикъ какъ Галленъ догматикъ, а между тѣмъ онъ не обратилъ никакого вниманія на порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ изучать эти явленія, и въ своей физиологіи началъ съ дѣятельности нервной системы, съ объясненія чувствительности, а закончилъ — питаніемъ.

Подобное распредѣленіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Общее правило — переходить отъ менѣе сложнаго къ болѣе сложному, отъ того что поддерживаетъ зданіе къ тому что вѣнчаетъ его. Въ данномъ случаѣ менѣе сложное — все относящееся до питанія живаго существа, болѣе сложное — все относящееся до проявленія его чувствительности и его ума. Основу зданія составляетъ общая картина процессовъ питанія, или, выражаясь технически: растительная жизнь, предшествующая всегда дальнѣйшему развитію, въ свою очередь невысказанному безъ нее; вѣнецъ — дѣятельность нервной системы, чувства,—силы нравственныя и умственныя; на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, образуемой живыми существами, силы эти ничтожны, ничтожны онѣ и въ первыхъ проявленіяхъ индивидуальной жизни, но каковы бы онѣ ни были—имъ не проявиться иначе какъ подъ условіемъ правильно организованной системы питанія. И точно природа, въ своемъ развитіи, только повторяетъ великіе законы управляющіе ею. Это подчиненіе чувствительности нервовъ питанію, въ отдѣльномъ организмѣ лишь воспроизводитъ отношеніе существующее между царствомъ расте-

ній и царствомъ животныхъ. Царство растительное по отношенію къ царству животному, тоже что система питанія по отношенію къ нервной системѣ: какъ животныя не могутъ существовать безъ растений, также точно дѣятельность чувствъ и разума немислима безъ дѣятельности органовъ питанія. Логика, учащая насъ познанию отношеній существующихъ между нашимъ умомъ и предметомъ внѣшняго міра, требуетъ чтобы мы, въ данномъ случаѣ, правильно и постепенно шли отъ изученія того, что поддерживаетъ жизнь и составляетъ питаніе живаго существа къ изученію того, что составляетъ высшее развитіе и проявленіе его жизни — его умъ. Этотъ путь согласенъ съ методомъ, потому что методъ требуетъ, чтобы переходили отъ менѣ труднаго къ болѣе трудному, отъ менѣ сложнаго къ болѣе сложному; начинали изученіемъ, какимъ образомъ организмъ для поддержанія своего существованія безпрестанно теряетъ свои составныя части и немедленно вознаграждаетъ свои потери, что собственно и называется питаніемъ, и окончить изученіемъ того какъ организмъ сознаетъ себя, дѣйствуетъ, мысля, чувствуя и желая. Исходятъ отъ менѣ труднаго къ болѣе трудному, потому что всѣ процессы питанія выходятъ изъ явленій физическихъ и химическихъ и кончаются ими же, а явленія физическія и химическія, сравнительно говоря, хорошо извѣстны и служатъ твердой основой; тогда какъ функціи чувствительныхъ нервовъ, не выходя изъ этихъ явленій и не оканчиваясь ими, не могутъ быть ими объяснены. Поступая такимъ образомъ, мы пойдемъ и отъ менѣ сложнаго къ болѣе сложному, потому что чувствительность нервовъ, вліяя на процессы питанія, въ свою очередь находится подъ вліяніемъ ихъ. Кромѣ того нервы живутъ и своей жизнью. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно сравнить познанія, какія мы имѣемъ относительно органовъ питанія, съ тѣмъ, что мы знаемъ объ органахъ чувствительности. Легкіе, сердце, желудокъ, желѣзы и другіе органы питанія, или хорошо извѣстны или окружены не особенно глубокимъ мракомъ. Нервная же система исполняющая функцію чувствительности организма извѣстна очень несовершенно; только съ весьма недавняго времени удалось выяснитъ существованіе двухъ отличныхъ другъ отъ друга корешковъ нерва, передающихъ по назначенію чувство и движеніе; въ мозгу же едва начинаютъ различать особые части, имѣющія спеціальныя на-

значенія. Тогда какъ органы питанія ясно и рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, нервы—эти органы отношеній къ внѣшнему міру—представляются еще въ такомъ запутанномъ видѣ, распутать который еще въ настоящее время нѣтъ надежды. И такъ все заставляетъ насъ держаться опредѣленнаго порядка, установить настоящую іерархію при изученіи физиологіи и функцій организма.

Я сказалъ выше, что процессы питанія объясняются явленіями физическими и химическими; но этимъ я не хотѣлъ выразить, что эти процессы, сами по себѣ, явленія физическія и химическія. Это требуетъ объясненій. Наука долго взвѣшивала вопросъ: есть-ли жизнь, — я употребляю самый краткій способъ выраженія, нѣчто отдѣльное отъ различныхъ силъ неорганическаго міра, или же она сливается съ ними? Всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ исторіей развитія науки пойметъ, что послѣднее изъ этихъ двухъ мнѣній должно было быть первымъ по времени. Первоначальныя научныя теоріи имѣли основаніемъ математику, астрономію, явленія физическія и химическія; изученіе живыхъ организмовъ по ихъ сложности, представляло слишкомъ большія затрудненія и не давало возможности создать стройную самостоятельную систему идей; живые организмы, для ученыхъ того времени не бросали свѣтъ на законы жизни, но за то они всегда готовы были отражать свѣтъ заимствованный извнѣ. Вотъ почему въ теченіе многихъ вѣковъ не было сдѣлано ни одного сколько-нибудь значительнаго открытія въ физикѣ или химіи, безъ того чтобы его тотчасъ не старались обратить въ ключъ къ теоріи явленій жизни. Такъ электрическій токъ,—эта въ сущности логическая уловка, измышленная физиками, желавшими съ помощью ея связать свои разрозненные положенія и объяснить явленія, перешелъ въ физиологію подъ именемъ нервнаго тока; но такъ какъ у него не было тѣхъ же причинъ удержаться въ физиологіи, по какимъ онъ удержался въ физикѣ, то это созданіе отвлеченнаго мышленія, такъ некстати введенное въ совершенно ему чуждую науку, не замедлило погибнуть подобно растенію безъ корней и исчезло изъ ряда положительныхъ понятій о жизни. Надежда слить воедино жизненные процессы съ процессами міра неорганическаго долго была тѣмъ блуждающимъ огонькомъ, который сбивалъ съ пути спекулятивные умы; каждый разъ имъ казалось, что они настигаютъ его и каждый разъ онъ удалялся, оставляя еще большій мракъ, тамъ гдѣ

казалось блеснулъ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе эта надежда была все-таки временной опорой; и преслѣдуя воображаемую цѣль, дѣйствительно подвигались впередъ, такъ какъ постоянное развитіе другихъ наукъ способствовало возвышенію общаго уровня интеллигенціи, постепенно освобождая человѣческій умъ изъ подъ вліянія элементарныхъ понятій и поднимая его до понятій трансцендентальныхъ. Я скажу, опредѣляя эти термины не самими вещами, но ходомъ исторіи, научныя понятія элементарны до конца среднихъ вѣковъ; съ этого же времени они принимаютъ трансцендентальный характеръ. Когда переходомъ отъ индукціи къ индукціи выяснили положительнымъ образомъ, что наука о жизни или біологія не сводится ни къ какому физическому или химическому явленію, то это положеніе было понятіемъ трансцендентальнымъ. Истина эта успѣла уже утвердиться на слишкомъ прочныхъ основаніяхъ до явленія Маженди, чтобы онъ счелъ возможнымъ прямо оспаривать ее, но онъ о говорилъ о ней какъ-то нерѣшительно. При самомъ началѣ своихъ лекцій: о физическихъ явленіяхъ жизни, онъ говорилъ о явленіяхъ вообще обозначаемыхъ названіемъ жизненныхъ явленій, не пытаясь связать ихъ съ законами управляющимъ тѣлами неорганическими, замѣчая даже что невозможно установить хотя какое-бы то ни было соотношеніе между сжимаемостью мускула и простой эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Говорить это—значитъ проводить рѣзкую грань между ученіемъ о томъ, что одарено жизнью, и ученіемъ о томъ, что лишено ея. Заявляя далѣе о своемъ намѣреніи связать законы, управляющіе дѣйствіями нашихъ органовъ, съ подобными же законами, управляющими неорганическими веществами, онъ говоритъ: «Думать будто жизненныя явленія совершенно отличны отъ прочихъ явленій природы, значитъ распространять важное заблужденіе и противиться дальнѣйшему развитію науки.» Еще немного далѣе онъ вполне ясно выражаетъ мысль, что полагать будто каждое живое существо, растеніе или животное, все равно, подчинено законамъ не находящимся въ зависимости отъ законовъ управляющихъ другими тѣлами природы, значитъ распространять одинъ изъ печальнѣйшихъ предразсудковъ когда либо преобладавшихъ и донинѣ еще преобладающихъ въ медицинѣ. Человѣку, принимающему эти слова въ ихъ строгомъ и прямомъ смыслѣ, можетъ броситься въ глаза противорѣчіе между ними и той

фразой Маженди, которою онъ утверждаетъ, будто нѣтъ даже малѣйшаго отношенія между сжимаемостью органовъ и эластичностью неорганическихъ тѣлъ. Не станемъ объяснять этихъ противорѣчій въ дурную сторону, скажемъ лучше что они заключаются въ выраженіяхъ, а не въ понятіяхъ; что Маженди просто думалъ сказать, что рядомъ съ жизненными явленіями, стоятъ явленія физическія и химическія, что рядомъ съ законами управляющими жизнью дѣйствуютъ законы управляющіе неорганическими веществами. Тѣмъ не менѣе приходится сознаться, что Маженди употребляетъ здѣсь темный и неопредѣленный языкъ; изъ него можно вывести заключеніе, что и мысль не отличалась ясностью и опредѣленностью, и что въ умѣ Маженди не было выяснено то, что онъ допускалъ и что, допуская существованіе законовъ жизни, онъ всегда готовъ былъ взять назадъ только что сдѣланную уступку.

Онъ самъ объясняетъ намъ причину своего темнаго изложенія: „Мы разсмотрѣли, говоритъ онъ, главнѣйшія жизненныя явленія, ареной которымъ служитъ тѣло человѣческое, но мы могли только констатировать факты путемъ опыта, что же касается до объясненій ихъ, то я вынужденъ громко сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Если я знаю въ силу какого механизма плева смачивается жидкостью, за то я тщетно стану доискиваться причины сокращаемости мускульныхъ волоконъ, или чувствительности нерва». Онъ поступаетъ весьма похвально, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, только это невѣжество не случайное, не временное, оно неизбѣжное и постоянное. Физиологъ, по отношенію къ силѣ заставляющей мускулъ сокращаться и нервъ передавать ощущеніе, находится совершенно въ другомъ положеніи, нежели физикъ по отношенію къ силѣ сообщающей наэлектризованному веществу притяженіе, свѣтъ и теплоту. Не простое невѣжество, а невозможность что-либо узнать одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Маженди не признаетъ посредствующей ступени между отдѣльными фактами, составляющими предметъ его наблюденій и этими конечными силами, свойствъ которыхъ нельзя вывести изъ другихъ, для него выйдти изъ одной области значитъ перейти въ другую. Но область науки, и заключается именно между этими фактами и конечными свойствами. Конечныя свойства не выводятся изъ другихъ; они обуславливаютъ почему любая наука

именно та а недругая, почему она имѣть свою опредѣленную область; отдѣльные же факты снабжаютъ науку матеріаломъ для ея теоріи. Отказываться вдаваться въ химерическія объясненія конечныхъ силъ — вполне разумно, но воображать будто нельзя выйти изъ области частныхъ фактовъ—безъ того чтобы тотчасъ не попасть въ область химеръ, есть отречение отъ всякаго спекулятивнаго мышленія.

Какъ скоро мы перестанемъ заниматься жизненными явленіями, говорить Маженди, и обратимся къ явленіямъ, хотя и въ живыхъ организамахъ совершающихся, но подчиненныхъ общимъ законамъ физики, то они тотчасъ становятся доступны нашимъ объясненіямъ. Такъ и чувствуешь, что Маженди дышется вольнѣе на этой почвѣ; ему было неловко посреди явленій и дѣйствій, которымъ онъ не можетъ приискать объясненій, ибо они необъяснимы, которыхъ онъ кромѣ того и не хотѣлъ разъяснять хорошо, и безъ малѣйшаго колебанія сознавая, что то была бы попытка лже-науки, — выхода-же изъ этой альтернативы ему не оставалось никакого. Не говоря уже о физиологіи въ ея цѣломъ, ограничиваясь излюбленнымъ Маженди полемъ изслѣдованій, мы смѣло можемъ сказать, что этотъ ученый никогда не имѣлъ яснаго понятія и точнаго свѣденія о соотношеніяхъ существующихъ между явленіями физическими и химическими, и явленіями жизненными. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь находится въ полной зависимости отъ законовъ управляющихъ веществами неорганическими, потому что органическія тѣла образованы изъ той-же матеріи, со всѣми ея непремѣнными условіями каковы: форма, тяжесть, теплота, эластичность, электричество, свѣтъ; но за то и явленія физическія и химическія въ живыхъ организамахъ происходящія, въ свою очередь, зависятъ отъ жизни. Приведу въ примѣръ дыханіе. При вдыханіи въ груди образуется пустота; воздухъ проникая въ нее приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, кровь при каждомъ сжиманіи праваго желудочка прогоняется въ легкія. При этомъ соприкосновеніи тотчасъ-же происходитъ соединеніе и разложеніе; съ помощью ихъ кислородъ соединяется съ кровью, газы выдѣляются изъ крови, сама-же кровь изъ темно-красной становится ярко-красной. Это явленіе чисто-химическое, и всякій разъ какъ кровь и воздухъ придутъ въ соприкосновеніе, вышеописанное соединеніе и разло-

женіе будутъ имѣть мѣсто. Но оно также и жизненное явленіе, потому что этотъ рядъ дѣйствій въ состояніи произвести одна кровь—вещество органическое; словомъ, вещество, которому внѣ живыхъ организаховъ нѣтъ подобнаго, производитъ дѣйствіе, правда химическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое, котораго нигдѣ болѣе воспроизвести невозможно. Напрасно пыталась-бы химія создать кровь, тщетно было-бы ея желаніе произвести такую комбинацію которая будучи приведена въ соприкосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ, производила бы непрерывный обмѣнъ съ этимъ газомъ. Наука всегда потерпитъ неудачу, такъ какъ она совершенно неспособна ввести въ дѣло, при помощи всѣхъ свойственныхъ ей соображеній, силу дѣйствующую здѣсь, называемую жизнью. Жизнь правда, находится въ зависимости отъ всѣхъ силъ, какъ физическихъ такъ и химическихъ, потому что можетъ проявиться при помощи одной матеріи, испытывающей на себѣ огромное вліяніе этихъ силъ, а между тѣмъ жизнь выше ихъ, она заставляетъ ихъ видоизмѣняться согласно съ ея собственными условіями. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній мы снова возвращаемся къ методу, къ іерархіи наукъ, требующей чтобы ученіе о мірѣ неорганическомъ предшествовало ученію о жизненныхъ явленіяхъ, къ этой іерархіи столь необходимой для всякой истинной и могучей философіи.

И такъ: внѣ и превыше всего стоитъ въ физиологіи отдѣлъ обнимающій собой цѣлый рядъ силъ, соответствующій цѣлому же ряду тканей. Необходимо, разумѣется, изучить съ величайшимъ тщаніемъ все, что происходитъ въ этомъ отдѣлѣ по части явленій физическихъ и химическихъ, но не менѣе того необходимо смотрѣть на все дѣло съ точки зрѣнія этихъ самыхъ тканей и силъ могущихъ уяснить намъ характеръ и ходъ развитія науки. Этотъ отдѣлъ одинъ изъ существенныхъ въ физиологіи; никогда не удалось Маженди дойти до него; никогда не проводилъ онъ цѣлой системы идей, стоящей на полъ-пути между констатируемыми имъ жизненными явленіями и явленіями физическими и химическими, системы не теряющейся ни въ бесплодныхъ гипотезахъ о первоначальной причинѣ жизни, ни въ розысканіяхъ будто-бы положительныхъ, а въ сущности принадлежащихъ къ числу понятій низшаго рода.

Читателю, безъ всякаго сомнѣнія, покажется будто я ставлю

методъ, нынѣ почитаемый правильнымъ, между двухъ крайностей, и указывая на два подводныхъ камня говорю: *In medio tutissimus ibis*. Ничего подобнаго я не дѣлаю: стараться постигнуть первоначальную причину жизни, или силиться низвести жизненные явленія до уровня явленій физическихъ и химическихъ не значитъ выбирать одинъ изъ крайнихъ путей. Оба эти пути—первоначальные, и относятся къ тому времени, когда наука пробовала свои первые шаги. Первый изъ этихъ путей, какъ древнѣйшій, относится къ тому времени, когда духу научно-философскаго изслѣдованія представлялось, будто онъ ничего знать не будетъ, если не познаетъ сокровенной сущности вещей; не будучи-же въ состояніи добратся до нея законными путями, духъ изслѣдованія надѣялся достигъ своей цѣли при содѣйствіи смѣлыхъ и остроумныхъ гипотезъ, всю ошибочность которыхъ онъ, по своей незрѣлости, видѣть не могъ. Второй путь болѣе современный; идущіе по немъ плетутся, прихрамывая по слѣдамъ физики и химіи, наукъ менѣе сложныхъ, болѣе легкихъ, способныхъ стать во главѣ всѣхъ блестящихъ открытій, а также по мнѣнію изслѣдователей, и объяснить научнымъ образомъ явленія относящіяся къ совершенно другому разряду понятій. Истинный же методъ оставляетъ позади себя оба эти взгляда, какъ устарѣлые, спокойнымъ взоромъ обнимающая жизнь въ ея цѣломъ; жизнь не есть электричество или теплота, сама по себѣ она объяснима не болѣе этихъ свойствъ вещества, а между тѣмъ эта самая жизнь, составляетъ предметъ вполне независимаго ученія, обнимающаго какъ видоизмѣненія производимыя жизненной силой въ явленіяхъ физическихъ и химическихъ, такъ и дѣйствія присущія одной этой силѣ. Тусклый свѣтъ даютъ звѣзды, сказалъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ стиховъ старикъ Корнель. Тусклый же свѣтъ падаетъ съ неба науки при началѣ изслѣдованій; но мало по малу онъ возрастаетъ, какъ и при наступленіи настоящаго дня, съ тою лишь разницею, что мировое солнце, встающее для цѣлой системы планетъ и ихъ спутниковъ, не находится въ зависимости отъ насъ, тогда какъ солнце науки, предназначенное освѣщать путь человечества, стремящагося къ развитію и усовершенствованію, раскрываетъ свое сіяніе и возносится надъ горизонтомъ, лишь благодаря величайшимъ усиліямъ могущественнѣйшихъ умовъ.

Маженди скорѣе опровергалъ Биша чѣмъ продолжалъ его, тогда какъ истинной задачей физиологій было: исправивъ труды Биша, продолжать ихъ. Легко было, на примѣръ доказать что Бишо неправъ, полагая будто въ тканяхъ скрыта органическая способность вбрасывать и выдѣлять; предположеніе это можетъ стать на ряду съ тайными свойствами, которыхъ доискивались врачи древности и вполне заслуживаетъ быть изгнаннымъ изъ науки. Въ древности, въ среднія вѣка, много времени спустя всѣ науки были переполнены знаменитыми тайными свойствами; но тогдашнихъ ученыхъ должно винить не за самую идею, очевидно необходимую въ свое время, а за примѣненіе ея. Почему артеріи бьются? спрашивали нѣкогда. Въ силу способности биться, отвѣчали вопрошающимъ. Ни чуть не бывало: причину явленія должно искать въ сокращеніяхъ сердца и въ толчкахъ, какой эти сокращенія ему сообщаютъ. Почему вода въ началѣ не подымается выше тридцати двухъ футовъ? Потому что природа боится пустоты. Опять таки ничуть не бывало. Вода не подымается просто потому, что столбъ воды вышиною въ тридцать два фута равенъ по вѣсу всему воздушному столбу. Если же намъ предложить вопросы другого рода, на примѣръ, почему во всякой ткани, составляющей часть живаго организма происходитъ непрестанный обмѣнъ веществъ? почему каждый мускулъ одаренъ способностью сжиматься? почему каждый нервъ, способностью чувствовать? то при всемъ желаніи отвѣтить на нихъ мы можемъ и должны сослаться только на питаніе живыхъ тканей, на сократимость мускуловъ, на чувствительность нервовъ; словомъ искать причину явленія въ немъ самомъ, подобно тому какъ физики на вопросъ: почему такое то вещество испускаетъ изъ себя теплоту? отвѣчаютъ: въ слѣдствіе содержамаго въ немъ теплорода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ тайныя свойства или лучше сказать: свойства конечныя; тайными слѣдуетъ называть лишь такія, которымъ можно дать невѣрное преходящее объясненіе; конечными же — свойства постоянныя, непреходящія, представляющія задачу для науки. Бишо первый отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга. До него въ физиологій были одни тайныя свойства, послѣ него, покрайней мѣрѣ, послѣ того какъ сочиненія его исправлены согласно съ его собственными указаніями, существуютъ одни конечныя свойства; свойства эти представляютъ задачу для науки,

задачу великую съ какой бы стороны мы ихъ ни рассматривали: со стороны ли отвлеченной, со стороны ли видоизмѣненій производимыхъ ими въ явленія физическихъ и химическихъ, или же наконецъ, со стороны видоизмѣненій производимыхъ въ нихъ явленіями физическими и химическими, все въ тѣхъ же конечныхъ свойствахъ.

Въ древнихъ храмахъ постоянно лилась кровь животныхъ. Жертвоприношенія совершались съ цѣлью исполнить данный обѣтъ, или умилостивить боговъ; жрецы рассматривали внутренности животныхъ, стараясь прочесть въ нихъ будущее. Такъ человѣкъ, для отвращенія своихъ опасеній, для оживленія своихъ надеждъ жертвовалъ тысячами жизней. Физиологія такъ же божество, которому постоянно приносятся въ жертву не одна жизнь; въ лабораторіяхъ рассматриваются внутренности животныхъ не съ цѣлью угадать по нимъ будущее, но дабы научиться знать и предвидѣть.

Состраданіе доведенное до крайности, несомнѣнное съ естественнымъ порядкомъ вещей, но должно имѣть здѣсь мѣста. Законъ разрушенія царствуетъ повсюду. Животныя истребляютъ другъ друга и не могутъ не истреблять.

Кровожадность природы обнаруживается со всѣхъ сторонъ въ этой средѣ убійствъ и рѣзни; а она также искусно приспособила зубы тигра для растерзанія «кроткихъ и невинныхъ жертвъ» по словамъ поэта, какъ глазъ для зрѣнія. Ради удовольствія доставляемаго охотой, мы съ ожесточеніемъ преслѣдуемъ дрожащаго оленя; ради наслажденія гастрономическаго, заставляемъ годныхъ для пищи животныхъ испытывать жесточайшія муки. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ что физиологъ, стремящійся къ раскрытію тайнъ живаго организма, подвергаетъ своимъ разрушительнымъ опытамъ живыя существа? Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что между жестокостью, издѣвающейся надъ страданіями, и желаніемъ, чтобы ни одно живое существо не погибло насильственной смертью, есть середина, которой надобно держаться. Человѣческой разумъ обязанъ вступить въ дѣло и низвести до тѣснѣйшихъ предѣловъ это неизбѣжное и роковое истребленіе. Наука, требующая для своихъ опытовъ принесенія въ жертву животныхъ, болѣе всякой другой обязана не проливать кровь по произволу, не расточать повсюду страданія. Прекрасное зрѣлище представляетъ человѣкъ,

сердце котораго сохранило свои права, тогда какъ умъ усвоилъ ясное понятіе о роковой необходимости, способствующей уничтоженію всего существующаго. Физиологія производитъ свои опыты надъ животными, пользуется болѣзнями человѣка, чтобы пріобрѣсти новыя познанія и пролить новый свѣтъ на медицину. Читателю должно быть ясно что мы вступили въ область жизни и смерти, наслажденія и страданія; очевидно, что тотъ кому выпала на долю обязанность истолковывать подобныя тайны, долженъ обладать возвышеннымъ умомъ, великодушнымъ сердцемъ, незапятнанными руками.

Какъ и слѣдовало ожидать Маженди чуждался исторіи, даже враждебно относился къ ней. Научныя системы прошлаго, способъ разсужденій, способъ опытныхъ изслѣдованій, стремленія — все казалось ему недостойнымъ вниманія человѣка серьезнаго. Для него наука не имѣла своего корня въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Недостатокъ общій всѣмъ умамъ замкнувшимся въ своей спеціальности, это склонность заботиться лишь о настоящей минутѣ, о той пользѣ, какую онъ сейчасъ принести можетъ, словомъ о своемъ краткомъ днѣ по выраженію Шекспира; не подозрѣваютъ эти умы самого существованія какой либо связи соединяющей отдѣльныя науки съ общимъ сводомъ знаній, съ прошедшимъ и даже, скажу безъ колебаній, съ будущимъ. Маженди не удалось избѣгнуть общаго недостатка; получивъ кафедру древней медицины въ College de France, онъ тотчасъ превратилъ ее въ кафедру опытной физиологіи съ полнымъ впрочемъ основаніемъ, такъ какъ способность его производить опыты была весьма значительна, способности же излагать историческія теоріи онъ положительно не имѣлъ. Съ тѣхъ поръ эта кафедра, ставши свободной, не возвратилась къ своему первоначальному назначенію; она досталась на долю человѣка, прославившагося замѣчательными открытіями, и съумѣвшаго въ значительно высшей мѣрѣ, чѣмъ то сдѣлалъ Маженди, соединить въ лицѣ своемъ физиолога съ физикомъ и химикомъ. И такъ я не сожалею вовсе о томъ, что кафедра досталась на долю Бернара, но не могу пожалѣть глубоко о томъ, что ни въ одномъ изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не существуетъ кафедры исторіи наукъ, и даже College de France допустилъ преданія подобнаго рода до гибели. Мы вправѣ жаловаться на это, не только во имя каждой отдѣльной науки, но во имя науки общей, во имя высшаго знанія.

Тогда какъ въ исторіи политической постоянное развитіе обнаруживается не особенно ясно и даже многими оспаривается, въ исторіи наукъ оно проявляется въ полномъ блескѣ. Словомъ, въ ней мы усматриваемъ постоянную связь, сдѣленіе, преемственность, прогрессъ, который есть основаніе философіи.